

Ассоциация выпускников, преподавателей и друзей
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Центральная научная библиотека
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Н. М. Березюк

**К. И. Рубинский:
библиотекарь, библиотековед,
библиограф
(1860–1930)**

Харьков
Тимченко
2010

УДК 02:929 К. И. Рубинский

ББК 78.33

Б 48

**Издано при финансовой поддержке Ассоциации выпускников, преподавателей
и друзей Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина**

Научные редакторы:

доктор педагогических наук, профессор Харьковской государственной академии культуры **Н. Н. Кушнарченко**;

доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, лауреат премии имени К. И. Рубинского **С. И. Посохов**

Редакторы:

главный библиограф ЦНБ Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, лауреат премии имени К. И. Рубинского **С. Б. Глибицкая**;

старший преподаватель Харьковской государственной академии культуры **Е. П. Щербинина**

Ответственная за выпуск:

координатор проектов Ассоциации выпускников Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина **В. В. Круглова**

Б 48   Березюк Н. М. К. И. Рубинский: библиотекарь, библиотековед, библиограф (1860–1930): [биография; библиография]. – Харьков: Тимченко, 2010. – 320 с. Прил.: Репринт. изд. работ К. И. Рубинского; Фотоматериалы.
ISBN 978-966-8661-48-8

Работа посвящена 150-летию выдающегося отечественного библиотековеда, библиографа и книговеда К. И. Рубинского (1860–1930). Книга адресована библиотекарям, библиотековедам, преподавателям, студентам, краеведам, всем, кто интересуется историей отечественной культуры.

Робота присвячена 150-річчю видатного вітчизняного бібліотекознавця, бібліографа та книгознавця К. І. Рубинського (1860–1930). Книга адресована бібліотекарям, бібліотекознавцям, викладачам, студентам, краєзнавцям, усім, хто цікавиться історією вітчизняної культури.

ББК 78.33

ISBN 978-966-8661-48-8

© Березюк Н. М., 2010

© Ассоциация выпускников, преподавателей
и друзей Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, 2010

© ФЛП Тимченко А. Н., 2010

От автора

История библиотечного дела неразрывно связана с именами университетских ученых, вклад которых в его становление и развитие стал возможен именно в условиях университетской научной среды.

Интерес ученых к книге как к источнику информации, понимание ее значения в научной и педагогической деятельности, а зачастую неудовлетворенность состоянием библиотек побуждали их приобщаться к библиотечному делу. Многие успешно совмещали с ним свою основную деятельность. Для многих работа в библиотеке стала делом всей жизни. Эта малоизученная страница истории библиотечного дела ждет своего исследователя. Трудно переоценить значение вклада в библиотековедение ученых М. Шреттингера и М. Дьюи, П. Отле и Ш. Р. Ранганатана, Н. И. Лобачевского и К. К. Фойгта, Ф. Ф. Рейса и А. И. Калишевского, а также многих других.

В XIX веке библиотекой Харьковского университета руководили профессора, что было в традициях вуза. Сообразуясь со знанием закономерностей развития науки, отдельных ее отраслей, связи со смежными науками и, как сказали бы сейчас, информационными потребностями различных категорий читателей, они с разной степенью успешности организовывали работу библиотеки. При отсутствии в то время специалистов профессора самостоятельно приобретали библиотечный опыт и необходимые для работы знания. Среди них ректор-библиотекарь, составитель первого печатного каталога книг университетской библиотеки (1824) профессор В. Я. Джунковский, профессора А. Ф. Павловский, М. А. Тихомандрицкий, В. С. Комлишинский, Д. И. Багалеи, Н. Ф. Сумцов и многие другие, чьи имена вошли в историю библиотечного дела, в историю университетской библиотеки.

Должно было пройти сто лет, чтобы, по словам профессора Ю. В. Григорьева, «... объективно получила признание та истина, что библиотечное дело могут и должны делать люди, обладающие для этого специальной профессиональной подготовкой» [184, с. 173].

Счастливым стечением обстоятельств было возвращение в университет его выпускника Константина Ивановича Рубинского. Историк по образованию, библиотекарь по призванию, он вывел библиотеку на качественно новый уровень организации ее работы, сформировавшись как ученый-библиотековед. Опыт практической работы, значительный сравнительный материал, полученный в результате изучения состояния отечественных и зарубежных библиотек, позволили ему перейти к теоретическому осмыслению библиотеки как феномена общества, библиотековедения как самостоятельной научной дисциплины. Неоценим его вклад в разработку библиотечной профессиологии. К. И. Рубинский был одним из тех, кто стоял у истоков отечественного библиотековедения, его украинской научной школы. Формирование К. И. Рубинского как ученого-библиотековеда проистекало на фоне развития широко известных научных школ Харьковского университета конца XIX — начала XX ст. Несомненно, высокий научный статус университета стал катализатором творческих поисков К. И. Рубинского.

Член Общества библиотековедения, активный участник подготовки Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу (1911) и основной его докладчик, К. И. Рубинский в первом десятилетии XX века пользовался большим авторитетом и, по словам современников, был одним из лучших знатоков библиотечного дела в России.

Переломные 20-е годы XX ст. перечеркнули судьбу библиотековеда. Он стоит в стороне от идеологической борьбы первых послереволюционных лет, в том числе и в библиотечном деле. Он не смог принять и соответствовать требованиям, утверждавшим политический характер работы научных библиотек, а также не разделял трансформации теоретических воззрений коллег-библиотековедов. К. И. Рубинский оказался в зоне умолчания на долгие годы. На стадии становления советского библиотековедения знающий и опытный библиотековед не понадобился. Еще при жизни К. И. Рубинский был забыт и до настоящего вре-

мени остается неизвестным широкому кругу библиотечной общест-венности.

Издание этой работы мы рассматриваем как выполнение своего долга перед памятью библиотековеда К. И. Рубинского, отдавшего почти сорок лет своей жизни библиотеке Харьковско-го университета.

Настоящая работа — первая попытка наиболее полно представить его личность, практическую и научную дея-тельность. Она состоит из трех основных частей: биографи-ческого очерка, библиографического указателя и репринт-ного издания работ К. И. Рубинского. Биографический очерк восстановлен по официальным изданиям университе-та, предельно ограниченными архивными материалами, трудам К. И. Рубинского, воспоминаниям его дочери — Антонины Константиновны.

Библиографический указатель включает в себя труды К. И. Рубинского, в том числе печатные работы, рукописные ма-териалы, переводы.

В разделе «Рукописные материалы» отражены хранящи-еся в архиве Центральной научной библиотеки (ЦНБ) Харь-ковского национального университета имени В. Н. Каразина протоколы заседаний библиотечных комиссий университе-та (1909 — 1917), запротоколированные библиотекарем. В этот раздел помещены его «Рапорты, докладные, представления, прошения (1897 — 1910)» Совету университета, характеризую-щие К. И. Рубинского как руководителя библиотеки и специа-листа.

В разделе «Литература о К. И. Рубинском» содержатся источ-ники с упоминанием его имени в числе известных библиотеко-ведов. Значение этих источников вряд ли стоит преувеличивать, поскольку они не содержат оценки личности и научного вклада библиотековеда.

В начале 90-х годов. XX ст. с активизацией историко-биб-лиотековедческих исследований ситуация существенно изме-нилась. Анализируя библиографический указатель, становится

очевидным тот факт, что возвращение К. И. Рубинского в историю отечественного библиотековедения только начинается.

Важной, на наш взгляд, частью книги является предпринятое нами переиздание основных работ К. И. Рубинского, в том числе его публичной лекции «Культурная роль библиотеки и задачи библиотекведения» (1909).

Все печатные труды сверены *de visu* с фондами ЦНБ и Харьковской государственной научной библиотеки имени В. Г. Короленко (ХГНБК). Библиотечные записи располагаются в порядке хронологии, а в пределах года — по алфавиту. Цифра в скобках по тексту обозначает ссылку на номер. Работа дополнена вспомогательным аппаратом: именным указателем, списками сокращений, дайджестом «К. И. Рубинский о библиотеке и профессии библиотекаря», а также копиями документов и фотографий из семейных архивов Рубинских. Как первый опыт воссоздания жизни и деятельности ученого, книга не претендует на исчерпывающую полноту использования всех имеющихся источников. По объективным причинам не было возможности расширить источниковедческую базу, использовав архивы и фонды ведущих библиотек России и Украины.

Автор будет благодарен всем за дополнения, уточнения, замечания, представление материалов, связанных с деятельностью К. И. Рубинского, которые просим присылать по адресу: 61077, г. Харьков, пл. Свободы, 4, ЦНБ ХНУ имени В. Н. Каразина, научно-библиографический отдел (www.library.univer.kharkov.ua/ukr).

Благодарю своих коллег, специалистов ХГНБК имени Короленко, ученых Харьковского университета, Харьковской государственной академии культуры, свою семью, всех, кто прямо или косвенно помогал мне в этой работе.

Особая благодарность Ассоциации выпускников, преподавателей и друзей ХНУ имени В. Н. Каразина, одним из направлений деятельности которой является возвращение исторической правды, связанной с талантливыми воспитанниками Харьковского университета, за финансовую поддержку нашего издания.

Основные даты жизни и деятельности К. И. Рубинского

- 1860 г., 13 мая**¹ — родился К. И. Рубинский в г. Балта Подольской губернии.
- ?–1878 г.** — обучение в Корочанской и Нежинской гимназиях.
- 1878–1883 гг.** — обучение в Нежинском историко-филологическом институте им. кн. Безбородко.
- 1883 г., 30 сентября** — перевелся на последний курс историко-филологического факультета Харьковского университета (отделение исторических наук).
- 1885 г.** — окончил Харьковский университет со степенью кандидата и званием учитель истории и географии.
- 1885–1886 гг.** — учитель истории и географии в Харьковской женской гимназии «Филипс».
- 1886–1889 гг.** — учитель истории и географии Пензенского реального шестиклассного училища.
- 1889–1893 гг.** — учитель 1-й Пензенской гимназии.
- 1894 г., 16 февраля** — помощник библиотекаря Харьковского университета.
- 1895 г.** — исполняющий обязанности библиотекаря.
- 1896 г.** — избран членом Харьковского общества грамотности.
- 1896 г.** — издан «Каталог книг, пожертвованных Павлом Петровичем Джунковским... Харьковскому университету в 1896 году».
- 1898 г.** — издан «Каталог книг, пожертвованных в 1896 г. Харьковскому университету вдовой заслуженного ординарного профессора Ивана Петровича Сокальского Екатериной Денисовной Сокальской».

---

¹ До 1918 г. все даты приведены по старому стилю.

- 1900 г., 1 января — Советом университета назначен библиотекарем Харьковского университета.
- 1902 г., 23 апреля – 23 мая — изучал опыт работы библиотек Москвы, Петербурга, Киева, Юрьева, Варшавы.
- 1902 г., 1 января — награжден орденом Св. Анны III степени.
- 1905 г., 1 июня – 15 сентября — заграничный отпуск с целью изучения опыта работы библиотек Франции, Германии, Швейцарии, Австрии, Бельгии.
- 1907 г. — издан доклад «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас», прочитанный на заседании библиотечной комиссии университета 19 марта 1906 г.
- 1907 г. — опубликован исторический очерк «Библиотека Харьковского университета за 100 лет ее существования (1805 – 1905)».
- 1908 г. — избран членом Общества библиотековедения (Санкт-Петербург).
- 1908 г., 22 ноября — выступил на заседании Общества библиотековедения с докладом «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас».
- 1909 г., 22 ноября — выступил в Харьковском университете с публичной лекцией «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения».
- 1910 г., 8 февраля — выступил с публичной лекцией «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения» на заседании Общества библиотековедения (Санкт-Петербург).
- 1910 г. — опубликована статья «Причины неустройства наших академических библиотек».
- 1910 г., 1 ноября — выступил на заседании историко-филологического общества Харьковского университета, посвященном 30-летию научно-педагогической деятельности профессора Д. И. Багаля, с докладом «Значение Д. И. Багаля в истории библиотечного дела».

- 1911 г., 1–7 июня — выступил на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу (Санкт-Петербург) с докладами: «Положение библиотечного дела в России и других государствах», «Библиотечные комиссии в академических библиотеках».
- 1912 г. — издан «Каталог книг, пожертвованных в 1910 г. Имп. Харьковскому университету вдовую Бориса Григорьевича Филонова Надеждой Михайловной Филоновой».
- 1912 г., январь — награжден орденом Св. Анны II степени.
- 1917 г. — Харьковским городским советом назначен директором библиотеки университета.
- 1918 г. — преподавал на курсах библиотековедения при Харьковском обществе грамотности.
- 1918 г. — возглавлял созданное по его инициативе первое профессиональное объединение библиотечных работников Харькова.
- 1920–1921 гг. — преподавал библиотековедение на курсах Наркомпроса и курсах библиотекарей красноармейских библиотек в Харькове.
- 1922 г. — отстранен от руководства библиотекой, переведен на должность старшего библиотекаря Центральной научно-учебной библиотеки (ЦНУБ).
- 1924 г., июнь — переведен на должность старшего помощника библиотекаря ЦНУБ.
- 1926–1930 гг. — руководил семинаром по библиотековедению при ЦНУБ.
- 1926 г. — опубликована статья «Условия работы в научных библиотеках».
- 1928 г. — опубликованы в периодической печати четыре статьи в защиту целостности библиотеки бывшего Харьковского университета.
- 1928–1930 гг. — изданы в переводе К. И. Рубинского на украинский язык романы Э. Золя и П. Ампа.
- 1930 г., 1 декабря — умер К. И. Рубинский. Похоронен в Харькове. Могила не сохранилась.

К. И. Рубинский: библиотекарь, библиотековед, библиограф (1860–1930)

Константин Иванович Рубинский... Имя это, хорошо известное библиотечной общественности начала XX века, как и имена многих лучших представителей отечественной интеллигенции, было предано забвению на долгие десятилетия. Творческое наследие библиотековеда за годы советской власти не переиздавалось и не изучалось. Работы ученого, опубликованные в «Записках Харьковского Императорского университета», давно стали библиографической редкостью и известны лишь узкому кругу специалистов. В ходе работы над составлением библиографического указателя, опубликованного на страницах этой книги, становилось очевидным, что имя К. И. Рубинского не забывалось. Однако авторы публикаций, как правило, ограничивались упоминанием имени библиотековеда. Иногда цитировались отрывки из его содержательной лекции «Культурная роль библиотеки и задачи библиотекведения». На протяжении XX — начала XXI ст. в библиотекведческой литературе не появилось ни одной публикации, объективно и всесторонне освещавшей вклад К. И. Рубинского в развитие библиотекведческой мысли. Нельзя не согласиться с мнением известного библиотековеда, профессора Ю. Н. Столярова о том, что «... никогда не было адекватного представления о его вкладе в библиотекведение... целостного представления об этом замечательном специалисте» [240, с. 83 — 84].

Тоталитарная система имела большой опыт не только физического, но и морального уничтожения прогрессивной, перспективно мыслящей отечественной интеллигенции. К. И. Рубинский, не сумевший вписаться в официальную советскую действительность, видя глубинные причины надвигающихся после октябрьских событий 1917 г. перемен, не пошел на компромисс со временем и со своими убеждениями и стал одной из его безвинных жертв.

Имя К. И. Рубинского, его вклад в развитие библиотечной теории и практики по объективным и субъективным причинам за-

малчивались советским библиотековедением, о нем ничего не знали многие поколения выпускников специальных учебных заведений, специалистов.

Впервые его имя упоминается в учебнике известного библиотековеда К. И. Абрамова «История библиотечного дела в СССР (до 1917 года)», опубликованном в 1959 г. [294]. Первой публикацией, посвященной К. И. Рубинскому, был очерк сотрудников библиотеки Харьковского государственного университета В. К. Мазманынц и М. Г. Швалба, опубликованный в 1974 г. в научном сборнике «Бібліотекознавство та бібліографія» [175, с. 131 – 134], где освещался дореволюционный период его деятельности.

Однако лишь в 80-х годах прошлого столетия начинает проявляться системный подход в изучении личности Константина Ивановича Рубинского и его научного наследия. В 1980 г. в статье «Внесок бібліотекознавців УРСР у розвиток радянського бібліотекознавства» российский профессор Ю. Н. Столяров впервые определил его роль в истории современного библиотековедения. «Заслуги українських спеціалістів настільки значні, що можна говорити про створення і успішний розвиток української школи бібліотекознавства. Передісторія її пов'язана з іменами Х. Д. Алчевської, Л. Б. Хавкіної, К. І. Рубінського» [179, с. 93].

В 1981 г. в журнале «Библиотекарь» публикуется часть лекции К. И. Рубинского «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения». Последовавшие за ней публикации Р. Ю. Гудаускас, И. В. Лукашова, Т. Д. Рубановой и других освещали отдельные аспекты лекции.

В 1988 г. наиболее объективный подход в рассмотрении общетеоретических проблем библиотековедения в трактовке К. И. Рубинского был дан в статьях и диссертационном исследовании В. А. Мильман [295].

В 1998 г. издается подготовленный специалистами Центральной научной библиотеки, учеными университета и Харьковской государственной академии культуры первый очерк о жизни и деятельности К. И. Рубинского и библиографический указатель его трудов и литературы о нем [229].

В 1995 году в Харьковском университете учреждается премия им. К. И. Рубинского, проводятся научные чтения памяти библиотековеда.

В 2003 г. увидело свет исследование профессора А. Н. Ванеева «Развитие библиотековедческой мысли в России (XI — начало XX вв.)», в котором значительное внимание уделено научному наследию библиотековеда [254].

В связи с 200-летием Харьковского университета (ныне Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина) была издана фундаментальная монография «Библиотека Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина за 200 лет» (авт. Н. М. Березюк, И. Г. Левченко, Р. П. Чигринова), в которой в контексте истории библиотеки освещается практическая и научная деятельность К. И. Рубинского [272].

Знаменательно, что в последние годы имя К. И. Рубинского стало часто упоминаться в учебниках, хрестоматиях, предназначенных для специальных учебных заведений. Признанием его заслуг перед отечественным библиотековедением было включение очерка о нем в первую «Библиотечную энциклопедию» [284, с. 899]. В публикациях рассматриваются отдельные аспекты его научной деятельности (Е. Ю. Ажеева, Э. К. Беспалова, А. Н. Ванеев, В. А. Ильганаева, Н. Н. Кушнарченко, И. В. Лукашов, В. А. Мильман, А. С. Онищенко, Т. П. Самойленко, В. В. Седых, Е. П. Щербинина и др.).

150-летие выдающегося библиотековеда К. И. Рубинского, переиздание его основных трудов несомненно подвигнут ученых и специалистов к глубокому осмыслению его творческого наследия, вклада в развитие библиотековедческой мысли.

Начало

Родился Константин Иванович Рубинский 13 мая 1860 года² в г. Балта, уездном центре Подольской губернии (ныне Одесская область). Его отец, Иван Демидович Рубинский (1814 г. — ?), и мать,

---

² Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

Варвара Петровна, по происхождению были из «священнических детей». Отец окончил Курскую духовную семинарию. В 1831 г. глава семьи определяется на военную службу в звании рядового, завершив военную карьеру подполковником 126-го Пензенского пехотного Рылского полка³. В 1870 г. он был уволен в отставку и поселился в г. Короча Белгородского уезда Курской губернии. В его семье было пятеро детей (два сына и три дочери): старший сын Михаил Иванович (1854 – 1888) также избрал военную службу.

Годы учебы. Харьковский университет

Начальное образование Константин Иванович получил в Корочанской и Нежинской гимназиях. В 1878 г. он поступает в Нежинский историко-филологический институт им. князя Безбородко (ныне Государственный педагогический институт им. Н. В. Гоголя), имея желание получить специальность «история». Институт славился богатыми педагогическими традициями. Впоследствии из его стен вышли выдающиеся деятели науки: историк философии и права, почетный член Петербургской Академии наук П. Г. Редкин, этнограф К. М. Сементовский, славист академик М. С. Державин и другие.

В 1883 г. Рубинский переводится на 4-й курс историко-филологического факультета Харьковского Императорского университета [69, с. 9]. Здесь он получил возможность слушать лекции известных ученых, впоследствии академиков, Д. И. Багалая, В. П. Бузескула, М. С. Дринова, А. А. Потебни, Н. Ф. Сумцова и многих других.

Со времени введения Устава университетов 1884 г., положение таковых в России, и без того нищенское, быстро ухудшалось. Вследствие высокой оплаты за обучение, дороговизны жизни в университетских городах значительное число студентов не могли существовать на свои средства. На помощь им поступали государственные стипендии и стипендии частных лиц, которыми

---

³ Архивная справка РГВИА от 30.06.2009 // РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 6314, л. 3.

располагал университет. Одной из них была обязательная стипендия Министерства народного просвещения. Получавший ее выпускник должен был посвятить себя (по назначению Министерства) педагогической деятельности. Такую стипендию получал студент Рубинский⁴. Обстоятельства складывались так, что на материальную поддержку со стороны своей семьи ему почти не приходилось рассчитывать. Он рано начал заниматься репетиторством, зарабатывая на жизнь и оказывая помощь сестрам.

В 1885 г. К. И. Рубинский окончил университет с дипломом 1-й степени и званием кандидата, защитив кандидатскую работу на тему: «Княжение Ярослава в Новгороде и его значение в новгородской истории». В это время степени кандидатов и действительных студентов считались учеными степенями. Кандидат мог быть приват-доцентом⁵.

Первый педагогический опыт

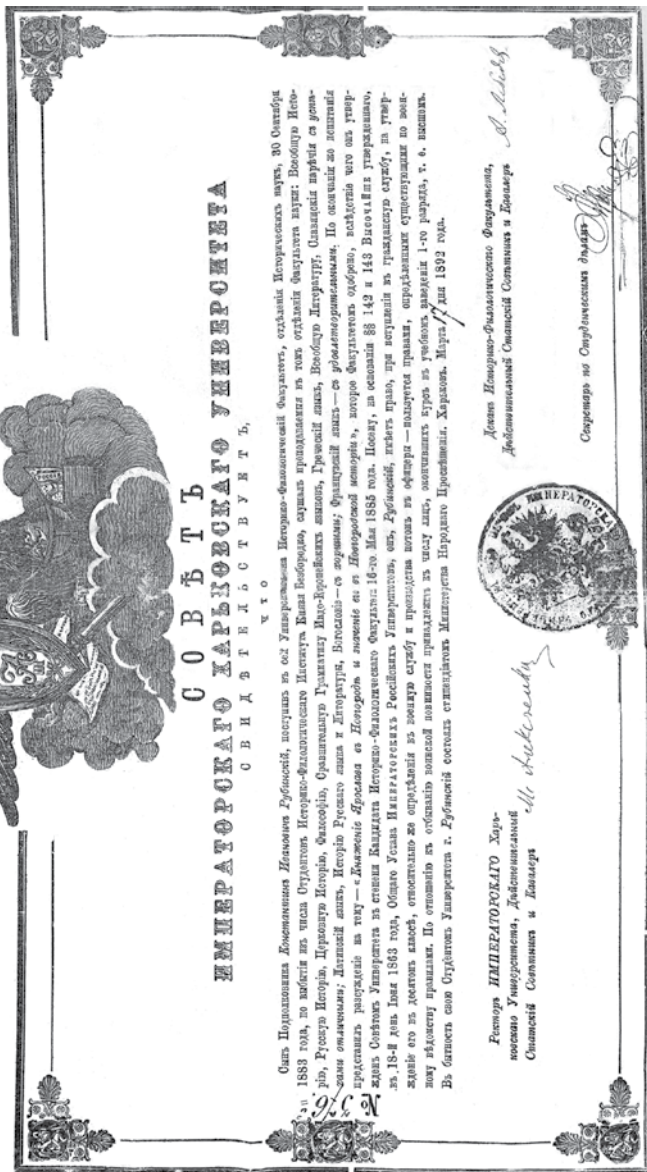
После окончания университета К. И. Рубинский начинает работать учителем истории и географии в Харьковской женской гимназии «Филипс» (впоследствии гимназия Н. Я. Грегорцевич). Вскоре его направляют учителем тех же дисциплин и французского языка в Пензенское реальное шестиклассное училище.

Убедившись в том, что главной причиной низкой успеваемости детей из бедных семей были неудовлетворительные домашние условия, молодой учитель стал собирать этих учеников вечерами в училище, где проводил с ними дополнительные занятия. Небольшая вначале группа постепенно увеличивалась. Иници-

---

⁴ Это была достаточно высокая стипендия в размере 300 руб., которую получали ежегодно всего 10 студентов факультета.

⁵ В 1896 г. их подготовка была прекращена. Остались две ученые степени: магистр (для историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов) и степень доктора (для медицинского факультета).

Диплом об окончании Имп. Харьковского университета
К. И. Рубинским (1895 г.) (из семейного архива А. К. Рубинской)

атива К. И. Рубинского была поддержана директором училища и коллегами. Вскоре были организованы бесплатные вечерние курсы для неуспевающих детей города, оказавшие существенное влияние на повышение их успеваемости.

С 1889 по 1893 г. К. И. Рубинский работает учителем в 1-й Пензенской гимназии. Интересно, что в Пензе молодого учителя включают в 1887 г. в состав губернского статистического комитета. И этот опыт в дальнейшем он использует в своей работе, профессионально осмысливая важное значение статистики, неоднократно подчеркивая необходимость анализа статистических данных, связанных не только с деятельностью библиотеки, но и с развитием общества. «Статистика деятельности библиотек дает возможность измерить степень просвещения в стране, степень развития потребности в книге и стремления общества к образованию; она может показать, какими вопросами интересовалось оно; может раскрыть и осветить такие стороны в духовной жизни общества, которые останутся недостаточно освещенными, при оставлении в неизвестности материала, хранящегося в архивах библиотек» [25, с. 89].

Однако организация преподавания, отношение учителей к детям, откровенная муштра его не удовлетворяли. К. И. Рубинский оставляет педагогическую деятельность, сыгравшую значительную роль в его дальнейшей жизни. Именно она обусловила его неизменный интерес к проблеме обучения и воспитания детей, детского чтения, взаимоотношения библиотеки и школы. Впоследствии эти вопросы он будет поднимать и развивать в своих выступлениях, статьях и рефератах, опубликованных в журналах «Друг детей», «Шлях освіти» и др. «Чтобы усилия школы не пропадали бесследно, необходимо, чтобы та жажда знания, которую старается развить она, находила себе пищу. Этого можно достигнуть при помощи библиотек. Библиотека дополняет и завершает работу школы», — скажет он с трибуны Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу в 1911 г. [33, с. 1]. Эту же мысль он выскажет в одной из последних своих неопубликованных статей: «Школа и библиотека — две ветви одного дерева:

у них одинаковые цели и задачи — развивать умственной силы дитяти и дать такое направление его индивидуальностям, которое позволило бы ему жить самостоятельной жизнью, принимать участие в жизни общества» [65, с. 4].

Возвращение в Харьков. Трудное начало: К. И. Рубинский — помощник библиотекаря

В конце 1893 г. К. И. Рубинский возвращается в Харьков. Уже 16 февраля 1894 г. он назначается помощником библиотекаря Харьковского Императорского университета Я. О. Баясного. Библиотека университета к концу первого столетия своего существования находилась в сложном положении. Фонд ее составлял около 150 тыс. единиц хранения. В нем были представлены инкунабулы, палеотипы, книги петровской эпохи, издания Ивана Федорова, прижизненные издания классиков науки и литературы. Более 2/3 фонда составляли издания на иностранных языках. Ежегодно библиотека пополнялась в среднем на 2500 томов. Объем ее фонда увеличивался, в основном, за счет дарственных поступлений, отнюдь не всегда имевших должную ценность.

Об этом периоде писал известный ученый, географ, путешественник А. Н. Краснов, приглашенный в Харьковский Императорский университет: «Харьков в научном отношении ужасный город. Университетская библиотека, да и вообще все окружающее, представляет хаотический беспорядок, в котором черт ногу сломит. Библиотека страшно бедна теми пособиями, которые мне необходимы»⁶. Руководимая (в соответствии с Уставом) университетскими профессорами, часто далекими от понимания значимости библиотечного дела, библиотека все более превращалась в склад, 40 тысяч «неразобранных» книг, отсутствие каталогов, помещений для читателей, несовершенство учета и расстановки фондов приводили к значительному усложнению его использования.

⁶ Бейлин И. Г., Парнес В. А. Андрей Николаевич Краснов. — М., 1968. — С. 65.

О плачевном состоянии библиотеки университета того времени писал К. И. Рубинский: «С каждым годом беспорядок в библиотеке все возрастал. Размещались в шкафах и вносились в каталоги только книги и периодические издания, полученные по заказам профессоров; остальные откладывались. Найти в библиотеке нужную книгу было нелегко, так как в ней не было общего каталога. Возвращенные книги не были поставлены на места. Все усилия почтенного библиотекаря Я. О. Балясного не приводили ни к чему» [62, с. 30]. Для того чтобы сделать фонд библиотеки доступным для читателя, нужно было приложить много усилий. К. И. Рубинский понимал, что главным препятствием в успешной деятельности библиотеки являются мизерные штаты и отсутствие опытных, профессионально подготовленных работников. За столетие фонд ее вырос в 40 раз, а штаты с 3 чел. (1805) до 5 (1895). Если учесть, что один из штатных помощников библиотекаря заведовал типографией, а другой — отдельной студенческой библиотекой, то штат практически не увеличился.

Пять лет в должности помощника библиотекаря университетской библиотеки стали для К. И. Рубинского тяжелым испытанием. Об этом речь идет в его рапорте на имя ректора университета: «В течение пяти лет я несу труд, посильный 14 работникам. С 6 часов утра до 10 вечера я занимаюсь только библиотечной работой. Я лишен возможности не только знакомиться с текущей литературой, но даже с библиографией, что вменяется мне в обязанности «Правилами библиотеки». Еще в конце 80-х годов библиотекарь Я. О. Балясный, по причине малого штата, перестал вести материальную книгу, прекратил расстановку книг, поступающих в дар. Я из всех сил выбивался, стараясь исполнить все текущие дела, но выполнить не мог. Я не мог следить за правильным поступлением в библиотеку изданий, проверить правильность цен, месяцами некому было разложить карточки подвижного каталога, делать отбор книг для переплета, следить за правильностью записей и каталогизации. Эти пять лет, проведенные мною исключительно за механической работой, являются для меня невознаградимой потерей» [Арх. ЦНБ]. Но эти годы

были для К. И. Рубинского школой постижения библиотечной профессии. Историк по образованию, библиотекарь по призванию, он приобретал специальные знания и опыт упорным трудом, осознав сущность, смысл и значение библиотечной деятельности.

Трудности не останавливали К. И. Рубинского. Он вживался в нужды библиотеки, и она поглощала его целиком. Параллельно с текущей работой по созданию алфавитного каталога и упорядочению учета книг, он занимается составлением и подготовкой к изданию первых печатных каталогов дарственных библиотек. О частных коллекциях он писал: «Они поступали в библиотеку, как в мавзолей, в семейный склеп, и могли рассчитывать на очень долгий покой, который ничем не нарушали лет 50, так как книги, поступившие в 40-х годах, приходилось регистрировать в 90-е» [62, с. 31].

В 1896 г. К. И. Рубинским был подготовлен и издан «Каталог книг, пожертвованных Павлом Петровичем Джунковским...» (1783 тома). В 1898 г. — «Каталог книг библиотеки профессора Ивана Петровича Сокальского» (4170 томов). Позже, в 1912 г., — «Каталог библиотеки Бориса Григорьевича Филонова» (3700 томов). Эти каталоги, сохранившиеся в фонде библиотеки, свидетельствуют о высоком для того времени уровне библиографической культуры составителя. Они позволяют сегодня судить как о составе дарственных библиотек, так и о личности дарителей.

Пожертвования были едва ли не главным источником поступления литературы в фонд университетской библиотеки. В течение многих десятилетий дарственные поступления в несколько раз превышали количество приобретаемой литературы. Часто дарители ставили непременным условием сохранение их собраний в целостном виде. Вначале библиотека выполняла эти требования. Несомненно, К. И. Рубинский как историк и библиограф понимал значение печатных каталогов дарственных библиотек, рассматривал их как способ раскрытия состава и структуры, планировал продолжить работу. К сожалению, это ему не удалось. Печатные каталоги, составленные К. И. Рубинским, так и остались единственными

библиографическими указателями подобного рода среди изданий ЦНБ. Они позволяют считать Константина Ивановича одним из основателей университетской библиографической школы.

Со временем личные библиотеки воспитанников, профессоров университета, дворян, общественных деятелей в связи с реорганизацией и неоднократной перестановкой фонда были рассредоточены по разным отделам и ни одна из них в компактном виде не сохранилась, растворившись на многокилометровых полках книгохранилищ. В настоящее время идет работа по их восстановлению.

Важным этапом в библиографической деятельности К. И. Рубинского была совместная работа с профессором, доктором физико-математических наук М. А. Тихомандрицким по составлению печатного «Систематического каталога книг фундаментальной библиотеки по отделению физико-математических наук, чистых и прикладных» (1899 г.). Каталог включил в себя 25 тысяч описаний книг на русском и иностранном языках, хранящихся в фондах университетской библиотеки. К. И. Рубинский принял участие в разработке схемы классификации изданий, составил вспомогательный аппарат к каталогу: алфавитный каталог имен авторов, переводчиков, комментаторов, редакторов, а также алфавитный указатель сочинений, расположенных по названиям. В предисловии к каталогу профессор М. А. Тихомандрицкий писал: «Без деятельного сотрудничества К. И. Рубинского я не мог бы довести дело до конца, так как оно в действительности оказалось несравненно трудней, чем я представлял себе, решившись попытать свои силы в такой работе» [74, с. I, III]. Наличие такого каталога имело огромное значение в исследованиях математической школы Харьковского университета, ставшего к концу XIX века одним из крупнейших математических центров России.

Любовь к книге, библиотеке, понимание их роли в деятельности университета, профессионализм и трудолюбие нового помощника библиотекаря обращают на себя внимание Совета университета.

В 1895 г. в звании Почетного библиотекаря, прослужив университету 42 года, оставляет службу библиотекарь Я. О. Балясный. К. И. Рубинский назначается исполняющим обязанности

библиотекаря⁷. С января 1900 г. Совет университета утверждает его в должности библиотекаря.

Библиотекарь Императорского Харьковского университета

С именем К. И. Рубинского связана самая яркая страница в истории библиотеки Харьковского университета дореволюционного периода. С его приходом в «Записках Харьковского университета» стали публиковаться ежегодные отчеты, информировавшие о деятельности библиотеки, ее проблемах, ценнейших пожертвованиях. Здесь же публиковались каталоги книг, поступавших в библиотеку (по полугодиям), составителем которых был К. И. Рубинский. Эти каталоги передавались профессорам, рассылались научным и общественным организациям Харькова. Для будущих историков эти каталоги до сих пор являются единственным документальным свидетельством о формировании фонда библиотеки за исследуемый период.

Впервые К. И. Рубинским в 1904 г. был составлен и издан «Список журналов и газет общего характера, а также периодических изданий, получаемых в дар или обмен». Составленный по факультетам, он дает представление о научных отечественных и иностранных периодических и продолжающихся изданиях, получаемых библиотекой в начале XX в. Общее количество наименований — 584, в т. ч. по факультетам: историко-филологическому — 122; математическому — 184; медицинско-

Д. И. Багале́й [1905 г.]

---

⁷ В соответствии с первым Уставом университета (1804) и штатным расписанием лицо, которому поручалось управление университетской библиотекой, именовалось «библиотекарем». Его должность приравнивалась к должности экстраординарного профессора).

му — 105. Количество партнеров по книгообмену увеличилось до 150. Если в 1900 г. по книгообмену библиотека получала 87 русских и 38 иностранных научных журналов, то через сто лет эти данные вряд ли нуждаются в комментариях.

В очерке профессора С. М. Кульбакина, председателя редакционного комитета по изданию «Записок Харьковского университета», отмечалось: «...Материальный приход, который давали университету «Записки...», всегда заключался, главным образом, в повременных изданиях, какие получались университетом в обмен на «Записки...», которые поступали в университетскую библиотеку и, обогащая ее, значительно сокращали обязательный расход на выпуск журналов»⁸. «Записки Харьковского университета» сохранили для нас также творческое наследие К. И. Рубинского, принесшее ему известность в среде научной общественности и практической профессиональной сфере.

В 1902 г. императорским указом К. И. Рубинский был награжден орденом Св. Анны III степени.

Понимая, что персонал библиотеки не справляется со стоящими перед ней задачами и объемом работы, К. И. Рубинский, подержанный учеными, ставит первостепенный вопрос о необходимости изменения штатного расписания библиотеки перед Советом университета. По его настоянию Совет ходатайствует перед Министерством просвещения об увеличении штатных помощников библиотекаря, учреждении специальной должности приспешника (расстановщика книг). Министерство отклоняет ходатайство. И тогда Совет впервые принимает решение о привлечении в число служащих в библиотеке работников по найму за счет спецсредств. К 1905 г. в библиотеке работали четыре штатных помощника библиотекаря, пять лиц, служащих по найму, два приспешника и пять служителей — всего 17 человек. Таким образом, только к началу XX в. фундаментальная библиотека получила то количество

---

⁸ Кульбакин С. М. Редакционный комитет по изданию записок Харьковского университета // Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковско-го университета (1805–1905). – Х., 1911. – С. 78.

сотрудников, которое позволило обеспечить выполнение главных направлений ее деятельности. Одновременно К. И. Рубинский добился также увеличения финансового содержания штатных сотрудников путем 20% прибавки к их зарплате из спецсредств.

Необходимо отметить, что должность библиотекаря в императорских университетах считалась государственной службой с мундирами, чинами и орденами. Согласно Высочайшему повелению от 14 января 1871 г. «О службе лиц женского пола», к исполнению обязанностей помощника библиотекаря женщины не допускались. При подборе же персонала по вольному найму предпочтение отдавалось женщинам, так как женский труд в библиотеке оплачивался ниже мужского. К. И. Рубинский сумел доказать Совету целесообразность привлечения к библиотечной работе женщин. Он обратил внимание на четкость, тщательность выполнения ими отдельных библиотечных процессов. Это сразу же отразилось на качестве библиотечной деятельности: был создан общий алфавитный карточный каталог выданных книг; приведен в порядок контрольный каталог; составлен каталог справочных изданий; зарегистрированы и отражены в каталоге 15 тысяч книг, поступивших в библиотеку за последнее десятилетие. В 1906 г. был выставлен для читателей карточный систематический каталог книг, поступивших за последние 20 лет (как продолжение печатного каталога).

Предвидел Константин Иванович феминизацию библиотечной профессии! Впоследствии он скажет об этом так: «Продуктивность работы лиц женского пола не меньше, чем продуктивность работы мужчин. Нет основания закрывать им доступ к штатным должностям в библиотеке» [128, с. 155]. Первой женщиной — штатным помощником библиотекаря — стала Александра Николаевна Альховская. В 1910–1912 гг. она окончила библиотечный курс в *Ecole des chartes* в Париже. В 1913 г. А. Н. Альховская приняла участие в конкурсном экзамене, наряду с мужчинами-претендентами, показав глубокие знания иностранных языков, истории, литературы, политэкономии, а также опыт практической библиотечной работы. Долгие годы она будет трудиться в библиотеке, а в 1922 г. станет ее директором.

В связи с интенсивным ростом книжного фонда библиотеки все острее ощущается необходимость в расширении ее помещений. Книгохранилище было переполнено, не было читального зала для обслуживания читателей, а также специального помещения для разбора, регистрации и обработки новых поступлений. Одна комната одновременно служила местом выдачи книг и канцелярией. К. И. Рубинский настойчиво поднимает этот вопрос перед Советом университета. По ходатайству ректора М. М. Алексеенко Министерство просвещения выделяет средства на строительство здания университетской библиотеки. Принимались также и частные пожертвования. По проекту выпускника Петербургской академии художеств В. В. Величко (1864 – 1923) в 1900 г. было начато и в 1902 г. завершено строительство здания библиотеки. Это было одно из первых в Украине специальных библиотечных сооружений с величественным читальным залом на 250 мест и необходимыми служебными помещениями. С одной стороны оно примыкало к старому деревянному трехъярусному книгохранилищу, которое было переоборудовано и в нем был установлен первый в Украине механический книгоподъемник. С другой стороны было построено новое пятиярусное книгохранилище с железными шкафами магазинной системы. Здание университетской библиотеки стало достопримечательностью Харькова, гордостью университета. Более полувека, практически без реконструкции, оно оставалось надежным фондохранилищем библиотеки. В общебиблиотечном смысле это стало основой формирования нового научного направления фондоведческих исследований, посвященных проблеме системного сочетания горизонтального и вертикального размещения библиотечного фонда, выявлению специфики библиотечной архитектоники.

В 1964 г., после завершения строительства высотного университетского здания, в самом сердце этого Дворца знаний разместилась Центральная научная библиотека. В старом здании, которое стало ее филиалом, был оставлен фонд литературы, изданной до 1917 г., отдел редкой книги, читальный зал и абонемент гуманитарной литературы. Памятник архитектуры начала XX в., это здание навсегда войдет в историю библиотечного дела как

уникальное библиотечное сооружение, связанное с именем выдающегося библиотековеда К. И. Рубинского⁹.

Понимая всю сложность реорганизации библиотечной деятельности, в частности, совершенствования расстановки фонда в новых условиях, Совет университета командировал К. И. Рубинского для изучения опыта организации фондов крупнейших отечественных библиотек. В период с 23 апреля по 23 мая 1902 г. он посетил библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, Юрьева, Варшавы, Киева, Риги, Нежина. Среди них библиотеки университетов, Московского публичного и Румянцевского музеев, Академии наук, духовных учебных заведений, библиотеки государственных архивов. По распоряжению ректора, возвратившись в Харьков, осмотрел Харьковскую общественную библиотеку. Отчет библиотекаря поражает своим всеобъемлющим характером. За месяц, с учетом переезда и нерабочих дней, он проделал колоссальную работу, проанализировав деятельность 25 крупнейших библиотек по основным направлениям их деятельности, проявив фантастическое трудолюбие. Особое внимание он обратил на систему расстановки фонда, основные способы перемещения больших библиотек в новые книгохранилища, методы каталогизации. Опыт Московского и Варшавского университетов, Русского книгохранилища 1-го отделения библиотеки Императорской Академии наук, Харьковской общественной библиотеки он положил в основу разработанного им проекта размещения фонда университетской библиотеки. По предложению К. И. Рубинского была создана комиссия из числа ведущих профессоров университета, которую возглавил профессор П. Н. Барабашов. Комиссия должна была принять принципиальное решение относительно размещения фонда в новом книгохранилище библиотеки.

Ссылаясь на опыт академических библиотек, К. И. Рубинский в своем проекте предложил отказаться от систематической расстановки книг, существовавшей в библиотеке сто лет. Книги по

---

⁹ Про занесення об'єктів культурної спадщини національного значення до Державного реєстру нерухомих пам'яток України (Постанова Кабінету Міністрів України № 928 від 3 вересня 2009 р.).

отраслям размещались в шкафах, разбросанных по всему книгохранилищу. По его мнению, систематическая расстановка отнимала лучшие силы, т. к. поручить ее можно было только помощнику библиотекаря. Соответственно усложнялась подача и расстановка книг. Константин Иванович предложил заменить «шкафное размещение» «механической системой с различием форматов» как наиболее целесообразной и экономичной. Его аргументация дает основание полагать, что он был знаком с работой В. И. Собольщикова «Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов». Автор ее, выдающийся библиотековед, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки, опираясь на опыт своей библиотеки и мировую практику, доказывал нецелесообразность систематической расстановки фонда в больших библиотеках. По понятным причинам комиссия не поддержала предложения К. И. Рубинского. Систематическая расстановка была удобна профессорам, т. к. зачастую они работали прямо в книгохранилище у шкафов с интересующей их литературой. В результате было принято решение о систематическо-форматной расстановке. Книги после полной рекаталогизации были расставлены по 29 отделам, в каждом из которых предусматривалось шесть форматов. В особые отделы были выделены периодические, справочные издания, рукописи, карты, создан дублетный фонд. Был выделен и размещен отдельно фонд студенческой библиотеки. 26 октября 1904 г. газета «Южный край» сообщила харьковчанам об окончании работ по переносу книг. К своему 100-летию библиотека получила и освоила под руководством К. И. Рубинского помещение, достойное ее назначения, отвечающее всем библиотечным требованиям.

К. И. Рубинский – первый историограф университетской библиотеки

...Харьковский университет приближается к своему столетнему юбилею. Идет большая работа по созданию истории университета, душой которой был известный историк Слобожан-

щины профессор Д. И. Багaley. В серии юбилейных изданий готовится сборник «Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения». Д. И. Багaley поручает К. И. Рубинскому написать очерк, посвященный истории университетской библиотеки. Знавший его как способного студента, поддержавший в Совете его кандидатуру на должность библиотекаря, Д. И. Багaley внимательно следил за деятельностью Константина Ивановича на новом поприще и неизменно поддерживал. Необходимо отметить, что Дмитрий Иванович видел в Рубинском не только профессионала-библиотекаря, но и единомышленника-ученого. В конце 80-х годов XIX ст. как председатель правления Харьковской общественной библиотеки он прилагает много усилий для ее открытия. Безусловно, между ними происходил обмен мнениями, результаты которых выражались не только в практическом решении проблем двух ведущих харьковских библиотек, но и в творческом осмыслении теоретических проблем. Сопоставительный анализ работ Д. И. Багaley и К. И. Рубинского по библиотечным вопросам подтверждает близость их взглядов на библиотеку, библиотекаря и библиотечное дело в целом.

Несмотря на огромную занятость, связанную со строительством здания библиотеки, реорганизацией всей ее деятельности, К. И. Рубинский-историк не мог не увлечься этой работой. Он выполнил поставленную задачу. Вторым очерком сборника, после очерка истории университетской церкви, что символизировало признание высоких духовных задач библиотеки, был исторический очерк К. И. Рубинского «Библиотека Харьковского университета за сто лет ее существования (1805 – 1905 гг.)». Эта работа была первой и единственной, сохранившей для потомков историю старейшей отечественной университетской библиотеки за сто лет ее деятельности.

К. И. Рубинский стал первым историографом библиотеки. Необходимо отметить, что рассмотрение вопросов в историко-библиотековедческом аспекте было главным акцентом в большинстве его работ. Он убежден в том, что «всякая библиотека представляет в себе отражение своей эпохи, и изучение ее вместе с тем — всестороннее знакомство с известной эпохой» [25, с. 88].

В публичной лекции «Культурная роль библиотеки и задачи библиотекведения» (1909) К. И. Рубинский дает сжатое, но информативно насыщенное изложение истории библиотек Александрии, Флоренции, Древнего Рима, библиотек эпохи Возрождения. Он делает вывод, что в тех городах Европы, где были большие библиотеки, создавались университеты (Марбургский, Оксфордский, Базельский — XV — XVIII столетия). Он прослеживает драматический путь развития отечественных библиотек от библиотек российских царей и монастырей до библиотеки Академии наук и Московского университета.

К историко-библиотечковедческим работам можно отнести доклад К. И. Рубинского «Значение Д. И. Багалая в истории библиотечного дела» (1911). Сравнительно-исторический метод использует историк и библиотечковед в своем докладе «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас» (1906), а также в докладе на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу (1911), осуществляя сравнительный анализ, характеризуя историю и постановку библиотечного дела и библиотечного образования на Западе, а также в России. Исторические сюжеты в его работах органично вплетаются в библиотечковедческий материал, дополняя его. Отражение деятельности общественных, народных, академических библиотек и их библиотекарей, отдельных общественных деятелей, плеяды университетских ученых, содействовавших становлению и развитию библиотеки, является существенным вкладом в изучение историко-культурной жизни Украины. Это дает основание для вывода: «Є всі підстави розглядати Костянтина Івановича Рубинського як історика-професіонала, одного із засновників історичного бібліотекознавства в Україні і Росії» [231, с. 33].

Уже с первых шагов своей библиотечной деятельности К. И. Рубинский убеждается в том, что главным препятствием для развития библиотеки является отсутствие образованного, опытного, подготовленного к осуществлению стоящих перед ней задач персонала. Предпринимаемые Советом университета меры: увеличение ассигнований и штата, создание специальных

комиссий для приведения библиотеки в порядок и составления каталогов и даже строительство нового здания — все это не могло существенно изменить положения. «Составилась громадная библиотека, стоящая полмиллиона. По-видимому, она должна была служить источником просвещения для всего края, а между тем она едва могла удовлетворить небольшое число профессоров и студентов. История ее представляет какую-то загадку... Не в том ли она, что на библиотечное дело смотрели у нас, как на дело очень простое, не требующее специальных сведений, как на дело, которое можно поручить всякому образованному человеку?» — писал К. И. Рубинский. И отвечал на этот вопрос: «До тех пор, пока служба в библиотеке не будет вполне обеспечивать служащих, пока лица с высшим образованием, не имеющие никакой опытности, будут случайными гостями в библиотеке, до тех пор, пока персонал библиотеки будет пополняться людьми не только не имеющими специальных библиотечных знаний, но и полного среднего образования, до тех пор состояние библиотек не будет образцовым» [19, с. 37]. Таким образом, он наряду с Л. Б. Хавкиной стоял у истоков становления и развития отечественного библиотечного образования. Эти идеи К. И. Рубинского нашли реализацию в 1929 г., когда впервые в Украине была начата вузовская подготовка библиотечных кадров, фундатором которой стала и остается сегодня Харьковская государственная академия культуры.

Проблема специальной подготовки библиотечного персонала красной нитью пройдет в последующих выступлениях, отчетах и статьях Константина Ивановича Рубинского.

Знакомство с опытом европейских библиотек

В 1905 г. с целью совершенствования работы библиотеки и изучения опыта зарубежных библиотек К. И. Рубинский обращается к ректору университета с прошением о разрешении заграничного отпуска в Париж с 1 июня по 15 сентября 1905 г.

(с прослушиванием курса французского языка для иностранцев). Ректор удовлетворяет просьбу библиотекаря. Используя собственный отпуск, К. И. Рубинский посещает крупнейшие библиотеки Парижа, Берлина, Мюнхена, Женевы, Вены, Лозанны, Берна. «Благодаря письму к консулам, которыми снабдил меня университет, двери всех библиотек гостеприимно открывались передо мной, библиотекари всюду охотно знакомили меня с устройством и порядками своих библиотек. Показать все их достоинства иностранцу-библиотекарю, казалось, доставляло им большое удовольствие» [21, с. 13].

Необходимо отметить, что, вникая во все стороны деятельности библиотеки, К. И. Рубинский следит за специальной литературой. Ему известны труды отечественных ученых К. Бэра, К. Фойгта, М. Д. Загоскина, С. Вехова, А. Ф. Бычкова, Н. А. Рубакина, Л. Б. Хавкиной и других. Знание иностранных языков (К. И. Рубинский владел девятью языками) позволяло ему читать в оригинале фундаментальные труды М. Шреттингера, Ф. Эберта, М. Грезеля, А. Мэра и других зарубежных библиотековедов, следить за специальной периодикой.

Вторая половина XIX — начало XX в., определяемая исследователями как научный этап в развитии библиотековедения, характеризовалась стремлением изучить зарубежный опыт, ознакомиться с разработкой новых идей. Многие деятели в области библиотечного дела — В. И. Собольщикова, Н. А. Рубакин, Э. А. Вольтер, Л. Б. Хавкина и другие, получившие возможность ознакомиться с состоянием библиотечного дела за рубежом, — убедились в том, что библиотечное дело в России намного отстает от стран Европы и США.

Начало изучению зарубежного опыта положил В. И. Собольщикова (1813 — 1872) в своем «Обзоре больших библиотек Европы в начале 1859 г.». На одной из страниц этой работы, находящейся в фонде библиотеки Харьковского университета, сохранилась закладка с рукописными пометками К. И. Рубинского, сделанная им более 100 лет тому назад. Константин Иванович тщательно готовился к своей зарубежной поездке. Работа В. И. Собольщикова

стала для него своеобразным путеводителем. Он посетил большинство библиотек Европы (кроме Англии), о которых писал в «Обзоре...» В. И. Собольщикова.

Пребывание в Европе для К. И. Рубинского было не просто ознакомлением с опытом работы зарубежных библиотек. Он использовал лучший опыт библиотечного дела европейских стран, обратив внимание на два основных фактора, способствовавших повышению качественного уровня отечественного библиотечного дела:

- развитие библиотечного дела на Западе — важный государственный вопрос. Забота о библиотеках еще с середины XIX в. стала одной из самых серьезных проблем для всех европейских государств. Существующие при министерствах народного просвещения специальные органы управления наблюдают и способствуют развитию академических библиотек. Они рассматривают их бюджеты, вопросы материального положения служащих, организацию обслуживания читателей. Библиотечные общества Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, проводимые профессиональные съезды библиотекарей, в том числе и международные, сотни специальных печатных органов — все это способствует объединению библиотекарей в разработке библиотечных вопросов;
- европейское общество еще в середине XIX века пришло к пониманию того, что развитие библиотечного дела, столь важного для развития науки и просвещения, возможно только тогда, когда его изучение станет обязательным для желающих служить в библиотеках. Библиотечное дело — профессия, к ней нужно готовиться, как и к преподавательской деятельности, — таков был взгляд европейского библиотекаря.

Разработанные немецкими библиотековедами (Ф. Эберт, Э. Ферстеманн, Э. Цоллер) требования к библиотекарю позволили на государственном уровне решить вопрос о профессиональной подготовке библиотекарей. Специальное образование

в Германии, Австрии, Франции можно было получить в университетах и археологических институтах, в США — в библиотечных школах. Практическая подготовка в Европе организуется на базе больших библиотек. Лица, желающие служить в библиотеках, проходят определенную подготовку.

В Европе К. И. Рубинского поражает высокий уровень требований, предъявляемых к библиотекарю академической библиотеки. Так, в Австрии для поступления в библиотеку необходимо было уже тогда, в 1905 г., иметь докторский диплом. В Германии до 1870-х годов вакантные должности замещались доцентами, которые в самих библиотеках учились ведению дела. В Англии в 1893 г. вышло постановление Министерства, в соответствии с которым для получения должности в научных библиотеках необходимо было год прослужить в качестве волонтера с высшим образованием в Королевской библиотеке в Берлине. Второй год — провести в Геттингентской библиотеке, где одновременно с практической работой прослушать в университете курс библиотекведения. После чего нужно было сдать экзамен особой исполнительной комиссии, показав знания библиотекведения, библиографии, истории литературы, книгопечатания, языков, палеографии. Во Франции и Бельгии был введен экзамен по библиотекведению и библиографии. И везде неизменное требование — наличие опыта практической библиотечной работы.

С состоянием теоретической и практической подготовки библиотекарей в *Ecole des chartes* в Сорбонне К. И. Рубинского ознакомил Альберт Мэр, библиотекарь Сорбонской библиотеки, автор известного труда по библиотекведению «*Manuel du bibliothecaire*».

Сравнение библиотек Западной Европы с академическими библиотеками России, опытом столетнего развития библиотеки Харьковского университета, который он называл не иначе, как «скорбным листом», убедило К. И. Рубинского в точности поставленного им «диагноза». «Правильное функционирование каждой библиотеки, представляющей из себя сложный

механизм, возможно лишь при таком условии, если каждое отдельное колесо этой машины прекрасно выполняет свою работу, если каждый из служащих в библиотеке специально подготовлен к своему делу и отлично его исполняет. Для подготовки необходимых библиотекам опытных и знающих работников до сих пор ничего не сделано в России, и мы проглядели все то, что сделано для этого в Западной Европе» [21, с. 14].

И еще один интересный вывод библиотекаря: «Побывав за границей и ознакомившись там с библиотеками, мы склонны приписывать удобства, которые мы в них встречаем, их внешнему устройству, и нам кажется, что стоит только перенести эти порядки на нашу почву, и у нас все пойдет не хуже, чем там. Это глубокая ошибка. То, что можно было позаимствовать, мы уже позаимствовали, но упустили самое важное — вопрос о подготовке персонала для научных библиотек» [21, с. 24].

Знакомая нам через 100 лет мысль! Сегодня, когда профессиональное библиотечное общение становится повседневностью, предостережение К. И. Рубинского не теряет своей актуальности. Впечатление такое, что оно обращено не только к современникам, но и к потомкам.

19 марта 1906 г. с докладом «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас» Константин Иванович выступил на заседании библиотечной комиссии. В самом названии доклада четко очерчена волновавшая его проблема — библиотечный персонал.

Комиссия признала важность поднятого Рубинским вопроса и постановила напечатать доклад в «Записках Харьковского университета». К. И. Рубинский обращается в Совет с запиской, в которой просит о введении испытания лицам, желающим занять вакансии в библиотеке. Получив согласие, он разрабатывает инструкцию о конкурсном экзамене. Конкурсанту предоставлялась возможность в течение двух недель ознакомиться с работой библиотеки. На испытании конкурсентам предлагалось: написать несколько карточек каталога; приготовить для переплета несколько периодических изданий сложной структуры; сделать

перевод фрагмента книги по предложению членов комиссии; определить отдел и подраздел систематического каталога, к которому может быть отнесена книга; откорректировать неправильно написанные карточки на иностранных языках; показать знание порядка ведения дел в библиотеке.

Предоставленная библиотекарю возможность изучить опыт отечественных и зарубежных библиотек имела большое значение для установления личных контактов. Известно, что и после своей поездки в Европу К. И. Рубинский переписывался с немецкими библиотековедами А. Грезелем, Руллем, А. Мэром, а также профессором Гитчманном, занимавшим кафедру библиотековедения Геттингенского университета, библиотекарем Кэмбриджского университета Фр. Дженкинсоном и другими. Благодаря «Запискам Харьковского университета», публикуемым в них отчетам, докладам и выступлениям К. И. Рубинского, информация о деятельности одной из старейших университетских библиотек становилась известной в университетах, научных обществах, а личность ее руководителя узнаваемой.

Начало XX века охарактеризовалось в истории общественной жизни России созданием большого количества профессиональных, в том числе и библиотечных, общественных объединений. В свете зарубежного опыта еще более обозначились бесправие и нищета народных и общественных библиотек, игнорирование их проблем центральными и земскими органами власти, неопределенность положения академических библиотек, необходимость дальнейшей совместной разработки теоретических и практических вопросов библиотечного дела, разобщенность библиотек.

Выдающиеся библиотекари, передовая интеллигенция понимают, что только консолидация усилий библиотекарей и библиографов способна привлечь внимание общественности, институтов государственной власти на необходимость радикальных изменений в библиотечной отрасли. В 1889 г. было создано Русское библиологическое общество в Санкт-Петербурге с секцией библиотековедения (1903) — (руководитель Э. А. Вольтер —

библиотекарь Императорской Академии наук). В 1908 г. секция была преобразована и официально зарегистрирована как самостоятельное Общество библиотекосведения. Его главной задачей было способствовать усовершенствованию библиотечного дела в России и взаимному объединению библиотекарей.

К. И. Рубинский и Общество библиотекосведения

С начала существования Общества библиотекосведения К. И. Рубинский — один из самых деятельных его членов. Он высоко ценил честь принадлежать к его составу. Избранный в ряды академической комиссии, он много сделал для разработки актуальных вопросов, связанных с повышением эффективности деятельности академических библиотек.

22 ноября 1908 г. по приглашению Общества библиотекосведения К. И. Рубинский выступает на его заседании с докладом «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас». По его мнению, постановка проблемы, которая являлась самым больным местом русского библиотечного дела, была чрезвычайно своевременна, так как рассматривался проект нового университетского устава, который должен был определить судьбу университетских библиотек. К. И. Рубинский считает необходимым воспользоваться этим моментом и поднять вопрос о библиотечном персонале. «Учреждение Общества библиотекосведения и его желание заняться этим вопросом дают мне уверенность в том, что наступил поворотный пункт в истории русских академических библиотек. Общество библиотекосведения не откажется взять на себя, по примеру западно-европейских обществ, инициативу в этом вопросе, возьмет на себя труд выработать проект реформы в этом отношении, сумеет сделать его известным широким кругам общества, доведет до сведения министерства свои пожелания и в конце концов достигнет успеха», — завершил свой доклад К. И. Рубинский [24, с. 35]. Понимая, что рассмотрение

данного вопроса займет несколько заседаний Общества библиотековедения, на которых он не сможет присутствовать, К. И. Рубинский формулирует и оставляет для обсуждения пять существенных вопросов, касающихся улучшения положения библиотечного персонала [24, с. 35].

Общество библиотековедения с живейшим интересом отнеслось к его сообщению, осветившему основные недуги академических библиотек. На этом же заседании была избрана комиссия по подготовке к рассмотрению данного вопроса. В эту комиссию был включен и К. И. Рубинский. Таким образом, харьковский библиотекарь не только инициировал реформу академических библиотек, но и явился активным последовательным разработчиком ее основных направлений.

Первым шагом комиссии стала подготовка «Записки о мерах для улучшения постановки библиотечного дела в русских академических библиотеках». Известно, что для совместной работы с К. И. Рубинским над ее проектом в 1909 г. в Харьков приезжал член Совета Общества библиотековедения Е. Н. Добржинский (библиотекарь Санкт-Петербургского политехнического института). 19 января 1909 г. «Записка...» была направлена в Императорскую Академию наук, университеты и другие высшие учебные заведения, представлена Председателю межведомственной комиссии по пересмотру университетского устава для заключения по содержанию. Таким образом, механизм привлечения внимания государственных учреждений к вопросу о состоянии академических библиотек был запущен.

Следует отметить, что конференция Императорской Академии наук в ходе обсуждения «Записки...» высказала понимание проблем университетских библиотек. В своем заключении она сконцентрировалась на двух основных проблемах, считая необходимым: 1) улучшение материального положения библиотекарей, их помощников, низших служащих; 2) обязательное приглашение библиотекаря на заседания Совета с правом совещательного голоса при обсуждении вопросов деятельности библиотеки. Учреждение кафедр библиотековедения и библиографии могло встретить

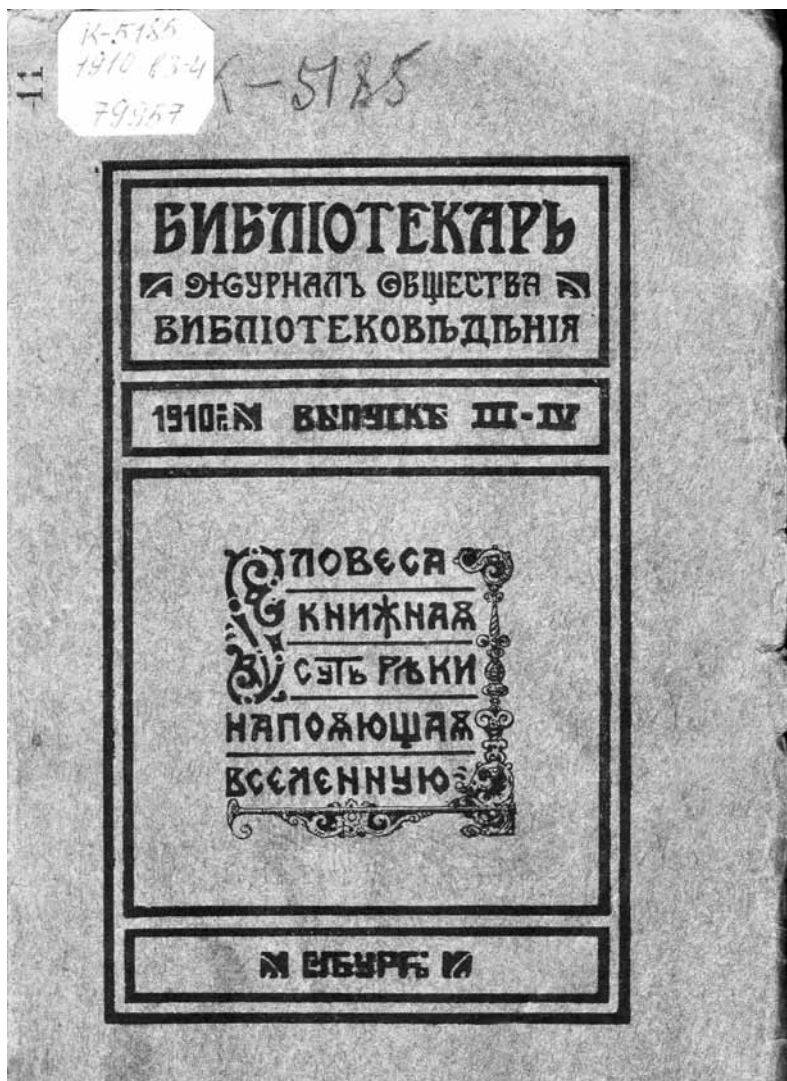
серьезные возражения Советов университетов, не возбуждавших подобных ходатайств. Однако это не должно служить препятствием к испытаниям на должность библиотекаря. Испытания могут быть представлены специальным комиссиям, утвержденным Советом университета по взаимному с библиотекарем соглашению.

Это авторитетное заключение, имевшее важное значение для выработки документов по вопросу о судьбе академических библиотек, Императорская Академия наук направила в Государственный Совет и Государственную Думу, а также в комиссию по рассмотрению нового университетского устава.

«Культурная роль библиотеки
и задачи библиотековедения»:
публичная лекция К. И. Рубинского

Собственный опыт практической работы, осмысление состояния отечественного и зарубежного библиотечного дела, знание мировых тенденций его развития, желание привлечь внимание научной общественности к проблемам развития библиотековедения побуждают К. И. Рубинского обратиться к теоретическому обоснованию библиотечного дела.

22 ноября 1909 г. он выступил в актовом зале университета с публичной лекцией «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения». Сам факт предоставления библиотекарю университетской трибуны свидетельствует о понимании Советом социальной значимости темы лекции, авторитета и профессионализма докладчика. Несомненно, концепция лекции была известна и одобрена ректором университета, профессором Д. И. Багалеем. Работая над предложениями к проекту нового устава, Д. И. Багалей учел содержание «Записки о мерах для улучшения постановки библиотечного дела в русских академических библиотеках», считал целесообразным создать кафедру библиотековедения и библиографии в Харьковском университете.

Обложка первого номера журнала
«Библиотекарь» (1910)

Впервые за столетнюю историю Харьковского университета в актовом зале звучали страстные слова о книге, библиотеке, о недостаточно известной в России, но признанной в Западной Европе науке, которая делала первые шаги, — «библиотековедении».

Лекция поражает диапазоном, глубиной и непреходящей актуальностью поставленных в ней вопросов. Она должна стать объектом глубоких дальнейших библиотековедческих исследований. Остановимся только на одном из аспектов. К. И. Рубинский был в числе первых библиотековедов, обратившихся к проблеме формирования библиотековедения как науки. Рассматривая библиотеку в качестве «фактора человеческой культуры, как капитал, и притом самый ценный капитал каждой страны, капитал, в который вложено все знание человечества», он утверждает, что «существует наука, которая занимается изучением этого капитала. Она называется "библиотековедение"» [25, с. 5].

Рубинский отходит от традиционного понимания библиотековедения как утилитарной науки и рассматривает ее как самостоятельную научную дисциплину. По его мнению, библиотековедение необходимо включить в число университетских наук. Университет должен прийти на помощь этой науке, отвести должное место для изучения прошлого библиотеки и книги, для исследования значения библиотеки как фактора культуры и человеческого прогресса.

Обращаясь к ученым, он говорит: «Все, кажется, сделали вы для того, чтобы иметь хорошие библиотеки: построили большие здания, собрали громадные запасы книг, во многих библиотеках ввели последние усовершенствования в библиотечном деле, и все-таки стоят у вас библиотеки, как заколдованные замки. Недостает им духа живого, жизни, живой воды знания... Чтобы поставить библиотеки на прочные основания, нам нужна научная разработка библиотековедения и библиографии» [25, с. 89].

К. И. Рубинский обращает внимание на роль подготовки кадров персонала для академических библиотек. «Функционирование библиотеки... зависит от силы, приводящей этот механизм в движение. Силой этой является персонал библиотеки: поэтому вопрос о нем составляет предмет самого серьезного изучения

в науке библиотековедения», — утверждал К. И. Рубинский [там же]. Тем самым сто лет тому назад он предвидел появление библиотечной профессиологии. Он считал: «В библиотеке нужен не заурядный педагог, обладающий знанием какой-нибудь отрасли науки; в ней нужен педагог-энциклопедист, проникнутый верой в великое будущее науки, одушевленный стремлением служить делу просвещения. Воспитать такого работника может только университет; внушить ему убеждение в высоком значении библиотеки, стремление к непрерывному приобретению знаний в своей специальности может дать только изучение науки библиотековедения в университете, может дать только понимание важного значения библиотеки как в прошлом человека, так и для будущего его прогресса» [25, с. 91].

Лекция К. И. Рубинского «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения» имела широкий резонанс не только в Харькове, но и далеко за его пределами.

Возник интерес к ней со стороны Общества библиотековедения. 8 февраля 1910 г. состоялось заседание Общества, на котором с докладом о съездах немецких библиотекарей (1908, 1909 гг.) выступил Е. А. Гейнц — секретарь бюро международной библиографии при Императорской Академии наук. Его доклад дополнил К. И. Рубинский, ознакомивший собравшихся, на основании личных впечатлений, с постановкой библиотечного дела и разработкой вопросов библиотековедения в Германии.

Доклад харьковского библиотекаря «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения», заслушанный на этом же заседании, вызвал большой интерес у членов Общества. Это заседание окончательно убедило руководство Общества в необходимости проведения съезда по библиотечному делу, все предпосылки для которого были налицо. С большой долей уверенности можно утверждать, что именно на этом заседании Общество библиотековедения определилось с кандидатурой докладчика по основному вопросу. Актуальность и диапазон поднимаемых проблем, их теоретический уровень, глубокое понимание состояния библиотечного дела в России и Западной Европе, видение путей улучшения

Б И Л Е Т Ъ.

Предъявитель сего, вѣдомства ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго
Университета бібліотекаръ университета, статскій совѣт-
никъ, Константинъ Ивановичъ Р У Б И Н С К І Й отпра-
вляется въ С.Петербургъ для принятія участія во Всерос-
сійскомъ Сѣздѣ по Библиотечному дѣлу, имѣющему быть
съ 1 по 7 іюня сего года,

срокомъ съ _____ по _____ сего 1911 года;

въ удостовѣреніе чего и давъ настоящій билетъ за надлежащею подписью
и печатью. Харьковъ М а я 28 дня 1911 года.

Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Универси-
тета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Д. Багалъ

Секретарь Совѣта Наблѣда-
тель Совѣтникъ и Кавалеръ

В. М. Маченко

Билет на Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу (1911 г.),
выданный библиотекарю К. И. Рубинскому
(из семейного архива А. К. Рубинской)

деятельности библиотек в сочетании с большим опытом практической работы стали основополагающими в принятии Обществом решения поручить выступить с обобщающим докладом на съезде библиотекарю Харьковского университета Константину Ивановичу Рубинскому. Его личные связи с широкими библиотечными кругами в России и за рубежом ставили его в совершенно исключительное положение среди коллег-библиотекарей.

Уже 22 февраля 1910 г. состоялось очередное заседание Общества библиотековедения. На нем был заслушан доклад его секретаря А. Е. Плотникова о созыве съезда, который должен был состояться с 1 по 7 июня 1911 г. в Санкт-Петербурге. Была рассмотрена программа съезда, утвержден основной докладчик, комиссии по подготовке съезда: 1) государственных, академических и специальных библиотек; 2) общественных и народных библиотек. Координатором всей работы по подготовке съезда была Организационная комиссия, созданная при Совете Общества библиотековедения. Членам комиссии было поручено по данным анкетного опроса составить объективную картину состояния всех типов библиотек. Обобщить данные по академическим библиотекам для рассмотрения на съезде было поручено Е. Н. Добржинскому и К. И. Рубинскому. Они же должны были подготовить согласованную с Академией наук окончательную редакцию «Записки по вопросу о мерах, необходимых для постановки дела в академических библиотеках» с целью обсуждения и утверждения на съезде.

Первый профессиональный журнал «Библиотекарь». К. И. Рубинский о проблемах академических библиотек

Руководители Общества библиотековедения понимали, что объединить библиотекарей России вокруг идеи созыва съезда, осветить ход его подготовки может только печатный орган.

На средства членов Общества в 1910 г. был издан первый номер первого в России профессионального журнала «Библио-

текарь». К. И. Рубинский горячо поддерживал создание журнала и стал одним первых из его авторов. В двух номерах журнала публикуется его статья «Причины неустройства наших академических библиотек» [27]. Эта статья была первой публикацией, объективно и всесторонне осветившей современное состояние университетских библиотек. Знакомый с трудами университетских историков С. И. Вехова, С. П. Шевырева, М. Н. Загоскина, Е. В. Петухова, имея личное представление о состоянии академических библиотек, К. И. Рубинский показывает объективные и субъективные причины их неустройства.

Библиотеки, переданные в соответствии с Уставом 1804 г. в руки профессоров, имевших весьма слабое представление о библиотечном деле, не располагавших на эту работу временем, зачастую не знавших даже русского языка, в первое тридцатилетие пришли в совершенно запущенное состояние. «Можно сказать, что наши академические библиотеки провели свое детство и юность без всякого присмотра. Между тем, это было время основной организационной работы, которая должна была оказать влияние на всю их дальнейшую жизнь» [27, Вып. 2, с. 4].

Общей проблемой для всех академических библиотек были недостаток служащих, отсутствие опытных работников, чрезвычайно низкая оплата труда. Но еще важнее было недостаточное использование книжных фондов. К. И. Рубинским впервые было выявлено несоответствие, существующее и по сей день: между накопленными тысячелетиями библиотечными богатствами и условиями доступа к ним как одного из основных факторов повышения уровня их использования.

В университетском городке, где число студентов достигало пяти тысяч, три четверти из них вообще не пользовались библиотекой, а на каждого из них приходилось не более пяти книг. «Книгами библиотеки мало пользуются: либо потому, что они не нужны, либо потому, что они вовсе не внесены в каталоги, или внесены так, что их нельзя отыскать. Советы университетов не замечают невозможности библиотеки развивать свою деятельность вследствие недостатка средств и рабочих сил,

---

неподготовленности библиотечного персонала. ... Штатным помощникам библиотекаря полагается чрезвычайно скромное содержание, вдвое меньше, получаемого преподавателем средней школы, хотя от обоих требуется высшее образование. Необходимость заставляет служащих в библиотеке уходить, а библиотекаря приходится вести дело с неопытными работниками. Это прежде всего отзывается на регистрации книг, ведении каталогов» [27, Вып. 3—4, с. 17]. На составе фондов тяжело отражался недостаток финансовых средств. Так, в библиотеке Харьковского университета физико-математический и медицинский факультеты не имели возможности в течение последних 15 лет покупать книги, потому как вся приходившаяся на их долю сумма расходовалась на приобретение необходимых периодических изданий.

К. И. Рубинский приводит примеры катастрофического состояния финансирования из истории других университетских библиотек. Например, в библиотеке Казанского университета урезали жалование библиотекаря, направив эту сумму на покупку книг. В Юрьевском университете с этой же целью упразднили должность помощника библиотекаря.

Впервые в своей работе К. И. Рубинский ставит вопрос о правовом, скорее, бесправном, положении библиотекаря. С введением Устава 1835 г. должность библиотекаря не соединялась с профессорским званием. Попечитель учебного округа назначал библиотекаря из чиновников, который утверждался Министерством народного просвещения. Но взгляд на библиотеку и на обязанности библиотекаря не изменился. «Желали как будто поставить библиотеку в лучшие условия, а между тем оказали ей плохую услугу. Как ни мало имел прежде библиотекарь-профессор досуга для занятий в библиотеке, он все-таки присутствовал в Совете, мог говорить о нуждах ее. Совет имел возможность знать о них. После 1835 г. библиотекари поставлены в положение чиновников; им нет места в Совете учебных заведений» [27, Вып. 2, с. 16].

Причину подобного состояния библиотекарь видит также в том, что преподавательский персонал стоит очень далеко от

академической библиотеки. Роль библиотеки в педагогическом процессе игнорируется. «Библиотека нужна профессору, когда ему нужны конкретные книги. Получив их, он забывает думать о ней. Не только в интересах преподавания, но и в интересах науки нельзя оставлять библиотеки в их теперешнем состоянии», — считал К. И. Рубинский [27, Вып. 3 — 4, с. 15]. Такое потребительское отношение к библиотеке характерно и для нашего времени: однажды использовав документные, информационные, когнитивные и кадровые ресурсы библиотеки, каждый третий доктор и кандидат наук не считает своим долгом поблагодарить ее сотрудников за оказанную помощь в достижении результатов своих научных изысканий.

Статья, вскрывшая причины тяжелого состояния академических библиотек России, привлекла внимание библиотечной общественности. Написанная сто лет назад, она и сейчас актуальна в постановке отдельных проблем университетских библиотек. Статья поражает профессионализмом библиотекаря, не побоявшегося показать причины неустройства академических библиотек России, в том числе и на опыте руководимой им библиотеки. Это позиция мужественного человека, достойная глубокого уважения.

Напряженная научная работа в первом десятилетии XX ст. (к этому периоду относятся основные работы К. И. Рубинского), деятельность в Обществе библиотековедения как члена его академической комиссии не отрывали его от основной задачи — совершенствования работы университетской библиотеки. Энергичные усилия Константина Ивановича по качественному преобразованию библиотеки охватывали все стороны ее деятельности.

К 1909 г. была завершена обработка и отражение в каталогах всех 40 тысяч «неразобранных книг», более полувека недоступных для читателей.

При непосредственном участии К. И. Рубинского формируется фонд справочной литературы. Понимающий ее ценность для ученых, он в течение всего периода работы в библиотеке лично отслеживал издание отечественными и зарубежными

издательствами справочно-библиографической литературы, добивался ее получения. Он составляет указатель имеющихся справочных изданий в помощь читателям. В библиотеке создается справочно-библиографический фонд с присущими ему задачами. К. И. Рубинский не прекращает работу по совершенствованию схем классификации литературы. Созданные в разное время разными людьми, они периодически нуждались в профессиональной переработке.

Студенческая библиотека, существовавшая самостоятельно, с переездом в новое здание была упорядочена и соединена с фундаментальной, на ее фонд был составлен каталог. С ним в библиотеке окончательно утвердилась карточная форма каталогов. Контроль за каталогизацией осуществлял лично Рубинский.

Еще в 1850 г. Министерство народного просвещения предложило всем университетам войти «в сношение с прочими нашими университетами и Главным педагогическим институтом на счет обмена дублетов». О наличии списков дублетов в Московском, Киевском и Дерптском университетах Министерству сразу же сообщили попечители этих учебных округов. Харьковский университет в связи с неупорядоченностью фонда библиотеки, отсутствием сотрудников выполнить это предписание не смог. Только с переездом в новое здание и привлечением служащих по найму выделение из фонда дублетных экземпляров изданий оказалось возможным. Были составлены списки дублетов. Это позволило начать обмен дублетами, и этот процесс становится одним из основных источников пополнения фондов университетской библиотеки. Расширяется и становится регулярным обмен изданиями университета с библиотеками высших учебных заведений, научными обществами и организациями.

Многоаспектная деятельность К. И. Рубинского как руководителя библиотеки подтверждается сохранившимися в архиве рапортами, докладными, представлениями, прошениями [Арх. ЦНБ]. В них содержится забота об увеличении ассигнований на комплектование библиотеки, о состоянии работ по каталогизации, приводятся списки служащих с определением круга их обя-

занностей, нововведения, связанные с вопросами замещения должностей, прошения об увеличении штата и т. п.

Успех работы библиотеки во многом определялся составом служащих библиотеки. За время работы К. И. Рубинскому удалось собрать вокруг себя целую плеяду талантливых выпускников университета, влюбленных в книгу, библиотеку, людей умных и честных. Среди помощников библиотекаря — воспитанники Харьковского университета А. М. Кириллов, М. Л. Семенчинов, Д. П. Миллер, Д. Н. Сумцов, В. И. Федосеев, К. И. Тихий, несколько позже — В. А. Барвинский, а также окончивший Московский университет Г. А. Малютин.

Особое место среди них занимал Дмитрий Петрович Миллер, талантливый историк, соавтор Д. И. Багалея в ряде работ по истории Слобожанщины. За монографию «История г. Харькова за 250 лет его существования» (Т. 1, 2. — Х., 1905–1912 гг.) ее авторы были дважды удостоены премии в память Императора Александра II. По мнению К. И. Рубинского, Д. П. Миллер принадлежал к той категории библиотекарей, которые смотрели на свое предназначение в библиотеке как на учительство. Дмитрий Петрович, по его определению, был «живой библиографией, руководителем читателей» [62, с. 138]. Его библиографическими знаниями пользовались не только студенты, но и профессора, в особенности в излюбленной им области русской истории. Он составил рукописный каталог книг по истории России, хранящихся в университетской библиотеке. Этим каталогом пользовались многие поколения читателей.

Тепло вспоминал К. И. Рубинский о своем учителе на библиотечном поприще — библиотекаре Я. О. Баясном: «Прослужив 42 года в библиотеке и университете, он оставил о себе добрую память и у своих подчиненных, и у тех лиц, которые обращались непосредственно к нему и всегда встречали с его стороны приветливость и готовность оказать всяческую помощь. Университет многим обязан этому честному труженику, почти полвека бескорыстно трудившемуся для своей горячо любимой альма матер» [19, с. 30].

Вот что писал К. И. Рубинский о помощнике библиотекаря Андриане Матвеевиче Кириллове: «Имея образование городского училища, в начале службы не зная ни одного нового языка, он оставлял нашу библиотеку после 12 лет службы, зная уже 3 языка. Кириллов действительно заслуживал своего нового назначения (был приглашен на должность библиотекаря Томского технологического института) по тому образованию, которым он был обязан самому себе, пользуясь лишь удобным случаем пребывания в библиотеке» [19, с. 44].

С глубоким уважением относился Константин Иванович к среднему и низшему персоналу библиотеки. Работа этих служащих, по его мнению, всегда интенсивна и утомительна. От них требуется большая точность исполнения заданий, так как любая ошибка может повлечь за собой исчезновение книги на долгие годы. Однако, как справедливо считал Рубинский труд их оплачивается низко.

20 ноября 1907 г. университет чествовал 25-летие службы в университетской библиотеке «приспешника» (расстановщика) Ивана Дмитренко. От имени читателей профессор В. П. Бузескул сказал: «Приспешник библиотеки несет среди библиотечного персонала самую тяжелую работу, потому что ни одна книга, выходящая из библиотеки и возвращаемая в нее, не минует рук приспешника, которому приходится и разыскивать книгу, и ставить ее на место, а ведь этажей в книгохранилище целых пять»¹⁰. С большой теплотой говорил о юбиляре, его усердии и добросовестном отношении к профессиональным обязанностям К. И. Рубинский. В результате этот скромный служащий библиотеки был награжден золотой медалью на Андреевской ленте. Так оценил Совет университета его вклад в работу библиотеки. И. Дмитренко продолжал работать в библиотеке, отдав любимому делу 34 года своей жизни (1882 — 1916 гг.).

Относясь к себе и окружающим с чрезвычайной требовательностью, К. И. Рубинский радовался, когда видел в коллегах бе-

---

¹⁰ ХГВ. — 1907. — 27 нояб.

режное отношение к книге, к профессии, к труду, библиотеке, к собственному делу. Только при активном участии таких людей за сравнительно короткий период можно было превратить пребывавшую в «неустройстве» в течение десятилетий библиотеку в одно из лучших университетских книгохранилищ.

В 1910 г. Харьковский университет, научная общественность отметили тридцатилетие научной и педагогической деятельности выдающегося ученого, историка и общественного деятеля Украины профессора Дмитрия Ивановича Багалея. На заседании историко-филологического общества, посвященного этому событию, с докладом «Значение Д. И. Багалея в истории библиотечного дела» выступил К. И. Рубинский [28]. Он первым из библиотековедов осветил существенный вклад ученого в развитие отечественного библиотечного дела и библиографии, определив его роль в историческом развитии библиотеки Харьковского университета, в становлении Харьковской общественной библиотеки (ныне ХГНБ им. В. Г. Короленко), неизменным в течение 13 лет председателем Правления которой он был. В докладе К. И. Рубинский вновь возвращается к проблеме «ученый и библиотека».

В 1909 г. в контексте науковедческих проблем лекции «Культурная роль библиотеки и задачи библиотекведения» он писал: «Историческое изучение вопроса о взаимодействии между библиотекой и наукою, между библиотекой и высшей школой прольет, несомненно, свет и на историю преподавания, и на историю самой науки» [25, с. 88]. Следует отметить, что и до сих пор проблема тесной связи науки и библиотеки является одной из малоисследованных. Решение ее навсегда исключило бы сомнения относительно места библиотеки в развитии общества в целом.

Продолжая руководить работой библиотеки, К. И. Рубинский участвует в составлении «Записки по вопросу о мерах, необходимых для улучшения постановки библиотечного дела в академических библиотеках». Его привлекают также к разработке перечня вопросов, предлагаемых к рассмотрению на секции академических, государственных и специальных

библиотек, программы ее работы. Непростым делом было составление опросного листа, включающего двадцать вопросов, для последующего анализа состояния академических библиотек, а также подготовка проекта решений съезда. Большую работу проделал К. И. Рубинский по подготовке материалов для участия университетской библиотеки в выставке на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу. На выставку были направлены три диаграммы, характеризовавшие рост фонда библиотеки, выдачу книг за 10 лет, удовлетворение требований читателей, фотоматериалы, образцы бланковой документации. Библиотека представила также свои печатные систематические каталоги, каталоги дарственных библиотек, бюллетени новых поступлений, а также исторический очерк К. И. Рубинского «Библиотека Харьковского университета за 100 лет ее существования (1805 — 1905)».

Выезжая в Санкт-Петербург на заседание Общества библиотекосведения, он работает с коллегами — членами комиссии по согласованию материалов. Известно, что в один из приездов Константин Иванович прочитал лекцию по библиотекосведению в Санкт-Петербургском университете.

Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу: доклады К. И. Рубинского

Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу состоялся в Санкт-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г. Вопреки прогнозам скептиков, предрекавших провал съезда, в северную столицу прибыли библиотекари из самых отдаленных губерний России. Если учесть, что съезд проходил в период реакции, следовавшей за событиями революции 1905 — 1907 гг., то гражданское мужество его организаторов и участников заслуживает уважения. В помещении Технологического института собрались 346 делегатов и около 200 приглашенных гостей. Украину на съезде представляли 29 делегатов, Харьковскую губернию — 6 чел.,

Харьковский университет — 2 (библиотекарь К. И. Рубинский и помощник библиотекаря Д. П. Миллер). С полным основанием к университетской библиотечной делегации можно отнести и прибывших на съезд бывших коллег — М. Л. Семенчинова (Харьковский технологический институт) и А. М. Кириллова (Томский технологический институт). Неполный перечень выдающихся библиотековедов, присутствовавших на съезде, свидетельствует об авторитете и высоком уровне этого форума: В. Э. Банк, А. И. Браудо — библиотекари Императорской Публичной библиотеки (Санкт-Петербург); П. М. Богданов — редактор журнала «Библиотекарь» (Санкт-Петербург); Б. С. Боднарский — известный библиограф (Москва); Э. А. Вольтер — библиотекарь Императорской Академии наук (Санкт-Петербург); К. Н. Дерунов — известный библиограф и библиотековед (Санкт-Петербург.); А. И. Калишевский — библиотекарь Московского университета; Е. А. Гейнц — секретарь Международной библиографии при Императорской Академии наук (Санкт-Петербург); Д. Ф. Кобеко — директор Императорской Публичной библиотеки (Санкт-Петербург); Н. М. Лисовский — известный книговед и библиограф (Санкт-Петербург); С. Д. Масловский — библиотекарь Николаевской военной академии (Санкт-Петербург); А. Е. Плотников — помощник библиотекаря политехнического института (Санкт-Петербург); А. А. Покровский — известный библиотековед (Москва); Н. С. Сафронеев — библиотекарь политехнического института (Киев); И. И. Толстой — граф, председатель Общества библиотековедения (Санкт-Петербург); А. Д. Торопов — известный библиограф — и многие-многие другие, чьи имена связаны со становлением и развитием отечественного библиотечного дела.

Открыл съезд председатель Общества библиотековедения граф И. И. Толстой, который в своем приветственном слове, обращаясь к присутствующим, сказал: «Предрешенная как правительством, так и народным представительством всеобщая грамотность требует дружной совместной работы всех, имеющих отношение к печатному слову, к книге... Ведь никто иной,

как вы, господа библиотекари и библиотечарши, являетесь посредниками в деле передачи народу той духовной пищи, которая заключается в книге. Вы, вследствие этого, становитесь в положение важного фактора просвещения ваших сограждан, т. е. исполняете одну из важнейших обязанностей каждого честного человека по отношению к своему народу, к своей Родине» [34, с. 41].

Своевременность проведения съезда отметил один из учредителей Общества библиотековедения, выдающийся библиотеквед и библиограф К. Н. Дерунов, который назвал сам факт его созыва «в высшей степени сильным и ярким лучом света». Понимая, что на исторической арене появляются новые общественные силы, приходит новый читатель, и начинается социологический, общественный период в развитии библиотечного дела, он, приветствуя съезд, высказывает надежду, «что на ниве библиотечной начинается страдная пора и что жатва предстоит обильная, потому что жнецы здесь стоят во всеоружии беззаветной любви к русской библиотеке и русскому читателю, ко благу русского народа и всей русской культуры»¹¹. Он подчеркивал тем самым огромный духовный потенциал библиотечного сообщества, его готовность служить делу просвещения.

После приветствий слово для доклада «Положение библиотечного дела в России и других государствах» было предоставлено К. И. Рубинскому. Глубокий анализ состояния библиотек России на примерах государственных, академических, общественных, народных, городских и сельских библиотек — в свете зарубежного опыта, широкий круг вопросов, поставленных в докладе, определили во многом успех работы съезда. Концепция доклада заключалась в двуединстве выдвинутых докладчиком основных вопросов: 1) состояние библиотечного дела как отражение отношения к нему государства на всех уровнях управления; 2) библиотечное образование, материальное обеспечение персонала как условие повышения статуса библиотечной

---

¹¹ Дерунов К. Н. Избранное : тр. по библиотековедению и библиографии / под ред. Ю. В. Григорьева. — М., 1972. — С. 189–190.

профессии. Доклад — развернутая, объективная картина состояния библиотек России, нарисованная человеком мужественным и честным, всем сердцем болеющим за дело народного просвещения.

С болью говорил К. И. Рубинский о судьбе академических библиотек, изначально получивших неправильную организацию. Почти 100 лет, в соответствии с Уставами, их возглавляли люди, далекие от библиотечного дела. «Вместо того, чтобы быть живым рассадником знания, библиотеки приобрели характер мертвой неподвижности... На академическую библиотеку смотрели, как на склад книг, существующий для небольшого круга лиц, занимающихся наукой, а на библиотекаря — как на чиновника, которому поручено «казенное имущество». О какой-нибудь другой роли ее, о значении ее для просвещения края, необходимости дополнять и расширять работу школы не заботились. На протяжении всего времени существования университетских библиотек слышались жалобы на неудовлетворительное состояние их каталогов, на беспорядок в них. На состав персонала, на его подготовку не обращалось у нас никакого внимания, а содержание им полагалось такое, что человек с высшим образованием не может долго продержаться в библиотеке» [33, с. 3].

К. И. Рубинский сформулировал статус академической библиотеки: «Академические библиотеки — жизненный нерв учебных заведений и заслуживают того, чтобы насущные нужды их были удовлетворены, чтобы персонал их стоял на высоте своего призвания и был способен довести их механизм до возможного совершенства. Это будет достигнуто тогда, когда положение его будет приравнено к положению преподавателей, с которыми его соединяет одинаковое образование и служение одному и тому же делу» [там же]. Определение образное и ёмкое, не потерявшее своей актуальности и сегодня.

Докладчик остановился на освещении практики стран Западной Европы, где профессиональная подготовка библиотечно-го персонала давно стала государственным делом. Существующая за рубежом система подготовки специалистов, содержание

которых в ряде стран приравнено к содержанию преподавателей, привели к тому, что персонал научных библиотек постепенно заменили людьми знающими и опытными. Академические библиотеки перестали быть замкнутыми и недоступными.

К. И. Рубинский осветил тернистый путь становления и развития общественных библиотек. Созданные общественными усилиями за счет пожертвований и незначительных субсидий от правительства, они не имеют органа, который бы о них заботился. «Единственный надзор за ними заключается в том, чтобы не допускать в библиотеках обращение книг, недозволенных цензурою», — подчеркивал он [33, с. 9].

На примере Харьковской он показал, какие тяжелые времена пережили общественные библиотеки. Целых 15 лет со времени своего учреждения Харьковская общественная библиотека ютилась в сырых и темных помещениях. Посетителям приходилось взбираться на третий этаж по крутой лестнице в читальный зал, где на одном стуле сидело по два человека. Не было средств и для содержания достаточного числа постоянных работников, а об их профессиональной подготовке не могло быть и речи. Даже такое учреждение, как библиотека Румянцевского музея, страдает от отсутствия средств, а читатели часами ждут очереди, чтоб попасть в библиотеку. Своим существованием общественные библиотеки обязаны исключительно необыкновенному запасу энергии и силы интеллигенции, поддерживающей их.

Значение и необходимость общественных библиотек были признаны в Европе еще со времен Великой Французской революции. Двери библиотек должны быть открыты для всего народа — таков идеал современной европейской библиотеки. В европейских странах государство взяло на себя заботу об общественных библиотеках. Европа покрылась целой сетью общедоступных библиотек, располагающих определенным бюджетом, персоналом хорошо подготовленных служащих и устройством, отвечающим современному состоянию библиотечного дела. Государственные законы обязывают местные органы создавать и поддерживать общественные библиотеки, доступные для всего населения. Для

общественных библиотек в США и Англии были построены роскошные здания. Библиотечная техника позволяет в Чикаго через три — четыре минуты получить книгу из общественной библиотеки, которая выдает в день 10 000 книг. В этих странах поняли, что библиотеки представляют собой новую социальную силу, которая должна вести страну к прогрессу.

В еще более неблагоприятных условиях находятся народные библиотеки России. В городах они имеют то преимущество перед сельскими, что в их развитии заинтересована интеллигенция, и они получают незначительные субсидии от городов. Даже петербургские народные библиотеки все вместе выдают в течение года 224000 книг, тогда как в столицах Европы число выданных ежегодно книг достигает от 2 до 5 миллионов.

Но еще более жалкие условия сложились для развития народных библиотек в деревне. К. И. Рубинский честно и открыто, с пронзительной болью заявляет об этом на всю Россию. «Водка — неотъемлемый атрибут русской деревни, книга и чтение представляют необычное явление в ней. Винную лавку вы найдете в деревне: около нее всегда толпится народ, а попробуйте поискать библиотеку; едва ли найдете, даже если она есть. Редко она имеет самостоятельное помещение. Коридор или раздевальня в школе — самое приличное место для нее. А еще арестантская в волостном правлении или угол на колокольне, в церковной сторожке» [33, Ч. 2, с. 11]. Анализ анкет Общества библиотекосведения свидетельствует о мизерных ассигнованиях, выделяемых земствами для содержания этих библиотек: 63% из них получали от 10 до 100 руб., 28% — от 10 до 50 руб. Это сумма — на покупку книг, на оборудование и жалованье библиотекарю. Неудивительно, что 25% библиотек с 1902 г. не могли купить ни одной книги. В этих условиях библиотеки поручались не только учителям, но и волостным писарям или местным крестьянам. А между тем народ интересуется книгами. Вокруг библиотеки, содержащей 300 книжек, группируются от 100 до 500 человек, а каждая книжка побывала в течение года у восьми читателей.

Докладчик делает вывод: «... земства бессильны двинуть быстрее это дело, в высшей степени важное для прогресса страны; ясно, что это дело ждет поддержки государства» [там же]. Об этой части доклада впоследствии напишет известный библиограф и книговед А. В. Мезьер: «Хоть и больно согласиться, а приходится признать правдивость мрачной картины, нарисованной в докладе К. И. Рубинского Первому Всероссийскому съезду» [119, с. 121].

Необходимо отметить, что Константин Иванович хорошо знал состояние общественных, народных и сельских библиотек не только из присланных съезду анкет и печатных источников. Он являлся действительным членом Харьковского общества грамотности, в составе которого был комитет по устройству сельских библиотек. Комитет проводил большую работу по их организации, а также по налаживанию их связей с земствами. Константин Иванович был непосредственно связан со статистическими данными их деятельности. Как член комитета народной библиотеки им. Н. А. Некрасова, он много сделал для организации ее фондов, каталогов. А в период подготовки к Первому Всероссийскому съезду по библиотечному делу принял непосредственное участие в разработке Обществом грамотности материалов, связанных с докладами его членов на съезде, с экспонированием библиотечной техники. Не случайно также то, что К. И. Рубинский был в числе членов Харьковского общества грамотности, направленных на съезд.

На примере европейских стран К. И. Рубинский показывает, как заботились они о народных библиотеках. Так, во Франции существует специальная комиссия при Министерстве народного просвещения для контроля за их работой, организована подготовка лиц для заведывания народными библиотеками. В США закон о библиотечном налоге был распространен и на сельские общины (в значительно меньшей сумме), определенный процент которого шел на содержание библиотек. Руководили народными библиотеками Государственная библиотечная комиссия и государственная библиотека каждого штата. В частности, штат Калифорния ввел у себя корпоративную систему библиотек, где

графства содержат центральную библиотеку и в различных местах библиотечные станции для выдачи книг. Многие штаты прибегли еще к системе так называемых «странствующих библиотек». Тщательно подобранные, они бесплатно направлялись в самые отдаленные места. Благодаря этому книга становилась доступной для населения тех регионов, а влияние библиотек значительно выросло.

К. И. Рубинский уверен: несмотря на то что по состоянию библиотечного дела Россия далеко отстала от своих европейских соседей, высокий уровень библиотечной техники и разработка библиотековедения имеют большие перспективы.

«Главная задача съезда — привлечь внимание государственных учреждений к вопросу о положении библиотечного дела, состояние которого у нас тормозит развитие высшего образования и науки, задерживает стремление общества к самообразованию, мешает широкому распространению просвещения в народе», — завершает он свой доклад [33, Ч. 2, с. 15].

Доклад библиотекаря Императорской Военно-медицинской академии А. Р. Войнич-Сяноженцкого «Библиотечное дело как особая самостоятельная специальность и библиотекари как обособленная группа в ряду других специалистов», произнесенный на первом публичном собрании в этот же день, был логическим развитием основного доклада. Доклад чрезвычайно интересный. Одна только его фраза: «Мы все, к сожалению, самоучки, и библиотеки будут обслуживаться самоучками до тех пор, пока не проникнет во всеобщее сознание необходимость учреждения школ библиотековедения...» [34, с. 19] — раскрывает драматизм библиотечного дела и парадоксальность ситуации профессионального съезда, где не было профессионалов.

Среди библиотековедов России авторитет К. И. Рубинского был очень высоким. Известный библиотековед, секретарь академической комиссии съезда С. Д. Масловский так впоследствии охарактеризует его: «К. И. Рубинский заслуженно считается одним из лучших знатоков библиотечного дела в России» [93, с. 297]. А выдающийся библиотековед и библиограф, ироничный,

не склонный к высоким оценкам и публичному выражению конкретных симпатий К. Н. Дерунов в 1926 г., когда имя К. И. Рубинского уже не упоминалось, скажет о нем: «Рубинский — очень уважаемый библиотекарь Харькова» [150, с. 100].

Вопросы, поднятые в докладе К. И. Рубинского и актуальные для всех типов библиотек, обсуждались на секциях и подсекциях съезда.

В интересующем нас аспекте остановимся подробнее на работе секции государственных, академических и специальных библиотек. Принятые ею документы имели чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития библиотечного дела. В состав президиума секции входили: председатель — библиотекарь Императорского Московского университета А. И. Калишевский; товарищи председателя: библиотекарь Императорского Харьковского университета К. И. Рубинский и библиотекарь Императорской Военно-медицинской академии А. Р. Войнич-Сяноженцкий (Санкт-Петербург), секретарь — библиотекарь Императорской Николаевской Военной академии С. Д. Масловский (Санкт-Петербург).

Доклад Е. Н. Добржинского «Положение русских академических библиотек по данным анкеты» содержал обстоятельный анализ состояния 39 библиотек высших учебных заведений и был принят без обсуждения. Из большого круга вопросов, рассмотренных секцией, имеет смысл остановиться на некоторых из них.

Оживленную дискуссию вызвала разработанная академической комиссией Общества библиотековедения «Записка по вопросу о мерах, необходимых для улучшения постановки библиотечного дела в академических библиотеках». По каждому ее пункту велось обсуждение. Этот документ утверждал самостоятельность библиотечной профессии, наметил пути специальной подготовки библиотечного персонала академических библиотек, перспективы формирования профессиональной подготовки. «Записка...» предусматривала создание кафедр библиотековедения и библиографии в двух университетах — в Санкт-Петербургском и Харьковском.

К. И. Рубинский считал, что кафедры эти будут созданы, главным образом, для лиц, специально готовящихся занять

библиотечные должности и уже получивших высшее образование. Год или два специальной подготовки, прохождения практики в библиотеке позволили бы подготовить специалиста с необходимым общим и специальным уровнем образования. Эта система была принята в Германии. Частично она напоминает нынешнюю форму послевузовского образования, которая, при соответствующей разработке, могла бы стать оптимальной формой подготовки высококвалифицированных специалистов для научных библиотек. В этом вопросе К. И. Рубинского поддержали А. И. Калишевский, А. Р. Войнич-Сяноженцкий, Л. Д. Брюхатов, Н. С. Сафронеев, Н. И. Криштафович и другие библиотекари.

В противоположность этому рассматривается предложение о введении курсовой системы подготовки специалистов. За этот путь ратовали Е. Н. Добржинский, С. Д. Масловский, П. Г. Милославов, В. П. Свенцицкий. Считалось, что аналогом таких курсов могут служить американские библиотечные школы, в которых средний образовательный уровень был признан достаточным для всех типов библиотек, включая подготовку помощников библиотечарей для академических библиотек.

После трехчасовых прений большинством голосов (28 против 17) была принята резолюция об учреждении особых (т. е. не связанных с другими учебными заведениями) специальных высших курсов библиотековедения и библиографии для теоретической и практической подготовки библиотечарей и их помощников. Оставаясь последовательным сторонником университетского образования персонала библиотек, К. И. Рубинский принял самое активное участие в обсуждении различных вопросов «Записки...»: об образовательном цензе для поступающих на курсы; об окладах библиотечного персонала; о порядке замещения штатных должностей и другие немаловажные вопросы.

Интересно, что одна из Санкт-Петербургских газет, по-разному оценивавших значение съезда, писала в связи с этим пунктом резолюции: «Съезд стал в противоречие с прогрессивным течением современной библиотеки, отдав предпочтение пе-

ИНСТРУКЦІЯ

ПОСТОЯННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ КОМИССИИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ, УТВЕРЖДЕННАЯ СОВѢТОМЪ УНИВЕРСИТЕТА 30 НОЯБРЯ 1906 ГОДА.

1) При библіотекѣ состоитъ постоянная библіотечная Комиссія, а при профессорской лекторіи — Кураторъ.

2) Библіотечная Комиссія состоитъ: а) изъ 8 преподавателей университета, избираемыхъ Совѣтомъ на два года, по два отъ каждого факультета (по крайней мѣрѣ одинъ изъ представителей каждого факультета избирается изъ членовъ Совѣта) и б) изъ непремѣнныхъ членовъ, которыми являются: библіотекаръ фундаментальной университетской библіотеки и кураторъ профессорской лекторіи. Комиссія избираетъ изъ своей среды ежегодно председателя.

3) Половина выборныхъ членовъ Комиссіи ежегодно возобновляется (въ концѣ перваго года существованія Комиссіи половина членовъ выбираетъ по жребію).

4) На обязанности Комиссіи лежатъ:

а) отысканіе дешевѣйшаго, удобнѣйшаго и скорѣйшаго способа выписки книгъ и журналовъ;

б) наблюденіе за исправнымъ исполненіемъ книжныхъ заказовъ и аккуратною доставкою книгъ въ библіотеку;

в) работа о пополненіи дефектовъ;

г) наблюденіе за правильностью обмѣна изданіями между Университетомъ и другими учрежденіями и обществами и принятіе мѣръ для возстановленія правильности обмѣна;

д) принятіе мѣръ для обмѣна дублетами съ другими библіотеками;

е) обсужденіе вопросовъ объ устройствѣ библіотечныхъ зданій и библіотечной мебели, о системѣ каталоговъ;

ж) наблюденіе за состояніемъ библіотечныхъ суммъ и сообщеніе о немъ по мѣрѣ надобности факультетамъ;

з) предварительная выработка и въ случаѣ надобности ходатайство о видовизмѣненіи библіотечныхъ правилъ;

и) обсужденіе ходатайствъ библіотекаря о нуждахъ библіотеки для доклада ихъ Совѣту;

к) изысканіе удобнѣйшаго для читателей способа пользованія библіотекою;

л) Кураторъ заводитъ лекторіей и ведетъ отчетность ея.

Харьковъ. Въ Университетской Типографіи. 1911 г.

Инструкция постоянной библиотечной комиссии
Имп. Харьковского университета (1906 г.)

ред университетской кафедрой, в самом широком объеме этого понятия, чисто техническим курсам по библиотекомании»¹².

Не все положения «Записки...» были приняты съездом, несмотря на то что они были разработаны талантливыми, дальновидными библиотековедами, опередившими свое время.

Историческое значение Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу состоит в том, что впервые в истории отечественного библиотековедения был четко очерчен статус библиотекаря, а профессия библиотечного специалиста признана «ученой», требующей специальной подготовки. Именно с этого съезда, по нашему мнению, следует вести отсчет истории отечественного библиотечного образования. Можно представить, что ощущал тогда К. И. Рубинский, вся деятельность которого была направлена на борьбу за формирование в общественном сознании достойного отношения к профессии библиотекаря.

Потребовалось несколько десятилетий, чтобы доказать правоту убеждений К. И. Рубинского. Справедливости ради следует признать, что высокой планки требований, предъявленных к библиотекарям научных библиотек еще столетие назад, существующей системе библиотечного образования достигнуть не удалось. Трансформация ее в этом направлении несомненно предстоит в будущем.

На одном из заседаний секции академических библиотек был заслушан еще один доклад К. И. Рубинского «Библиотечные комиссии в академических библиотеках». Он освещал важнейший вопрос жизнедеятельности академических библиотек, связанный с ролью библиотечных комиссий и правовым положением библиотекаря. Знание положения дел в библиотеках Западной Европы и во всех университетах России, а также собственный опыт, позволили библиотекарю сделать объективный анализ происходящего.

Библиотечные комиссии, создававшиеся в университетах как органы, которые обязаны сообщать Совету о состоянии библиотеки, наделялись практически неограниченными

---

¹² Речь. – 1913. – № 108. – С. 3.

полномочиями. Их ответственность за распределение ассигнований, комплектование библиотеки, ведение каталогов и даже расстановку книг делала библиотекаря посторонним наблюдателем и, естественно, отражалась на деятельности персонала. Еще больше вреда наносило предоставленное библиотечным комиссиям право выбора служащих. И хотя решающим в данном вопросе должно было быть мнение библиотекаря, именно он в составе библиотечной комиссии являлся единственным членом с совещательным голосом. В то время, как члены библиотечной комиссии принимали непрофессиональные решения, выполнять их и нести ответственность за их выполнение должен был библиотекарь.

«Библиотечное дело, — был убежден Рубинский, — требует большой энергии. Источником энергии во всякой деятельности является инициатива. Но она отсутствует в академических библиотеках при существовании комиссий» [34, с. 90 — 91]. По мнению библиотекаря, задачей комиссии как органа Совета должно быть не управление библиотеками, а забота о них, обсуждение тех вопросов, которые вызваны нуждами библиотеки, предварительное рассмотрение и вынесение на Совет затрат, необходимых для пополнения фонда и развития деятельности библиотек, и т. п.

Доклад К. И. Рубинского не оставляет ни малейшего сомнения в том, что в основе его убеждений лежит опыт руководителя крупнейшей университетской библиотеки. Из истории библиотеки Императорского Харьковского университета известен факт игнорирования мнения библиотекаря при проектировании внутреннего устройства нового здания библиотеки в 1900 г., имевший негативные последствия.

Субъективное мнение членов библиотечной комиссии помешало принять в полном объеме проект К. И. Рубинского, касающийся размещения фонда библиотеки в новом книгохранилище.

Подобную ситуацию переживала библиотека Харьковского университета и через 50 лет своего существования, когда проектировалось ее современное здание [272, с. 169]. И все-таки,

2779 ПРОСПЕКТЪ.

ОБЩЕСТВО БИБЛИОТЕКОВѢДНІЯ.

ТРУДЫ .

ПЕРВАГО ВСЕРОССІЙСКАГО СЪѢЗДА
ПО БИБЛИОТЕЧНОМУ ДѢЛУ,

состоявшагося въ С.-Петербургѣ съ 1 по 7 июля 1911 г.

Стр. V + 224 + 440. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912. Цѣна 4 р. 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ Редакціи журнала „Библиотекарь“: СПБ.,
Б. Самсоніевскій просп., д. 4.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Городскимъ, обществ. и народнымъ библіотекамъ, б. членамъ Съезда и членамъ Общества Библіотековѣднія „Труды“
отпускаются складомъ по

3 руб. 50 коп. экзempl. съ пересылкой.

Покорнѣйшая просьба — ознакомить съ этимъ проспектомъ лицъ,
интересующихся книжнымъ и библіотечнымъ дѣломъ.

Обложка издания «Труды Первого Всероссийского съезда
по библіотечному делу» (1912 г.)

учитывая значение библиотечных комиссий в решении многих вопросов, Рубинский выступает за их сохранение, но с обязательным разграничением полномочий и функций библиотекарей, поставив в основу деятельности комиссии заботу о библиотеке.

Вопрос, затронутый библиотекарем Харьковского университета, оказался настолько актуальным, что вызвал бурную дискуссию. Выдвигались диаметрально противоположные предложения, вплоть до упразднения библиотечных комиссий как «вреднейших учреждений», анахронизма и пережитка, обезличивающего библиотекаря, сковывающего его профессиональную инициативу. Председатель секции А. И. Калишевский в своем докладе «К вопросу о порядке управления библиотекой» также ставил этот вопрос. Дипломатичный А. И. Калишевский находит устраивающую всех формулу — «реформирование библиотечных комиссий». Резолюция по данному вопросу, принятая съездом, в частности, ограничивала деятельность библиотечных комиссий: во-первых, предварительным рассмотрением смет и распределением ассигнований; во-вторых, заботами о пополнении библиотеки; в-третьих, производством ежегодных частных ревизий книжного имущества.

Несомненной победой на съезде было принятие пункта резолюции, предусматривающего участие библиотекарей академических библиотек в заседаниях Совета и Правления (хозяйственного комитета) учебного заведения во всех случаях обсуждения вопросов, касающихся библиотеки, с правом не совещательного, а решающего голоса. Особым пунктом съезд зафиксировал принципиальное решение — «допущение ко всем библиотечным должностям лиц обоего пола» [34, с. 107].

В одном из выступлений на заседании секции К. И. Рубинский предлагает создание при Министерстве народного просвещения Управления библиотеками: «... деятельность библиотек не менее важна, чем деятельность школ. Государство должно быть заинтересовано в их развитии. Библиотечное дело двинется вперед и у нас тогда, когда забота о нем государства будет сосредоточена

в специальном учреждении, состоящем в Министерстве народного просвещения и составленном из библиотекарей» [34, с. 92].

Сейчас нам кажется странным, что такой структуры в органах государственного управления библиотеками могло не быть. Однако секция признала предложение К. И. Рубинского преждевременным, аргументируя, в частности, и тем, что библиотечное дело может попасть в руки чиновников, не сведущих в нем. Нельзя не признать приоритета К. И. Рубинского в постановке вопроса о совершенствовании управления библиотеками. Будущее показало и в этом его правоту.

Одним из важных вопросов, рассмотренных секцией академических библиотек, был вопрос о роли библиографии, библиографического аппарата и о его научно-образовательном значении. Он был поставлен в докладах А. И. Калишевского «Библиография в применении к академическим библиотекам» и С. Д. Масловского «Библиография в ряду обязательных для библиотекаря знаний». Известно, что долгое время библиографическая деятельность развивалась самостоятельно, вне библиотечной сферы. Лишь спустя годы удалось доказать становление и успешное развитие библиотечной библиографии — профессионального направления библиографической деятельности, существенную роль в формировании и успешном развитии которого сыграли библиотековеды и библиотекари-практики.

В обсуждении этого вопроса активное участие принял К. И. Рубинский. Он открывает прения по главному тезису рассматриваемого вопроса: должен ли библиотекарь быть библиографом? К. И. Рубинский выразил свою точку зрения: «...Никто из присутствующих не может сомневаться, что библиография должна находиться в ряду обязательных для библиотекаря знаний» [34, с. 97]. Успех выполнения культурной задачи библиотеки он видит в тесной связи именно с библиографической подготовкой библиотечного персонала. Объектом библиографической работы, считал он, должен быть хорошо организованный справочный библиографический отдел, а субъектом — библиотекарь-библиограф. К. И. Рубинский убежден, что вместо спора по

данному вопросу следует показать академическим библиотекам путь улучшения постановки библиографического дела. Он предлагал одной из академических библиотек составить карточный каталог имеющихся в ней библиографических изданий. Дополненный в каждой из академических библиотек, каталог может быть соответственно обработан и размножен как библиография библиографии, отправлен в библиотеки.

Библиотекарь Московского университета А. И. Калишевский уточнил, что такой основной карточный каталог уже имеется. Он составляет частное собрание Я. Г. Кваскова, помощника библиотекаря Московского публичного и Румянцевского музеев. Присутствующий на заседании Я. Г. Квасков заявляет о готовности предоставить свой труд на общую пользу. Представляется, что если предложенный К. И. Рубинским проект с точки зрения уровня развития современной библиографии и можно рассматривать как несколько наивный, для того времени он был оптимальным, не требовавшим больших затрат. Интересно, имел ли этот проект развитие? Нельзя не отметить созвучности этого предложения К. И. Рубинского с современными проектами создания корпоративных каталогов.

В истории отечественного библиотековедения Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу (1911) не имел аналогов по широте и значимости поднятых на нем вопросов, принятых им резолюций. Съезд стал первым публичным протестом библиотекарей России против антинародной политики государства в библиотечном деле. Они открыто выступили с решительным требованием реформирования органов земского управления, их демократизации в интересах правильной организации положения библиотек. Это дает основание говорить о съезде как о значительном явлении в общественной жизни страны.

Запечатленный на скрижалях истории, съезд явился первым категорическим провозглашением библиотечного дела особой самостоятельной специальностью. Он четко определил профессию библиотекаря как социально значимую, требующую специального образования.

Спустя столетие после проведения съезда библиотечная наука, фундамент которой заложили и материалы съезда, поднялась на высокий уровень. Но вопросы, поднятые на съезде, в частности и К. И. Рубинским, актуальны и сегодня. Они во многом созвучны с проблемами современного библиотековедения, побуждают задуматься над перспективами развития библиотек как важнейшей составляющей общечеловеческой и национальной культуры.

С Первым Всероссийским съездом по библиотечному делу всегда будет ассоциироваться имя выдающегося библиотековеда, основателя украинской школы библиотековедения Константина Ивановича Рубинского.

Документы съезда, изданные в 1912 г. отдельным томом объемом в 700 страниц, стали бесценным вкладом в отечественную библиотековедческую литературу, своеобразной энциклопедией библиотечного дела, руководством в разных его отраслях. Тщательно выстроенная структура издания, журналы заседаний секций, раскрывающие содержание и организацию их работы, высокая культура председателей, их умение найти альтернативные решения, лаконизм выступлений докладчиков и участников дискуссии, их корректность, глубина резолюций — все это и сегодня воспринимается с огромным, неослабевающим интересом.

Несомненную ценность представляют материалы секции общественных и народных библиотек Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу. Разработанный комиссией по народным и общественным библиотекам «Нормальный план постановки библиотечной техники в небольших библиотеках» по существу явился практическим пособием для библиотекарей.

О значимости издания документов Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу (1911) А. В. Мезьер писала: «Этот том заключает в себе такую массу ценнейшего материала, что мы будем еще долго прибегать к «Трудам...», черпать полными пригоршнями из этого неистощимого кладезя, тем более, что они снабжены прекрасно составленным предметным указателем, так облегчающим пользование этой нужной книгой, которая отныне,

мы уверены, станет настольной справочной книгой каждого библиотечного деятеля и каждого библиографа» [119, с. 77].

Съезд обратился к Обществу библиотековедения с просьбой взять на себя мотивировку и обобщение его резолюций с последующим ходатайством перед соответствующими министерствами. Съезд также просил представить записки всем фракциям Государственной Думы и Государственного Совета для поддержки его решений.

Руководители Общества библиотековедения понимали, что вопрос о новых штатах и материальном обеспечении персонала университетских библиотек является вопросом основным, без решения которого нельзя поднять библиотечное дело на надлежащую высоту. Но оказалось, что от постановки его до принятия закона — огромная дистанция. Связав этот вопрос с введением нового Устава университетов, руководители Общества библиотековедения предполагали, что вопрос этот будет решен легко и беспрепятственно. Но именно вопрос об Уставе составлял особую трудность, а его принятие затягивалось по многим причинам. Только 3 июля 1914 г. был принят Закон «Об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях Императорских Российских университетов и об увеличении числа их». Закон был введен в действие с оговоркой «впредь до учреждения нового университетского устава, не далее как на три года»¹³.

В соответствии с Законом штаты университетских библиотек были увеличены. В частности, в Харьковском университете введено, кроме библиотекаря, три старших и три младших помощника с увеличением должностных окладов для всех категорий библиотечных служащих. В Закон был внесен еще один судьбоносный пункт. «Все должности могут быть замещены лицами женского пола, обладающими соответствующим образовательным цензом, причем им присваиваются те же служебные права (кроме права на чинопроизводство), что и лицам мужского пола».

---

¹³ Собрание узаконений. Ст. 2065 // Библиотекарь. — 1914. — Вып. 3. — С. 389.

Присутствие женщин в штатах университетских библиотек таким образом было узаконено. В течение трех лет персонал научных библиотек получал относительно достаточное содержание.

Съезд привлек внимание общества к нуждам библиотечного дела и наметил большую программу развития библиотек, выполнив свою основную задачу. Однако государство не нашло возможности поддержать резолюцию Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, касающуюся государственной организации подготовки библиотечного персонала. Только в 1913 г. первые российские краткосрочные библиотечные курсы были открыты в Москве по инициативе Л. Б. Хавкиной при народном университете А. Л. Шанявского. Материальную поддержку оказал меценат Н. А. Шахов. На этих курсах обучались преимущественно сотрудники публичных и народных библиотек. Устройством курсов на местах занимались земства и городские думы без поддержки правительства.

Дальнейшей реализации реформы библиотечного дела помешала Первая мировая война и последовавшие за ней социальные потрясения. Канули в Лету решения Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, а с ними — десятки имен талантливых библиотечных деятелей.

Россия стояла на пороге новой эпохи, вместе с которой началась новая страница в истории библиотековедения.

Возвратившийся с Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, К. И. Рубинский докладывает библиотечной комиссии (при участии служащих библиотеки) итоги съезда, а также свой план реорганизации работы библиотеки в свете решений съезда. В 1912 г. К. И. Рубинский награждается орденом Св. Анны II степени.

К сожалению, в связи с отсутствием архива Харьковского университета, уничтоженного в годы Великой Отечественной войны, сведения о деятельности библиотеки в первое предреволюционное и последующие десятилетия очень ограничены. Этот период в деятельности К. И. Рубинского восстанавливался нами путем изучения его работ, специальной периодики, отдельных

документов, сохранившихся в архиве университетской библиотеки, в Государственном архиве высших органов власти в Киеве, воспоминаний его дочери — Антонины Константиновны (1914 — 2003).

Последнее по времени известное нам свидетельство о деятельности К. И. Рубинского оставил библиотекарь Новороссийского университета П. С. Шестериков в своей книге «Постановка библиотечного дела в университетских и некоторых других библиотеках России». Желая сравнить состояние библиотеки своего университета с библиотеками других университетов России, П. С. Шестериков летом 1913 г. лично ознакомился с работой библиотек университетов и научных учреждений России. Он заранее разослал во все библиотеки анкету, состоящую из 88 вопросов, касающихся организации их работы. Вот что пишет П. С. Шестериков: «Отправился в университет и застал библиотекаря К. И. Рубинского, который обстоятельно ознакомил меня с библиотекой. Благодаря его чрезвычайной любезности, я получил ответы на мои анкетные вопросы... столь обстоятельные, что все дело постановки рисуется мне, как на ладони» [128, с. 144]. Приводя статистические сведения о библиотеке, фонд которой к 1913 г. составлял 264 304 ед. хр., он отмечает наличие в библиотеке систематического и алфавитного каталогов, обстоятельно описывает порядок распределения средств на комплектование библиотеки между факультетами, правила выдачи книг читателям, отличительные особенности обслуживания студентов. Шестериков отмечает существующую в библиотеке конкурсную систему замещения вакантных должностей, четкое распределение обязанностей между сотрудниками библиотеки, обеспечивающее, по мнению К. И. Рубинского, их успешное исполнение. Он отмечает наличие в штате сотрудников-женщин, что для того времени было скорее исключением, чем правилом.

Восстановить деятельность Константина Ивановича в последующий период помог сохранившийся в архиве библиотеки уникальный исторический документ — «Книга заседаний Библиотечной комиссии (1909 — 1917 гг.)». Этот документ позволил не

только представить место и роль этого общественного органа управления библиотекой, но также раскрыть малоизвестную грань личности Рубинского-руководителя, организатора работы университетской библиотеки.

С введением Устава 1835 г., должность библиотекаря не совмещалась более со званием профессора. Библиотекарь-чиновник не мог присутствовать в заседании Совета, ставить перед ним вопросы ее жизнедеятельности. Эпизодически создававшиеся в то время Советом библиотечные комиссии с целью ревизии фонда, его перемещения, расстановки, создания печатных каталогов и т. п. после выполнения поставленной задачи прекращали свою помощь библиотеке. Отрыв Совета от нужд библиотеки, продолжавшийся до конца столетия, негативно сказался на ее состоянии. Только в 1903 г. по инициативе историко-филологического факультета и при поддержке профессора Д. И. Багалея, Совет принял решение об учреждении постоянной библиотечной комиссии для обсуждения вопросов, касающихся деятельности библиотеки и руководства ею. Комиссия состояла из восьми профессоров (по два от каждого факультета). Причем один из них должен быть членом Совета. «С учреждением комиссии, в составе которой находятся профессора, любящие библиотечное дело, перекинут был как бы мост между Советом и библиотекою. И сразу увеличались заботы о ней...», — писал К. И. Рубинский [28, с. 5]. Избиралась комиссия на два года. Пункт инструкции, предусматривавший ежегодную своеобразную ротацию половины ее состава, позволял расширять в ее составе число профессоров, знакомых с состоянием дел в библиотеке, а следовательно, и ее актив. В 1906 г. была создана «Инструкция постоянной библиотечной комиссии», в состав которой входили в разное время ведущие ученые университета — профессора А. П. Кадлубовский, А. Ф. Анциферов, Н. Ф. Белоусов, И. А. Бродович, Д. М. Синцов, П. П. Сушкин, С. В. Коршун, П. И. Шатилов и многие другие. Непременным членом комиссии и ее секретарем был К. И. Рубинский. 72 протокола комиссии за период 1909 — 1917 гг., написанные его каллиграфическим, четким почерком, — подтверждение ее реального участия

в рассмотрении вопросов деятельности библиотеки. А среди них: утверждение бюджета и распределение средств на приобретение литературы по факультетам; о работе над каталогами; об организации книгообмена; о приобретении редких и дорогостоящих изданий; о работе с комиссионерами; о дополнительной оплате сотрудников; о режиме работы библиотеки; об обслуживании студентов и т. п. Уже с 1909 г. из числа членов библиотечной комиссии формировалась конкурсная комиссия по испытаниям на замещение вакантных должностей в библиотеке.

В течение двух лет (1913 — 1915 гг.) библиотечная комиссия работает над проектом «Правил для библиотеки». Изданный тиражом 200 экз., проект был разослан на кафедры для предварительного изучения. Вероятно, этот проект К. И. Рубинский отправил библиотекарю Московского университета А. И. Калишевскому, мнением которого он дорожил.

В 1915 г. на заседании библиотечной комиссии рассматриваются замечания А. И. Калишевского по проекту. Комиссия не принимает его рекомендаций по вопросу о предоставлении большей самостоятельности библиотекарю, утверждая, что библиотекарь как член комиссии и так имеет большие права. Но комиссия согласна исключить 6-й пункт проекта правил, гласящий, что «библиотекарь не является единоличным руководителем библиотеки, а осуществляет руководство вместе со штатным помощником». Одновременно библиотечная комиссия дает библиотекарю преимущественное право рекомендации кандидатур на замещение вакансий в библиотеке, что имело большое значение при подборе кадров. Таким образом, мнение библиотекаря Московского университета способствовало включению в проект правил важнейшего положения, касающегося правового статуса библиотекаря. Библиотечная комиссия работала интенсивно, проводя заседания два раза в месяц. Более двухсот вопросов, рассмотренных ею за период 1909 — 1917 гг., дают основание утверждать, что это было время дальнейшего совершенствования работы университетской библиотеки.

Организация работы комиссии, актуальность выносимых на ее рассмотрение вопросов, забота о персонале библиотеки, его

уровне и материальном положении, профессионализм в формулировке принимаемых решений не вызывают сомнения в том, что за всем этим стоял профессионал-библиотекарь. К. И. Рубинский и сам признавал, что «библиотечные комиссии принимают решения под влиянием тех или других взглядов библиотекаря» [30, с. 88]. Считая нецелесообразным передачу комиссии большинства полномочий, он ценил как важный фактор близость библиотечной комиссии к Совету, возможность влиять на изменение состояния дел в библиотеке. К. И. Рубинский оказался способным в те далекие годы увидеть будущее университетских библиотек. Эта мысль приходит, когда читаешь: «Каждая библиотека у нас и до настоящего времени имеет свой замкнутый мир... со своими собственными потребностями, которые только тогда обращают на себя внимание, когда достигают крайней степени» [62, с. 31].

Не имея необходимых полномочий, К. И. Рубинский использовал библиотечную комиссию, авторитет ученых как инструмент для решения в Совете и Правлении университета вопросов жизнедеятельности библиотеки. Сохранившиеся протоколы библиотечной комиссии — свидетельство неординарных организаторских способностей, гибкости, авторитета и уважения учеными профессиональных качеств библиотекаря К. И. Рубинского, пользовавшегося их абсолютным доверием.

Разработка нового устава российских университетов затягивалась. В 1915 г. Общество библиотековедения представило Министерству народного просвещения «Записку об изменениях, которые желательно внести в проект Устава в интересах академических библиотек». «Сделать библиотекаря более самостоятельным и создать ему более почетное место среди служащих университета, обеспечив его участие в заседаниях Совета (с совещательным голосом) и в Правлении (с решающим голосом) при рассмотрении дел библиотеки», — одно из положений этой записки. Однако данные рекомендации, как и решения Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, не получили официального утверждения.

Возможно, вопросу о библиотечных комиссиях и не следовало уделять в нашей работе столько внимания. Но история этого вопроса — страничка истории библиотечного дела, трудная и длительная борьба за автономию библиотеки, самостоятельность и независимость руководителя университетской библиотеки. К. И. Рубинскому принадлежит безусловный приоритет в его публичной постановке на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу. Вопрос этот не потерял своей актуальности и до настоящего времени.

Последнее заседание библиотечной комиссии состоялось 27 апреля 1917 г.

К сожалению, решения Первого Всероссийского съезда, которые могли бы существенно повлиять на совершенствование отрасли, не суждено было реализовать.

Не состоялся и Второй Всероссийский съезд, провести который Общество библиотекосведения планировало в июне 1917 г. Надвигались социальные потрясения, отодвинувшие проблемы библиотекосведения.

К. И. Рубинский — первый советский директор университетской библиотеки

Драматические события 1917 — 1919 гг. в Украине не могли не отразиться на судьбе университета и его библиотеки. Университет лишен финансирования. Замерла научная жизнь. Комплектование библиотеки прекратилось. Прервались более чем полувековые книгообменные связи. Семь библиотекарей не получали зарплаты. Напуганные артобстрелами, расстрелами без суда и следствия на улицах города, они не появлялись в библиотеке. Ее единственным штатным работником оставался К. И. Рубинский. Владея девятью иностранными языками, он мог эмигрировать, но не покинул своего детища, продолжая работать в библиотеке. С конца 1917 г. и весь 1918 г. он даже жил в библиотеке, не имея возможности добираться в пригородный поселок, где проживала его семья.

После установления советской власти в Харькове городской совет назначает К. И. Рубинского директором университетской библиотеки с требованием возобновить ее работу, предоставить фонды широким кругам читателей. Последний библиотекарь библиотеки Императорского университета К. И. Рубинский становится первым советским директором в самые трудные, драматические годы ее существования.

Постепенно, несмотря на холод и голод, в библиотеку возвращаются сотрудники. Библиотека возобновляет свою работу.

Понимая необходимость объединения библиотекарей ради их защиты в это трудное время, ради сохранения библиотечных фондов, К. И. Рубинский вместе с библиотекарем Харьковской общественной библиотеки О. И. Прозоровской в 1918 г. создают в Харькове объединение библиотечных работников. Возглавив его, Рубинский разрабатывает Устав объединения, занимается его регистрацией. Это было одно из первых профессиональных библиотечных объединений в Украине, которое насчитывало 35 библиотекарей. Из-за недостатка средств оно вскоре прекратило свое существование. Удивительно, что в это трудное время библиотекарей города объединяют курсы по библиотечному делу, организованные в 1918 г. Харьковским обществом грамотности. В программе курсов 19 дисциплин. Лекции по библиотековедению, истории библиотечного дела читал К. И. Рубинский. Лекции о состоянии зарубежных библиотек читала Л. Б. Хавкина. Практические занятия проводились на базе отдела библиотековедения Харьковской общественной библиотеки. В конце 1918 г. начали работу курсы по подготовке библиотекарей академических библиотек, организованные Л. Б. Хавкиной и К. И. Рубинским. Курсы эти, просуществовавшие до апреля 1920 г., позволили повысить профессиональный уровень работников библиотек учебных заведений города.

В 1918 г. начинается процесс реквизиции библиотечных учреждений, а также личных библиотек ученых. Революционно-агрессивный стиль декретов и постановлений первых лет советской власти исключал возможность нормальной организации работы библиотеки. Не трудно представить, в каких сложных условиях приходилось работать руководителю научной

библиотеки, представлявшему грозящие за их невыполнение санкции. Вот только некоторые пункты из них:

- «Немедленно реквизируют все библиотеки, принадлежащие лицам, сбежавшим в Крым и другие местности, находящиеся на территории, занятой белогвардейцами, или вообще неизвестно куда скрывшимися» — *Постановление СНК РСФСР №74 «О научных библиотеках»*¹⁴.
- «Принимая во внимание, что декретом от 6 августа 1918 г. университеты открыты для пользования самых широких масс населения, отдел постановляет:
  1. Доступ в читальные залы университетских библиотек открыть для всех, во все время, пока открыт читальный зал.
  2. О разрешении взять книги на дом обратиться к библиотекарю.
  3. За нарушение настоящего постановления виновные предаются суду революционного трибунала. — *Постановление Совета вузов Наркомпроса РСФСР от 30 октября 1919 г.*¹⁵

Директивами СНК РСФСР и соответствующими постановлениями СНК УССР была открыта дорога кампании по национализации книжных собраний, принадлежащих как частным лицам, так и другим организациям и учреждениям. Вскоре выходит «Обязательное постановление губернского исполкома о национализации библиотек в г. Харькове». Все библиотеки частного и общественного пользования объявляются государственным достоянием. В библиотеку университета передается значительная часть библиотеки духовной семинарии (бывший Харьковский коллегиум), библиотека Высших женских курсов, библиотека артиллерийских курсов, библиотек других ликвидированных учебных заведений и книжные коллекции частных лиц.

---

¹⁴ История библиотечного дела в СССР : док. и материалы, 1918–1920. — М., 1975. — С. 132.

¹⁵ Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. — М., 1921. — Вып. 2. — С. 163.

В городе создается комиссия по спасению библиотек ученых-эмигрантов, в состав которой был включен и К. И. Рубинский. В университетскую библиотеку передавали конфискованные библиотеки ученых, уехавших за границу, а также умерших ученых. К. И. Рубинскому поручают заведование складом этих книг. Он составляет списки литературы, распределяя ее между губернскими, уездными библиотеками. Ценнейшие из них обогатили фонды университетской, а также Харьковской общественной библиотеки. Эта работа отнимала у К. И. Рубинского много времени и здоровья, учитывая сложные условия, в которых приходилось работать (неотапливаемые помещения, отсутствие электрического освещения). Впоследствии она стала предметом тяжелых политических обвинений в его адрес.

Всего в библиотеку университета за период 1918 — 1919 гг. поступило около 200 тыс. книг. В условиях массового разворовывания частных и общественных библиотек К. И. Рубинский не только сохранил свою библиотеку, но и преумножил ее фонд.

В истории библиотечного дела еще много «белых пятен». О том, что действительно происходило в 20 — 30 годы минувшего столетия в библиотеках, особенно научных, университетских, почти ничего не известно.

История университетских библиотек Украины, лишившихся своих учебных заведений в ходе реформы высшей школы 20-х годов, поистине трагична необратимыми потерями своих фондов, перечеркнутыми судьбами руководителей библиотек, по которым прошла безжалостная репрессивная машина. К. И. Рубинский — один из тех, кто познал ее страшную силу.

Библиотека без alma mater

В 1920 г. в Украине начинается реформирование системы народного образования. Разработанная Наркомпросом новая концепция образования базировалась на идее социального воспитания и ускоренной профессионализации. Она исключала

университеты как «архаическую», «средневековую» и «схоластическую» форму высшего образования.

В мае 1920 г. на базе юридического факультета университета был создан Институт народного хозяйства (ныне Национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого). Медицинский факультет стал основой Харьковской медицинской академии, которая в 1921 г. была преобразована в Харьковский медицинский институт (ныне Харьковский национальный медицинский университет). Историко-филологический и физико-математический факультеты волей реформаторов превратились во Временные высшие педагогические курсы. 5 июля 1920 г. старейший отечественный университет перестал существовать. Основанная на базе Временных высших педагогических курсов непонятная по своим целевым установкам Академия теоретических знаний уже в мае 1921 г. реорганизуется в Харьковский институт народного образования (ХИНО) с двумя факультетами: профессионального образования (профобр) и социального воспитания (соцвос). Позже были открыты еще два факультета: рабфак (15 февраля 1923 г.) и факультет политического просвещения (17 сентября 1929 г.), который был преобразован в Институт политического просвещения. Он стал прямым предшественником будущего библиотечного, а впоследствии — первого вуза культуры в Украине (ныне Харьковская государственная академия культуры).

Создание новых институтов, кроме содержательных аспектов вузовской реформы, предполагало наличие в них библиотек. Но они не создаются по желанию чиновников. Единственным источником создания библиотек для новой системы высшего образования могли стать университетские библиотеки.

Наркомпрос своими распоряжениями предписывал университетским библиотекам передачу книг вновь созданным вузам. Из фондов библиотеки Харьковского университета были переданы тысячи книг, разрушены целые отраслевые фонды. К сожалению, восстановить общий объем этих фондовых потерь даже в пределах одной университетской библиотеки невозможно. Анализ такой статистики в истории университетских библиотек Украины мог бы во многом дополнить их будущую историю.

С ликвидацией университета библиотека лишается своей alma mater, определяющей содержание ее работы и финансирование. Постановлением СНК УССР от 27 февраля 1922 г. библиотека передается в ведение Наркомпроса, объявляется общедоступной, публичной. Ей присваивается название «Центральная научно-учебная библиотека» (ЦНУБ).

В число библиотек, подведомственных Наркомпросу, вошли только три крупнейшие библиотеки: Всенародная библиотека Украины в Киеве, Центральная научно-учебная библиотека в Харькове и Библиотека высшей школы в Одессе.

К. И. Рубинский, тяжело переживший ликвидацию университета, хорошо понимал непрофессионализм чиновников Наркомпроса, призванных руководить деятельностью научных библиотек. Он предвидел возможные последствия этого руководства. Особенно его тревожило состояние комплектования фонда библиотеки. Издания 1917 – 1920 гг. в библиотеку практически не попадали, книгообмен прекратился. Сотрудники месяцами не получали зарплаты. Неурожай 1920 – 1921 гг., холод и голод усугубляли положение. Неотапливаемое в течение длительного времени здание бывшей университетской библиотеки становилось непригодным для читателей и сотрудников. Читальный зал закрывался. Библиотекари и читатели ютились в небольших комнатах, обогреваемых чугунками. Но Рубинский продолжал не только руководить библиотекой, но и заниматься творческой работой.

По поручению Наркомпроса К. И. Рубинский участвует в работе комиссии по составлению инструкции для районных библиотек. 12 января 1921 г. выходит постановление Главполитпросвета РСФСР об обязательном переводе каталогов библиотек на брюссельскую международную десятичную классификацию (МДК). Знакомый с этой классификацией, понимая, что введение ее в Украине в научных библиотеках неизбежно, К. И. Рубинский вместе с научным сотрудником кафедры истории европейской литературы ХИНО М. О. Габель разрабатывает на основе МДК схему классификации педагогической литературы, наиболее востребованной в условиях создания системы педагогического

образования. Они провели большую работу по рекаталогизации и перестановке фонда отдела этой литературы.

Известно, что в данный период К. И. Рубинский преподавал на курсах библиотечных работников, организованных Наркомпросом. В конце 1921 г. он приглашается руководством Политуправления Красной армии в качестве руководителя и преподавателя курсов красноармейских библиотекарей в Харькове. Кроме лекций по истории библиотечного дела и организации работы библиотек, Константин Иванович проводит практические занятия, экскурсии курсантов по библиотекам города.

В 1921 г. Рубинский начинает большую работу по написанию монографии «История русской библиотеки в дореволюционное время», которая должна была обобщить его знания о состоянии всех типов библиотек России, его теоретические разработки в области библиотековедения, большой личный опыт практической работы.

Главпрофобр, в подчинении которого оказалась библиотека бывшего университета, начинает свое руководство не с оказания помощи библиотеке, находившейся в труднейшем положении, а с необоснованных обвинений и оргвыводов. В связи с несвоевременным предоставлением отчета за 1922 г. Научный комитет Главпрофобра на своем заседании констатирует, что ЦНУБ почти не функционировала, не поддерживала связи с вузами, обвиняя руководство библиотеки в некомпетентности¹⁶.

Неприятие новых требований: устранение от руководства библиотекой

В начале 1920-го года в Украине начинается переориентация библиотечного дела на выполнение задач социалистического строительства. Главной, если не единственной, задачей научных библиотек становится активное участие в социально-экономической

---

¹⁶ ЦГАВОВ, ф. 166, оп. 2, д. 1208.

жизни страны, политическое образование широких трудящихся масс. Начинается социализация научных библиотек, требующая перенесения в них форм библиотечной активности, присущих массовым библиотекам. К. И. Рубинский, для которого служение интересам науки и просвещения было главной задачей научной библиотеки, не мог согласиться с новыми требованиями. Молчаливо противодействуя требованиям официальной идеологии, человек скромный и сдержанный, К. И. Рубинский стоит в стороне от идеологической борьбы, развернувшейся в стране в первые после революционные годы, в том числе и в библиотечном деле. От руководителей библиотек требовалась четкость идейных позиций. Рубинский, ни разу публично не высказавший своего отношения к политике, не вызывал симпатий у руководства Наркомпроса.

Будучи руководителем крупнейшей научной библиотеки, бывший библиотекарь Императорского университета по своему непролетарскому происхождению безусловно не соответствовал критериям Наркомпроса. Известный библиотековед не приглашался для участия в конференциях, специальных совещаниях. Его опыт и знания оказались невостребованными.

Начало преследования научной интеллигенции было положено XII Всероссийской конференцией РКП(б). Конференция не только открыла дорогу для преследования членов других политических партий, но и впервые приравняла к ним «... мнимо беспартийную буржуазно-демократическую интеллигенцию, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которой подлинные интересы науки, техники, педагогики являются только пустым словом, политическим прикрытием»¹⁷. Начинается чистка социального состава научных учреждений, их пролетаризация. Беспартийная научная интеллигенция на руководящих должностях заменяется членами партии.

---

¹⁷ Об антисоветских партиях и течениях : Резолюция XII Всерос. конф. РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1983. — Т. 2. — С. 593.

Официальные причины отстранения К. И. Рубинского от руководства библиотекой нам не известны. Из сохранившегося в архиве Наркомпроса его анкетного листа ясно, что в 1922 г. он был переведен на должность старшего библиотекаря. Но архивные материалы свидетельствуют, что уже в июне 1924 г. Рубинский состоял в должности старшего помощника библиотекаря (должность, замещавшаяся специалистом со средним образованием)¹⁸. Это понятно из письма к М. И. Яворскому¹⁹ от 28 мая 1925 г., в котором К. И. Рубинский пишет: «Глубокоуважаемый Матвей Иванович! Вы обещали мне рассмотреть ходатайство о предоставлении мне звания старшего библиотекаря ЦНУБ. Не откажите дать этому ходатайству ход и поддержать его, принимая во внимание опыт, приобретенный мною в течение 28-летнего управления университетской библиотекой, мои знания библиотечного дела и пользу, приносимую в его улучшении»²⁰. Ответа на письмо не последовало. Из архива библиотеки известно, что унижительную для Рубинского должность помощника старшего библиотекаря он занимал до конца своей жизни.

В 1923 г. распоряжением Наркомпроса УССР во всех библиотеках Украины вводится десятичная классификация. В научных библиотеках это требовало разработки индивидуальных схем, соответствующей расстановки фонда. Выполнить эту работу могли только подготовленные специалисты. К. И. Рубинский в письме в Главпрофобр от 24 августа 1923 г. предлагает организовать курсы по изучению десятичной классификации для сотрудников библиотек города и свои услуги в качестве руководителя и лектора. Президиум Наркомпроса в письме к Рубинскому от 7 сентября 1923 г. сообщает, что «считает устройство курсов несвоевременным, так как изучение десятичной системы не приведет

---

¹⁸ ЦГАВОВ, ф. 166, оп. 12, д. 3474.

¹⁹ М. И. Яворский – заместитель председателя Укрглавнауки.

²⁰ ЦГАВОВ, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 299.

в настоящее время к реальным последствиям ввиду трудностей введения ее в жизнь»²¹. Ситуация парадоксальная: руководящий орган считает невозможным выполнение собственного решения. Так было неоднократно. Принимаемые Наркомпросом решения были лишены механизма их выполнения в реальных условиях: в частности, предоставление права книгообмена с зарубежными библиотеками при отсутствии изданий для обмена (1923); возможность беспоплатной выписки иностранной литературы библиотекой, не располагающей валютными ассигнованиями; создание аспирантуры при ЦНУБ, не имевшей достаточного количества специалистов (1923), и т. п. Безосновательно отвергнув предложение К. И. Рубинского, чиновники от Наркомпроса не помогли библиотекам в решении поставленных перед ними задач.

В октябре 1923 г. выходит циркуляр РКП(б) «Об усилении партийного влияния на работу библиотек». Он обязывает руководителей подведомственных библиотек «прикомандировывать к библиотекам членов партии, способствуя превращению библиотек в опорные пункты просвещения масс в духе коммунизма». Неудовлетворенный деятельностью ЦНУБ, Наркомпрос требует от Главпрофобра представить кандидатуру директора — члена партии. Но это оказалось не такой простой задачей. В то время даже руководителями вузов назначались беспартийные или партийные выдвиженцы с неоконченным высшим образованием.

Временно исполняющей обязанности директора ЦНУБ назначается Александра Николаевна Альховская, которая перед этим была первой женщиной — штатным помощником библиотекаря.

История библиотеки этого периода убедительно показала, что система подбора кадров ее руководителей, предполагавшая приоритет политических, а не деловых качеств, себя не оправдала. Ни один из партвыдвиженцев впоследствии не сумел обеспечить профессиональное руководство научной библиотекой.

Но даже отстраненный от административной должности, К. И. Рубинский остается негласным руководителем библиотеки.

---

²¹ ЦГАВОВ, ф. 166, оп. 2, д. 1208.

Он ведет всю официальную переписку библиотеки, выполняет обязанности ученого секретаря. В 1925 г. организуется библиографический отдел, справочное бюро с группой дежурных консультантов. Завершается большая работа, начатая Константином Ивановичем, по формированию фонда справочной литературы и его эффективному использованию.

Рубинский разрабатывает всю инструктивно-нормативную документацию. Сохранились составленные им «Инструкция служащих ЦНУБ» и интересный по содержанию «Коллективный договор», в ряде пунктов которого — забота о женщине-библиотекаре, повышении ее квалификации, улучшении здоровья, трудоспособности [Арх. ЦНБ]. К. И. Рубинского серьезно интересуют проблемы научной организации труда (НОТ) в научной библиотеке. Теме НОТ посвящены несколько вариантов большого труда, сохранившиеся в архиве библиотеки. Один из вариантов работы под названием «Не можна відкладати на довгий час наукову організацію праці по наукових бібліотеках», вероятно, предполагался к публикации. Отдельные положения статьи представляют большой интерес и сохраняют свое значение до наших дней.

1924 — 1925 гг. — период постановки проблемы развития науки в Украине. Наркомпрос в 1924 г. реорганизует научный комитет Укрпрофобра в Укрглавнаву. В ее составе создается музейно-библиотечная секция (рук. В. В. Дубровский), в подчинение которой передаются пять крупнейших научных библиотек, в том числе ЦНУБ г. Харькова. На повестке дня Укрглавнаву вопрос организации деятельности научных библиотек в контексте реформы высшей школы. В 1925 г. появляется статья директора Украинской книжной палаты М. Годкевича «Поширити керівництво, завершити систему» [135, с.12 — 14].

По мнению автора, на организационном бездорожье оказались два типа библиотек — научные и учебные, нуждающиеся в твердой библиотечной политике. Вскоре выходит статья В. Дубровского и М. Годкевича «Про наукові бібліотеки», утверждающая, что научные библиотеки «існують як великі

книжкові кладовища, зокрема ЦНУБ, що її деякі наукові (не лише бібліотечні) кола пропонують поділити проміж іншими науковими бібліотеками або ж зліквідувати, визначивши існування нераціональним»²². На першій конференції научних бібліотек (28 – 31 грудня 1925 г.), що відбулася в Києві, ідею озвучив представник Укрглавнауки В. В. Дубровський. В своєму доповіді «Организація мережі наукових бібліотек і найближчі завдання їх роботи» він запропонував об'єднати колишню університетську бібліотеку з бібліотекою ім. В. Г. Короленка, ліквідувавши її як самостійне заклад. Резолюцією цієї конференції ХГНБК була переведена в підпорядкування Наркомпросу. Це в значній мірі сприяло реалізації ідеї об'єднання двох провідних харківських бібліотек.

Так було покладено початок дискусії навколо майбутнього однієї з найбільших бібліотек України. І хоча в полеміці мова йшла про бібліотеку колишнього Харківського університету, насправді справа торкнулася і інших університетських бібліотек. Уже в серпні 1926 г. було прийнято рішення про об'єднання бібліотечних фондів колишнього Київського університету ім. Св. Володимира з фондом Всенародної бібліотеки України. Бібліотека Одеського університету об'єднувалася з Одеською публічною бібліотекою.

В боротьбі за цілісність бібліотеки

К. І. Рубинський першим виступив на захист університетської бібліотеки. В 1928 г. він публікує чотири статті. В статті під назвою «Чи варто об'єднувати?», відповідаючи М. Годкевичу, він писав, що фонд бібліотеки «складався поступово на протязі 117 років зусиллями багатьох поколінь вчених колишнього університету, які стежили за всіма цінними явищами в науковій

---

²² Дубровський В., Годкевич М. Про наукові бібліотеки // Культура і побут. – 1925. – 9 серп.

літературі, особливо закордонній, й набували їх для бібліотеки... Ні, товаришу, Ваш проект шкідливий, шкідливий тому, що Ви хочете дати такий напрямок бібліотечному будівництву, що вимагатиме багато витрат. А користі від цього для держави не буде ніякої» [45]. В статті «Проти з'єднання бібліотек» на прикладі європейських бібліотек К. И. Рубинский доводить, що в їх історії подібних фактів немає, «бо всі культурні країни, всі знайомі з бібліотечними справами добре знають, що, зворушивши бібліотеку, можна на довгий час припинити її діяльність... Пишаються вогнища культури на Заході не тим, що збудували дві або три бібліотеки, а тим, що склали для багатьох бібліотек зведений каталог, наприклад у Франкфурті, де в Ротшильдівській бібліотеці складено такий каталог для наукових бібліотек усього міста. Ось там, де є такий каталог, науковому робітникові все різно, де знаходиться книга, бо каталог цей вкаже йому, до якої бібліотеки йому звертатися. Створивши таку об'єднану бібліотеку (яку пропонує т. Годкевич), довелося б відмовитись або від розвитку науки, або від політосвітньої мети. Центральна наукова бібліотека вже є у Харкові: не треба тільки її нівечити» [43].

В дискусію про долю ЦНУБ у 1928 р. включається ректор ХІНО М. М. Гаврилив. В статті «Дайте і нам слово сказати» він утверджує: «Університету тепер немає, і його бібліотека не може рости у напрямку потреб неіснуючої установи. Якщо вона бореться за існування, то це нагадує боротьбу організму, що його штучно підтримують при приступках серцевої астми вдиханням кисню з марксівського кабінету(!), між тим, як в нових інститутах ростуть молоді бібліотеки, мов безтрадиційні комсомольці на очах бабусі ЦНБ... Не може бути налагоджена робота ІНО, коли бібцентр в нього ампутовано»²³. Совсем в духе часу! Непонятно, що мав на увазі автор, говорячи про «ампутації» несуществующей организационной структуры. Логичным выходом из ситуации он считает реорганизацию бывшей университетской

²³ Дубровський В., Годкевич М. Про наукові бібліотеки // Культура і побут. – 1925. – 9 серп.

библиотеки и передачу ее фонда законным владельцам (читай ХИНО. — Н. Б.).

Над библиотекой на долгие восемь лет навис дамоклов меч. Удары, наносившиеся по библиотеке, тяжело отражались на ее деятельности, на моральном состоянии коллектива. Принимая их на себя, К. И. Рубинский защищал библиотеку, как мог.

К глубокому сожалению, библиотеку в это трудное для нее время не защитили ее читатели — ученые бывшего университета. Не сделал этого и профессор ХИНО Д. И. Багалея, заместитель председателя Укрглавнауки. Хранили молчание и его коллеги, занимавшие руководящие посты в Наркомпросе, многие из которых были членами редколлегий специальных библиотечных и книговедческих изданий. Не высказали своего мнения и специалисты библиотеки им. В. Г. Короленко. Время всеохватывающей ломки человеческих душ вынуждало людей молчать. Можно представить, что переживал Константин Иванович Рубинский, так и не нашедший единомышленников и соратников среди ученых в своей борьбе за сохранение целостности библиотеки.

Первая конференция научных библиотек (1925) не приняла однозначного решения по предложению об объединении харьковских библиотек. Не счел возможным дать свое заключение и Украинский научно-исследовательский институт книги. Его директор Ю. А. Меженко писал: «УНІК вважає, що фактів зібрано мало, а головне, не в достатній мірі досліджено читацький ринок, надто багато в дискусії теорії і замало практики, щоб підсилити теорію фактами... Немає сумніву, що збільшення асигнувань на придбання книг, особливо закордонної літератури, дало б їй змогу краще виконувати свої завдання і дійсно сприяти розвитку української науки» [146, с. 89].

Следует отметить, что еще пять лет на разных уровнях Наркомпроса рассматривался вопрос о судьбе ЦНУБ. В 1931 г. состоялось даже специальное совещание при секторе науки, которое постановило «... вместо двух библиотек (ЦНУБ и ХГНБК) создать единую библиотеку имени товарища И. В. Сталина, которая

НАРОДНИЙ КОМПРОС
ОСВІТИ

ДО ХАРКІВСЬКОЇ ЦЕНТРАЛЬНОЇ НАУКОВОЇ
БІБЛІОТЕКИ.

Копія: ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ ІНСТИТУТ.

Управа пропонує ХІНБ передати до шевченківського інститу-
ту такі рукописи в рукописного відділу ХІНБ:

1. Сочинения Оксфорд, собр. проф. Захарьича. С.11.52.
2. Писания Оксфорд, собр. им же С.11.58.
3. Кант прояснен. Фоксигу. Сочинение латинское Харьк. Коллежника
4. Просветительские письма. Из соч. И.С.А. С.11.38.
5. Малороссийские известия, рассказы. Основ. Яценком З. С.11.72.
- 6.
7. Письма Николая Михайловича Караванина к М.Н. Уварову. С.11.87
8. Писма Гейне. Рукопись Н.А. Добролюбова. 1857 года. С.11.90
9. Письма. Путешествие на Днепр в Москву. С.11.34.
10. Кант. Рукопись без начала в конце XVIII в. С.11.122.
11. История. С.11.124.
12. Краткое историческое описание некоторых знаменитых практических. С.11.125
13. О возмещении великому князю Дмитрию како нечестивый имая
14. Зерцало царя Писмока Петр. Короленко С.11.7.
15. Лемон. Писма М. Демонтово. С.11.42.
16. Авторский... сочинения П.П. Артемьевского-Гудача. С.11.58.
17. Писма А.И. Артемьевского Козлова. С.11.60.
18. Сельванов. Кант на прав. архиеп. Фоксигу. С.11.78.
19. П.А. Столыпин. Стх. В. Писма. С.11.87.
20. Сборник статей литературного содержания. С.11.98.
21. Авторский Тараса Шевченко. С.11.106.
22. Письмо Пушкина к Родзянко. С.11.43.
23. Стихотворение... 10 порок. Писет в гражданств. С.11.45.
24. Из воспоминаний р. Дм. Мв. Качедовского. С.11.52.
25. Независимость писателя. Соч. А.Павловна. С.11.57.
26. Письмо Тараса Шевченко. С.11.1.
27. Сельванов. Дирна поэзия А.Погозова. С.11.13.
28. Писма. Ст. Писма. С.11.19.
29. Рукописные сочинения А.И. С.11.25.
30. Письмо Кавткы к Шевченко. С.11.27.
31. Из бумаг А.Г. Родзянко. С.11.28.
32. Уведомления премудрости. С.11.31.
33. Деления по истории русской литературы. С.11.37
34. Список домов 17-18 вв. С.11.66.
35. Писма... в переводе Тредьяковского С.11.67.
36. П.Селина. Путешествие в Грецию. С.11.64.
37. Наука статистики. С.11.83.
38. Уведомления премудрости о жизни супружеской. С.11.120.
39. Сельванов. Сх. Сочетаниях писем. С.11.122.
40. Ока. соч. Лукина. С.11.143.
41. Письмо к автору. С.11.202.
42. Письмо Караванина. С.11.71.
43. Рассказы на берегах Писма на берегах быта шведского. С.11.
44. Письмо В.И. Караванина. С.11.72.
45. Авторский Келлена и письмо к нему. С.11.13.
46. Дело Писма Харьк. Универс. о Караванина. С.11.66.
47. Дело о Караванина. 1830. С.11.67.
48. Писма. Авторский. С.11.13.
49. Бумага об основании Харьк. Универс. С.11.85.
50. Бумага Келлена. С.11.89.
51. Письмо Лобанова. С.11.103.
52. Бумага Келлена Рейнера. С.11.105.
53. Задания о Малороссии. С.11.112.
54. Исторические записки о фамилии Сельвановых. С.11.115.
55. Письма... С.11.127.
56. Записки Давидовича Кордена. С.11.133.
57. Писма Караванина. С.11.156.
58. Из писем Сельвановского к Келлену. С.11.162.
59. Сборник XVIII в. С.11.111.
60. Сборник XVIII в. С.11.113.
61. Сборник. С.11.41.

Передача треба за відповідним актом предстаненку
Шерч. *Шевченко* за уповноваженням останнього.
Про виконання повідомите.

ЗАБ. УПРАВЛЮЮЧОГО

/ВОНЯН/.

ЗАВМТОВСЬКИЙ.

/ДУБРОВСЬКИЙ/.

Віктор

Предписание Наркомпроса о передаче Институту
им. Т. Г. Шевченко рукописей ЦНУБ

должна стать одной из лучших в СССР»²⁴. Так бывшая университетская библиотека чуть не получила имя «вождя народов».

Конец дискуссии был положен Наркомом просвещения Н. А. Скрипником. На заседании коллегии Наркомпроса в 1933 г. он сказал: «Не думаю, що вийде добре, коли об'єднати бібліотеки. Тут треба виходити з їх цілеспрямовання. Наукова бібліотека має бути знаряддям наукової роботи... Завдання бібліотеки ім. Короленка інше, а саме: обслуговування широкого культурно-пролетарського активу. Цілеспрямовання інші, а значить, і об'єднувати не треба. Нам треба цей об'єднаний ентузіазм дещо прикоротити. Кілька разів це питання підноситься, кілька разів доходило воно до колегії і кожного разу відмовляли. Треба і зараз також відмовити»²⁵.

Опыт создания новой высшей школы в Украине убедительно показал, что ликвидация университетского образования не имела смысла. В 1933 г. Постановлением СНК УССР университеты в Украине были восстановлены. Был восстановлен и Харьковский университет, а библиотека вновь стала его неотъемлемой частью. К сожалению, К. И. Рубинский этого уже не узнал.

Несмотря на дискуссию о судьбе библиотеки бывшего Харьковского университета, жизнь её продолжалась. Решение больших задач, поставленных перед научными библиотеками, требовало наличия профессионалов. К 1926 г. в Украине практически ничего не было сделано в направлении их подготовки. В резолюциях специальных конференций эта задача возлагалась на научные библиотеки.

В 1926 г. в ЦНУБ начинает работать первый семинар по повышению квалификации библиотечных работников. Руководителем его был К. И. Рубинский. Об уровне семинаров, диапазоне интересов и профессиональной эрудиции его руководителя

---

²⁴ Реорганізація бібліотечної справи в столиці // Рад. книгяр. – 1931. – № 24. – С. 31.

²⁵ Скрипник М. О. Кілька слів про бібліотечну справу : промова на засіданні Колегії НКО 3.05.1932 р. // За соцбудівництво. – 1932. – № 2. – С. 5–8.

Лист.

2 ноября 1929 г. сдалено моею рукою передан-
ным Центральным Научным Библиотечным и Архивом, К. И. Рубин-
скому, за переданному Научно-Исследовательскому Институту Марса
Шевченко, Л. В. Архиву, в том же, что, ранее переданном
Институту 21.11.1929 г. в 1929, Библиотечного передан Институту
из рукописей:

С. П. 56. Рукопись "Киев" Византизм

С. П. 102. "Музыка", рукопись.

С. П. 104. "Параллель", игра

С. П. 123. Акт о передаче рукописей из фонда ЦНУБ Институту
имени Т. Г. Шевченко.

Всего 4 (четыре) рукописи.

Рукопись дала К. И. Рубинский

Рукопись приняла Шевченко

Акт о передаче рукописей из фонда ЦНУБ Институту
имени Т. Г. Шевченко (1929 г.)

свидетельствует тематика сделанных им двенадцати докладов: «Задачи библиотековедения», «История книги в России», «Революция в библиотечном деле в Германии», «О своевременном возвращении книг», «Нужна ли инвентарная книга», «Рационализация работы в научных библиотеках и консерватизм библиотечных работников» и другие. Занятия семинара превращались иногда в жаркие дискуссии по поводу внедрения новых форм и методов библиотечной работы. Семинар посещали не только сотрудники ЦНУБ, но и сотрудники Харьковской библиотеки им. В. Г. Короленко и других библиотек города, читатели.

Освободившись от административных обязанностей, К. И. Рубинский посвящает себя творческой работе. В архиве библиотеки хранятся неопубликованные, частично незавершенные рукописи его статей. Среди них «Размещение книг в библиотеке», «Деятельность библиотечного кружка при ЦНБ в 1926 г.», «Библиотека и руководство детским чтением».

В журнале «Шлях освіти» К. И. Рубинский публикует серию статей-рефератов по вопросам охраны детства в зарубежных странах. Знание иностранных языков позволяет ему читать в оригинале присылаемые материалы. Характерно, что печатаются рефераты под криптонимами библиотекаря (Р, Р. К., К. Р-ский, Р-ий). Осуществляя свою давнюю мечту, он работает над переводами произведений французских писателей на украинский язык. В период с 1928 по 1930 год были опубликованы его переводы четырех романов Э. Золя, романа П. Ампа. Это были одни из первых переводов романов французских писателей на украинский язык, получившие высокую оценку критиков.

И снова о положении библиотекаря: последняя публикация

Последней специальной публикацией Рубинского была его статья «Условия работы в научных библиотеках» (1926), напечатанная в журнале «Научный работник». Интересна история

появления этой статьи. В ее основе был доклад Константина Ивановича «Оплата труда в научных библиотеках», сделанный на семинаре. Доклад вызвал большой интерес у сотрудников ЦНУБ и других библиотек города. В результате дискуссии было принято решение направить доклад в Киев, в Наркомпрос, для постановки вопроса на Первом Всеукраинском библиотечном съезде. Статья касалась хорошо знакомого Рубинскому вопроса о материальном обеспечении служащих научных библиотек. Труд этих людей с высшим образованием, знаниями иностранных языков и в дореволюционное время приравнялся к канцелярской службе и оплачивался такими скромными окладами, как ни в одном ведомстве. Это сказывалось на отношении библиотечного персонала к своему делу. Только в 1914 г., в значительной степени под влиянием решения Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, были выработаны новые штаты. Заведующие библиотеками и их помощники были приравнены к преподавательскому составу, а оклады их значительно повышены. Благодаря этому уже в течение первых трех лет состояние научных библиотек существенно улучшилось.

По мнению К. И. Рубинского, стране, преодолевшей трудности, вызванные войнами, политическими и экономическими потрясениями, необходимо обратить внимание на научные библиотеки. Им предстоит сыграть важную роль в подготовке научных работников, специалистов, призванных участвовать в созидании экономического благосостояния страны. Достойная оплата труда должна привлекать для работы в научных библиотеках людей знающих и опытных, побуждать специально готовиться к библиотечной деятельности.

К. И. Рубинский, сравнивая оклады сотрудников научных библиотек до 1925 г. с существующими, делает вывод: «Это нищенское содержание, едва достаточное для того, чтобы одинокий человек не умер с голода ... Служба любой машинистки оплачивается лучше библиотечной службы. Ясно, что и после революции научные библиотеки находятся в таких условиях, при которых служба в них будет лишь временным этапом. Состав служащих

Колектив співробітників
та дирекція Центральної
Наукової бібліотеки
з болем сповіщають
про трагічну смерть

Костянтина Івановича
Рубінського

Зник тіла з 1 Радлікарні
(вул. К. Маркса) на міське
кладовище 2 грудня о 1 год.

Харківський пролетар - 1930р. 1 грудня

будет постоянно меняться» [42, с. 67]. Рубинский утверждает, что необходима градация в оплате труда библиотекарей, учитывающая уровень квалификации, стаж, опыт, лежащую на них нагрузку. Он считает существовавшее разделение служащих на категории не соответствующим интересам дела и предлагает свой вариант, закрепляющий должностную ответственность за все участки работы. Он уверен: «Будут улучшены материальные условия службы в научных библиотеках — найдутся даровитые люди, которые возьмут в свои руки это важное, до сих пор совершенно заброшенное дело» [42, с. 68]. И это написано в 20-е годы! Годы подъема библиотечного дела, годы бибпоходов и бибколхозов, о которых восторженно сообщали наши профессиональные журналы. И ни одной жалобы «бибслужащих» на низкую зарплату! Понятно, что подобная статья не могла быть напечатана в специальном журнале. Вряд ли она могла вызвать одобрение чиновников Наркомпроса, отношение которых к Рубинскому оставалось достаточно напряженным.

С созданием библиографического отдела К. И. Рубинский много внимания уделяет налаживанию библиографической работы. В 1928 г. в «Записках Харьковского института народного образования» был напечатан первый библиографический указатель «Спис наукових творів співробітників ХІНО за 1926 — 27 рр.» В этом же году в целях рационального использования мизерных средств, выделяемых на комплектование, по инициативе и при непосредственном участии К. И. Рубинского издается «Зведений каталог закордонної наукової літератури по бібліотеках Харкова 1927 року», отразивший иностранную периодику, получаемую 32 библиотеками города. Это была первая попытка координации комплектования и использования читателями периодических изданий. В 1928 и 1929 годах издание таких сводных каталогов было продолжено. Но впоследствии прекратилось.

Конец 20-х годов — один из самых драматических периодов в истории библиотеки бывшего Харьковского университета. В связи с его реорганизацией, созданием новых институтов, а также музеев Украины, начинается санкционированное

Наркомпросом целенаправленное систематическое распыление рукописных фондов крупных библиотек. Письмом, фактически приказом Наркомпроса, ЦНУБ надлежало передать вновь созданному Научно-исследовательскому институту им. Т. Г. Шевченко 63 ценнейшие рукописи. Как свидетельствуют источники того периода, этот институт «мав зосередити всі рукописні матеріали з історії шевченкознавства та українського письменства. В першу чергу йому будуть передані рукописні фонди ЦНУБ і Державної бібліотеки ім. В. Г. Короленка»²⁶. Деятельность всех пяти структурных подразделений Института им. Т. Г. Шевченко была связана с шевченковедением. Однако большая часть затребованных рукописей никакого отношения к данному направлению научных исследований института не имела. Среди бесценных раритетов — рукописи Пушкина, Гейне, Лермонтова, Радищева и других, а также «Бумаги об основании Харьковского университета», «Дело Правления Харьковского университета о Каразине», «Прошение Каразина», составляющее документальную историю университета. Наркомпрос одним росчерком пера лишил библиотеку уникальных рукописей, раритетов, составлявших славу и гордость его коллекции. Нетрудно представить, с какой болью подписывал акты на передачу рукописей К. И. Рубинский. Понимание значения происходящего и собственная беспомощность угнетали библиотекаря.

В 1927 г. научная библиотека отметила 40-летие библиотечной деятельности К. И. Рубинского. Наркомпрос этого события «не заметил».

7 ноября 1927 г. в Киеве состоялось торжественное заседание Всенародной библиотеки Украины, посвященное первому десятилетию ее основания. Свой доклад руководитель одного из ведущих отделов ВБУ В. А. Козловский начал такой фразой: «Ми можемо твердити не без підстави, що бібліотекознавства на Україні до революції не існувало: у нас не було ні організованих

---

²⁶ Про створення Науково-дослідного інституту ім. Шевченка // Червоний шлях. — 1928. — № 2. — С. 146.

осередків, ні навіть окремих осіб, котрі віддавались би студіями над тим, чи повинні бути бібліотеки на Україні, як проводити в них справу. Не існувало українського бібліотекознавства, що значить, не впроваджено бібліотекознавчих студій, бо людей, які студіювали ці проблеми в суто науковій установі, майже не було, і такі постаті, як К. І. Рубинський, були рідкими явищами» [145, с. 1].

В октябре 1929 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы». Признавая состояние библиотечного дела в СССР неудовлетворительным, отстающим от культурного роста широких масс, ЦК ВКП(б) открыто квалифицировал кадровую политику в библиотечном деле как антисоветскую и отмечал, что «в библиотеки проникли классово-враждебные элементы, которые в течение длительного времени творили в библиотеках и через библиотеки свое классово-враждебное дело». Поставленная ЦК ВКП(б) задача «...в течение ближайших шести месяцев проверить наличный состав библиотечных кадров на предмет их соответствия политическим и специальным требованиям, привлекая к этой проверке рабоче-крестьянского читателя»²⁷ звучала, как приговор большинству специалистов научных библиотек со знанием языков, опытом работы, окончивших дореволюционные университеты. Это был сигнал к травле старых кадров.

Выполняя постановление ЦК ВКП(б), комиссия политпросвещения Харьковского городского совета в феврале 1930 г. создает бригаду для проверки деятельности ЦНУБ. Это было первое административное вмешательство в работу библиотеки с целью фабрикования политических обвинений и выводов. В состав бригады по рекомендации Укрглавнауки был включен и К. И. Рубинский. Однако работал он в ней недолго. Понимая тенденциозность проверяющих, их непрофессионализм, Рубинский отказывается работать в органе по проверке библиотеки. Но

---

²⁷ Об улучшении библиотечной работы : Постановление ЦК ВКП(б) от 30 окт. 1929 г. // Партийное строительство. – 1929. – № 1. – С. 67–68.

проверяющим необходимо было отстранить его от работы в составе комиссии, используя так называемое «общественное мнение». В архиве библиотеки сохранился протокол заседания местного комитета. Ссылаясь на ряд заявлений сотрудников библиотеки (фамилии заявителей не указывались), К. И. Рубинского выводят из состава бригады, обвиняя в необъективном подходе к работе бригады. Комиссия организовала конференцию читателей, предварительно подготовив ее решение. Читатели осудили деятельность руководства ЦНУБ. Несложно представить, в какой обстановке работал коллектив библиотеки в течение всего времени проверки. По материалам проверки Пленум комиссии политпросвещения 17 марта 1930 г. принял резолюцию, в которой отмечалось, что библиотека представляет собой технический аппарат, оторванный от задач социалистического строительства и советской науки. В резолюции было записано: «Верхівне керівництво в самій бібліотеці весь час перебувало в руках старого чиновницького складу, що залишилось від дореволюційної доби. Серед них — особи з явною ворожою ідеологією або такі, що і тепер стоять на позиції аполітичності науки» [Арх. ЦНБ]. ЦНУБ обвинялась в использовании «архаичных методов работы, далеких от методов мировой библиотечной техники». Руководство библиотеки — в хранении незарегистрированной эмигрантской литературы, что позволяло Укрглавнауке давать отдельные разрешения на их возврат бывшим владельцам. Как политическое вредительство оценивалось сокрытие ценных рукописных фондов и документов из истории революционной борьбы от передачи в государственные фонды. Резолюция предписывала: 1) реорганизовать работу библиотеки в направлении включения в процесс социалистического строительства и создания «библиотечного колхоза» (!); 2) передать на дополнительное судебное расследование дело об утайке ценных документов и библиотек эмигрантской профессуры; 3) комиссия потребовала немедленно снятия с должности директора Альховской и «фактического зам. директора К. И. Рубинского», а также проведения досрочной чистки аппарата библиотеки [Арх. ЦНБ].

Социальная и личная драма библиотекаря

Выводы комиссии были ударом для коллектива библиотеки и, безусловно, для самого Константина Ивановича. Он понимал неотвратимую личную ответственность за выполнение каждого пункта резолюции комиссии. Необоснованные, тяжкие по тем временам обвинения требовали от него бесконечных отписок, справок, апелляций в высшие инстанции и следственные органы. Все это, как и тревога за судьбу библиотеки, предательство некоторых дрогнувших коллег, с которыми работал многие годы, многолетняя без отпуска и выходных дней работа подрывали его здоровье. Нельзя не вспомнить, что, оставаясь единственным кормильцем семьи в тяжелейших условиях голода, холода, разрухи, он, как и вся интеллигенция, вынужден был искать заработка ради любую работу. «И придумал для себя занятное ремесло», — вспоминал К. И. Рубинский. Ежедневно по дороге на работу он заходил на Благовещенский рынок, покупал бумагу, а ночью вся семья клеила кульки. На следующий день он отвозил их торговцам, получая мизерную оплату. В совокупности с нищенским окладом старшего помощника библиотекаря и скромными гонорарами за свои литературные труды это позволяло семье не умереть с голоду. Не могли не отразиться на моральном состоянии уже немолодого библиотекаря массовые репрессии, применяемые к научной интеллигенции, судебные и политические процессы 1929 — 1930 гг. Репрессивная политика по отношению к науке проявлялась в уничтожающей чистке фондов научных библиотек, происходившей под лозунгом партийности. Из фондов ЦНУБ изымались труды репрессированных ученых, общественно-политическая литература. Запретной литературой стали и книги членов «контрреволюционной» «Спілки визволення України», ликвидированной ОГПУ в 1929 г., — академиков Н. П. Василенко, С. Л. Рудницкого, И. Ю. Гермайзе, С. Ю. Семковского, О. В. Юринца, В. Н. Перетца, А. В. Чаянова и других. В 1930 г. в библиотеке создается спецхран, куда

передаются отдельные архивные материалы, а также частично издания, изъятые по спискам Главлита. В закрытый фонд выделяется также богословская литература.

Подводя итоги деятельности Наркомпроса по руководству библиотеками в 1930 — 1932 гг., А. А. Кобленц, начальник библиотечного управления Наркомпроса, в статье «Оточити бібліотеки увагою та піклуванням» сообщает: «У наукових і публічних бібліотеках, які стали кублами для класових ворогів, ВБУ, ЦНБ і бібліотека ім. В. Г. Короленка у Харкові, проведена очищувальна робота, викинуто чимало ворожого мотлоху, що їх засмічував...»²⁸. Кадровые чистки стали для Наркомпроса важнейшей формой «заботы» о библиотеках.

Коллектив библиотеки и, конечно, К. И. Рубинский тяжело расстаются с коллегами, отстраняемыми от работы после решения комиссии по проверке библиотеки. Увольняются выходцы из дворян, духовенства, семей чиновников — образованные, опытные и любящие библиотечное дело специалисты, относившие себя по происхождению к такой социальной группе, как «служащие». Следует, однако, отметить, что Укрглавнаука не дала согласия на увольнение К. И. Рубинского.

Понять его моральное состояние в эти годы нам помог анкетный листок, заполненный им для Наркомпроса²⁹. Зная анкетные ограничения, действовавшие в то время для всех, кто не мог подтвердить свое рабоче-крестьянское происхождение, Рубинский, внук священника, сын подполковника царской армии, дворянин, тоже определяет свое социальное положение как сын служащего. В графе о наградах ставит прочерк.

Несомненно, понимая, чем грозило по тому времени сокрытие социального положения, он испытывал чувство унижения, страха от возможного разоблачения. Но еще страшнее было

---

²⁸ Кобленц А. Оточити бібліотеки увагою та піклуванням // Бібліотека у соціалістичній Україні. — 1934. — № 8. — С. 40–43.

²⁹ ЦГАВОВ, ф. 166, оп. 12, л. 3474.

трагическое осознание своей не востребоваваемости. Специалист и ученый-библиотековед, он мог бы дать библиотековедению на стадии его нового становления и развития многое. Однако советскому библиотековедению опыт и знания К. И. Рубинского оказались ненужными. Имя библиотековеда не появляется на страницах специальных журналов. Полный живого и острого ума, он при жизни был предан забвению.

И хотя прямое обвинение в буржуазном объективизме по отношению к Рубинскому в литературе тех лет отсутствует, можно с большой долей уверенности утверждать, что по своим воззрениям он был близок к позиции выдающихся библиотековедов того времени: Н. А. Рубакина, Л. Б. Хавкиной, Л. Б. Покровского, Б. О. Боровича, Н. Я. Фридьевой, которые в противовес принципу партийности, классовости библиотечной работы обосновывали как главенствующую задачу библиотеки ее активное содействие развитию науки, культуры и просвещения.

В таком состоянии К. И. Рубинский продолжал работать в библиотеке до того рокового дня 1 декабря 1930 г., когда туманным утром он был сбит поездом возле пригородной станции «Зеленый гай». На следующий день он скончался в 1-й городской больнице.

Хоронили его 2 декабря. День был очень морозный. На 1-м городском кладбище собралось совсем немного людей. Над свежей могилой с прощальным словом выступали библиотекари научных библиотек, академик В. П. Бузескул, знавший К. И. Рубинского в течение 50 лет. Они отмечали большой вклад Константина Ивановича в развитие библиотековедения, подготовку библиотечных кадров. О трагической смерти библиотековеда сообщила газета «Харьковский пролетарий». Некролог о его смерти был помещен в «Журнал бібліотекознавства і бібліографії» (№5/6), который не был издан.

Похоронен К. И. Рубинский в Харькове. Могила его не сохранилась.

Оборвалась жизнь цельная и прекрасная, в течение которой почти 40 лет он самоотверженно служил любимому делу,

университетской библиотеке. Ушел из жизни, познав всю горечь ее несовершенства, крупнейший отечественный библиотековед, ушел в забвение на долгие десятилетия, не оцененный по достоинству как современниками, так и последующими поколениями.

В своей незавершенной работе «История русской библиотеки в дореволюционное время» К. И. Рубинский писал: «Люди завидовали мне, узнав, что я библиотекарь университетской библиотеки, что любая книга из любой области знаний доступна мне. И, действительно, не даром можно провести жизнь, служа в такой библиотеке, как наша... Надо только серьезнее смотреть на свое призвание и, служа в научной библиотеке, непрерывно стремиться возвыситься до чести служить в ней, потому что, не стремясь к всестороннему образованию, мы не по праву занимаем в ней место» [62, с. 8]. Эти слова, как завещание, обращены к нынешнему и будущим поколениям библиотекарей.

Круг источников, позволяющих восстановить биографию К. И. Рубинского, чрезвычайно ограничен. Отсутствуют архивы, письма, воспоминания, так необходимые биографу. Единственный краткий биографический очерк был опубликован в Библиографическом сборнике, составленном Э. А. Вольтером (1918 г.) [131, с. 11 – 12].

Сохранились для потомков работы Рубинского, которые свидетельствуют о его интеллекте, высоком профессионализме, широком спектре научных интересов и идей, многолетней любви к делу своей жизни, которому он служил преданно и верно. «Для немногих библиотека — цель и смысл жизни; попытка через изучение прошлого лучше понять то, что происходит сегодня, увидеть завтра; возможность соприкоснуться с красотой и гармонией книги. Для большинства — обычная работа: сохранение, разыскание, поиски, нахождение нужного читателю материала»³⁰. В этих словах сущность К. И. Рубинского.

---

³⁰ Леонов В. П. Пространство библиотеки: Библиотечные симфонии. — М., 2003. — С. 35.

Его труды материализуют личность библиотекаря, ученого-библиотековеда, одного из лучших представителей библиотечной, гуманистической интеллигенции Серебряного века русской культуры. Личность библиографа полностью соответствует формуле интеллигентности и, в частности, библиотечной интеллигентности, выведенной профессором А. В. Соколовым³¹: образованность и книжная культурность, креативность, этическое самоопределение в виде осознанного общественного долга коммуникационной толерантности, благоговения перед Книгой.

Мягкий, интеллигентный человек, старавшийся жить по законам христианской морали, К. И. Рубинский по убеждениям был человеком инициативы, типичным просветителем, лучшим хранителем интеллигентности.

---

³¹ Соколов А. В. Библиотечная интеллигенция в России. Ч. 1 : XI–XIX века : ист. очерки. – М., 2007. – С. 37.

Послесловие

О частной жизни К. И. Рубинского — а именно в ней раскрывается индивидуальность человека — раньше ничего не было известно. О ней могли рассказать только близкие люди. Помочь нам смогла единственная дочь Константина Ивановича — Антонина Константиновна Ляш-Рубинская, проживавшая в Харькове. Но даже то немногое, что сохранилось в памяти Антонины Константиновны об отце, дополнило наше представление о его личности, позволило сохранить фактографическую сторону его биографии советского периода.

Социальная драма последнего десятилетия жизни К. И. Рубинского углублялась семейной неустроенностью, тяготы которой он мужественно переносил. К сожалению, рано потеряв отца, дочь мало знала о его работе.

Воспоминания дочери К. И. Рубинского Антонины Константиновны Ляш-Рубинской (1912 – 2003)

Я родилась 12 июня (по старому стилю) 1914 г. и была единственной дочерью Константина Ивановича, которому в то время было 54 года. О дореволюционном периоде его деятельности я знаю со слов отца.

Он был сыном подполковника. Родился в 1860 г. Окончил Харьковский университет. Его родители, о которых я ничего не знаю, были, вероятно, скромные люди. Отец мой с 14 лет занимался репетиторством, помогая семье, младшим сестрам.

Пережив несчастную любовь (генерал запретил дочери встречаться с учителем гимназии), отец долго не женился. Женился он в 1912 г. Моя мать, Евдокия Сергеевна, полугречанка, очень красивая женщина, была значительно моложе его. Жили они на Москалевке. Со своим первым мужем она разошлась и одна

воспитывала сына. Мой отец был его репетитором. Когда в доме матери случился пожар и деревянное строение сгорело до основания, мать вместе с сыном Мишей пришли к Константину Ивановичу, и он оставил их у себя. Вскоре они поженились, и отец усыновил Мишу. Он тепло относился к нему, много с ним занимался. Я знала, что отец работал в университетской библиотеке, которую очень любил. Я часто болела воспалением легких, и врачи посоветовали отцу переехать на жительство за город. В поселке Зеленый гай отец взял в аренду у сельсовета старый дом, который он впоследствии выкупил, и мы туда переехали. По рассказам отца, во время Октябрьской революции он оставался в библиотеке один, так как все сотрудники разбежались.

В 1917 — 1918 гг. пригородного сообщения не было. Отец ночевал у швейцара, который жил во дворе университетской библиотеки. Константин Иванович относился к нему с большим уважением.

Отец очень много работал. Меня удивляло его необыкновенное трудолюбие. Он не признавал выходных дней, отпусков, развлечений, спал не более пяти часов. Праздники и выходные дни он проводил на работе. Сидел один в библиотеке, довольный, что никто не мешает ему писать карточки. Вспоминаю, что он возвращался с работы в 17⁰⁰, час работал в саду, до 12⁰⁰ работал в своем кабинете, а в пять часов утра он уже снова сидел за рабочим столом. Отец переводил на украинский язык романы Золя (роман «Истина» в его переводе сохранился у меня). В 1928 г. отец еженедельно отвозил в издательство пачку рукописного текста. Переводы неплохо оплачивались. Это была большая помощь в то трудное время. Отец знал иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, румынский, а также славянские: чешский, польский, болгарский. Он считал, что славянские языки имеют много общего. Нужно знать один, и тогда легко можно овладеть другими.

Отец был моим учителем до 5 класса. Он изучал со мной французский язык. Часто приносил из библиотеки сказки иностранных писателей в очень красивых изданиях. Читал их мне, требовал очень бережного отношения к ним и все аккуратно воз-

вращал. Я рано научилась читать. С большим удовольствием читала сказки Пушкина, любила поэзию Лермонтова, Некрасова, Жуковского, повести Гоголя. В доме было много красивых и дорогих книг, словарей, энциклопедий, книг по российской истории. Любимой книгой была «Моя первая русская история», написанная для детей. Я часами рассматривала прекрасно изданную книгу Брема «Жизнь животных». Самые ценные книги из библиотеки отца немцы забрали во время войны. Когда меня определили в 5 класс, мне нечего было там делать, т. к. я знала намного больше своих сверстников. Отец много со мной занимался. Часто рассказывал о своих заграничных впечатлениях. Помню его рассказ о движущихся тротуарах Парижа.

Отец очень меня любил. Никогда не оказывал на меня давления. О своей прошлой жизни и работе рассказывал очень скупое, обещал, что мы поговорим обо всем, когда я подрасту. К сожалению, этого не случилось.

В жизни отец был скромным, не требовательным человеком. Помню его в неизменном сюртуке. Друзей у отца не было. Знаю, что ближе всех к нему был профессор Д. И. Багaley. Где-то недалеко от нас была дача профессора Н. Ф. Сумцова. Иногда отец встречался с ним там. Хорошим приятелем отца был врач Юрченко, который посоветовал отцу переехать в загородный дом.

К революции отец относился как историк, понимая ее закономерность и неизбежность. Положительным считал то, что революция заставила людей работать, восстановить порядок в стране, разболтанной революциями и войнами. Труд он считал самым благородным делом человека. Очень огорчало его то, что революция уничтожила веру в Бога. Он был верующим человеком и по праздникам ходил в поселковую церковь.

Отец был очень сдержанным, я бы сказала, скрытным человеком. Я не знала, что до революции у него было столько трудов, что он читал лекции. После 20-х годов, когда у него было много неприятностей на работе, о чем мы узнали недавно благодаря исследованиям, сделанным сотрудниками библиотеки, семья ничего об этом не знала. Свои документы, свои труды он хранил в библиотеке.

Иногда он брал меня с собой на работу. В новом книгохранилище я боялась ходить, так как там был пол из металлической решетки. Постоянным местом работы отца был читальный зал. В кабинете он занимался служебными делами, принимал сотрудников, посетителей. О сотрудниках он ничего не рассказывал. Вспоминаю только, что у него не складывались отношения с новым директором А. Н. Альховской.

Семейная жизнь отца не сложилась. У мамы появилась другая семья. Большой дом (четыре отдельные комнаты) позволял жить двум семьям под одной крышей. Я жила на половине отца. Мне было 9 – 10 лет. Он много работал и содержал две семьи. И мне было его очень жалко. Когда я просила отца уйти со мной от новой семьи матери, он говорил: «Что ты, девочка, они через неделю умрут с голода». И никогда не позволял мне отрицательно говорить о матери. Незадолго до трагической гибели, уже после смерти второго мужа мамы, отец вновь расписался с матерью, понимая, что дом должен перейти ей в наследство, и она будет получать пенсию за него. Только позже я поняла, как тяжело ему жилось и как он был одинок. Но терпел он это из-за меня, т. к. не хотел лишать меня матери.

Помню тот день – 1 декабря 1930 г., когда отец погиб. Он не должен был идти на работу, потому что был выходной, но выходных у него никогда не было. Отец отправился на работу. Был сильный туман. От поселка Зеленый Гай до станции Высокий, где была остановка, отец шел по полотну железной дороги. Уже в ста шагах от станции он был сбит останавливающимся поездом, сигнала машиниста он не услышал. Отец упал, очки разбились, рассыпались разные документы и рукописи перевода. «Скорая помощь» отвезла его в 1-ю городскую больницу. Когда мы с мамой приехали, хирург сказал, что положение отца безнадежное. У него перелом ребер, удар в висок и, как следствие, внутреннее мозговое кровоизлияние. 2 декабря 1930 г. он скончался.

Я очень любила отца. Он всегда был нежен и добр, никогда не повышал голоса, уважал мое мнение. На похоронах я очень плакала, мне казалось, что жизнь моя кончена, и я просила Бога забрать меня вместе с ним.

Я бесконечно благодарна Центральной научной библиотеке, которой отец отдал всю свою жизнь, за восстановление его памяти, признание его вклада в библиотечную науку и историю библиотеки.

В 2003 г. Антонина Константиновна Рубинская скончалась. В Харькове проживают: ее дочь — внучка К. И. Рубинского — Людмила Анатольевна Игошина и ее сын Богдан, которым мы признательны за предоставленные материалы из семейного архива.

Судьба подарила мне встречу с еще одним представителем рода Рубинских. Это народный артист Украины, режиссер, драматург, художник, ведущий актер Харьковского театра кукол имени В. А. Афанасьева Алексей Юрьевич Рубинский. Неутомимый семейный летописец, он восстановил родословную своего прадеда, старшего брата К. И. Рубинского Михаила Ивановича (1854 — 1887).

Алексей Юрьевич любезно предоставил нам некоторые архивные документы, став большим другом Харьковского университета и Центральной научной библиотеки.

В Москве восстановлением родословной Рубинских и, в частности, сестры К. И. Рубинского Анны Ивановны (1864 — 1940 гг.) занимается ее праправнучка Т. П. Тарарина, которую мы также благодарим за предоставленные материалы.

В данной работе предпринята попытка систематизировать немногие выявленные материалы, связанные с жизнью и деятельностью К. И. Рубинского, одного из малоизвестных до недавнего времени отечественных библиотековедов, стоявших у истоков науки о библиотеке. Здесь затронуты далеко не все стороны его многоаспектной деятельности. Но надеемся, что нам удалось восстановить образ человека, отличающегося незаурядным талантом и организаторскими способностями, широтой библиотековедческого кругозора, неистощимой энергией. Верим, что дальнейшие глубокие исследования творческого наследия этого талантливого отечественного библиотековеда позволят оценить его весомый вклад в библиотековедение в соответствии

с исторической справедливостью. В этом нас убеждает активизация усилий исследователей по изучению его наследия в последние годы, новые прочтения его работ. Так, в фундаментальном исследовании, осуществленном коллективом ведущих современных ученых («Российское библиотековедение XX век. Направление развития, проблемы и итоги: Опыт монографического исследования». — М., 2003), рассматривается роль К. И. Рубинского в определении библиотековедения как науки, ставится вопрос о необходимости глубокого исследования этого феномена в общественно-историческом аспекте. По мнению ученых, в лекции «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения» К. И. Рубинский наметил масштабную программу исследований. Учеными высказывается весьма обоснованное предположение: «По всей видимости, он был одним из первых специалистов (не только в России, но и во всем мире), кто поставил проблему поиска библиотечных законов» [255, с. 15 — 19, 393].

К. И. Рубинский был украинским библиотековедом, внесшим значительный вклад в развитие библиотечной теории и практики, в осмысление сущности библиотековедения как самостоятельной научной дисциплины. Его работы не утратили своей актуальности и во многом перекликаются с современностью. Изучение его творческого наследия создает новое информационное поле для исследования исторического процесса развития библиотековедения в Украине, в том числе в региональном аспекте. История развития библиотековедческой мысли подтвердила правильность большинства его теоретических выводов. Библиотековедение признано наукой и успешно развивается. Библиотечная профессия приобрела социально значимый статус, создана система непрерывного библиотечного образования, у истоков которой он стоял.

Центральная научная библиотека Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, вступившая в третье столетие своей истории, библиотека с более чем трехмиллионным фондом, оснащенная современными телекоммуникационными технологиями, — достойный памятник Константину Ивановичу Рубинскому.

Библиографический указатель

Труды К. И. Рубинского

и литература о нем

1. [Отчет... библиотеки... за 1894 г.] // ЗХУ. — 1895. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 131. — Без подписи.
2. Письмо в редакцию [по поводу заметки о состоянии библиотеки Харьковского университета] // ХГВ. — 1895. — 5 авг., 1 сент.
3. Каталог книг, пожертвованных Павлом Петровичем Джунковским, предводителем дворянства Константиноградского у. Полтавской губ. Харьковскому университету в 1896 году. — Х. : Типо-литогр. Зильберберга, 1896. — 79 с. — Предисл. К. И. Рубинского. — С. 3—4.
4. [Отчет... библиотеки... за 1895 г.] // ЗХУ. — 1896. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 147. — Без подписи.
5. [Отчет... библиотеки... за 1896 г.] // ЗХУ. — 1897. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 164. — Без подписи.
6. Каталог книг, пожертвованных в 1896 г. Императорскому Харьковскому университету вдовой заслуженного ординарного профессора Ивана Петровича Сокальского Екатериной Денисовной Сокальской / сост. [К. И. Рубинский]. — Х. : Типо-литогр. Зильберберга, 1898. — 187 с.

То же // ЗХУ. — 1897. — Кн. 1, прил. — С. 1—32; Кн. 3. — С. 33—80; Кн. 4. — С. 81—174; 1898. — Кн. 1. — С. 175—187.
7. [Отчет... библиотеки... за 1897 г.] // ЗХУ. — 1898. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 176—177. — Без подписи.

8. Алфавитный указатель сочинений, помещенных по их названию / сост. [К. И. Рубинский] // Систематический каталог книг фундаментальной библиотеки Императорского Харьковского университета по отделению физико-математических наук, чистых и прикладных / сост. М. А. Тихомандрицкий. — Х., 1899. — С. 366—377.
9. [Отчет... библиотеки... за 1898 г.] // ЗХУ. — 1899. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 39—40. — Без подписи.
10. Каталог книг, поступивших в библиотеку Императорского Харьковского университета с 1 января по 30 июня 1901 года / сост. [К. И. Рубинский] // ЗХУ. — 1901. — Кн. 4, прил. — С. 3—52.
11. [Отчет... библиотеки... за 1900 г.] // ЗХУ. — 1901. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 166—167. — Без подписи.
12. Каталог книг, поступивших в библиотеку Императорского Харьковского университета с 30 июня по 31 декабря 1901 года / сост. [К. И. Рубинский] // ЗХУ. — 1902. — Кн. 4, прил. — С. 1—73.
13. [Отчет... библиотеки... за 1901 г.] // ЗХУ — 1902. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 142—143. — Без подписи.
14. Каталог книг, поступивших в библиотеку Императорского Харьковского университета с 1 января по 30 июня 1903 года. [Ч.] 1. Книги на русском языке. — Х., 1903. — 42 с.
15. [Отчет... библиотеки... за 1902 г.] // ЗХУ. — 1903. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 156—157. — Без подписи.
16. Отчет по командировке библиотекаря Императорского Харьковского университета Константина Рубинского для

осмотра библиотек в Москве, Петербурге, Юрьеве, Варшаве и Киеве с 23 апр. по 23 мая 1902 года // ЗХУ. — 1903. — Кн. 3, ч. офиц. — С. 17—63.

17. [Отчет... библиотеки... за 1903 г.] // ЗХУ. — 1904. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 179—181. — Без подписи.
18. [Отчет... библиотеки... за 1904 г.] // ЗХУ. — 1905. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 195—196. — Без подписи.
19. Библиотека Харьковского университета за 100 лет ее существования (1805—1905). — Х. : Печ. дело, 1907. — 44 с., 5 л. ил.

То же, под назв.: Фундаментальная библиотека университета // Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905 гг.). — Х., 1911. — С. 10—51.

20. [Отчет... библиотеки... за 1906 г.] // ЗХУ. — 1907. — Кн. 3—4, ч. офиц. — С. 128—130. — Без подписи.
21. Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас : докл., чит. в заседании библиотечной комиссии, 19 марта 1906 г. // ЗХУ. — 1907. — Кн. 3—4, ч. неофиц. — С. 13—34.

То же, отг. изд.: [Х. : Тип. М. Зильберберга, 1907]. — 22 с.

22. [Отчет... библиотеки... за 1907 г.] // ЗХУ. — 1908. — Кн. 3, ч. офиц. — С. 186—190. — Без подписи.
23. [Отчет... библиотеки... за 1908 г.] // ЗХУ. — 1909. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 136—142. — Без подписи.
24. Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас : докл., чит. библиотекарем Харьковского университета К. И. Рубинским в заседании Общества

библиотекovedения, 22 нояб. 1908 г. // ЗХУ. — 1909. — Кн. 1, прил. — С. 1—35.

То же, отг. изд.: Х. : Типо-литогр. Зильберберга, 1908. — 35 с.

25. Культурная роль библиотеки и задачи библиотекovedения : публ. лекция, чит. в актовом зале Харьковского университета, 22 нояб. 1909 г. // ЗХУ. — 1910. — Кн. 1, ч. неофиц. — С. 65—96.

То же, отг. изд. — Х., 1910. — 32 с;

То же, сокращ. // Библиотекарь. — 1981. — № 2. — С. 62—64.

Рец.: [Рецензия] // Утро. — 1910. — 4 мая. — Подпись: А. Е.

26. [Отчет... библиотеки... за 1909 г.] // ЗХУ. — 1910. — Кн. 3, ч. офиц. — С. 150. — Без подписи.

27. Причины неустройства наших академических библиотек // Библиотекарь. — 1910. — Вып. 2. — С. 13—22 ; Вып. 3—4. — С. 8—16.

28. Значение Д. И. Багалея в истории библиотечного дела // СХИФО. — 1911. — Т. 20. — С. LXI—LXVIII.

То же, отг. изд. — Х. : Печ. дело, [1911]. — 7 с.

То же // Профессор Дмитрий Иванович Багaley : К тридцатилетней годовщине его учено-педагогической деятельности (1880—1910 гг.). — Х., 1912. — С. 55—62.

29. [Отчет... библиотеки... за 1910 г.] // ЗХУ. — 1911. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 169—170. — Без подписи.

30. Библиотечные комиссии в академических библиотеках // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-е июня

1911 г. : в 2 ч. — СПб., 1912. — Ч. 2 : Доклады. — С. 79—92.

31. Каталог книг, пожертвованных в 1910 г. Императорскому Харьковскому университету вдовою Бориса Григорьевича Филонова Надеждой Михайловной Филоновой. — Х. : Типо-литогр. М. Сергеева и К. Гальченко, 1912. — 151 с.
32. [Отчет... библиотеки... за 1911 г.] // ЗХУ. — 1912. — Кн. 3, ч. офиц. — С. 164—165.
33. Положение библиотечного дела в России и других государствах // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 г. : в 2 ч. — СПб., 1912. — Ч. 2 : Доклады. — С. 1—15.
34. Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 г. : в 2 ч. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. — V, 224, 439 с., разд. паг. — Ч. 1: Журналы [заседаний]. — 224 с.; ч. 2: Доклады. — 439 с.

Предложения К. И. Рубинского на Первом Всероссийском съезде (ч. 2-я «Трудов»):

- *о необходимости улучшения условий труда библиотекарей.* — С. 58—59;
- *о необходимости открытия при Петербургском и Харьковском университетах кафедр библиотековедения и библиографии.* — С. 60—61;
- *о возможности приема на библиотечные курсы лиц со средним образованием.* — С. 65;
- *о необходимости установления образовательного ценза для поступающих на библиотечные курсы.* — С. 65;

-
- о характере «испытания» для лиц, оканчивающих курсы. — С. 66;
- о допуске на должности помощников библиотекарей лиц со средним образованием, окончивших библиотечные курсы. — С. 67;
- о создании библиотечных школ с двухлетним курсом обучения. — С. 71;
- о необходимости командирования Министерством просвещения двух лиц для ознакомления с опытом работы библиотечных школ в университетах Германии и США. — С. 71;
- о разграничении функций библиотечной комиссии и библиотекаря. — С. 74, 77;
- о роли библиографии среди обязательных для библиотекаря знаний. — С. 97;
- о проекте создания сводного каталога российских библиографических изданий. — С. 101—102;
- о создании при Министерстве народного просвещения Центральной библиотечной комиссии. — С. 107, 112—113.
35. [Отчет... библиотеки... за 1912 г.] // ЗХУ. — 1913. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 161. — Без подписи.
36. [Приветствие Харьковской общественной библиотеке в связи с двадцатилетним юбилеем от библиотеки Харьковского университета] / К. И. Рубинский, Д. П. Миллер // Отчет Харьковской Общественной библиотеки за двадцать шестой год ее существования (1-го окт. 1911 г. по 1-е окт. 1912 г.). — Х., 1913. — С. XVIII.

37. Ред.: Бюлетень библиотеки Императорского Харьковского университета. — Х., 1906—1908, 1911—1912 гг.

Выходило по 7—9 выпусков за год. В 1912 г. вышло 3 выпуска, и на этом издание бюллетеня прекратилось.

38. [Отчет... библиотеки... за 1913 г.] // ЗХУ. — 1914. — Кн. 1, ч. офиц. — С. 169—170. — Без подписи.
39. [Отчет... библиотеки... за 1914 г.] // ЗХУ. — 1915. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 158—159. — Без подписи.
40. [Отчет... библиотеки... за 1915 г.] // ЗХУ. — 1916. — Кн. 2—3, ч. офиц. — С. 147—148. — Без подписи.
41. [Рецензія] // Шлях освіти. — 1925. — № 10. — С. 182—184. — Підпис: Р. — Рец. на кн.: Указатель книг для рабочих библиотек с краткими пояснениями содержания каждой книги / сост. С. Анцыферов, [Н. Бузиньер, Ф. Доблер] и др. — М. : Изд-во ВЦСПС, 1924. — 536 с.
42. Условия работы в научных библиотеках // Науч. работник. — 1926. — № 2. — С. 61—69.
43. Проти з'єднання бібліотек // Культура і побут. — Х., 1928. — 17 листоп. — С. 6—7. — (Дод. до газ. «Вісті ВУЦВК»; № 45).
44. Харківська Центральна наукова бібліотека : Як обслуговуються читачі // Комуніст. — Х., 1928. — 9 верес.
45. Чи варто об'єднувати : З приводу ст. т. Годкевича «Якої бібліотеки потребує столиця» // Культура і побут. — Х., 1928. — 22 верес. — (Дод. до газ. «Вісті ВУЦВК»; № 38).
46. Чи потрібна в столиці Центральна наукова бібліотека // Комуніст. — Х., 1928. — 26 серп.

47. Зведений каталог періодичної закордонної наукової літератури по бібліотеках м. Харкова в 1928 та 1929 рр. / вид. Харк. центр. наук. б-ки. — Х., 1929. — 61 с.

Другие работы

48. Княжение Ярослава в Новгороде и значение его в новгородской истории : канд. дис. — Х., 1885. — См.: Историко-филологический факультет Харьковского университета за 100 лет его существования (1805—1905) / под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. — Х.: Тип. А. Дарре, 1908. — С. 126.
49. За рубежом : [Охрана детства в США] // Друг детей. — 1925. — № 4. — С. 42. — Подпись: Р-ий.
50. Загальні підсумки 1-го Всеукраїнського з'їзду клубних робітників // Шлях освіти. — 1925. — № 10. — С. 206—208. — Підпис: Р.
51. Опытные школы Тюрингии : [реф. рукописи, прислан. д-ром Гербертом Кюнертом] // Там же. — 1925. — № 5—6. — С. 148—157. — Подпись: К. Р-ский.
52. Охорона дитинства в Єгипті // Там само. — 1925. — № 7—8. — С. 260—261. — Підпис: К. Р.
53. Охрана детства на Западе // Там же. — 1925. — № 7—8. — С. 198—206. — Подпись: К. Р-ский.
54. [Перша] Всеукраїнська конференція викладачів суспільствознавства [16—21 трав., Харків] // Там само. — 1926. — № 6—7. — С. 219—224. — Підпис: Р. К.
55. Сесія Державного науково-методологічного комітету НКО в Києві, 23—28 січ. // Там само. — 1926. — № 1. — С. 137—151. — Підпис: Р. К.

56. Друга Всеукраїнська конференція викладачів соціально-економічних дисциплін у вузах [20—23 черв., Харків] // Там само. — 1928. — № 7. — С. 154—165. — Підпис: Р. К.
57. Образование рабочих-подростков в Австралии // Там же. — 1929. — № 5—6. — С. 217—218. — Подпись: К. Р-ский.

Переводы

58. Амп П. Шампанське : роман / П. Амп ; пер. з фр. К. І. Рубинського ; з передм. П. С. Когана. — Х. : Укр. робітник, 1928. — 167 с.
59. Золя Е. Твори / Е. Золя ; пер. з фр. К. І. Рубинського. — Х. : ДВУ, 1929—1930.

Т. 1 : Щастя Ругонів : роман. — 1929. — XI, VI, 348 с.

Т. 13 : Радість життя : роман. — 1930. — 372 с.

Т. 18, кн. 1 : Істина : роман. — 1930. — 350 с.

Т. 18, кн. 2 : Істина : роман. — 1930. — 330 с.

Рукописные материалы³²

60. Размещение книг в библиотеке. — Х., [1903]. — 22 с.
61. Не пора ли научным библиотекам приступить к научной организации труда. — Х., [1924—1925]. — 16 с.
62. История русской библиотеки в дореволюционное время : очерки. — Х., [1925—1926]. — 219 с.
63. Деятельность библиотечного кружка при Центральной научной библиотеке в 1926 году. — Х., 1926. — 4 с.

---

³² Хранятся в отделе редких изданий и рукописей ЦНБ ХНУ.

64. Не можна відкладати на довгий час наукову організацію праці по наукових бібліотеках. — Х., [1925—1927]. — 14 с.
65. Библиотеки и руководство детским чтением. — Б. м., б. г. — 42 с. — Отсутствует первая страница.
66. [О методах библиографического ознакомления с книгой]. — Х., [б. г.]. — 12 с.
67. Протоколы заседаний библиотечной комиссии Харьковского университета, 1909—1917. — № 1—72.
68. Рапорты, докладные, представления, прошения, 1897—1910:
- *Прошение в Правление университета о прекращении печатания каталога за 10-летний период, 26 апр. 1900 г.;*
  - *Докладная в библиотечную комиссию по урегулированию выписки периодических изданий, 12 дек. 1901 г.;*
  - *Прошение в Правление университета о необходимости давать сведения из бухгалтерии о выделенных для библиотеки ассигнованиях, 12 дек. 1901 г.;*
  - *Докладная о посещении библиотек России и плане расстановки книг в новом хранилище, 1902 г.;*
  - *Рапорт в Правление университета о необходимости упрощения регистрации книг в библиотеке с предложением способа упрощения, 1903 г.;*
  - *Прошение ... о выдаче дополнительного пособия служащим библиотеки в связи с переносом книг в новое книгохранилище и перекаatalogизацией, [1903];*

- *Прошение ... об освобождении служителей библиотеки от обязанностей уборки мостовой в связи с занятостью по переносу книг в новое книгохранилище, 1904 г.;*
- *Докладная о состоянии книжного фонда и каталогов после переноса книг в новое книгохранилище, 1904 г.;*
- *Прошение в Правление университета о необходимости давать на дом подготовительные работы для перекаatalogизации, 1904 г.;*
- *Прошение ... о продлении сроков на работу с каталогами, 1904 г.;*
- *Прошение ... о необходимости установки телефона между новым книгохранилищем и комнатой для выдачи книг, 24 января 1904 г.;*
- *Рапорт ректору университета о нежелательности использования помещения библиотеки для юбилейных торжеств, [1904];*
- *Прошение в Правление университета о необходимости увеличения штата библиотеки, 1905 г.;*
- *Представление списка служащих библиотеки с определением круга обязанностей, 1905;*
- *Докладная о новой системе выдачи книг в библиотеке университета, 1905 г.;*
- *Прошение ректору университета о разрешении заграничного отпуска в Париж с 1.VI. по 15.IX. 1905 г. (с прослушиванием курса французского языка для иностранцев) и осмотра европейских библиотек в связи с введением нового здания библиотеки университета, 1905 г.;*

- *Инструкция постоянной библиотечной комиссии при Императорском Харьковском университете, утвержденная Советом, 30 ноября 1906 г.;*
- *Прошение в Правление университета по поводу увеличения содержания служителю библиотеки П. Молчанову и приспешнику Ф. Кришталю, 1908;*
- *Представление ректору университета проекта правил замещения должностей в библиотеке, 1909;*
- *Докладная о необходимых работах по каталогизации, 1909 г.;*
- *Рапорт в библиотечную комиссию о необходимости при замещении вакансий в библиотеке учета знаний иностранных языков, 2 марта 1910 г.;*
- *Докладная записка Правлению университета с проектом правил для замещения должностей в библиотеке, о конкурсе на замещение вакансий и требованиях к библиотекарю, 19 марта 1910 г.*

Литература о К. И. Рубинском

69. Список студентов и посторонних слушателей лекций Императорского Харьковского университета на 1883—1884 акад. год. — Х. : Тип. ун-та, 1883. — 131 с.

С. 9: о К. И. Рубинском.

70. [Сведения о наградах и перемещениях по службе К. И. Рубинского] // Список чиновников и преподавателей Харьковского учебного округа, 1886. — Х., 1886. — С. 303; Спи-

сок лицам, служащим по Харьковскому учебному округу, 1890. — X., 1890. — С. 78 ; 1894. — С. 33 ; 1898. — С. 41 ; 1903. — Вып. 1. — С. 40 ; 1911. — Вып. 1. — С. 46 ; 1913. — Вып. 1. — С. 64.

71. [Об определении на службу коллежского асессора К. И. Рубинского помощником библиотекаря] // ЗХУ. — 1895. — Кн. 2. — С. 9.
72. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1894 год // ЗХУ. — 1895. — Кн. 2, ч. офиц. — С. 1—139.

С. 9: о назначении К. И. Рубинского помощником библиотекаря.

73. Список лицам, служащим в Пензенской губернии на 1897 г. — Пенза, Пенз. стат. комитет, 1898 г.³³

С. 9: о К. И. Рубинском, члене статистического губернского комитета.

74. Тихомандрицкий М. А. Предисловие / М. А. Тихомандрицкий // Систематический каталог книг фундаментальной библиотеки Императорского Харьковского университета по отделению физико-математических наук, чистых и прикладных / сост. М. А. Тихомандрицкий. — X., 1899. — С. I—IV.

С. I, III: о К. И. Рубинском.

75. Высочайшие награды // Циркуляр по Харьк. учеб. округу. — 1902. — № 2, [разд.] 1. — С. 2—7.

---

³³ Не проверено de visu.

С. 4: о награждение К. И. Рубинского орденом Св. Анны III степени.

76. Отчет Харьковской общественной библиотеки за восемнадцатый год ее существования (1 окт. 1903 по 1 окт. 1904). — Х., 1904. — 38 с.

С. 25: о К. И. Рубинском.

77. Приказом по гражданскому ведомству от 30 января 1904 г. № 8 библиотекарь К. И. Рубинский производится за выслугу лет из надворного в коллежские советники // Циркуляр по Харьк. округу. — 1904. — № 4. — С. 26.

78. Бузескул В. П. История Харьковского университета при действии Устава 1884 г. (с 1884 до 1905 г.) / В. П. Бузескул. — Х. : Тип. Адольфа Дарре, 1905. — 89 с.

С. 57: о К. И. Рубинском.

79. Ветухов А. В. О деятельности педагогического отдела Х. И. Ф. Общества в первое десятилетие — 1892—1902 годы / А. В. Ветухов // Сб. ХИФО. — 1905. — Т. 14. — С. 109—122.

С. 121: в списке членов Педагогического отдела ХИФО значится К. И. Рубинский.

80. Альбом к 100-летию (1805—1905) Харьковского университета / изд. под ред. проф. Д. И. Багалея фотографом А. М. Ивановичем. — Х., [1906]. — 40 л. табл. — Багaley Д. И. Объяснительный текст к альбому. — С. 1—6.

Табл. 37 (фото): 1. [Большой читальный зал (в нем работают проф. Н. Ф. Сумцов, М. Г. Халанский, Д. И. Багaley, библиотекарь К. И. Рубинский)]; 2. Библиотекарь К. И. Рубинский, 1897 г.

То же: Читальный зал библиотеки : [фото] // Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковско-го университета (1805—1905 гг.) / под ред. проф. Д. И. Багаля, И. П. Осипова. — Х., 1911. — Между 42 и 43 с.

81. Багалей Д. И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905) / Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. — Х. : Тип. А. Дарре, 1906. — VII, 329, XIV с.

С. 297: о К. И. Рубинском.

82. [Сведения о К. И. Рубинском] // *Весь Харьков : справ. кн.* — Х., 1906, 1913—1917, 1930.

На 1906/1907 гг. — 1906. — Стб. 305;

на 1913 г. — 1913. — Стб. 443;

на 1914 г. — 1913. — Стб. 369;

на 1915 г. — [1913]. — Стб. 306;

на 1916 г. — 1916. — Стб. 268;

на 1917 г. — 1917. — Стб. 274;

на 1930 г. — 1930. — С. 176.

83. Халанский М. Г. Опыт истории историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета / М. Г. Халанский // *Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905 гг.).* — Х., 1908. — Ч. 1. — С. 1—168.

С. 126: о К. И. Рубинском.

84. Дерунов К. Об очередных задачах Общества библиотековедения : Наши академические тенденции / К. Дерунов // *Рус. шк.* — 1909. — Т. 1, № 2. — С. 175—184.

Автор ссылается на работу К. И. Рубинского «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас» (Х., 1907).

85. Публичная лекция К. И. Рубинского [в пользу студентов историко-филологического факультета Харьковского университета на тему: «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения» : сообщ.] // Утро. — 1909. — 20 нояб.
86. [Сообщение о лекции К. И. Рубинского «О культурной роли библиотеки и задачах библиотековедения», прочитанной в Харьковском университете] // ЮК. — 1909. — 24 нояб.
87. Богданов П. Отчет о деятельности Общества библиотековедения за 1-й (1908) год / П. Богданов // Библиотекарь. — 1910. — Вып. 1. — С. 104—121.

С. 109, 111—113, 116, 120: о К. И. Рубинском.

88. Из жизни Общества библиотековедения // Библиотекарь. — 1910. — Вып. 2. — С. 85—121.

С. 85, 119: о К. И. Рубинском.

89. Отчет Общества библиотековедения за первые два года его существования (1908 и 1909). — СПб. : Герольд, 1910. — 54 с.

Членами Общества от Харьковского университета были К. И. Рубинский и Д. П. Миллер.

90. Список членов Общества [библиотековедения] : (К 1 июня 1910 г.): [М. А. Маслов, Д. П. Миллер, К. И. Рубинский] // Библиотекарь. — 1910. — Вып. 2. — С. 118—119.
91. Богданов П. Всероссийский съезд по библиотечному делу. Список докладов и проектов резолюций, вносимых

на рассмотрение съезда (по сведениям к 30 мая 1910 г.) / П. Богданов // Библиотекарь. — 1911. — Вып. 1. — С. 220—230.

С. 220, 221: о К. И. Рубинском.

92. Богданов П. Итоги Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу / П. Богданов // Библиотекарь. — 1911. — Вып. 3. — С. 282—289.

С. 289: о К. И. Рубинском.

93. Масловский С. Обзор работы 1 секции съезда : (Академические библиотеки) / С. Масловский // Библиотекарь. — 1911. — Вып. 3. — С. 296—321.

С. 296, 297, 302, 305: о К. И. Рубинском.

94. [О докладе К. И. Рубинского на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу] // ЮК. — 1911. — 4 июня.
95. [О командировке К. И. Рубинского и его помощника Д. П. Миллера на Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу] // ЮК. — 1911. — 1 апр.
96. Отчет Общества библиотековедения за третий год его существования (1910). — СПб. : Тип. акционер. о-ва типогр. дела, 1911. — 36 с.

С. 5: о докладе К. И. Рубинского «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения»; с. 35: о К. И. Рубинском.

97. Отчет о деятельности Общества библиотековедения за III [квартал] (1910). Общий обзор деятельности съезда // Библиотекарь. — 1911. — Вып. 2. — С. 243—249.

С. 249: о докладе К. И. Рубинского «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения».

98. Отчет о деятельности Харьковского общества распространения в народе грамотности за 1910 г. — Х. : Искусство, 1911. — 68 с.

С. 4: о К. И. Рубинском, действительном члене Общества, члене комитета 3-й библиотеки-читальни им. Н. А. Некрасова.

99. [Первый] Всероссийский съезд по библиотечному делу : Список докл. и проектов резолюций, вносимых на рассмотрение съезда (по сведениям к 31 мая) // Библиотекарь. — 1911. — Вып. 2. — С. 220—221.

В перечне докладов на съезде приводятся доклады К. И. Рубинского.

100. Плотников А. Е. Общий ход работы съезда : Его состав и средства / А. Е. Плотников // Там же. — 1911. — Вып. 3. — С. 290—295.

С. 292: о К. И. Рубинском.

101. Плотников А. Отчет о деятельности Общества библиотековедения за VIII (1910) год / А. Плотников // Там же. — 1911. — Вып. 2. — С. 245—264.

С. 249: о докладе К. И. Рубинского «Культурная роль библиотек и задачи библиотековедения».

102. Проскурякова Е. Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу / Е. Проскурякова // Рус. шк. — 1911. — № 8. — С. 109—116.

С. 109, 115: о К. И. Рубинском.

103. Резолюции Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу : приняты соединенным собранием секций съезда в заседании 7 июня 1911 г. // Библиотекарь. — 1911. — Вып. 2. — С. 2—36.

То же, отг. изд.: СПб. : Тип. И. Лурье и К, 1911. — 36 с.

С. 2: резолюции по докладам А. И. Калишевского и К. И. Рубинского;

С. 4: резолюции по предложениям К. И. Рубинского.

104. Съезд по библиотечному делу // Новое время. — 1911. — 2 июня. — Подпись: А. Б-въ.

Приводится краткое изложение доклада К. И. Рубинского.

105. Съезд по библиотечному делу // Там же. — 1911. — 9 июня. — Подпись: А. Б-въ.

О резолюции по докладу К. И. Рубинского и А. И. Калишевского.

106. Съезд по библиотечному делу : [сообщ.] // Россия. — 1911. — 3 июня.

Об открытии съезда и докладе К. И. Рубинского.

107. Съезд по библиотечному делу // ЮК. — 1911. — 4 июня.

О докладе К. И. Рубинского на съезде.

108. Васьков К. Н. Отчет о Первом Всероссийском съезде и выставке по библиотечному делу в г. С.-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г. / К. Н. Васьков. — Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1912. — 12 с.

С. 4: о К. И. Рубинском.

109. Высочайшие награды : На 1-е янв. 1912 г. // Циркуляр по Харьк. учеб. округу. — 1912. — № 1, [разд.] 4. — С. 16—21.

С. 17: о награждении К. И. Рубинского орденom Св. Анны II степени.

110. Масловский С. Библиотековедение / С. Масловский // Новый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., [1912]. — Т. 6. — Стб. 550—562.

Стб. 552: о К. И. Рубинском.

111. Отчет Общества библиотековедения за четвертый год его существования (1911). — СПб. : Герольд, 1912. — 48 с.

С. 16: о К. И. Рубинском.

112. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1911 год // ЗХУ. — 1912. — Кн. 3, ч. офиц. — С. 1—176.

С. 5: о командировке К. И. Рубинского и его помощника Д. П. Миллера на Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу.

113. Резолюции по докладам А. И. Калишевского и К. И. Рубинского о библиотечных комиссиях // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 г. : в 2 ч. — СПб., 1912. — Ч. 2. — С. 197.

114. Резолюция по предложениям К. И. Рубинского // Там же. — С. 197—198.

115. Серополко С. О. Внешкольное образование : сб. ст. / С. О. Серополко. — М. : Тип. К. Л. Меньшова, 1912. — 128 с.

С. 16: о работе К. И. Рубинского «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения».

116. Список членов Общества библиотековедения : (к 1 мая 1912 г.) : члены Общества : [Миллер Д. П. — помощник библиотекаря, Рубинский К. И. — библиотекарь Харьковского университета] // Библиотекарь. — 1912. — Вып. 2. — С. 180—184.

С. 183: о К. И. Рубинском.

117. Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 г. : в 2 ч. Ч. 1—2. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. — V, 224, 439 с., разд. паг.

Ч. 1, с. 19, 30, 35, 36, 47, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 65, 66, 67, 71, 73, 74, 75, 77, 82, 83, 85, 96, 97, 101, 102, 107, 111, 112, 113, 115, 117, 197, 198: о К. И. Рубинском.

118. К вопросу о штатах университетских библиотек // Библиотекарь. — 1913. — Вып. 1. — С. 2—7. — Подпись: А-н.

С. 2: о К. И. Рубинском.

119. Мезьер А. В. Из хроники библиотечного и книжного дела / А. В. Мезьер // Рус. шк. — 1913. — № 5—6. — С. 118—122.

С. 121: о докладе К. И. Рубинского на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу.

120. [О юбилейных изданиях Харьковского университета] // Вестн. ХИФО. — 1913. — Вып. 3. — С. 67. — (Известия и заметки).

Об участии К. И. Рубинского в написании книги «Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1809 гг.)».

121. Отчет Харьковской общественной библиотеки за двадцать шестой год ее существования (с 1-го окт. 1911 года по 1-е окт. 1912 г.). — Х. : Печатник, 1913. — 72, XLVI, XVII с.

С. XVII: о К. И. Рубинском.

122. Постников С. Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, сост. в СПб. с 1 по 7 июня 1911 г. / С. Постников // Заветы. — 1913. — № 9. — С. 238—239.

С. 239: о К. И. Рубинском.

123. Съезд по библиотечному делу : [О резолюциях съезда] // Речь. — 1913. — № 108. — С. 3. — Подпись: С. Б.-Ш.-Ш.

124. Список лиц, служащих в Императорском Харьковском университете (на 1 янв. 1913 г.). — Х. : Печ. дело, 1913. — 26 с.

С. 24: о К. И. Рубинском.

125. Криштофович Н. Краткий отчет о командировке на Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу в Санкт-Петербурге / Н. Криштофович. — Пг. : Тип. М. Д. Александрова, 1914. — 12 с.

То же // Зап. Ново-Александрійск. ин-та сел. хоз-ва и лесоводства. — 1915. — Т. 23, вып. 3. — С. 139—149.

С. 141: о К. И. Рубинском.

126. Список членов Общества библиотековедения (к 1 июня 1915 г.) // Библиотекарь. — 1915. — Вып. 2. — С. 233—241.

С. 240: о К. И. Рубинском — члене Общества.

127. Харьковский университет в 1914 г. // Утро. — 1915. — 16 янв.

О создании в университете библиотечной комиссии, в составе которой — секретарь-библиотекарь К. И. Рубинский.

128. Шестериков П. С. Постановка библиотечного дела в университетских и некоторых других библиотеках России / П. С. Шестериков. — Одесса : Тип. Б. И. Сапожникова, 1915. — 262 с.

С. 144—157: о К. И. Рубинском.

129. Иванов Г. И. К вопросу о материальном положении служащих академических библиотек / Г. И. Иванов // Библиогр. изв. — М., 1916. — №1—2. — С. 5—17.

С. 11: о К. И. Рубинском.

130. Курсы библиотековедения [при Харьковском обществе грамотности] // ЮК. — 1918. — 15 мая.

Среди лекторов — К. И. Рубинский.

131. Константин Иванович Рубинский : биобиблиогр. очерк // Биобиблиологический сборник / сост. Э. А. Вольтер. — Пг., 1918. — Т. 2, вып. 2. — С. 11—12 з портр.

132. Хавкина Л. Б. Книга и библиотека / Л. Б. Хавкина. — М. : Наука, 1918. — 169 с.

С. 111: о К. И. Рубинском.

133. Мезьер А. В. Словарный указатель по книговедению / А. В. Мезьер. — Л. : Колос, 1924. — 926 стб., VI с.

Стб. 119, 136, 145, 150, 420, 515, 535, 738: о К. И. Рубинском.

134. Сірополко С. Короткий курс бібліотекознавства : Історія, теорія та практика бібліотечної справи / С. Сірополко. — Львів, 1924. — 127 с. — (Накладом фонду «Учитесь, брати мої»; ч. 8).

С. 13: о книге К. И. Рубинского «Библиотека Харьковского университета за 100 лет ее существования».

135. Годкевич М. Поширити керівництво, завершити систему / М. Годкевич // Нова кн. — 1925. — № 9—10. — С. 12—14.

С. 13: о К. И. Рубинском.

136. Балика Д. А. Активізація роботи в наукових бібліотеках / Д. А. Балика // Бібліотечний збірник. — К., 1926. — Ч. 1 : Праці першої конф. наук. бібліотек УССР. — С. 89—98.

С. 90: о К. И. Рубинском.

137. Добржинский Е. Н. Автобиография / Е. Н. Добржинский // Библ. обозрение. — 1926. — Кн. 1—2. — С. 46—57.

С. 48: о К. И. Рубинском.

138. Оленева З. П. Подготовка библиотечных кадров в высшей школе (1917—1925 гг.) / З. П. Оленева // Труды библиотеки АН и ФБОН АН СССР. — М. ; Л., 1926. — Т. 6. — С. 217—233.

С. 230: о К. И. Рубинском.

139. Поршнев Г. И. Первые курсы по библиотечному делу: (Воспоминания) / Г. И. Поршнев // Библиотека : XXXV лет библиотечной деятельности Л. Б. Хавкиной : сб. ст. / Г. И. Поршнев. — М.; Л., 1927. — С. 113—122.

С. 114: о К. И. Рубинском.

140. К. І. Рубинський : (3 нагоди сорокалітнього педагогічного та бібліотекарського ювілею) // Наука на Україні. — 1927. — № 2—4. — С. 314—318.

141. Хавкина Л. Б. Наши научные библиотеки до и после революции / Л. Б. Хавкина // Красный библиотекар. — 1927. — № 10. — С. 23—32.

С. 30: о статье К. И. Рубинского «Причины неустройства наших академических библиотек».

142. Центральна науково-учбова бібліотека (Харків) // Наука на Україні. — 1927. — № 2—4. — С. 304—310.

С. 308—309: о семинаре К. И. Рубинского.

143. Ясинський М. І. Бібліотечна справа на Радянській Україні / М. І. Ясинський // Зоря. — Дніпропетровськ, 1927. — № 10—11. — С. 65—70.

С. 65, 67: о К. И. Рубинском.

144. Гаврилів М. Дайте і нам слово сказати : До реорганізації ХЦН[У]Б / М. Гаврилів // Комуніст. — 1928. — 11 жовт.

О статьях К. И. Рубинского, в которых отстаивается целостность библиотеки.

145. Козловський В. Бібліотекознавство в УРСР за період 1917—1927 років : [доп. на урочистому засіданні Ради Всенародної бібліотеки України, 7 листоп. 1927 р.] / В. Козловський // Журн. бібліотекознавства та бібліографії. — 1928. — № 2. — С. 1—14.

С. 1: о К. И. Рубинском.

146. Матеріали до реформи бібліотечної справи на Україні : Від редакції // Бібліол. вісті. — 1928. — № 1. — С. 66—91.

С. 87: о статье К. И. Рубинского по поводу объединения научных библиотек Харькова.

147. Орлов Н. Н. Библиография библиотековедения (1917—1927) / Н. Н. Орлов. — М. ; Л. : Госиздат, 1928. — 174 с.

С. 53: о К. И. Рубинском.

148. Рубинский К. И. // Наука и научные работники СССР. — Л., 1928. — Ч. 6 : Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. — С. 354.

149. Гущин Б. П. Кооперирование научных библиотек / Б. П. Гущин // Труды Второй Всерос. конф. научных библиотек : стеногр. отчет. — Л., 1929. — С. 39—44.

С. 40: о К. И. Рубинском.

150. Дерунов [К. Н. Выступление] / [К. Н.] Дерунов // Там же. — С. 99—100.

С. 100: о К. И. Рубинском.

151. Майфет Г. [Рецензия] / Г. Майфет // Червон. шлях. — 1929. — № 8—9. — С. 248—253. — Рец. на кн.: Твори. Т. 1: Щастя Ругонів : роман / Е. Золя ; пер. з фр. К. І. Рубинського. — Х.: ДВУ, 1929. — 348 с.

Анализ особенностей переводческого стиля К. И. Рубинского.

152. Родзевич С. Новини західноєвропейської літератури / С. Родзевич // Життя й революція. — 1929. — № 5. — С. 153—154.

О романе Э. Золя «Счастье Ругонов» в переводе К. И. Рубинского.

153. Родзевич С. Новини перекладної літератури / С. Родзевич // Там само. — 1929. — № 3. — С. 169.

Об особенностях перевода К. И. Рубинским романа П. Ампа «Шампанское».

154. Сагарда М. Основні питання зведеного каталога часописів у бібліотеках України / М. Сагарда // Журн. бібліотекознавства та бібліографії. — 1929. — № 3. — С. 43—54.

С. 44: о пособи «Зведений каталог періодичної закордонної наукової літератури по бібліотеках м. Харкова 1928 та 1929 рр.» (сост. К. И. Рубинский).

155. Штейн В. А. Правовое положение сотрудников научной библиотеки / В. А. Штейн // Труды Второй всерос. конф. научных библиотек : стеногр. отчет. — Л., 1929. — С. 84—94.

С. 84: о К. И. Рубинском.

156. Ясинський М. Бібліографія на Радянській Україні, 1927 р. / М. Ясинський // Журн. бібліотекознавства та бібліографії. — 1929. — № 3. — С. 71—82.

С. 73—74, 79: о К. И. Рубинском.

157. Боровий С. Наукова бібліотека в сучасних умовах / С. Боровий // Бібліол. вісті. — 1930. — № 1. — С. 59—90.

С. 60: о К. И. Рубинском.

158. [Повідомлення про трагічну загибель К. І. Рубинського] // Харк. пролетар. — 1930. — 2 груд.

159. Костянтин Іванович Рубинський : [некролог] // Журн. бібліотекознавства та бібліографії. — 1930. — № 5/6. — Номер не вийшов з друку. Машинопис зберігається в архіві Ін-ту архівознавства НБУ ім. В. І. Вернадського. Ф. 1, оп. 2, од. зб. 10, арк. 92.

160. Стебельський Є. Індустріалізація країни та книжкові ресурси провінції / Є. Стебельський // Журн. бібліотекознавства та бібліографії. — 1930. — № 4. — С. 5—15.

С. 7: о К. И. Рубинском.

161. Харківська Центральна наукова бібліотека // Там само. — 1930. — № 4. — С. 103—104.

С. 103, 104: о К. И. Рубинском.

162. О книговедческом профессиональном образовании в России и в СССР // Советская библиография : сб. — М., 1935. — Вып. 4. — С. 161—164.

С. 161: о К. И. Рубинском.

163. Фрід'єва Н. Я. Центральна наукова бібліотека Харківського державного університету: (До 135-річчя її існування) : іст. нарис / Н. Я. Фрід'єва // Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О. М. Горького, 1805—1940 : ювіл. вид. / Н. Я. Фрід'єва. — Х., 1940. — С 107—132.

С. 109, 111, 112, 116, 117, 122, 126: о К. И. Рубинском.

164. Кауфман И. М. Русские биографические и биобиблиографические словари / И. Кауфман. — М. : Госкультпросвет, 1955. — 749 с.

С. 424: о К. И. Рубинском.

165. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. — Х. : Изд-во Харьк. ун-та, 1955. — 385 с.

С. 132: о К. И. Рубинском.

166. Громова А. А. О подготовке библиотечных кадров до Октябрьской революции / А. А. Громова // Тр. Ленингр. библ. ин-та. — 1958. — Т. 4. — С. 49—60.

С. 52, 53: о К. И. Рубинском.

167. Олейниченко О. К. Библиотечное строительство на Украине в первые годы советской власти (1917—1925) / О. К. Олейниченко // Библиотеки СССР. Опыт работы. — М., 1959. — Вып. 12. — С. 135—171.

С. 171: о семинаре под руководством К. И. Рубинского.

168. Громова А. А. Деятельность Первого библиотечного общества в России : (К 50-летию Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу) / А. А. Громова // Там же. — М., 1961. — Вып. 8. — С. 193—213.

С. 200, 201, 210, 212: о К. И. Рубинском.

169. Оленева З. П. Место библиотеки в общественной жизни / З. П. Оленева // Там же. — С. 3—33.

С. 33: о К. И. Рубинском.

170. Оленева З. П. Подготовка библиотечных кадров в высшей школе (1917—1925) / З. П. Оленева // Тр. б-ки АН и ФБОН АН СССР. — М., 1962. — Т. 6. — С. 217—233.

С. 230: о К. И. Рубинском.

171. Кирпичева И. К. К. Н. Дерунов (1866—1929) : Очерк жизни и деятельности / И. К. Кирпичева. — М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. — 122 с.

С. 48: о К. И. Рубинском.

172. Никитина Н. П. Из истории возникновения и развития сети библиотек в высших учебных заведениях / Н. П. Никитина // Тр. науч. б-ки Саратов. ун-та. — 1964. — Вып. 3. — С. 41—75.

С. 53, 61—62, 65—67, 72: о К. И. Рубинском.

173. Матвіїшин В. Еміль Золя на Україні / В. Матвіїшин // Всесвіт. — 1966. — № 11. — С. 89.

С. 89: о переводах К. И. Рубинского.

174. Дерунов К. Н. Избранное : тр. по библиотековедению и библиографии / К. Н. Дерунов ; под ред. Ю. В. Григорьева. — М. : Книга, 1972. — 237 с.

С. 28, 176, 177, 178, 179, 207, 208: о К. И. Рубинском.

175. Мазманьянц В. К. Костянтин Іванович Рубинський : [Нарис життя і діяльності] / В. К. Мазманьянц, М. Г. Швалб // Бібліотекознавство та бібліографія. — 1974. — Вип. 15. — С. 128—134. — Бібліогр.: с. 131—134.

То же, на рус. яз. // История Центральной научной библиотеки Харьковского университета (1805—1917 гг.) / В. К. Мазманьянц, Б. П. Зайцев, С. М. Куделко. — Х., 1992. — С. 59—64.

176. История библиотечного дела на Украине (1917—1932 гг.) : учеб. пособие / под ред. Т. А. Скрипник. — Х. : ХГИК, 1975. — 208 с.

С. 7: о К. И. Рубинском.

177. Мазманьянц В. К. З історії бібліотеки Харківського державного університету / В. К. Мазманьянц // Бібліотекознавство та бібліографія. — 1977. — Вип. 17. — С. 106—116.

С. 108: о К. И. Рубинском.

178. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР : [учебник] / К. И. Абрамов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Книга, 1980. — 351 с.

С. 112: о К. И. Рубинском.

179. Столяров Ю. М. Внесок бібліотекознавців УРСР у розвиток радянського бібліотекознавства / Ю. М. Столяров // Бібліотекознавство та бібліографія. — 1980. — № 20. — С. 90—95.

С. 93: о К. И. Рубинском.

180. Мазманьянц В. К. Юбилей библиотеки Харьковского государственного университета / В. К. Мазманьянц // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1981. — № 1. — С. 37—41.

С. 38: о К. И. Рубинском.

181. Мільман В. А. Стан бібліотечної теорії в Росії наприкінці XIX — на початку XX ст. / В. А. Мільман // Бібліотекознавство та бібліографія. — 1984. — № 24. — С. 26—31.

С. 29—31: о К. И. Рубинском.

182. Мильман В. А. Становление советского библиотековедения как общественной науки (1917—1925 гг.): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. пед. наук / В. А. Мильман. — М., 1987. — 16 с.

С. 3, 11: о К. И. Рубинском.

183. Библиотековедение : общий курс : учебник для библ. ф-тов ин-тов культуры / под ред. К. И. Абрамова, Н. С. Карташова. — М. : Кн. палата, 1988. — 223 с.

С. 28: о К. И. Рубинском.

184. Григорьев Ю. В. История русского библиотековедения (1700—1860 годы) / под ред. и с коммент. проф. Ю. Н. Столярова // Ю. В. Григорьев (1899—1973) / Ю. Н. Столяров. — М., 1989. — С. 69—188.

С. 172, 173: о К. И. Рубинском.

185. Гудаускас Р. Ю. Роль и место университетов в системе высшего библиографического образования в СССР / Р. Ю. Гудаускас // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 4. — С. 24—26.

С. 25, 26: о К. И. Рубинском.

186. Лукашов И. В. Развитие представления о статусе библиотековедения в дореволюционной России / И. В. Лукашов // Советское библиотековедение. — 1989. — № 6. — С. 17—23.

С. 19: о докладах К. И. Рубинского и Е. Н. Добржинского на I Всероссийском библиотечном съезде.

187. Мильман В. А. Общетеоретическая проблематика в отечественном библиотековедении начала XX в. / В. А. Мильман // Там же. — С. 9—17.

С. 13, 14, 16: о К. И. Рубинском.

188. Рубанова Т. Д. Первый съезд российских библиотекарей : (80 лет спустя) / Т. Д. Рубанова // Там же. — 1991. — № 6. — С. 43—51.

С. 44, 45, 48: о К. И. Рубинском.

189. Ванеев А. Н. Взгляды на библиотечную профессию в конце XIX — начале XX века / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 5. — С. 17—24.

С. 22—23: о К. И. Рубинском.

190. Зверевич В. Заметный след в истории : [О первом Всероссийском съезде по библиотечному делу (1911)] / В. Зверевич // Библиотека. — 1992. — № 1. — С. 7—8.

С. 7: о К. И. Рубинском.

191. Мазманьянц В. К. История Центральной научной библиотеки Харьковского университета (1805—1917 гг.) / В. К. Мазманьянц, Б. П. Зайцев, С. М. Куделко. — Х. : ХГУ, 1992. — 68 с.

С. 13, 15, 17, 18, 34, 36, 40, 41, 56, 59—62: о К. И. Рубинском.

192. Сєдих В. В. Внесок Харківської бібліотечної школи в розвиток бібліотекознавства та бібліотечної справи / В. В. Сєдих //

Конф. професорсько-викладацького складу та студентів [ХДІК] за підсумками науково-творчої роботи за 1991 р. : тези доп., 29 квіт. 1992 р. — Х., 1992. — С. 90—91.

С. 90: о К. И. Рубинском.

193. Абрамов К. И. Демократические преобразования библиотечного дела России в период февральской революции (февр. — окт. 1917 г.) : лекция для студ. библ. ф-тов ун-тов и вузов культуры / К. И. Абрамов. — М.: МГИК, 1993. — 42 с.

С. 18: о К. И. Рубинском.

194. Абрамов К. И. У истоков библиотечного образования в России / К. И. Абрамов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1993. — № 5. — С. 56—59.

С. 57—58: о К. И. Рубинском.

195. Абрамов К. И. Февральская революция и демократические преобразования в библиотечном деле России / К. И. Абрамов // Сов. библиотековедение. — 1993. — № 4. — С. 82—94.

С. 87: о К. И. Рубинском.

196. Бібліотекознавство : Теорія, історія, організація діяльності бібліотек : [підруч.] / В. О. Ільганаєва, Г. Д. Ковальчук, Т. П. Самійленко та ін. — Х. : Основа, 1993. — 176 с.

С. 62, 64, 73: про К. І. Рубинського.

197. Історія Центральної наукової бібліотеки Харківського університету (1805—1992) : бібліогр. покажч. / упоряд. М. Г. Швалб, Ж. П. Корнєва, Р. А. Ставинська. — Х. : ХДУ, 1993. — 92 с.

С. 134 о К. И. Рубинском см. «Покажчик імен».

198. Лукашов И. Забытый первопроходец : [О библиотековед П. М. Богданове] / И. Лукашов // Библиотекарь. — 1993. — № 1. — С. 28—32.

С. 29, 31: о К. И. Рубинском.

199. Березюк Н. М. Внесок вчених Харківського університету у становлення та розвиток наукової бібліотеки / Н. М. Березюк // Історія бібліотечної справи в Україні : матеріали регіон. міжвід. наук. конф., Харків, листоп. 1993 р. — Х., 1994. — С. 55—65.

С. 62—63: о К. И. Рубинском.

200. Мільман В. А. Відображення бібліотекознавчих питань на сторінках періодичних видань України у 20-х роках / В. А. Мільман // Історія бібліотечної справи в Україні : матеріали регіон. міжвід. наук. конф., Харків, листоп. 1993 р. — Х., 1994. — С. 29—36.

С. 30: о К. И. Рубинском.

201. Самійленко Т. П. Внесок Харківської бібліотечної школи в історію бібліотечної справи в Україні / Т. П. Самійленко // Там само. — С. 15—24.

С. 17, 18: о К. И. Рубинском.

202. Ярошик В. О. Історія розвитку краєзнавчої бібліографії Харківщини / В. О. Ярошик // Там само. — С. 78—86.

С. 85: о К. И. Рубинском.

203. Березюк Н. М. Внесок вчених Харківського університету у становлення та розвиток наукової бібліотеки /

Н. М. Березюк // Тези Всеукр. краєзнавчої конф., присвяч. 70-річчю українського комітету краєзнавства (28—29 черв. 1995 р.). — Х., 1995. — С. 9—11.

С. 10, 11: о К. И. Рубинском.

204. Березюк Н. М. Український бібліотекознавець К. І. Рубинський і Центральна наукова бібліотека Харківського державного університету / Н. М. Березюк // Бібліотека у демократичному суспільстві : зб. матеріалів Міжнар. наук. конф., Київ, 21—23 листоп. 1995 р. — К., 1995. — С. 188—192.
205. Вальчак А. Впервые Центральная научная библиотека университета вручила свою премию [имени К. И. Рубинского] / А. Вальчак // ХГВ. — 1995. — 4 февр.
206. Глибицька С. Б. Імені бібліотекаря : [Заснування в ХДУ премії ім. К. І. Рубинського] / С. Б. Глибицька // Харк. ун-т. — 1995. — 13 жовт.
207. Одинока Л. П. Бібліотекознавча думка в Україні : історичні аспекти дослідження / Л. П. Одинока // Бібліотека у демократичному суспільстві : зб. матеріалів Міжнар. наук. конф., Київ, 21—29 листоп. — К., 1995. — С. 177—178.
- С. 178: о К. И. Рубинском.*
208. Пам'яті патріота ЦНБ : До 135-річчя з дня народження К. І. Рубинського // Харк. ун-т. — 1995. — 24 січ.
209. Столяров Ю. Н. Прорыв в новое качество / Ю. Н. Столяров // Библиотека. — 1995. — № 11. — С. 51—53. — Рец. на кн.: Бібліотекознавство: Теорія, історія, організація діяльності бібліотек: [підруч.] / В. О. Ільганаєва, Г. Д. Ковальчук, Т. П. Самійленко та ін. — Х.: Основа, 1993. — 194 с.

С. 51: о К. И. Рубинском.

210. Ярошик В. О. Краєзнавча бібліографія Харківщини / В. О. Ярошик // Краєзнавство : Літопис укр. краєзнавців. — 1995. — № 1—4. — С. 9—12.

С. 12: о К. И. Рубинском.

211. Березюк Н. М. Жизнь, отданная книгам : [О К. И. Рубинском] / Н. М. Березюк // Веч. Харьков. — 1996. — 11 июля.
212. Березюк Н. М. Костянтин Рубинський / Н. М. Березюк // Бібл. вісн. — 1996. — № 3. — С. 30—34 з фото.
213. Березюк Н. М. Учений і бібліотека : (Маловідомі сторінки історії [ХДУ]) / Н. М. Березюк // Харк. ун-т. — 1996. — 19 листоп.

Частично о вкладе К. И. Рубинского в становление и развитие библиотеки университета.

214. Блохіна І. О. Проблеми найстарішої вузівської бібліотеки : [ЦНБ ХДУ] / І. О. Блохіна // Нові технології навчання : наук.-метод. зб. — К., 1996. — Вип. 16. — С. 97—101.

С. 100, 102: о К. И. Рубинском.

215. Драган Р. А. Внесок харківських бібліотекознавців у розвиток бібліотечної справи і бібліотекознавства України / Р. А. Драган // Культура України : історія і сучасність : матеріали Всеукр. наук.-теорет. конф., 19—20 листоп. 1996 р. / Харк. ін-т культури. — Х., 1996. — С. 78.

В том числе о К. И. Рубинском.

216. Первые чтения памяти Константина Ивановича Рубинского : К 135-летию со дня рождения / [ЦНБ ХГУ ; науч. ред.

С. М. Куделко ; ред. М. Г. Швалб, В. Д. Прокопова]. — Х., 1996. — 48 с.

Содерж.: Константин Иванович Рубинский (1860—1930 гг.): Крат. биограф. очерк. — С. 3—4; Труды К. И. Рубинского по библиотекосведению. — С. 4—5; Программа чтений. — С. 6; Балла Э. В. Вступительное слово директора ЦНБ / Э. В. Балла. — С. 7—8; Воробьев В. В. Вступительное слово проректора ХГУ / В. В. Воробьев. — С. 8—9; Блохина И. А. Наследие К. И. Рубинского и современность / И. А. Блохина. — С. 10—13; Березюк Н. М. К. И. Рубинский — директор ЦНБ, 1917—1930 гг. : Фрагменты истории / Н. М. Березюк. — С. 13—18; Ляш-Рубинская А. К. Воспоминания дочери К. И. Рубинского / Антонина Константиновна Ляш-Рубинская. — С. 19—21; Балла Э. В. Заключительное слово директора ЦНБ / Э. В. Балла. — С. 41—42; Выписки из протокола № 3 от 24 февраля 1995 г. заседания Ученого совета Харьковского государственного университета об учреждении премии им. К. И. Рубинского и награждении премией первых лауреатов — [библиографа М. Г. Швалба и доц. исторического факультета Б. П. Зайцева]. — С. 44—46; Положение о порядке награждения премией им. К. И. Рубинского. — С. 47.

217. Самійленко Т. П. К. І. Рубинський — представник Харківської школи бібліотекознавства / Т. П. Самійленко, Р. А. Драган // Культура України : історія і сучасність : матеріали Всеукр. наук.-теорет. конф., 19—20 листоп. 1996 р. — Х., 1996. — С. 27.

218. Скворцов В. В. Общее библиотековедение : учебник : в 2 ч. Ч. 1 : Теоретические основы библиотековедения / В. В. Скворцов. — М. : МГУК, 1996. — 85с.

С. 16: о К. И. Рубинском.

219. Березюк Н. М. Вітаємо лауреатів [премії ім. К. І. Рубинського доц. історичного факультету С. М. Куделка і завідувачку

ДБВ ЦНБ В. Д. Прокопову] / Н. М. Березюк // Харк. ун-т. — 1997. — 23 верес.

220. Березюк Н. М. Наш земляк Константин Иванович Рубинский / Н. М. Березюк // Зеркальная струя. — Х., 1997. — № 1 (13), (январь — февраль). — С. 25—26 с фото.
221. Березюк Н. М. Пам'яті Костянтина Івановича Рубинського : [Другі наук.-практ. читання в ЦНБ ХДУ] / Н. М. Березюк // Бібл. вісн. — 1997. — № 4. — С. 27.
222. Борисов А. Программа «Либер» — к дню рождения библиотеки : [192-летию ЦНБ ХГУ] / А. Борисов // Время. — 1997. — 6 февраль.

В т. ч. о К. И. Рубинском.

223. Другі читання пам'яті Костянтина Івановича Рубинського, 28 лютого 1997 року / [ЦНБ ХДУ ; уклад. Н. М. Березюк ; наук. ред. В. В. Александров ; відп. ред. С. Б. Глибицька]. — Х., 1997. — 42 с.

Содерж.: Балла Е. В. Відкриття читань [директором ЦНБ] / Е. В. Балла. — С. 3—4; Посохов С. І. Вступне слово / С. І. Посохов. — С. 4—5; Мільман В. А. Внесок К. І. Рубинського у вітчизняне бібліотекознавство / В. А. Мільман. — С. 6—15; Березюк Н. М. К. І. Рубинський і Перший Всеросійський з'їзд з бібліотечної справи (1911 р.) / Н. М. Березюк. — С. 15—26; Куделко С. М. К. І. Рубинський — історик / С. М. Куделко. — С. 27—36; Євтушенко А. В. З історії формування фонду видань з мистецтва бібліотеки Харківського університету / А. В. Євтушенко. — С. 36; Грамма В. М. Життя, віддане Центральній науковій бібліотеці ХДУ : (До 70-річчя М. Г. Швалба) / В. М. Грамма. — С. 37—43; Рубинський О. Ю. [Про пошуки, пов'язані з історією роду Рубинських] / О. Ю. Рубинський. — С. 43; Балла Е. В. Заключне слово / Е. В. Балла. —

С. 44; Витяг з протоколу засідання Ради університету № 2 від 28 лют. 1997 року про нагородження премією ім. К. І. Рубинського Прокопової Валентини Денисівни та Куделка Сергія Михайловича. — С. 45; Програма читань. — С. 46—47.

224. Зворський С. Л. До проблеми вивчення історії бібліотечної справи в Україні / С. Л. Зворський // Бібл. вісн. — 1997. — № 4. — С. 20—21.

С. 20: о К. И. Рубинском.

225. Лукашов И. В. Анализ взглядов отечественных специалистов на проблему возникновения библиотечной науки / И. В. Лукашов // Библиотека в контексте истории : материалы науч. конф., Москва, 8—10 июля 1995 г. — М., 1997. — С. 96—110.

226. Румянцева И. Свет в далеком окне... : О К. И. Рубинском / И. Румянцева // Время. — 1997. — 13 мая.

227. Ярошик В. Дмитро Багалій і Харківська громадська бібліотека (до 110-річчя з дня заснування ХДНБ ім. В. Г. Короленка) / В. Ярошик, Т. Сосновська // Бібл. вісн. — 1997. — №1. — С. 16—18.

С. 18: о К. И. Рубинском.

228. Березюк Н. М. К. І. Рубинський і його доба / Н. М. Березюк // Бібліотекознавець Костянтин Іванович Рубинський (1860—1930) : біобібліогр. нарис. — Х., 1998. — С. 8—20.

229. Бібліотекознавець К. І. Рубинський (1860—1930) : біобібліогр. нарис / уклад. Н. М. Березюк ; бібліогр. ред. В. Д. Прокопова ; під ред. Е. В. Балла. — Х. : РА, 1998. — 68 с. : іл.

230. Ільганаєва В. О. Бібліотекознавство : конспект лекцій для студ. ф-ту бібліотекознавства / В. О. Ільганаєва. — Х. : ХДАК, 1998. — 69 с.

С. 5: о К. И. Рубинском.

231. Куделко С. М. К. І. Рубинський — історик / С. М. Куделко // Бібліотекознавець Костянтин Іванович Рубинський (1860—1930) : біобібліогр. нарис. — Х., 1998. — С. 29—33.
232. Кушнарєнко Н. М. Внесок Ю. М. Столярова у розвиток українського бібліотекознавства / Н. Кушнарєнко, А. Соляник // Вісн. Кн. палати. — 1998. — № 6. — С. 34—36.

С. 35: о К. И. Рубинском.

233. Кушнарєнко Н. М. К. І. Рубинський — фундатор українського бібліотекознавства / Н. М. Кушнарєнко // Бібліотекознавець Костянтин Іванович Рубинський (1860—1930): біобібліогр. нарис. — Х., 1998. — С. 21—23.
234. Лукашов И. В. «Точки роста» в истории библиотечной науки (конец XIX — первая половина XX в.) / И. В. Лукашов // Библиотековедение. — 1998. — № 4. — С. 22—35.

С. 25, 27: о К. И. Рубинском.

235. Мільман В. О. Внесок К. І. Рубинського у становлення бібліотекознавства як науки / В. О. Мільман // Бібліотекознавець Костянтин Іванович Рубинський (1860—1930) : біобібліогр. нарис. — Х., 1998. — С. 24—28.
236. Щербініна О. П. Д. І. Багалій як будівничий харківських бібліотек та бібліограф-краєзнавець / О. П. Щербініна // Наук. вісн. Харк. держ. пед. ун-ту. Історичні науки : зб. наук. пр. — 1998. — Вип. 1. — С. 72—79.

С. 72: о К. И. Рубинском.

237. Березюк Н. М. Знищений забуттям : (К. І. Рубинський — український бібліотекознавець) / Н. М. Березюк // Четверті Сумцовські читання : матеріали наук. конф., присвяч. 135-річчю з дня народж. Є. К. Редіна / Упр. культури Харк. обл. держ. адміністрації ; Харк. іст. музей. — Х., 1999. — С. 98—101.
238. Бібліотечна справа Харківщини до 1917 року : бібліогр. посіб. / Харк. держ. наук. б-ка ім. В. Г. Короленка ; уклад. Г. М. Єрофєєва. — Х., 1999. — 274 с.

О К. И. Рубинском см. именной указатель.

- 238а. Грамма В. К. І. Рубинський / В. Грамма // Харк. ун-т. — 1999. — 4 трав.
239. Драган Р. А. Бібліотека в поглядах харківських бібліотекарів : перший Всеросійський з'їзд з бібліотечної справи (1911 р.) / Р. А. Драган // Вісн. ХДАК. — 1999. — Вип. 1. — С. 74—77.
240. Столяров Ю. Н. 40 лет на профессиональном поприще / Ю. Н. Столяров // Мир библиографии. — 1999. — № 2. — С. 83—84. — Рец. на кн.: Бібліотекознавець К. І. Рубинський (1860—1930) : біобібліогр. нарис / уклад. Н. М. Березюк ; бібліогр. ред. В. Д. Прокопова ; під ред. Е. В. Балла. — Х. : РА, 1998. — 68 с. : іл.
241. Щербініна О. П. Науково-педагогічна діяльність Д. І. Багалія та бібліотечна справа / О. П. Щербініна // Багаліївські читання в НУА : Прогр. та матеріали / ХП «НУА» ; голов. ред. В. І. Астахова. — Х., 1999. — [Вип.] 2. — С. 107—111.

С. 109: о К. И. Рубинском.

242. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России : учеб.-метод. пособие для студ., преподавателей и библиотекарей-практиков / К. И. Абрамов. — М. : Либерия, 2000. — 175 с.

С. 104: о К. И. Рубинском.

243. Драган Р. О. Розвиток бібліотекознавчої думки. Харківська школа (початок ХХ ст. — 20-ті рр.) / Р. О. Драган // Вісн. ХДАК. — 2000. — Вип. 2. — С. 32—38.

Про праці К. І. Рубинського, Л. Б. Хавкіної, Н. Я. Фрігьєвої, С. Сірополка.

244. Березюк Н. М. Дорога длиною в 200 лет / Н. М. Березюк, Н. Н. Божко, Г. Е. Гигель и др. ; под общ. ред. В. И. Астаховой ; науч. ред. Н. М. Березюк // Очерки истории вузовских библиотек г. Харькова. — Х., 2001. — С. 20—121.

С. 31—55: о К. И. Рубинском.

245. Бібліотекознавець Любов Борисівна Хавкіна : творча спадщина і сучасність : матеріали наук. конф., присвяч. 130-річчю з дня народження Л. Б. Хавкіної (Харків, 30 жовт. 2001 р.). — Х., 2001. — 37 с.

С. 7: о К. И. Рубинском.

246. Третє читання пам'яті Костянтина Івановича Рубинського : Бібліотека на порозі ХХІ століття : історія і сучасність / ХНУ ім. В. Н. Каразіна, ЦНБ ; уклад. Н. М. Березюк ; відп. ред. С. Б. Глибицька. — Х., 2001. — 44 с.

Содерж.: Балла Е. В. Відкриття читань / Е. В. Балла. — С. 3; Зиман З. З. [Привітання і вручення дипломів лауреатів премії ім. К. І. Рубинського] / З. З. Зиман. — С. 3—4; Березюк Н. М. Служить

делу просвещения... : К. И. Рубинский о профессии библиотекаря / Н. М. Березюк. — С. 4—16; Труды К. И. Рубинского. — С. 16—17; Посохов С. І. До 135-річчя створення Харківського товариства поширення грамотності / С. І. Посохов. — С. 17—20: [С. 19: про К. І. Рубинського]; Журавльова О. С. На шляху до відкритого суспільства : твори письменників — членів Вільної академії пролетарської літератури (ВАПЛІТЕ) в фондах ЦНБ / О. С. Журавльова. — С. 20—26; Кучерявая Н. Н. Новые информационные технологии — проблемы и перспективы / Н. Н. Кучерявая. — С. 26—35; Круглова М. А. Обслуживание читателей в научно-технической библиотеке Харьковского государственного политехнического университета в условиях информационного голода / М. А. Круглова. — С. 35—40; Наказ про присвоєння звання лауреатів премії ім. К. І. Рубинського 1999 року [Н. М. Березюк, С. І. Посохов]. — С. 41; Лауреати премії ім. К. І. Рубинського [1995—1999 рр.]. — С. 42.

247. Трохименко Г. В. Хавкіна і розвиток вітчизняного бібліотекознавства : деякі аспекти дослідження / Г. В. Трохименко, Р. А. Драган // Бібліотекознавець Л. Б. Хавкіна : творча спадщина і сучасність : матеріали наук. конф., присвяч. 130-річчю з дня народж. Л. Б. Хавкіної (Харків, 30 жовт. 2001 р.). — Х. : ХДНБ, 2001. — С. 3—12.

С. 7: о К. И. Рубинском.

248. Щербініна О. П. Бібліографія в науковій спадщині Д. І. Багалій / О. П. Щербініна // Вісн. Харк. держ. акад. культури : зб. наук. пр. / Харк. держ. акад. культури. — Х., 2001. — Вип. 4. — С. 49—64. — Бібліогр. : 19 назв.

С. 51: о К. И. Рубинском.

249. Ківшар Т. Наукове видання бібліотеки Харківського державного університету / Т. Ківшар, Л. Одинока // Студії з архівної справи та документознавства. — 2002. — Т. 8. —

С. 262—265. — Рец. на кн.: Бібліотекознавець Костянтин Іванович Рубинський (1860 – 1930): біобібліогр. нарис / Харк. держ. ун-т, Центр. наук. б-ка; уклад. Н. М. Березюк. — Х.: РА, 1998. — 68 с.

250. Кушнарєнко Н. М. Вагомий внесок у царину досліджень історії вузівських бібліотек м. Харкова / Н. М. Кушнарєнко // Вісн. ХДАК. — 2002. — Вип. 9. — С. 205—207. — Рец. на кн.: Очерки истории вузовских библиотек г. Харькова / под общ. ред. В. И. Астаховой; Нар. укр. акад. — Х., 2001. — 528 с.

С. 205: о К. И. Рубинском.

251. Павлуша Т. Бібліотечна освіта : відповідь на виклик інформаційного суспільства / Т. Павлуша, Н. Смаглява // Бібл. вісн. — 2002. — № 6. — С. 25—30.

С. 25: о К. И. Рубинском, который преподавал курс библиотековедения в Харьк. ун-те.

252. Шабельник В. Каталоги вузівських бібліотек Харкова / В. Шабельник // Вісн. Кн. палати. — 2002. — № 9. — С. 37—40.

С. 38—39: о каталогах библиотеки Харк. ун-та (Я. Белена де Баллю, В. Джунковского, А. Павловского, М. Тихомандрицкого, К. Рубинского). Среди исследователей истории — И. Каганов, В. Седых, Н. Березюк.

253. Щербініна О. П. Бібліотечна справа і бібліографічна діяльність у житті та творчості М. Грушевського / О. П. Щербініна // Вісн. держ. акад. культури. — 2002. — Вип. 9. — С. 184—193.

С. 184, 185, 192: о К. И. Рубинском.

254. Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI — начало XX вв.) / А. Н. Ванеев. — М. : Пашков дом, 2003. — 303 с.: ил. — (Отечественная история библиотечного дела).

С. 14, 144—145, 151—154, 156—157, 159, 161, 173, 193, 198, 202: о К. И. Рубинском.

255. Российское библиотековедение : XX век. Направление развития, проблемы и итоги : опыт моногр. исслед. / сост. Ю. П. Мелентьева. — М. : ФАИР-ПРЕСС ; Пашков дом, 2003. — 428 с. — (Спец. изд. проект для б-к).

С. 15—19, 149, 393: о К. И. Рубинском.

256. Солоіденко Г. Розвиток бібліотекознавчої термінології в Україні (20—30-ті роки XX ст.) / Г. Солоіденко // Бібл. вісн. — 2003. — № 4. — С. 23—32.

С. 24, 25: о К. И. Рубинском.

257. Харків XX століття : бібліогр. покажч. : у 2 вип. / уклад. В. О. Ярошик, Н. І. Полянська, Т. В. Гологорська та ін. — Х., 2003. — 800 с.

О К. И. Рубинском см. именной указатель (с. 521, 653).

258. Шабельник В. Бібліотечні каталоги вузівських бібліотек м. Харкова наприкінці XVII — початку XX ст. / В. Шабельник // Культура та інформаційне суспільство XXI століття : матеріали наук. конф. молодих учених, 16—18 квіт. 2003 р. / Харк. держ. акад. культури. — Х., 2003. — С. 160—161.

С. 160: о каталогизации в ЦНБ Харк. ун-та в период управления библиотекой К. И. Рубинского.

259. Ванеев А. Н. Библиотечное дело : теория, методика, практика / А. Н. Ванеев ; СПб. ГУКИ. — СПб. : Профессия, 2004. — 368 с.

С. 41, 213: о К. И. Рубинском.

260. Капустіна Н. З історії створення відділу бібліотекознавства Харківської громадської бібліотеки / Н. Капустіна // Бібліотекознавець Л. Б. Хавкіна : Харківський період діяльності (1888—1918) : зб. матеріалів / ХДНБ ім. В. Г. Короленка ; уклад. А. М. Перепеча, Н. І. Капустіна. — Х., 2004. — С. 50—59.

С. 56: о К. И. Рубинском.

261. Перепеча А. М. Інформаційні ресурси з бібліотекознавства, бібліографознавства і книгознавства до 1917 р. у ХДНБ ім. В. Г. Короленка / А. М. Перепеча // Документи з бібліотекознавства, бібліографознавства та книгознавства у фондї Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка (1859—1917) : каталог. — Х., 2004. — Вип. 1. — С. 5—9. — (До 100-ліття відділу бібліотекознавства).

С. 9: о К. И. Рубинском.

262. Перепеча А. М. Столетие первого библиотековедческого фонда / А. М. Перепеча // Вестн. БАЕ. — 2004. — № 4. — С. 65—67.

С. 67: о К. И. Рубинском.

263. Соков П. С. Л. Б. Хавкіна. Вчений і людина / П. С. Соков // Бібліотекознавець Любов Борисівна Хавкіна : Харківський період діяльності (1888—1918) : зб. матеріалів. — Х. : ХДНБ, 2004. — С. 18—24.

С. 18—19: о Л. Б. Хавкиной и К. И. Рубинском; с. 19: о помощнике библиотекаря Н. П. Баллине.

264. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев та ін. — Х. : Фоліо, 2004. — 750 с.

С. 142: о К. И. Рубинском.

265. Березюк Н. М. Центральной научной библиотеке Харькова — 200 лет / Н. М. Березюк, И. Г. Левченко // Вестн. БАЕ. — 2005. — № 3. — С. 86—90.

С. 86: о К. И. Рубинском.

266. Зотова В. Перший Всеросійський бібліотечний з'їзд : до історії довідково-бібліографічного обслуговування населення // Бібл. планета. — 2005. — № 2. — С. 16—18.

С. 16, 17: об участии К. И. Рубинского в обсуждении доклада А. Калишевского по этой теме.

267. Капустіна Н. І. З історії створення відділу бібліотекознавства Харківської громадської бібліотеки / Н. І. Капустіна // Методична діяльність бібліотек : традиції, інновації, перспективи : матеріали регіон. наук.-практ. конф. 2 листоп. 2004 р. / Харк. держ. наук. б-ка ім. В. Г. Короленка. — Х., 2005. — С. 39—47.

С. 41: о К. И. Рубинском.

268. Новальська Т. В. Визначна віха в історії бібліотечної справи : (Перший Всеукраїнський з'їзд з бібліотечної справи 1911 р.) / Т. В. Новальська // Бібл. вісн. — 2005. — № 4. — С. 17—22.

С. 18—19: о К. И. Рубинском.

269. Онищенко О. Бібліотечна справа в Україні наприкінці XIX — у 10-х роках XX ст. : стан і основні напрямки розвитку / О. Онищенко, Л. Дубровіна // Бібл. вісн. — 2005. — № 2. — С. 3—13.

С. 10, 11: о К. И. Рубинском.

270. Соляник А. А. Система документопостачання бібліотечних фондів : закономірності розвитку : моногр. / А. А. Соляник ; Харк. держ. акад. культури. — Х. : ХДАК, 2005. — 229 с.

С. 123: о К. И. Рубинском.

271. Ажеева Е. Ю. Съезд, объединивший специалистов / Е. Ю. Ажеева, Э. К. Беспалова // Мир библиографии. — 2006. — № 5. — С. 61—66.

С. 65: о выступлении К. И. Рубинского на Первом библиотечном съезде.

272. Березюк Н. М. Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет / Березюк Н. М., Левченко И. Г., Чигринова Р. П. — Х. : ЧП Тимченко А. Н., 2006. — 390 с. : ил. — Библиогр.: 121 наим.

О К. И. Рубинском см. именной указатель.

273. Рубинский Константин Иванович : [биобиблиогр. справка] / сост. Чигринова Р. П. // Березюк Н. М. Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет / Березюк Н. М., Левченко И. Г., Чигринова Р. П. — Х., 2006. — С. 271—272.

274. Солоіденко Г. Історія створення та організація діяльності об'єднань та асоціацій в Україні / Г. Солоіденко // Наук. праці Нац. б-ки України ім. В. І. Вернадського. — К., 2006. — Вип. 15. — С. 48—63.

С. 54: о первом семинаре по повышению квалификации в ЦНБ Харьк. ун-та (рук. К. И. Рубинский).

275. Ажеева Е. Ю. Из истории первого библиотечного съезда России / Е. Ю. Ажеева // Библиотековедение. — 2007. — № 4. — С. 102—107.

С. 104, 105: о К. И. Рубинском.

276. Библиотечная энциклопедия : свыше 2000 ст. / редкол. : гл. ред.-сост. Е. И. Ратникова, Л. Н. Уланова. — М. : Пашков дом, 2007. — 1299 с.

С. 167, 887, 899, 1061: упоминания о К. И. Рубинском; С. 1064: о ЦНБ Харьк. ун-та.

277. Дивногорцев А. Л. Книга о старейшей университетской библиотеке Украины / А. Л. Дивногорцев // Вестн. БАЕ. — 2007. — № 4. — С. 82—86. — Рец. на кн.: Березюк Н. М. Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет / Березюк Н. М., Левченко И. Г., Чигринова Р. П. — Х.: ЧП Тимченко А. Н., 2006. — 390 с.: ил.

С. 82—83: о К. И. Рубинском.

278. Історія Харківського університету за двісті років : у 3 ч. : сист. бібліогр. покажч. / уклад. М. Г. Швалб, В. Д. Прокопова, С. Б. Глибицька та ін. — Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007. — 752 с.

О К. И. Рубинском см. именной указатель.

279. Общее библиотековедение. Ч. 1 : Теоретические основы : хрестоматия / сост. Р. А. Трофимова, Л. А. Фомина, М. Н. Тищенко ; науч. ред. А. Н. Ванеев. — М. : Либерия, 2007. — 536 с.

С. 3, 120, 123—124, 248, 249, 268, 269: о К. И. Рубинском.

280. Самойленко Т. П. Рубинский Константин Иванович / Т. П. Самойленко // Библиотечная энциклопедия / Рос. гос. б-ка ; гл. ред. Ю. А. Гриханов. — М., 2007. — С. 899.

281. Соколов А. Напоминание о собственном достоинстве : очерки по истории библиотечно-библиографической интеллигенции XX в. / А. Соколов // Библиотека. — 2007. — № 11. — С. 25—33.

С. 31: о К. И. Рубинском.

282. Столяров Ю. Н. Эволюция библиотечного фондирования / Ю. Н. Столяров, Н. Н. Кушнаренко, А. А. Соляник ; под ред. Ю. Н. Столярова. — М. : Фаир, 2007. — 688 с. — (Спец. изд. проект для б-к).

С. 99, 157, 169 (с фото), 237, 503 : о К. И. Рубинском.

283. Березюк Н. М. Д. И. Багалей и библиотека Харьковского университета : штрихи к портрету ученого // Багаліївський збірник : Академік Д. І. Багалій і бібліотечна справа України : наук. ст. та матеріали. — Х., 2008. — С. 56—60.

О роли Д. И. Багалея в деятельности К. И. Рубинского.

284. Бібліотечна справа і бібліотекознавство України (2001—2005) : наук.-допоміж. бібліогр. покажч. / Нац. парлам. б-ка України ; Харк. держ. наук. б-ка ім. Короленка ; [наук.

ред. М. С. Слободяник ; упоряд. О. А. Політова ; за участю О. П. Куніч та Л. В. Глазунової]. — К., 2008. — 235 с.

О К. И. Рубинском см. именной указатель.

285. Здановська В. 105-та річниця заснування відділу бібліотекознавства Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка : [Про Міжнародні наукові читання «Перший у країні відділ бібліотекознавства : до 105-ї річниці заснування», 14 – 15 трав. 2008 р.] / В. Здановська // Бібл. вісн. — 2008. — № 4. — С. 51—52.

С. 52: о докладе Н. М. Березюк «К. І. Рубинський і заснування Харківської бібліотечної школи».

286. Передмова // Багаліївський збірник : Академік Д. І. Багалій та бібліотечна справа України : наук. ст. і матеріали / Харк. держ. наук. б-ка ім. В. Г. Короленка ; [уклад. О. П. Куніч]. — Х., 2008. — С. 3—6.

С. 4: о К. И. Рубинском.

287. Сєдих В. В. Внесок Д. І. Багалія у становлення й розвиток харківської бібліотечної школи / В. В. Сєдих, О. П. Щербініна // Багаліївський збірник : Академік Д. І. Багалій та бібліотечна справа України : наук. ст. та матеріали. — Х., 2008. — С. 18—26.

С. 18, 24, 25, 26: о К. И. Рубинском.

288. Юрий Николаевич Столяров : биобиблиогр. указ. : К 70-летию со дня рождения / отв. ред. С. Г. Антонова ; Науч. центр исслед. кн. культуры РАН при НПО. — М. : Наука, 2008. — 232 с.

О К. И. Рубинском см. именной указатель.

289. Березюк Н. М. Времена не выбирают... : Библиотековед Н. Я. Фридьева (1894—1982) / Н. М. Березюк // Библиотека в контексте истории : материалы 8-й междунар. науч. конф., Москва, 5—6 окт. 2009 г. — М., 2009. — С. 275—283.

С. 279: о К. И. Рубинском.

290. Березюк Н. М. Джунковський — перший каталогознавець в Україні / Н. М. Березюк, В. В. Сєдих // Вісн. Кн. палати. — 2009. — № 3. — С. 49—51.

С. 49: о К. И. Рубинском.

291. Дубровіна Л. А. Бібліотечна справа в Україні в ХХ столітті / Л. А. Дубровіна, О. С. Онищенко ; Нац. Акад. наук України, Нац. бібліотека України ім. В. І. Вернадського, Ін-т рукопису. — К., 2009. — 530 с.

С. 38, 42, 50, 51, 56, 216, 478: о К. И. Рубинском.

292. Пашкова В. С. Національні бібліотечні асоціації, 1876—2008 : моногр. / В. С. Пашкова. — Х. : Акта, 2009. — 336 с.

С. 9, 64, 338: о К. И. Рубинском.

293. Константин Иванович Рубинский (1860—1930) : Украинский советский библиограф, библиотековед : 150 лет со времени рождения // Универсальный энциклопедический календарь-журнал для работников библиотек, школ и вузов, учреждений науки и культуры, любителей искусства и словесности, 2010 / гл. ред. Е. Тихонова. — М., 2009. — С. 624.

294. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР (до 1917 года) : учеб. для студ. библ. ин-тов / К. И. Абрамов, В. Е. Васильченко. — М. : Сов. Россия, 1959. — 199 с.

С. 177: о К. И. Рубинском.

295. Мильман В. А. Становление советского библиотековедения как общественной науки (1917 – 1925 г.г.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : спец. 05.25.03 «Библиотековедение и библиографоведение» / В. А. Мильман. — М., 1987. — 16 с.
296. Соляник А. А. Система документопостачання бібліотечних фондів: закономірності розвитку : моногр. / А. А. Соляник; Харк. держ. акад. культури. — Х. : ХДАК, 2005. — 229 с. — бібліогр. : с. — 199 – 229.

С. 123: о К. И. Рубинском.

Именной указатель к библиографии³⁴

А. Б-въ 104, 105

А. Е. 25

А-н 118

Абрамов К. И. 178, 183, 193—195, 242, 294

Ажеева Е. Ю. 271, 275

Александров В. В. 223

Амп П. 58, (153)

Антонова С. Г. 288

Анцыферов С. 41

Астахова В. И. 241, 244, 250

Багалей Д. И. (Багалій Д. І.) (28, 48), 80, 81, (227, 236, 241, 248, 283, 286, 287)

Бакіров В. С. 264

Балика Д. А. 136

Балла Э. В. (Е. В.) 216, 223, (240), 246

Белен де Баллю Я. Я. (252)

Березюк Н. М. 199, 203, 204, 211 — 213, 216, 219 — 221, 223, 228, 229, 237, (240), 244, 246, (249, 252), 265, 272, 273, (277), 283, (285), 289, 290

Беспалова Э. К. 271

Блохина И. А. (Блохіна І. О.) 214, 216

Богданов П. 87, 91, 92, (198)

Божко Н. Н. 244

Борисов А. 222

Боровий С. 157

Брокгауз Ф. А. 110

---

³⁴ При расхождении в написании фамилий и инициалов варианты подаются в скобках

Бузескул В. П. 78, 81
Бузиньер Н. 41
Вальчак А. 205
Ванеев А. Н. 189, 254, 259, 279
Васильченко В. Е. 294
Васьков К. Н. 108
Ветухов А. В. 79
Вольтер Э. А. 131
Воробьев В. В. 216
Гаврилів М. 144
Гигель Г. Е. 244
Глазунова Л. В. 284
Глибицька С. Б. 206, 223, 246, 278
Годкевич М. (45), 135
Гологорська Т. В. 257
Грамма В. М. 223, 238а
Григорьев Ю. В. 174, 184
Гриханов Ю. А. 280
Громова А. А. 166, 168
Грушевський М. С. (253)
Гудаускас Р. Ю. 185
Гущин Б. П. 149
Дерунов К. Н. 84, 150, (171), 174
Джунковский В. Я. (252, 290)
Джунковский П. П. (3)
Дивногорцев А. Л. 277
Доблер Ф. 41
Добржинский Е. Н. 137, (186)

Драган Р. А. (Р. О.) 215, 217, 239, 243, 247

Дубровіна Л. 269, 291

Духопельников В. М. 264

Ефрон И. А. 110

Євтушенко А. В. 223

Єрофєєва Г. М. 238

Журавльова О. С. 246

Зайцев Б. П. 175, 191, (216), 264

Зверевич В. 190

Зворський С. Л. 224

Здановська В. 285

Зиман З. З. 246

Золя Е. 59, (151, 152, 173)

Зотова В. 266

Иваницкий А. М. 80

Иванов Г. И. 129

Ільганаєва В. О. 196, (209), 230

Каганов И. (252)

Калишевский А. И. (103, 105, 113, 266)

Капустіна Н. 260, 267

Карташов Н. С. 183

Кауфман И. М. 164

Кирпичева И. К. 171

Ківшар Т. 249

Ковальчук Г. Д. 196, (209)

Коган П. С. 58

Козловський В. 145

Корнева Ж. П. 197

Кришталь Ф. (68)
Криштофович Н. 125
Круглова М. А. 246
Куделко С. М. 175, 191, 216, (219), 223, 231
Куніч О. П. 284, 286
Кучерявая Н. Н. 246
Кушнарєнко Н. Н. (Н. М.) 232, 233, 250, 282
Кюнєрт Г. (51)
Лєвченко И. Г. 265, 272, 273, (277)
Лукашов И. В. 186, 198, 225, 234
Ляш-Рубинская А. К. 216
Мазманьянц В. К. 175, 177, 180, 191
Майфет Г. 151
Маслов М. А. (90)
Масловский С. 93, 110
Матвіїшин В. 173
Мєзьєр А. В. 119, 133
Мєлєнтьєва Ю. П. 255
Миллер Д. П. 36, (89, 90, 95, 112, 116)
Мильман (Мільман) В. А. 181, 182, 187, 200, 223, 235, 295
Молчанов П. (68)
Никитина Н. П. 172
Нєвальська Т. В. 268
Одинока Л. П. 207, 249
Олєйниченко О. К. 167
Олєнєва З. П. 138, 169, 170
Онищенко О. С. 269, 291
Орлов Н. Н. 147
Осипов И. П. 80

- Павловский А. (252)
Павлуша Т. 251
Пашкова В. С. 292
Перепеча А. М. 260—262
Плотников А. Е. 100, 101
Політова О. А. 284
Полянська Н. І. 257
Поршнева Г. И. 139
Посохов С. І. 223, 246
Постников С. 122
Прокопова В. Д. 216, (219, 223), 229, (240), 278
Проскурякова Е. 102
Ратникова Е. И. 276
Родзевич С. 152, 153
Рубанова Т. Д. 188
Рубинський О. Ю. 223
Румянцева И. 226
С. Б.-Ш.-Ш. 123
Сагарда М. 154
Самойленко (Самійленко) Т. П. 196, 201, (209), 217, 280
Седых В. (Сєдих В. В.) 192, (252), 287, 290
Серополко (Сірополко) С. О. 115, 134, (243)
Скворцов В. В. 218
Скрипник Т. А. 176
Слободяник М. С. 284
Смаглява Н. 251
Сокальская Е. Д. (6)
Сокальский И. П. (6)
Соков П. С. 263

- Соколов А. 281
- Солоіденко Г. 256, 274
- Соляник А. А. 232, 270, 282, 296
- Сосновська Т. 227
- Ставинська Р. А. 197
- Стебельський Є. 160
- Столяров Ю. Н. (Ю. М.) 179, 184, 209, (232), 240, 282, (288)
- Сумцов Н. Ф. (80), 81
- Тихомандрицкий М. А. 8, 74, (252)
- Тихонова Е. 293
- Тищенко М. Н. 279
- Трофимова Р. А. 279
- Трохименко Г. В. 247
- Уланова Л. Н. 276
- Филонов Б. Г. (31)
- Филонова Н. М. (31)
- Фомина Л. А. 279
- Фридьєва (Фрід'єва, Фрідьєва) Н. Я. 163, (243, 289)
- Хавкина (Хавкіна) Л. Б. 132, (139), 141, (243, 245, 247, 260, 263)
- Халанский М. Г. 48, (80), 83
- Чигринова Р. П. 272, 273, (277)
- Шабельник В. 252, 258
- Швалб М. Г. 175, 197, 216, (223), 278
- Шестериков П. С. 128
- Штейн В. А. 155
- Щербініна О. П. 236, 241, 248, 253, 287
- Ярослав Мудрый (48)
- Ярошик В. О. 202, 210, 227, 257
- Ясинський М. І. 143, 156

Псевдонимы К. И. Рубинского

Р-ий 49

Р. 41, 50

К. Р-ский 51, 53, 57

К. Р. 52

РК 54—56

Принятые сокращения

Вестн. БАЕ — Вестник Библиотечной ассоциации Евразии

Вестн. ХИФО — Вестник Харьковского историко-филологического общества

ЗХУ — Записки Императорского Харьковского университета

Отчет... библиотеки... за... г. — Отчет о состоянии и деятельности университетской библиотеки Императорского Харьковского университета за... год

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Сб. ХИФО — Сборник Харьковского историко-филологического общества при Харьковском университете

ХГВ — Харьковские губернские ведомости

ХИНО — Харьковский институт народного образования

ЦГАВОВ — Центральный государственный архив высших органов власти

ЦНУБ — Центральная научно-учебная библиотека

ЮК — Южный край

К. И. Рубинский о библиотеке и профессии библиотекаря

Библиотеки представляют капитал и притом самый ценный капитал каждой страны, капитал, в который вложено всё знание человечества.

Поэтому необходимо существование науки, которая занималась бы изучением причин, способствующих развитию оборотов этого капитала. Такая наука существует. Она носит название библиотековедение [25, с. 85].

Библиотека является фактором человеческой культуры.

Много раз человеческая культура подвергалась опасности полного уничтожения, и своим спасением, своим возрождением она обязана была не чему иному, как сохранению письменных памятников и книг в библиотеках. Мало того, собирание письменных памятников в различных местах культурного мира являлось как бы магнитом, притягивающим к себе всех стремившихся к знанию, и чем больше было это собрание, тем больше было притяжение [25, с. 67].

... культурная роль библиотеки должна быть еще более важной в наших глазах, если принять во внимание, что книга является лучшим средством для распространения идей, что библиотеки действительно являются громадною социальною силою.

Будучи таким же фактором человеческой культуры, как и школа, и постепенно завоевывая себе всё большее и большее значение, библиотека заслуживает быть предметом серьезного изучения [25, с. 84].

... задачей библиотековедения является не только изучение механизма библиотек, но и исследование значения библиотек, как фактора культуры, исследование значения, какое имела библиотека не только для распространения знаний, но и для развития науки, составляя как бы базис науки, фундамент того здания, которое росло и будет расти в течение веков [25, с. 87].

Историческое изучение вопроса о взаимодействии между библиотекою и наукою, между библиотекою и высшею школою прольет несомненно свет и на историю библиотековедения, и на историю самой науки [25, с. 88].

Если книга, вместо распространения, будет находить в библиотеке место вечного упокоения, если невежество будет не только уделом низших слоев народа, но и тех деятелей, которые выходят из стен высшей школы на широкую дорогу жизни со скудным запасом знаний по своей специальности, почерпнутым из наско-ро зазубренных лекций, не попытавшись далее воспользоваться в течение своего долгого пребывания в стенах учебного заведения теми сокровищами науки, которые собраны в нем специально для них, наше положение среди культурных соседей будет навсегда определено. Поэтому усовершенствование механизма библиотек составляет нашу общественную обязанность, скажу больше, обязанность, которую возлагает на нас наше участие в общем процессе развития культуры [25, с. 94 – 95].

... библиотека есть общественное учреждение, она существует для общей пользы, должна поддерживаться общими средствами [25, с. 70].

Каждая библиотека представляет у нас до сих пор свой замкнутый, никому не ведомый мир, со своей собственной системой, со своими собственными порядками, со своими собственными нуждами. Эти нужды только тогда обращают на себя внимание и удовлетворяются, когда они достигают крайней степени, но и в таком случае они удовлетворяются иногда так, что ставят библиотечарей в раздумье [21, с. 24].

... академические библиотеки — жизненный нерв учебных заведений и заслуживают того, чтобы на них было обращено внимание, чтобы насущные нужды их были удовлетворены, чтобы персонал их стоял на высоте своего призвания и был способен

довести их механизм до возможного совершенства. Это будет достигнуто тогда, когда положение его будет приравнено к положению преподавателей, с которыми его соединяет одинаковое образование и служение одному и тому же делу [33, с. 4].

С судьбою научных библиотек тесно связана судьба высшего образования в России. Нет сомнения, что теперь настала очередь России последовать примеру своих культурных соседей и поставить на надлежащую высоту библиотечное дело, библиотеки станут тогда не тормозом, а могучим рычагом для широкого развития высшего образования и науки [21, с. 32].

Современная академическая библиотека сама становится «высшей школой», сфера которой шире всякой другой школы [62, с. 134].

Розвиток української науки та освіти — одне з головних завдань Радянської влади, бо від цього розвитку залежить розвиток всіх останніх боків соціалістичного будівництва, і в досягненні цього завдання найважливішу роль відіграє діяльність бібліотек, з одного боку, — наукових, з другого, — політосвітніх. І ті й інші мають цілком визначені мети, методи роботи, потреби ... Для того, щоб поширити діяльність бібліотек, не об'єднують дві чи три бібліотеки в єдину, а навпаки, щоб найбільше обслуговувати читачів, відокремлюють від даної бібліотеки філії в різних частинах міста або цілі відділи в окреме приміщення. Так робила раніш теперішня Короленківська бібліотека; в ній були філії...

... З'єднання бібліотек було би кроком назад, а не кроком уперед у розвитку бібліотечної справи на Україні [45].

Для вченого книга — це найголовніша річ. Він їде за нею не тільки на другу вулицю, він поїде за нею до Києва, до Москви. Хіба ж не їздили й не їздять і тепер за кордон складати свій науковий твір учені? А чого? Щоб користуватись там багатою науковою літературою по закордонних бібліотеках. Заснувати таку наукову біблі-

отеку для вчених — це обов'язок кожної держави, що піклується про розвій науки. Радянська влада на Україні виконала свій обов'язок в Харкові, створивши ЦНБ. Гогі ж нам заважати їй поставити як слід цей науковий заклад, потрібний столиці, висовуючи проект збудування якоїсь величезної будівлі й стягання до неї кількох бібліотек, бо, створивши таку бібліотеку, довелось би відмовитись або від розвитку науки, або від політосвітньої мети. Центральна наукова бібліотека є вже в Харкові, і не треба тільки її нівечити... [43].

Дайте русским научным библиотекам необходимую помощь, и у нас тогда, как на Западе, появятся и знатоки библиотечного дела, и интерес к нему, и капитальные труды по библиотековедению, изменится состояние университетских библиотек, расширится их деятельность.

Когда весь персонал наших библиотек будет состоять из людей опытных, интересующихся своим делом и любящих его, тогда сами собой исчезнут все те недостатки и недочеты, которые до сих пор были необходимыми атрибутами русских библиотек, возникших, развивавшихся и функционировавших при самых неблагоприятных для них условиях [21, с. 34].

В руках опытного библиотекаря библиотека является неисчерпаемым источником знания [33, с. 2].

Библиотечная работа должна отличаться безусловною точностью и правильностью. Если она не удовлетворяет этим требованиям, то деятельность библиотеки затрудняется на каждом шагу [24, с. 16].

Персонал библиотеки для того, чтобы обслуживать современного читателя, должен заняться изучением книжных богатств своей библиотеки и приобрести широкое знание библиографии вообще [61, с. 1].

Библиотекарь академической библиотеки, которому необходимо быть связующим звеном между учащими и учащимися,

сотрудником всех лиц, идущих заниматься в библиотеку, должен уметь подыскивать для них литературу, должен уметь понять, к чему стремится их научная мысль, должен незаметно подсказывать им, каким методом следует им пользоваться в своей работе. Это требует от него знания библиографии, знания своей библиотеки. Он должен быть знаком с содержанием и общим характером труда поступающего в библиотеку, с его направлением. Он должен следить за появлением новых научных трудов, ему должно принадлежать право пополнения библиотеки [62, с. 135].

Библиотекарь не может, но должен стремиться быть энциклопедистом. Ни одна область знания не должна быть чужда ему. Библиотекарь должен быть образованным человеком, если он избрал свою профессию навсегда. А это достигается путем самообразования.

Люди завидовали мне, узнав, что я библиотекарь университетской библиотеки, что любая книга, из любой области знания доступна мне.

И действительно, не даром можно провести жизнь, служа в такой прекрасной научной библиотеке, как наша [66, с. 8].

Служба для лиц с высшим образованием должна представлять в библиотеках такое же материальное обеспечение, как и другие виды труда, она должна представлять такую же градацию должностей для лиц с большею или меньшею опытностью, какую мы встречаем в библиотеках на Западе.

Только при таком условии могут явиться желающие навсегда посвятить себя библиотечному делу, и только при таком условии изучение его делается необходимым... [21, с. 33].

... необходимо обставить службу персонала библиотек такими материальными условиями, чтобы библслужащий, избирая по призванию службу в библиотеке, не искал занятий на стороне и имел возможность весь свой досуг, все свои силы посвятить любимому делу, пополнению своих знаний [42, с. 64].

Надо только серьезнее смотреть на свое призвание и, служа в научной библиотеке, непрерывно стремиться возвыситься до чести служить в ней, потому что, служа в научной библиотеке и не стремясь к всестороннему образованию, мы не по праву занимаем в ней место [62, с. 11].

А сколько их было — беззаветных и неизвестных тружеников в академических, народных библиотеках, всю душу свою вложивших в любимое дело. Имена их всплывут когда-нибудь и сделаются достоянием истории, когда появятся более солидные исследования в области истории библиотек [62, с. 14].

Положеніе вопроса о библіотечномъ персоналѣ въ Западной Европѣ и у насъ.

Докладъ, читанный библіотекаремъ Харьковскаго университета К. И. Рубинскимъ въ засѣданіи Общества библіотековѣднія 22-го ноября 1908 года.

Долгое время просвѣщеніе сосредоточивалось въ верхнемъ слоѣ общества, и только самыя просвѣщенные лица въ обществѣ, представители науки, имѣли пужду въ академическихъ библіотекахъ.

Чтобы удовлетворить такой незначительный кругъ читателей, достаточно было поручить библіотеки заботамъ самихъ же представителей науки. Вотъ почему и у насъ, и на Западѣ библіотекарями въ академическихъ библіотекахъ долгое время были профессора.

Но наука дифференцировалась, просвѣщеніе росло, спускалось все въ низшіе слои; росли и академическія библіотеки, принимая въ себя, какъ русла большихъ рѣкъ, постоянный притокъ изъ частныхъ книгохранилищъ; росла и потребность въ нихъ. Для пополненія ихъ стали затрачивать большія деньги. Явилась необходимость въ постройкѣ громаднхъ зданій для нихъ, въ порученіи книгохранилищъ спеціально для этого назначеннымъ лицамъ, въ содержаніи большаго числа служащихъ.

И когда просвѣщеніе проникло наконецъ во всѣ слои народа и разлилось далеко въ ширину, когда кругъ лицъ, которыя стали обращаться къ академическимъ библіотекамъ сдѣлался громаднымъ, функціи академическихъ библіотекъ сдѣлались очень сложными, напоминая собою все больше и больше дѣятельность сложной машины; явилась необходимость имѣть опытныхъ работниковъ, которые могли бы управлять отдѣльными частями этой машины.

На Западѣ академическія библіотеки вступили въ новый фазисъ развитія, слѣдуя въ своемъ поступательномъ движеніи за движеніемъ науки, за ея потребностями, за ея быстрыми успѣхами.

Раньше онѣ удовлетворяли запросамъ лишь мѣстнаго населенія; теперь онѣ стремятся къ тому, чтобы имѣть возможность служить

„Записки Императ. Харьковск. ун-вер.“

духовнымъ интересамъ не только всей націи, которой онѣ принадлежатъ, но и интересамъ просвѣщенныхъ людей всѣхъ странъ. Несомнѣнно къ этому приведутъ ихъ общіе національные каталоги, международные библиографическіе институты, бюро, международные каталоги, обменъ книгами между библиотеками цѣлой націи, международный обменъ изданиями.

Русскія академическія бібліотеки еще не вступили въ этотъ фазисъ развитія, но и ихъ функціи, вслѣдствіе быстрого развитія стремленія къ знанію, уже такъ расширились, что и имъ пора подумать о подготовкѣ опытныхъ работниковъ.

Это чувствуется всеми близко стоящими къ дѣлу, и вотъ чѣмъ объясняю я то, что моя статья, не имѣющая никакихъ особенныхъ достоинствъ, сообщаящая лишь тѣ свѣдѣнія о положеніи бібліотечнаго дѣла на Западѣ, которыя извѣстны и изъ *Centralblatt für Bibliothekswesen*, и изъ трудовъ Грезеля и Мэра, обратила на себя вниманіе, и Общество бібліотеконѣднѣнія пожелало прослушать у себя мой докладъ по затронутому мною, для всѣхъ одинаково близкому вопросу.

Припошу глубокую благодарность Обществу за высокую честь, сдѣланную мнѣ.

Въ 1905 г. мнѣ пришлось побывать за границею и осмотрѣть большія бібліотеки въ Берлинѣ, Парижѣ, Женевѣ, Лозаннѣ, Бернѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ. Благодаря письму къ консуламъ, которымъ спадилъ меня университетъ, двери всѣхъ бібліотекъ гостепріимно открывались предо мною, бібліотекари всюду охотно знакомили меня съ устройствомъ и порядками своихъ бібліотекъ и сообщали мнѣ свѣдѣнія, какія интересовали меня. Показать всѣ достоинства своихъ бібліотекъ иностранцу-бібліотекарю, казалось, доставляло имъ большое удовольствіе, и они, повидимому, старались, чтобы ни одна подробность въ веденіи дѣла не оставалась незамѣченной мною.

Въ нѣмецкихъ бібліотекахъ, напр., по приказанію оберъ-бібліотекаря, каждый изъ служащихъ по очереди подробно рассказывалъ въ чемъ состоитъ его дѣятельность, послѣ чего мнѣ показывали книгохранилище, знакомили съ системою расположенія книгъ, съ каталогами и проч.

Встрѣчая всюду такой любезный пріемъ, я много разъ пожалѣлъ о томъ, что не могъ посвятить больше времени изученію иностранныхъ бібліотекъ, осмотръ которыхъ не былъ цѣлью моего путешествія. Русскому бібліотекарю слѣдовало бы не проѣздомъ бывать въ

большихъ библіотекахъ З. Европы, а самому поработать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ: многому могъ бы онъ научиться въ нихъ и много полезнаго могъ бы онъ перенести въ свою библіотеку, по возвращеніи на родину.

Какъ ни бѣгло было мое знакомство съ иностранными библіотеками, общее впечатлѣніе отъ всего видѣннаго въ нихъ получалось громадное: па что ни взглянешь, всюду образцовый порядокъ, являющийся результатомъ исполненія всѣхъ необходимыхъ требованій, вырабатанныхъ опытомъ, и кропотливой работы служащихъ.

Достаточно бѣгло познакомиться съ иностранными библіотеками, чтобы увидѣть стройность ихъ механизма, чтобы убѣдиться, что каждая отрасль сложнаго библіотечнаго дѣла ведется въ нихъ опытными людьми, недопускающими никакихъ отступленій отъ принятыхъ въ библіотекѣ формъ и требованій, и что знаніемъ и опытностью обладаетъ въ нихъ не одинъ библіотекаръ, а весь персоналъ служащихъ.

Эта отличительная черта иностранныхъ библіотекъ прежде всего бросилась мнѣ въ глаза при сравненіи того, что я въ нихъ видѣлъ, съ порядками въ большихъ русскихъ библіотекахъ, познакомиться съ которыми въ Москвѣ, Петербургѣ, Юрьевѣ, Варшавѣ и Кіевѣ мнѣ удалось въ 1903 г., во время командировки для осмотра библіотекъ ¹⁾.

Побывавъ за границей и познакомившись тамъ съ библіотеками, мы склонны приписывать удобства, которые мы въ нихъ встрѣчаемъ, тѣмъ порядкамъ, которые мы въ нихъ видимъ, ихъ внѣшнему устройству, и намъ кажется, что стоитъ только перенести эти порядки на русскую почву, позаимствовать за границей послѣднія усовершенствованія въ библіотечномъ дѣлѣ, и у насъ оно пойдетъ тогда не хуже, чѣмъ тамъ.

Это глубокая ошибка. То, что можно было позаимствовать въ библіотечномъ дѣлѣ, мы уже позаимствовали; послѣднія усовершенствованія техники библіотечнаго дѣла, появившіяся на Западѣ, почти немедленно были перенесены въ нѣкоторыя русскія библіотеки, и однако нельзя сказать, чтобы хоть въ одной библіотекѣ оно было поставлено у насъ образцово.

Происходитъ это отъ того, что, ограничиваясь заимствованіемъ внѣшнихъ формъ, мы упустили изъ виду самое важное,—то, отъ чего зависитъ жизнь каждой библіотеки и безъ чего она, при самыхъ совершенныхъ формахъ, будетъ заключать въ себѣ массу недостатковъ; мы упустили изъ виду, что правильное функционированіе каждой би-

¹⁾ Отчетъ о командировкѣ помѣщенъ въ Записк. Харьк. универс. 1903 г., кн. 3.

библиотеки, представляющей из себя сложный механизм, возможно лишь при том условии, если каждое отдельное колесо этой машины прекрасно выполняет свою работу, если каждый из служащих в библиотеке специально подготовлен к своему делу, хорошо знает то, что ему приходится делать, и отлично исполняет свое дело. Для подготовки необходимых библиотекарям опытных и знающих работников до сих пор ничего не сделано в России, и мы проглядели все то, что сделано для этого в Западной Европе.

А там давно уже обращено на это серьезное внимание. Для желающих основательно изучить библиотечное дело читаются курсы в Геттингенском университете в Германии, в Institut für österreichische Geschichtsforschung в Австрии, в École des chartes и в Сорбонне в Париже; все большие библиотеки 3. Европы открыты для лиц, которые желали бы изучить это дело.

Еще тридцать тому назад и на Западе не требовалось больших специальных званий от лиц, которые поступали на службу в библиотеки, но теперь это отошло уже в область преданий, и теперь, не имея профессиональных знаний, нельзя найти службы в библиотеках Западной Европы.

В Италии раньше, чем в других странах, обращено было внимание на необходимость специального образования для служащих в больших библиотеках. В 1869 г., при министре народного просвещения Баргони, там учреждена была комиссия для рассмотрения вопроса о реорганизации общественных библиотек и об учреждении курсов библиотекведения. Вскоре затем, в 1871 г., по постановлению министерства, предложено было производить испытания на высшие и низшие библиотечные должности, и вместе с тем введен был технический курс библиотекведения в библиотеке Виктора Эммануила, а затем указами 1885 и 1889 г.г. и в других библиотеках.¹⁾

В Австрии еще в 1857 г. составлен был проект замещения должностей в государственных библиотеках²⁾; проект этот не был приведен в исполнение; но, в виду необходимости иметь в библиотеках людей, знающих свое дело, Institut für österreichische Geschichtsforschung должен был включить в свою программу в 1874 году преподавание библиографии и библиотекведения. Лишь в 1895 г. министерским постановлением установлена была норма тре-

¹⁾ Программа экзаменов была выработана в 1886 г. Она приведена в Centralblatt für Bibliothekswesen. Bd. 3. S. 40–41.

²⁾ Centralbl. für Bibliothekswesen. Bd. 21. (1905) S. 8.

бованій для замѣщенія бібліотечныхъ должностей ¹⁾). Ищущій службы въ большихъ бібліотекахъ Австріи долженъ имѣть докторскій дипломъ или свидѣтельство на право преподаванія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, долженъ обладать необходимыми спеціальными свѣдѣніями и прослужить предварительно не менѣе одного года практикантомъ въ одной изъ государственныхъ бібліотекъ.

Необходимость болѣе подробныхъ указаній относительно того, какія требованія должны быть предъявляемы къ поступающимъ на службу въ бібліотеки, была уже, послѣ изданія этого постановленія, предметомъ обсуждения нѣсколькихъ съѣздовъ австрійскихъ бібліотечкарей, на которыхъ разсматривались, между прочимъ, рефераты по этому вопросу Эйхлера и Франкфуртера.

Въ Германіи до семидесятихъ годовъ вакантіями должности въ университетскихъ бібліотекахъ замѣщались доцентами, которые въ самихъ бібліотекахъ научались веденію дѣла. Но еще съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія бібліотекари въ своихъ трудахъ все настойчивѣе стали проводить мысль о необходимости профессиональнаго образованія для служащихъ въ бібліотекахъ. Благодаря стараніямъ такихъ знатоковъ бібліотечнаго дѣла, какъ Эбертъ, Фёрстеманнъ и Цоллеръ, мнѣніе это уже въ половинѣ прошлаго столѣтія восторжествовало; выяснилось постепенно и то, какими свѣдѣніями должны обладать служащіе въ бібліотекахъ. По мнѣнію названныхъ трехъ знаменитыхъ нѣмецкихъ бібліотечкарей, служащій въ бібліотекѣ долженъ хорошо знать языки латинскій, греческій, французскій, англійскій, итальянскій, всеобщую исторію, исторію литературы, дипломатику, долженъ имѣть тѣкоторыя свѣдѣнія объ искусствѣ. Рульманнъ и Грезель присоединили къ этому знаніе исторіи книгопечатанія, исторіи книжной торговли, бібліотечовѣдѣнія вообще и обладаніе практическою опытностью въ классифицированіи и каталогизированіи книгъ.

Подъ вліяніемъ этихъ требованій опытныхъ бібліотечкарей правительство стало принимать мѣры къ поднятію уровня знаній служащихъ въ бібліотекахъ. Въ 1836 г. учреждена была въ Геттингенскомъ университетѣ каѳедра для преподаванія вспомогательныхъ наукъ, относящихся къ бібліотечовѣдѣнію, и преподаваніе поручено было директору тамошней бібліотеки; въ 1893 г. явилось наконецъ министерское постановленіе ²⁾, разъ навсегда положившее рѣшеніе этому вопросу.

¹⁾ Постановленіе это приведено у Грезеля въ Handbuch d. Bibliothekslehre. S. 463—469.

²⁾ Graesel. Handb. d. Bibliothekslehre. S. 463—464.

Согласно этому постановленію, лица, желающія служить въ научныхъ библиотекахъ Германіи, должны предварительнo пробить два года въ качествѣ волонтеровъ въ Королевской библиотекѣ въ Берлинѣ или въ одной изъ университетскихъ библиотекъ. Волонтерами въ эти библиотекы принимаются только лица, получившія высшее образованіе. Занятія волонтера въ библиотекѣ, къ которой онъ прикомандированъ, распределяются такимъ образомъ, что онъ постепенно знакомится со всеми отраслями библиотечнаго дѣла. Второй годъ рекомендуется волонтеру провести въ Геттингенской библиотекѣ, гдѣ онъ можетъ, одновременно съ практическимъ курсомъ, прослушать въ университетѣ курсъ библиотекостроенія. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ одной изъ библиотекъ, волонтеръ допускается къ экзамену, который производится въ особой испытательной комиссіи. На этомъ испытаніи, которое бываетъ только устнымъ, экзаменующійся долженъ показать основательное знаніе библиотекостроенія, библиографіи, исторіи литературы, языковъ французскаго, англійскаго и итальянскаго, исторіи письма и книгопечатанія, палеографіи. Выдержавшій испытаніе, по зачисленіи въ одну изъ библиотекъ, получаетъ званіе ассистента.

Дѣло, очевидно, на этомъ не остановится въ Германіи. Въ 1903 г. на съѣздѣ библиотечарей въ Галле разсматривался вопросъ о замѣщеніи библиотечныхъ должностей, и высказывались уже мысли о томъ, что необходимо позаботиться о приготовленіи знающихъ людей для замѣщенія среднихъ и низшихъ библиотечныхъ должностей ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что и для тѣхъ лицъ, на которыхъ лежитъ веденіе канцелярскаго дѣла въ библиотекѣ, и для тѣхъ, которымъ поручается доставать книги изъ шкафовъ и ставить ихъ на мѣста, нужны нѣкоторые знанія библиотечнаго дѣла и небольшое образованіе.

Наиболѣе серьезныя требованія къ экзаменуемымъ на библиотечныя должности предъявляются во Франціи и Бельгіи. Меня познакомили съ положеніемъ этого дѣла во Франціи Альбертъ Маръ, библиотечарь одного изъ отдѣленій Сорбоннской библиотеки, именно отдѣленія *Faculté des lettres et des sciences*, авторъ извѣстнаго труда „*Manuel du bibliothécaire*“.

Лица, готовящіяся къ службѣ въ библиотекахъ Франціи, обыкновенно оканчиваютъ курсъ въ *École des chartes*. Здѣсь они получаютъ основательную подготовку къ библиотечному дѣлу. Изъ читается здѣсь спеціальныи курсъ библиографіи и классификаціи библиотекъ и архивовъ, дается знаніе архивнаго дѣла, умѣнье читать рукописи, знаком-

¹⁾ Centralblatt f. Bibliothekswesen. Bd. 21 (1904), S. 24.

ство съ палеографіей. Для того, чтобы эти свѣдѣнія не были чисто теоретическими; ихъ водятъ на такъ наз. conférences pratiques, для изученія практики архивнаго дѣла въ архивъ министерства народнаго просвѣщенія и для ознакомленія съ системами размѣщенія книгъ и каталогизаціи въ Bibliothèque Nationale и Bibliothèque de Sainte Geneviève ¹⁾.

По окончаніи курса въ École des chartes, для полученія права на службу въ библіотекахъ, необходимо предварительно прослужить не менѣе года въ одной изъ университетскихъ библіотекъ. Это время практическаго изученія дѣла называется stage. Прослуживъ не менѣе года на должности stagiaire, лица, готовящіяся къ библіотечной службѣ, исполняютъ всевозможныя обязанности и, достаточно познакомившись съ дѣломъ, подвергаются экзамену, который производится въ Commission centrale des bibliothèques universitaires. Экзаменъ этотъ бываетъ письменный и устный ²⁾.

На письменномъ экзаменѣ требуется: 1) написать въ 1½ часа сочиненіе на тему по одному изъ вопросовъ библіографіи или библіотечовѣдѣнія, 2) классифицировать 15 названій книгъ. Подвергающійся испытанію долженъ внести эти книги въ инвентарь, написать для нихъ по двѣ карточки, одну для алфавитнаго, другую для систематическаго каталога, пайти надлежащее мѣсто для каждой книги въ книгохранилищѣ и помѣстить вадлежащимъ образомъ обѣ карточки какъ въ систематическомъ, такъ и въ алфавитномъ каталогѣ, не забывъ при этомъ написать ссылочныя карточки, если онѣ нужны.

На устномъ испытаніи экзаменующійся долженъ показать осповательное знакомство съ библіографіей, съ техникой библіотечнаго дѣла и знаніе новыхъ языковъ.

Самую трудную часть этого экзамена, по словамъ Мэра, составляетъ писаніе карточекъ, такъ какъ для классифицированія даются обыкновенно такія названія книгъ, въ которыхъ трудно найти заглавіе и автора.

При разсмотрѣніи карточекъ, по словамъ Мэра, лучше всего обнаруживается недостаточность подготовки тѣхъ лицъ, которыя во время стажъ невнимательно относились къ изучаемому дѣлу. Особенное затрудненіе для нихъ представляютъ диссертации XVIII в. на латинскомъ или нѣмецкомъ яз., въ которыхъ имъ очень трудно пайти автора и заглавіе книги, а также старопечатныя книги, въ которыхъ надо такъ

¹⁾ Maire. Manuel pratique du bibliothécaire, p. 34.

²⁾ Arrêté fixant les conditions d'admissibilité au certificat d'aptitude pour les fonctions de bibliothécaire universitaire du 20 déc. 1893 приведенъ у Грезеля въ Handb. d. Bibliothekslehre, S. 470—471.

сократить заглавіе книги, списывая его на карточку, чтобы не извратить смысла, не опустить характеристических особенностей заглавія и не написать ничего лишняго.

При помѣткѣ на карточкѣ шифра книги, т. е. обозначенія того мѣста, какое должна она занимать въ книгохранилищѣ, экзаменующійся обнаруживаетъ свое знакомство съ припайтой въ библиотекѣ системой размѣщенія книгъ, а при указаніи на карточкѣ отдѣла и под-отдѣла въ каталогѣ онъ показываетъ свою опытность въ классифицированіи по принятой въ библиотекѣ системѣ.

Въ Національной библиотекѣ подвергаются испытанію даже лица, желающія занять въ пей мѣсто stagiaire; при полученіи должности sous-bibliothécaire они снова должны держать экзаменъ. Требования въ двухъ отдѣленіяхъ Національной библиотеки, Département des imprimés и Département des manuscrits, не одинаковы ¹⁾.

Экзаменующійся на должность sous-bibliothécaire въ Département des imprimés, кромѣ умѣнья классифицировать книги по принятой въ библиотекѣ системѣ, долженъ показать хорошее знаніе библиографіи: онъ долженъ найти съ помощью библиографій и каталоговъ 10 названий книгъ, затребованныхъ изъ зала для чтенія, безъ точнаго указанія ихъ заглавій.

Только при основательномъ знаніи библиографіи по извѣстному вопросу можно догадаться, конечно, что именно нужно читателю въ томъ случаѣ, когда на требовательной запискѣ названіе сочиненія указано неопредѣленно. Разумѣется, тотъ, кто можетъ найти по каталогамъ 10 названий такихъ книгъ, затребованныхъ изъ читальни, относящихся притомъ къ различнымъ областямъ знанія, вполне докажетъ этимъ свою пригодность и основательную подготовку къ библиотечному дѣлу.

На письменномъ испытаніи экзаменующійся на должность sous-bibliothécaire долженъ обнаружить знаніе системъ классификаціи книгъ, библиографіи, исторіи книгопечатанія, показать умѣнье отличать характеристическія особенности предложенныхъ ему книгъ.

Въ отдѣленіи Département des manuscrits подвергающійся испытанію долженъ обнаружить, кромѣ умѣнья читать рукописи, знаніе хронологіи, дипломатики, палеографіи, библиографіи рукописей, исторіи библиотекъ, системъ классификаціи рукописей и каталоговъ ихъ.

Вотъ какія серьезныя требованія предъявляются во Франціи къ лицамъ, только начинающимъ служить въ библиотекахъ. Разумѣется,

¹⁾ Graesel. Handb. der. Bibliothekslehre, S. 472—473. Maire. Manuel pratique, p. 34—35.

прослуживъ много лѣтъ въ какой-нибудь библіотекѣ и поднимаясь постепенно по служебной лѣстницѣ до высшихъ должностей, служащіе приобрѣтаютъ тамъ все большую и большую опытность, и библіотечное дѣло такимъ образомъ находится постоянно въ рукахъ опытныхъ людей. Небольшого числа такихъ опытныхъ служащихъ достаточно для веденія большого дѣла.

Въ отдѣленіи *Faculté des lettres et des sciences* Сорбоннской библіотеки, заключающей въ себѣ около 300000 книгъ и выполняющей, по словамъ Мэра, иногда по 800 требованій въ день, персоналъ служащихъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: *conservateur*, получающаго 9000 фр., *conservateur-adjoint*, получающаго 5500 фр., 3 *bibliothécaires* съ содержаніемъ отъ 4000 до 4500 фр., 4 *sous-bibliothécaires* съ содержаніемъ отъ 3000 до 3500 фр., 1 *auxiliaire*, получающаго 1500 фр., и 4 *stagiaires*, не получающихъ вознагражденія.

Но если вопросъ о профессиональной подготовкѣ библіотечнаго персонала въ большихъ научныхъ библіотекахъ Франціи (*bibliothèques d'État* и *bibliothèques universitaires*) можно считать почти разрѣшеннымъ, то нельзя сказать этого относительно другихъ французскихъ библіотекъ, особенно провинціальныхъ (*bibliothèques communales* и *bibliothèques des établissements publics*).

Учрежденное недавно, въ началѣ 1906 г., Общество французскихъ библіотекарей (*Association des Bibliothécaires Français*) первую свою задачу поставившее собраніе свѣдѣній о состояніи этихъ библіотекъ, по полученіи отвѣтовъ на разосланные библіотекамъ циркуляры, пришло къ заключенію, что необходимо ходатайствовать объ улучшеніи положенія персонала провинціальныхъ библіотекъ.

Надо замѣтить, что еще до возбужденія этого ходатайства правительство обратило уже вниманіе на необходимость реформы этихъ библіотекъ. Въ 1905 году при министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена была съ этою цѣлью коммиссія, которая въ 1906 г. представила свой проектъ общаго закона о предоставленіи права на занятіе должностей въ библіотекахъ и порядкѣ замѣщенія должностей ¹⁾. По проекту коммиссіи, право на занятіе библіотечныхъ должностей можетъ быть предоставляемо лицамъ, выдержавшимъ испытаніе на особомъ конкурсѣ, который производится черезъ каждые 2 года и для допущенія къ которому необходимо представленіе диплома объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія и предварительный шестимѣсячный стажъ; назначеніе на должность производится министромъ народнаго просвѣ-

1) *Bibliothèque de l'Ecole des chartes* 1906, p. 454—457.

щевія, по рекомендаціи особаго, утворюемаго при министерствѣ, комитета, большинство членовъ котораго должно состоять изъ представителей библиотекъ, отчасти назначаемыхъ министромъ, отчасти избираемыхъ.

Появление этого проекта побудило Общество библиотекарей представить свои пожеланія, между прочимъ, о томъ, чтобы при опредѣленіи содержанія служащимъ въ библиотекахъ, какъ государственныхъ, такъ и принадлежащихъ общественнымъ учрежденіямъ, персоналъ библиотекъ былъ распределенъ на классы, и чтобы разнѣе содержаніи помощникамъ библиотекаря (*bibliothécaires*) былъ отъ 3000 до 6000 фр. (въ зависимости отъ класса должности), библиотекаремъ ¹⁾ 7000 фр. и больше, а также, чтобы повышеніе въ классъ должности производилось за выслугу лѣтъ обязательно чрезъ каждые 4 года ²⁾).

Позже, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, правительство обратило вниманіе на замѣщеніе библиотечныхъ должностей въ Бельгіи. Тамъ только въ 1907 году вышло распоряженіе министра народнаго просвѣщенія Шоллерта, предписывавшее производить испытанія лицамъ, желающимъ служить въ Королевской библиотекѣ ³⁾. Экзаменъ долженъ быть письменный и устный. На письменномъ испытаніи отъ экзаменующагося требуется: 1) написать сочиненіе на тему по одному изъ вопросовъ библиографіи или библиотековѣдѣнія, 2) классифицировать, написавъ на карточки, 10 названій книгъ, въ томъ числѣ инкунабулъ, книгъ на греческомъ и латинскомъ языкѣ, а также на томъ языкѣ, который избереетъ экзаменующійся, 3) написать предисловіе къ 2 рукописямъ, сдѣлать описаніе гравюры или дешифровать древнюю монету или древнюю надпись.

На устномъ испытаніи предлагаются вопросы: 1) по библиографіи и библиотековѣдѣнію, 2) по палеографіи и дипломатикѣ, 3) по исторіи искусствъ, исторіи гравированія и литографіи, 4) по нумизматикѣ, 5) по исторіи печатнаго дѣла, 6) по общей классификаціи знаній. Кроме того, требуется сдѣлать переводъ и объясненіе предложеннаго мѣста въ одномъ изъ трудовъ по библиографіи или библиотековѣдѣнію на томъ языкѣ, который избиретъ экзаменующійся.

Въ 1900 г. эти требованія распространены были и на университетскія библиотеки.

¹⁾ Conservateurs et administrateurs.

²⁾ Bulletin de l'Association des Bibliothécaires Français. 1907, janvier—février, p. 31.

³⁾ Graesel. Handbuch der Bibliothekslehre, S. 469.

Въ Англіи еще нѣтъ правительственныхъ распоряженій, опредѣляющихъ требованія, которыя должны быть предъявляемы къ лицамъ, поступающимъ на службу въ библіотеки; но кандидаты на вакантныя должности въ Британскомъ музеѣ подвергаются уже специальному испытанію ¹⁾.

Главное вниманіе въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ обращено пока на приготовленіе библіотекарей для народныхъ библіотекъ. Для нихъ существуютъ техническіе курсы въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, а съ 1885 г. и экзамены. Въ Соединенныхъ Штатахъ открыто уже много колледжей, имѣющихъ специальнымъ назначеніемъ приготовленіе библіотекарей ²⁾.

Какъ мы видѣли, во всѣхъ культурныхъ странахъ, въ которыхъ распространеніе просвѣщенія въ широкихъ слояхъ населенія стоитъ на первомъ планѣ, обращено серьезное вниманіе на библіотеки, которыя, безъ сомнѣнія, являются такими же прекрасными проводниками знанія, какъ и школы. Быстрое увеличеніе числа лицъ, стремящихся къ знанію, вызвало всюду необходимость дать библіотекамъ такую организацію, чтобы онѣ могли удовлетворить какое угодно число требованій. Это возможно, разумѣется, только тогда, когда весь персоналъ библіотеки прекрасно знаетъ свое дѣло, основательно подготовленъ къ нему. Вотъ почему во всѣхъ культурныхъ странахъ явилась необходимость подготовить такой персоналъ, и къ лицамъ, желающимъ служить въ библіотекахъ, стали предъявляться такія требованія, которымъ могутъ удовлетворять только люди, энциклопедически образованные и дѣйствительно знающіе все то, что относится къ книжному дѣлу.

И надо признать, что тѣ свѣдѣнія, которыя требуются отъ нихъ при поступленіи на библіотечную службу, чрезвычайно нужны имъ и могутъ понадобиться на каждомъ шагѣ.

Одна высота этого ценза, требуемаго отъ лицъ, желающихъ служить въ библіотекахъ, сама по себѣ рисуетъ положеніе библіотечнаго дѣла въ Западной Европѣ и взглядъ общества на значеніе научныхъ библіотекъ. Само собою понятно, что тамъ, гдѣ возможны такія требованія, лица, разъ поступившія въ библіотеки, посвятившія себя библіотечному дѣлу, должны имѣть призваніе къ нему, должны интересоваться имъ, какъ дѣломъ служенія высшимъ интересамъ общества, должны любить его. Само собою понятно, что они не ограничатся тѣми знаніями, которыя понадобились имъ для поступленія въ библіо-

¹⁾ Graesel. Handbuch. d. Bibliothekslehre, S. 476.

²⁾ Ibidem, S. 477.

теки, и будутъ стремиться къ увеличенію ихъ и къ улучшенію библиотечнаго дѣла, и оно дѣйствительно стоитъ высоко въ Европѣ.

Такіе солидные труды, какъ „Manuel du bibliothécaire“ Мэра, какъ „Handbuch der Bibliothekslehre“ Грезеля, періодическія изданія, посвященныя исключительно вопросамъ библиографіи и библиотекостроенія, этотъ обмѣнъ изданіями, особенно дублетами, между библиотечными, эти общества, сѣзды библиотечарей и постоянный обмѣнъ мнѣній между ними ¹⁾, такія грандіозныя предпріятія, какъ составленіе общаго каталога для библиотекъ всей Германіи, какъ составленіе международнаго каталога книгъ по физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ, предпринятое въ Лондонѣ,—все это достаточно говорить само за себя.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько подробнѣе о составленіи общаго каталога всѣхъ германскихъ библиотекъ, какъ о фактѣ, имѣющемъ выдающееся національное значеніе, по мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, и чрезвычайно важномъ для нѣмецкихъ библиотекъ. Первая мысль о необходимости составленія его принадлежитъ нѣмецкому ученому Генриху Трейчке, высказавшему мнѣніе, что слѣдовало бы гдѣ-нибудь въ Германіи имѣть такой каталогъ, по которому можно было бы опредѣ-

¹⁾ Первое общество библиотечарей было основано въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ подъ названіемъ: The Library Association; оно стало издавать свой журналъ—The Library Journal и отъ времени до времени устраивать сѣзды библиотечарей. Первое собраніе библиотечарей было въ Нью-Йоркѣ въ 1853 году. Наиболеѣ важное значеніе для развитія библиотечнаго дѣла въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ имѣлъ сѣздъ библиотечарей въ Филадельфіи, на которомъ, между прочимъ, рѣшено было устроить международный сѣздъ въ Лондонѣ въ 1877 г. Этотъ международный сѣздъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ образованіе общества библиотечарей въ Англіи—The Library Association of United Kingdom, у котораго явился свой органъ—The Library Association year-book. Засѣданія общества, начиная съ 1877 года, происходили ежегодно.

Въ 1897 году состоялся второй международный сѣздъ библиотечарей въ Лондонѣ. Почти одновременно съ нимъ образовались общества библиотечарей на континентѣ Европы: въ 1896 г.—въ Австріи (Органъ этого общества—Mittheilungen des österreichischen Vereines für Bibliothekswesen), въ 1897 г.—въ Швейцаріи и Германіи. Собранія ферейна германскихъ библиотечарей составляли первоначально секцію Общества нѣмецкихъ филологовъ и учителей (Verein deutscher Philologe u. Schulmänner); по съ 1900 г. составилъ самостоятельный Verein deutscher Bibliothekare. Съ этого времени нѣмецкіе библиотечари стали собираться на сѣзды ежегодно. Органомъ этого общества служатъ Centralblatt für Bibliothekswesen.

Международный сѣздъ библиотечарей въ Парижѣ въ 1900 г. далъ толчекъ къ образованію общества французскихъ библиотечарей—Association des Bibliothécaires Français, которое имѣло первое засѣданіе въ 1906 г. и издаетъ Bulletin de l'Association des Bibliothécaires Français.

лить, въ какихъ изъ германскихъ библіотекъ можно найти извѣстныя книги. Мысль эта была подхвачена германскими библіотекарями, которые стали обсуждать возможность исполненія дѣла. Явилась постепенно цѣлая литература по этому вопросу, которая наконецъ обратила на себя вниманіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1888 г. учреждена была коммисія для разсмотрѣнія этого вопроса, а также вопроса о введеніи одиообразія въ каталогахъ Германіи. Въ 1894 году выработанъ былъ планъ составленія общаго каталога германскихъ библіотекъ. Стоимость составленія и печатанія его была вычислена въ 300000 марокъ; осуществить предпріятіе предложено было въ 20 лѣтъ, ежегодно внося въ сѣту государства по 15000 марокъ.

Правительство не остановилось предъ этой затратой. Уже болѣе 10 лѣтъ производится эта грандіозная работа. Дѣлалась она такъ. Королевская библіотека списывала по частямъ на карточки свой каталогъ и посылала въ пакетъ одной изъ библіотекъ, которая отыщала на карточкахъ, какія книги имѣются у нея, добавляла карточки съ названіями книгъ, которыхъ въ пакетѣ не оказалось, и отсылала въ слѣдующую библіотеку. Совершивъ путешествіе по всей Германіи, пакетъ возвращался въ Королевскую библіотеку.

Въ настоящее время часть предпріятія уже исполнена: въ Королевской библіотекѣ имѣется уже одинъ рукописный экземпляръ общаго германскаго каталога, въ Берлинѣ существуетъ уже справочное бюро (Auskunftsbureau) ¹⁾, которое сообщаетъ желающимъ свѣдѣнія, въ какой изъ германскихъ библіотекъ они могутъ найти нужныя имъ книги.

Но это лишь начало громаднаго, предпріятія. Вибліотекари Германіи заняты теперь проектомъ печатанія этого каталога, а также проектомъ составленія и печатанія общаго систематическаго каталога всей Германіи. Вопросъ обсуждался уже на нѣсколькихъ сѣздахъ библіотекарей, и нѣтъ сомнѣнія, что и это дѣло² будетъ доведено до конца, хотя бы оно потребовало новыхъ громаднхъ затратъ.

Учрежденіе Auskunftsbureau принесло громадную пользу Германіи. Между германскими библіотеками существовалъ и раньше обмѣнъ изданіями съ цѣлью дать возможность читателямъ въ любой университетской библіотекѣ получить такіа изданія, которыхъ въ этой библіотекѣ нѣтъ, но которыя находятся въ Королевской библіотекѣ въ Берлинѣ или другой германской библіотекѣ. Благодаря Auskunftsbureau, облегчившему возможность узнавать, гдѣ находится необходимая книга, обмѣнъ между библіотеками, какъ сообщилъ д-ръ Фикъ въ 8-й секціи

¹⁾ Centralblatt. f. Bibliothekswesen 1906. Bd. XXII. S. 145, 196.

международного исторического конгресса въ Берлинѣ, увеличился вдвое, и изъ Королевской библіотеки въ Берлинѣ было затребовано въ 1907 г. въ университетскія и другія библіотеки 19757 книгъ, а изъ Мюнхенской Королевской 2989.

Обмѣнъ этотъ облегчался и необыкновенною дешевизною пересылки книгъ между библіотеками: пересылка книгъ въ Берлинскую Королевскую библіотеку и изъ нея стоитъ только 10 пенниговъ.

Въ настоящее время явился проектъ, составленный тѣмъ же Фикомъ, соединить функціи Auskunftsbureau съ самою пересылкою книгъ такимъ образомъ, чтобы Auskunftsbureau, получая запросы, немедленно выписывало бы изъ библіотекъ требуемыя книги и разсылало просителямъ. Учрежденіе такого центрального бюро для обмѣна книгъ должно сократить и расходы по пересылкѣ книгъ, и время ожиданія ихъ просителями.

Дѣятельности Берлинскаго Auskunftsbureau предстоитъ расширеніе еще въ другомъ отношеніи: кажется, и австрійскія библіотеки примкнуть къ нему. Онѣ имѣютъ уже свой Generalkatalog для текущихъ періодическихъ изданій, съ указаніемъ, въ какой изъ библіотекъ находятся эти изданія за извѣстные годы; каталогъ этотъ, напечатанный въ 1898 г., заботливо дополняется съ тѣхъ поръ свѣдѣніями о новыхъ поступленіяхъ въ библіотеки; свѣдѣнія посылаются въ Вѣнскую университетскую библіотеку. Но это только каталогъ періодическихъ изданій. Для развитія обмѣна между австрійскими библіотеками нуженъ такой же каталогъ и для книгъ. Эйхлеръ, дѣлавшій въ 8-й секціи международного исторического конгресса докладъ объ обмѣнѣ между австрійскими библіотеками, усиленно рекомендуетъ имъ примкнуть къ Берлинскому Auskunftsbureau, услугами котораго уже приходится пользоваться имъ.

Къ такимъ же грандіознымъ предпріятіямъ слѣдуетъ отнести составленіе новаго общаго каталога инкунабулъ, предпріятіе по инициативѣ Прусскаго министра народнаго просвѣщенія съ 1904 г. особою комиссіею изъ библіотечарей Пруссіи и поддержанное правительственными субсидіями Баварскаго и Вюртембергскаго правительствъ. Комиссія успѣла уже составить инвентарь инкунабулъ въ 140 библіотекахъ изъ 452, которыя ей предстояло осмотрѣть.

Далеко намъ до такихъ предпріятій, до такого взгляда общества на библіотечное дѣло, до такого вниманія къ нуждамъ библіотекъ.

Гдѣ у насъ дружная работа библіотечарей? Былъ ли у насъ до сихъ поръ хоть одинъ съѣздъ библіотечарей, который такъ нуженъ былъ бы у насъ при отсутствіи какихъ бы то ни было средствъ по-

знакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ библіотекахъ, съ приѣмами, способами и порядками выработанными въ нихъ опытомъ?

Единственный солидный трудъ по библіотековѣдѣнію до сихъ поръ—переводъ и переработка Грезеля, сдѣланный въ Харьковской общественной библіотекѣ.

Каждая библіотека представляетъ у насъ до сихъ поръ свой замкнутый, никому невѣдомый міръ, со своей собственной системой, со своими собственными порядками, со своими собственными нуждами, которыя только тогда обращаютъ на себя вниманіе и удовлетворяются, когда онѣ достигаютъ крайней степени.

Какъ несомнѣнно то, что блестящее положеніе дѣла въ западныхъ библіотекахъ и развитіе науки библіотековѣдѣнія на Западѣ являются результатами заботъ объ улучшеніи библіотечнаго персонала, такъ недостаточное развитіе этой науки у насъ и всѣ недостатки нашихъ библіотекъ, несомнѣнно, являются результатомъ того, что у насъ не обращаютъ никакого вниманія на составъ библіотечнаго персонала, на его подготовку и пригодность къ библіотечному дѣлу, на его матеріальное положеніе.

Измѣнились условія русской жизни, измѣнилось отношеніе общества къ высшему образованію, а взглядъ его на библіотечное дѣло остается такимъ же, какъ былъ сто лѣтъ тому назадъ.

У насъ установился какой-то странный взглядъ на это дѣло. Никто не сомнѣвается въ томъ, что для всякаго другого дѣла нужны спеціальныя знанія, и никакого другого дѣла не поручаютъ у насъ теперь людямъ неопытнымъ; одно только библіотечное дѣло считается такимъ легкимъ, что для него достаточно общаго образованія. Достаточно имѣть дипломъ объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, чтобы получить любую должность въ университетскихъ библіотекахъ. Безъ всякихъ спеціальныхъ знаній и павыковъ являются въ библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній у насъ молодые люди, не имѣющіе никакого представленія о той работѣ, которая предстоитъ имъ, и въ нихъ впервые начинаютъ знакомиться съ тѣмъ, что имъ слѣдовало бы знать при поступленіи въ библіотеку. Рѣдкій изъ служащихъ въ библіотекѣ съ высшимъ образованіемъ рѣшается навсегда посвятить себя этому дѣлу, которое у насъ оплачивается грошами. Большею частью, они задерживаются въ библіотекѣ года на два—на три, пока не найдется чего-нибудь, болѣе соответствующаго ихъ спеціальнымъ знаніямъ и болѣе выгоднаго. Въ эти два—три года они, конечно, немного приучаются къ дѣлу, но не стараются изучить всѣхъ его подробностей и нисколько не интересуются имъ.

Съ такимъ-то вѣчно мѣняющимся персоналомъ лицъ, которыхъ надо обучать всякому дѣлу, прежде чѣмъ поручить его, который долго не могутъ привыкнуть къ нему, ошибаются, забываютъ, что имъ слѣдуетъ сдѣлать, путаются, приходится работать библиотечному, который ожидаетъ на каждомъ шагу своихъ коллегъ-новичковъ непоправимыхъ ошибокъ и промаховъ, являющихся результатомъ непониманія и незнанія дѣла. И только-что онъ начнетъ приучать ихъ, какъ они уходятъ.

Трудно работать при такихъ условіяхъ, и не можетъ это не отразиться на характерѣ всѣхъ библиотечныхъ работъ, на производительности труда служащихъ, на общемъ состояніи библиотекъ, ихъ способности развивать свою дѣятельность и удовлетворять разнообразнымъ запросамъ жизни, однимъ словомъ, на всемъ ихъ складѣ, на всей ихъ жизни, всей ихъ исторіи.

Библиотечная работа должна отличаться безусловною точностью и правильностью. Если она не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, то дѣятельность библиотечной затрудняется на каждомъ шагу. Но какой же точности можетъ ожидать библиотечный отъ тѣхъ изъ своихъ коллегъ, которые совершенно не знаютъ иностранныхъ языковъ?

Извѣстно хорошо, какое знаніе новыхъ языковъ выносятъ молодые люди изъ нашихъ учебныхъ заведеній; съ этими знаніями приходятъ они и на службу въ большія научныя библиотечныя, три четверти которыхъ состоятъ изъ иностранныхъ книгъ, въ библиотечныя, которыя получаютъ книги со всѣхъ концовъ земного шара, на всевозможныхъ языкахъ. Легко представить себѣ, какими качествами должна отличаться ихъ работа.

Людямъ, мало знакомымъ съ языками, приходится, напр., у насъ составлять карточки для подвижнаго каталога, описывать жертвуемые библиотечныя. Въ иностранной книгѣ, написанной на совершенно незнакомомъ языкѣ, среди непонятныхъ словъ, напечатанныхъ на заглавномъ листѣ иногда однимъ и тѣмъ же шрифтомъ, они должны найти автора, названіе книги, годъ и мѣсто изданія.

Мы, русскіе,—люди талантливые, какъ справедливо говоритъ Щедринъ въ своихъ „Ташкентцахъ“, намъ профессиональныхъ знаній не нужно, намъ нужно только желаніе взяться за дѣло, чтобы оно пошло у насъ такъ, какъ приказываютъ. Нужно написать карточки для подвижнаго каталога, и карточки пишутся. Правда, не всѣ онѣ одинаковаго достоинства, и между ними встрѣчаются курьезы; но это уже не наша вина. Въмѣсто автора, напр., на карточкахъ попадаетъ издатель, переводчикъ, фамилія лица, которому посвящена книга; вмѣсто заглавія книги—иногда совершенно ненужная фраза; если заглавіе слиш-

комъ длинное, на карточкѣ подвижнаго каталога оно обрывается иногда на самомъ интересномъ мѣстѣ, такъ что никакъ не догадаешься, о чемъ именно говоритъ авторъ книги.

Всего этого можно ожидать въ каталогѣ, составленномъ неопытнымъ лицомъ, незнакомымъ съ языками.

Встрѣчаются ли такіе шедевры въ каталогахъ библиотекъ З. Европы? возможны ли они тамъ?

А у насъ они возможны и совершенно понятны. И они лучше всего рисуютъ положеніе библиотечнаго дѣла въ Россіи, характеризуютъ составъ персонала русскихъ научныхъ библиотекъ,

Когда я осматривалъ библиотеки З. Европы, мнѣ любезно показывали все, что меня интересовало; я не могъ бы отплатить иностранцамъ, посѣщающимъ нашу университетскую библиотеку, такою же любезностью: я имъ показалъ бы все, что угодно, кромѣ иностраннаго отдѣла карточнаго каталога.

Такимъ же неопытнымъ людямъ приходится поручать записаніе названій книгъ въ инвентарь. О! инвентарь библиотеки—это драгоценный памятникъ исторіи ея. Въ немъ увѣковѣчены такіе шедевры, какіе рѣдко остаются въ карточномъ каталогѣ, изъ котораго они обыкновенно заботливо удаляются библиотечнымъ или его болѣе опытнымъ помощниками. Съ инвентаремъ этого сдѣлать нельзя. Нѣкоторыя страницы инвентаря поэтому рассказали бы вамъ о томъ, въ какомъ безпомощномъ положеніи находился иногда библиотечарь большой научной библиотеки, который самъ не могъ сдѣлать всего и не имѣлъ въ библиотечномъ персоналѣ такихъ лицъ, которые могли бы ему помочь.

Прочтите эти страницы, и вы поймете, что въ университетской библиотекѣ пужны люди образованные, знающіе библиотечное дѣло, опытные.

Но инвентарь—дѣло домашнее; можно бы, пожалуй, и помириться съ нѣкоторыми его недостатками, если бы неопытность библиотечнаго персонала не оказывала вліянія на другія отрасли библиотечнаго дѣла. Можетъ ли библиотечарь безбоязненно поручить любому изъ своихъ неопытныхъ коллегъ какое-нибудь другое дѣло, напр., помѣстить книги на соответствующія мѣста въ книгохранилищѣ?

Во всѣхъ русскихъ университетскихъ библиотекахъ принято систематическое размѣщеніе книгъ въ книгохранилищахъ; въ научныхъ библиотекахъ З. Европы—тоже. Такое размѣщеніе книгъ представляетъ большія удобства. Какую же пользу можетъ принести библиотечарю большой университетской библиотеки въ этомъ дѣлѣ персоналъ слуга-

„Записки Императ. Харьковск. универ.“

щих, какъ бы онъ ни былъ великъ, если онъ не состоитъ изъ лицъ образованныхъ, хорошо знающихъ языки и подготовленныхъ къ дѣлу, особенно при теперешнемъ ростѣ библиотекъ, въ которыя ежегодно стали поступать богатѣйшія коллекціи? Наша университетская библиотека, напр., въ послѣднія десять лѣтъ увеличилась на 50000 томовъ. Вѣдь для того, чтобы правильно помѣстить иностранную книгу въ соответствующій отдѣлъ, надо просмотрѣть ее, а этого не можетъ сдѣлать человѣкъ, не получившій высшаго образованія и не знающій иностранныхъ языковъ; не можетъ сдѣлать этого и человѣкъ съ университетскимъ дипломомъ, но очень мало знающій языки и недостаточно опытный. А приходится же иногда, при вѣчно мѣняющемся персоналѣ, поручать такую работу и людямъ, недостаточно опытнымъ. Результаты ихъ работы предвидѣть легко: библиотекарю часто приходится, къ ег великому огорченію, находить книгу не въ соответствующемъ отдѣлѣ.

Размѣщеніе карточекъ въ общемъ алфавитномъ каталогѣ, по видимому, совершенно простая работа; но попробуйте-ка сдѣлать это дѣло съ персоналомъ неопытныхъ работниковъ. Легко ли будетъ въ послѣдствіи найти книгу въ иностранномъ отдѣлѣ каталога, если карточка будетъ поставлена, правда, въ алфавитномъ порядкѣ, но будетъ стоять не подъ фамиліей автора, а подъ фамиліей издателя, переводчика, или книга, въ которой не указано автора, будетъ поставлена подъ такимъ словомъ, которое уже никакимъ образомъ не можетъ прийти намъ въ голову? Она можетъ стоять въ книгохранилищѣ десятки лѣтъ, и можно смѣло речуцъ, что никто не вздумаетъ потревожить тамъ ея покоя.

Во всякой большой библиотекѣ должно быть два каталога: алфавитный и систематическій. А во всѣхъ ли русскихъ научныхъ библиотекахъ былъ всегда и тотъ и другой, доведенный до послѣдняго времени? Въ нашей университетской библиотекѣ не было общаго алфавитнаго каталога до 1899 г., въ библиотекѣ Варшавскаго университета при посѣщеніи ея мною въ 1903 г. еще не было полнаго алфавитнаго каталога, въ библиотекѣ Юрьевскаго университета, по видимому, до сихъ поръ нѣтъ его; систематическій полный каталогъ появился въ нашей библиотекѣ лишь въ 1906 г., въ Казахскомъ университетѣ его еще нѣтъ.

Составленіе систематическаго каталога въ научныхъ библиотекахъ—дѣло такое серьезное, что не имѣя достаточнаго персонала образованныхъ лицъ, знающихъ библиотечное дѣло, нельзя и думать о немъ. Вѣдь каждую книгу надо просмотрѣть, чтобы правильно отнести ее въ соответствующій отдѣлъ: бываютъ такія заглавія книгъ, которыя могутъ ввести въ заблужденіе даже специалиста, если онъ не увидитъ самой книги.

Безъ систематическаго каталога книгъ научная бібліотека совершенно недоступна для того круга читателей, которые незнакомы съ бібліографіей предмета, ихъ интересующаго. А между тѣмъ этотъ-то каталогъ въ русскихъ бібліотекахъ обыкновенно и заставляетъ долго ожидать своего появленія. Въ нашей университетской бібліотекѣ, со времени ея основанія, шестьдесятъ лѣтъ пришлось ждать систематическаго каталога. Библіотечный персоналъ не могъ совсѣмъ составить его; весь совѣтъ университета долженъ былъ прийти ему на помощь. Вотъ что значить не имѣть въ бібліотекѣ персонала лицъ образованныхъ, съ профессиональною подготовкою. Я подчеркиваю этотъ фактъ изъ исторіи бібліотеки нашего университета особенно въ виду того, что бібліотекарями въ первые пятьдесятъ лѣтъ ея существованія были профессора. Надо принять во вниманіе и то еще, что бібліотека росла въ то время далеко не такъ быстро, какъ теперь. Что могли сдѣлать даже представители науки, профессора, въ бібліотекѣ, которой не потрудились дать съ самаго начала опытныхъ работниковъ? Совѣту пришлось у насъ поработать еще два раза надъ составленіемъ систематическаго каталога, послѣ чего дѣло стало опять и остановилось надолго, на цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, до 1906 г.

Можетъ ли быть это въ какой угодно заграничной бібліотекѣ? Разумѣется, нѣтъ. Забота о читателѣ стоитъ тамъ на первомъ планѣ. Къ его услугамъ тамъ и полный карточный систематическій каталогъ, и печатный каталогъ наиболѣе рекомендуемыхъ изданій, и каталогъ алфавитный.

Въ швейцарскихъ бібліотекахъ, въ Женевѣ напр., рядомъ съ карточкой, на которой находится названіе сочиненія извѣстнаго автора, помѣщается карточка съ краткими біографическими свѣдѣніями о немъ, съ указаніемъ другихъ трудовъ его, которыхъ нѣтъ въ бібліотекѣ, и отзывы о нихъ. Какъ далеко намъ до этого!

Можетъ ли отличиться такими достоинствами нашъ каталогъ, составленный изъ карточекъ, написанныхъ неумѣлыми руками неопытныхъ работниковъ?

Я не буду перечислять другихъ отраслей бібліотечнаго дѣла и указывать на то, какъ отзываются на нихъ неопытность работниковъ. Можно сказать короче, что на всемъ, что они ни дѣлаютъ, лежитъ печать непониманія и незнанія дѣла. И все, что они ни дѣлаютъ, слѣдовало бы передѣлать, сдѣлать запово. И передѣлывать приходится.

Въ нашей университетской бібліотекѣ нѣсколько разъ передѣлывалось запово систематическое размѣщеніе книгъ въ книгохранилищѣ ¹⁾,

¹⁾ См. „Библ. Харьк. ун-ва за 100 л. ея существованія“, стр. 8, 10, 20, 35.

въ библиотекъ русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ пять разъ мѣнялась система размѣщенія ихъ; въ библиотекъ Кіевскаго университета въ 1896 году оказалось необходимымъ заново переставить всѣ книги.

Эти—крупныя перемѣны, связанныя съ большими затратами, а сколько мелкихъ, не проникающихъ даже въ отчеты библиотекъ! Эта неустойчивость системъ классификаціи развѣ не показываетъ, что русскимъ библиотекамъ не достаетъ чего-то важнаго.

А такіе дефекты библиотекъ, какъ отсутствіе описаній рукописей въ нѣкоторыхъ библиотекахъ, печатныхъ списковъ дублетовъ, указанные выше недостатки въ алфавитномъ и систематическомъ каталогѣ или полное отсутствіе одного изъ нихъ—развѣ это не симптомы одной и той же болѣзни всѣхъ русскихъ библиотекъ, которую можно бы называть „библиотечнымъ рахитизмомъ“, коренная причина которой лежитъ въ несоотвѣтствіи персонала служащихъ въ нихъ ни съ ростомъ библиотекъ, ни съ ихъ потребностями, ни съ требованіями, которыя къ нимъ предъявляются. Эти потребности библиотекъ и эти требованія обращающихся къ нимъ читателей, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше развиваются, а библиотеки какъ будто застыли въ своихъ формахъ и не проявляютъ способности къ развитію.

Статистика дѣятельности библиотекъ всего лучше доказала бы это; по поставленная такъ прекрасно на Западѣ, въ нашихъ научныхъ библиотекахъ она почти отсутствуетъ. Въ отчетахъ библиотекъ Кіевскаго и Томскаго университетовъ вы не найдете вовсе цифръ, показывающихъ число выданныхъ книгъ на домъ и для чтенія въ библиотекѣ; въ отчетахъ библиотеки Московскаго университета онѣ отличаются большою неопредѣленностью. Какъ бы то ни было, онѣ рисуютъ очень незначительную дѣятельность большей части научныхъ библиотекъ; только дѣятельность библиотекъ Варшавскаго и С.-Петербургскаго университетовъ довольно значительна.

Но если оставить въ покоѣ цифры, которыя, можетъ быть, и не отличаются большою точностью, и обратить вниманіе на сообщаемыя въ отчетахъ свѣдѣнія о работахъ, которыя производятся въ библиотекахъ, то мы увидимъ, что эти свѣдѣнія какъ нельзя лучше рисуютъ безотрадное положеніе нѣкоторыхъ библиотекъ. Лучшій матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ отчеты библиотекаря Казанскаго университета за 1901—1905 г.г. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ 1905 г. окончена наконецъ сортировка карточекъ систематическаго каталога иностранныхъ книгъ. Библиотекарь находитъ ее „первобытной, поспѣшной и, можетъ быть, ненаучной“, но думаетъ все-таки, что, сдѣлавъ ее, онъ „оказалъ услугу

специалистамъ, освободивъ ихъ отъ необходимости рыться въ 100000-й кучѣ карточекъ¹⁾; въ работѣ этой, которая продолжалась пять лѣтъ, онъ не могъ разсчитывать на помощь своихъ коллегъ, которые, по его словамъ, „не отличаются большою ученостію“, не могъ разсчитывать и на профессоровъ: раздавъ профессорамъ часть карточекъ, онъ не получилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній¹⁾).

Отчеты эти очень рельефно рисуютъ намъ и безпомощное положеніе бібліотекаря, и положеніе тѣхъ специалистовъ, которымъ приходилось рыться въ стотысячной кучѣ карточекъ, и положеніе не-специалистовъ, особенно студентовъ.

Постоянная неподготовленность бібліотечнаго персонала къ своему дѣлу, недостаточное знакомство его съ новыми языками, частая смѣна служащихъ,—все это, повторяю, наложило свою печать на всю исторію нашихъ научныхъ бібліотекъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ историческимъ очеркомъ бібліотеки Харьковскаго университета, который недавно вышелъ изъ печати²⁾. Сто лѣтъ существовала большая университетская бібліотека, и эти сто лѣтъ ея существованія были таковы, что исторія ея представляетъ одинъ сплошной скорбный листъ болѣзненнаго существа—рахитика, искалѣченнаго въ дѣтствѣ, ненормально развивавшагося, неспособнаго къ движенію и дѣятельности; для лѣченія его не разъ созывались консилиумы врачей, которые не понимали болѣзни пациента и рекомендовали паллиативныя мѣры, не приносяшія ему существенной пользы.

По всей вѣроятности, такова же исторія и другихъ русскихъ университетскихъ бібліотекъ, если написать ее правдиво³⁾.

Многочисленныя комиссіи почти постоянно работали надъ приведеніемъ въ порядокъ нашей бібліотеки. Но если бы хоть одной изъ нихъ удалось правильно поставить діагнозъ ея болѣзни, если бы хоть одна изъ нихъ сказала откровенно, что вся причина отсутствія порядка въ ней заключается въ отсутствіи профессиональной подготовки ея персонала, и еслибы результатомъ этого открытія былъ рядъ заботъ университета о привлеченіи въ среду бібліотечныхъ служащихъ людей знающихъ, то можно съ увѣренностью сказать, что порядокъ водворился бы въ ней самъ собой, и исторія ея была бы совсѣмъ иною.

То обстоятельство, что университетскими бібліотеками пользовалось до сихъ поръ сравнительно небольшое число лицъ, какъ бы скры-

¹⁾ Ученныя записки Имп. Казанскаго Унив. 1906 г., дек., стр. 136.

²⁾ „Библіотека Харьковскаго Унив. за сто лѣтъ ея существованія“ К. Рубинскаго.

³⁾ См. напр., Загоскинъ, „Исторія Имп. Казанскаго универ.“ Т. 4-й стр. 127—156.

вало ихъ недостатки; но теперь пора замѣтить ихъ, пора понять, какое главное препятствіе мѣшаетъ ихъ развитію, и пора устранить его, какъ крупный тормазъ къ развитію высшаго образованія въ Россіи.

Пора широко раскрыть двери русскихъ книгохранилищъ и сдѣлать доступными для общаго пользованія такія книжныя богатства, какъ достояніе папей университетской библіотеки, стоящей полъ-милліона. Благодаря несовершенству механизма нашихъ научныхъ библіотекъ, этими книжными богатствами могло пользоваться до сихъ поръ вѣдь очень небольшое число лицъ, если заглянуть въ отчеты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, тогда какъ они могли бы быть открыты для всѣхъ желающихъ пользоваться ими, даже для иностранцевъ. Въ Швейцаріи, напр., выдаютъ иностранцамъ книги на домъ, если они могутъ представить ручательство отъ консула.

А у насъ во всѣхъ университетахъ студенты жалуются на то, что имъ трудно достать нужныя книги. Въ нашемъ университетѣ они уже два раза приходили къ мысли, что имъ необходимо имѣть свою собственную библіотеку. И они заводили уже такую библіотеку въ шестидесятыхъ годахъ. Развѣ это не лучшее доказательство ненормальнаго положенія научныхъ библіотекъ? И студенты были правы, заводя свою библіотеку. Вѣдь, сказать правду, немного было сдѣлано за цѣлое столѣтіе для того, чтобы облегчить имъ пользованіе нашею библіотекою. Я говорилъ уже, что очень недавно появился въ ней и общій алфавитный, и систематическій каталогъ. При отсутствіи того и другого, толкнется, бывало, молодой человѣкъ въ библіотеку, попробуетъ поискать въ ней книгъ, потратить много времени на поиски ихъ, ничего не найдетъ и плюнетъ разъ навсегда на это дѣло съ тѣмъ, чтобы никогда больше не заглядывать въ столь мудреное учрежденіе; не посоветуетъ и товарищу.

Сколько разъ приходилось мнѣ и моимъ коллегамъ слышать отъ студентовъ, при окончаніи курса бравшихъ удостовѣренія о томъ, что за ними книги не числятся, такую фразу: „Не трудитесь искать росписокъ, не справляйтесь, я ни одной книги изъ библіотеки не бралъ.“ Подумайте: проходили молодые люди весь четырехлѣтній или пятилѣтній курсъ и ни разу не пользовались библіотекой. Должна же быть этому кака-нибудь причина.

Въ благоустроенныхъ библиотекахъ З. Европы, въ которыхъ бываетъ по 800 требованій въ день, эти же молодые люди были бы, можетъ быть, постоянными посѣтителями библіотечнаго зала для чтенія. Но за то тамъ къ услугамъ читателя и всевозможныя справочныя изданія, и каталоги книгъ, и персоналъ служащихъ, хорошо знающихъ,

что посоветовать читателю и какъ найти то, что ему нужно. Читатель идетъ тамъ въ библиотечный залъ, какъ въ свой кабинетъ, гдѣ онъ знаетъ, что всегда найдетъ все необходимое для работы.

А у насъ въ теченіе ста лѣтъ не было при библиотекѣ даже комнаты, гдѣ можно было бы предложить желающимъ читать и дѣлать необходимыя справки. Теперь уже съ 1901 г. есть при библиотекѣ прекрасный залъ, но въ немъ никогда нѣтъ читателей: въ немъ устроена аудитория.

Положеніе библиотечнаго дѣла въ Россіи должно интересовать русское интеллигентное общество теперь, когда стремленіе къ образованію охватило всѣ слои населенія, когда стѣны учебныхъ заведеній не могутъ вмѣстить въ себя всѣхъ ищущихъ знанія. Сколько молодыхъ людей искало бы знанія въ нашей университетской библиотекѣ, сколько перебывало бы въ ея прекрасномъ залѣ, если бы наша библиотека была такъ же удобна для пользованія, какъ напр. *Bibliothèque de St. Geneviève* и другія библиотеки Парижа.

Съ судьбою научныхъ библиотекъ тѣсно связана судьба высшего образованія въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь настала очередь Россіи послѣдовать примѣру своихъ культурныхъ сосѣдей и поставить на надлежащую высоту библиотечное дѣло; библиотеки станутъ тогда не тормазомъ, а могучимъ рычагомъ для широкаго развитія высшего образованія и науки.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что проклятіе, тяготѣвшее надъ библиотеками, по мѣткому выраженію лѣмбюгскаго профессора Рульмана, и мѣшавшее ихъ развитію, будетъ наконецъ снято съ русскихъ библиотекъ, какъ оно снято уже съ иностранныхъ; что вмѣстѣ съ пробужденіемъ самосознанія русскаго общества занимается заря новой жизни и для русскихъ научныхъ библиотекъ; что вслѣдъ за робкимъ словомъ, сказаннымъ съ этой кафедрой, раздадутся другіе голоса, болѣе компетентные. И падутъ чары, сто лѣтъ сковывавшія дѣятельность русскихъ библиотекъ, и скрывающіяся въ нихъ богатства станутъ доступными для всего интеллигентнаго общества.

Но для этого необходимо, чтобы весь составъ служащихъ въ библиотекахъ состоялъ изъ людей образованныхъ, основательно изучившихъ библиотечное дѣло, знающихъ языки. Другихъ средствъ для достиженія этого нѣтъ, быть не можетъ; они могутъ на время принести нѣкоторую пользу библиотекамъ, но затѣмъ все опять пойдетъ по старому.

До тѣхъ поръ, пока составъ служащихъ въ библиотекахъ будетъ мѣняться, пока библиотеки для лицъ съ высшимъ образованіемъ бу-

дуть этапомъ на ихъ жизненномъ пути, въ нихъ никогда не будетъ людей, знающихъ свое дѣло.

А какъ же не мѣняться составу служащихъ въ библиотекахъ при томъ содержаніи, какое получаютъ въ нихъ даже штатные служащіе? Взять, напр., хотя бы Харьковскую университетскую библиотечку.

До начала моего управленія библиотечкою штатные помощники получали только 600 р. жалованья. Познакомившись съ положеніемъ служащихъ въ другихъ библиотекахъ во время своей командировки, я добился увеличенія числа служащихъ по найму и увеличенія содержанія штатныхъ служащихъ путемъ прибавки изъ специальныхъ средствъ. Въ настоящее время они получаютъ отъ 120 р. (младшіе помощники) до 540 р. прибавки (старшіе помощники). Это, разумѣется, обременительно для специальныхъ средствъ университета.

А между тѣмъ, велико ли это содержаніе, получаемое штатными помощниками библиотекаря, при теперешнихъ условіяхъ жизни въ Харьковѣ. Штатные помощники библиотекаря въ Харьковской университетской библиотекѣ—все люди семейные. Можетъ ли прожить теперь въ Харьковѣ сколько нибудь сносно семейный человѣкъ на 720 руб., когда одна квартира въ 3 комнаты стоитъ 700 р.?

1140 р. получаютъ помощники, прослужившіе много лѣтъ въ библиотекѣ: одинъ изъ нихъ имѣетъ уже за собою 25 лѣтъ службы. Лѣтъ 10 онъ провелъ въ библиотекѣ, не состоя на штатной службѣ; поэтому онъ не получаетъ пенсін. Но, если бы даже и получалъ онъ ее, на много ли она увеличила бы его бюджетъ?

25 лѣтъ службы—періодъ достаточный для того, чтобы подумать и объ отдыхѣ. А можетъ ли вообще штатный помощникъ библиотекаря безъ ужаса подумать объ оставленіи службы по выслугѣ лѣтъ и о перспективѣ получать 400 руб. пенсін?

По уставу университетовъ служба въ библиотекѣ считается службой по учебной части, но по окладамъ жалованія и пенсін она скорѣе приближается къ службѣ канцелярскихъ чиновниковъ, чѣмъ преподавателей. Въ Харьковскомъ университетѣ, напр., матеріальное положеніе многихъ чиновниковъ лучше положенія служащихъ въ библиотекѣ. Права службы, жалованіе и пенсін преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній гораздо больше, чѣмъ служащихъ въ университетскихъ библиотекахъ.

Когда выдвинутъ былъ на очередь вопросъ объ увеличеніи содержанія персоналу учебныхъ заведеній и рѣшено было выдавать 20% прибавку, эту прибавку въ первое время стали выдавать въ Харьковѣ и штатнымъ помощникамъ библиотекаря, но потомъ отмѣнили.

Воспользовавшись приѣздомъ въ Харьковъ министра народнаго просвѣщенія Глазова, и подавалъ ему ходатайство о сохраненіи прибавки и для штатныхъ служащихъ въ бібліотекѣ, въ виду того, что бібліотека представляетъ одно изъ учебно-вспомогательныхъ учреждений университета, а лица, служащіе въ другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ его, не лишены ея. Министерство отказало въ удовлетвореніи этого ходатайства, указавъ на то, что прибавку предполагалось выдавать только преподавателямъ.

Многихъ сослуживцевъ очень опечалилъ этотъ отказъ, такъ какъ они все таки думали и продолжаютъ думать, что, состоя въ бібліотекѣ университета, они раздѣляютъ труды педагогическаго персонала. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ не посылаютъ къ нимъ преподаватели за совѣтомъ студентовъ, пишущихъ сочиненія. Розыскать студенту литературу по интересующему его вопросу—не значить ли это дать ему матеріалъ для научной работы, почву для розысканій и для опытовъ въ научной разработкѣ мысли? Бібліотека помогаетъ часто и самимъ преподавателямъ въ розысканіи книгъ по тому или другому научному вопросу, и часто случайное указаніе какого-нибудь труда, не приходившаго на мысль молодому ученому при началѣ его работы, можетъ ослѣпить для него цѣлые новые горизонты мысли.

Мы остались неудовлетворенными отвѣтомъ министерства, хотя, можетъ быть, оно, основываясь на теперешнемъ положеніи бібліотечнаго персонала, на его подготовкѣ къ своему дѣлу, отчасти и право.

Для того, чтобы университетскія бібліотеки выполняли ту роль, которая должна лежать на нихъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія, чтобы онѣ были учебно-вспомогательными учрежденіями въ полномъ смыслѣ слова, необходимо поставить персоналъ бібліотеки въ благоприятныя для этого условія и прежде всего въ благоприятныя матеріальныя условія.

Въ настоящее время онѣ поставлены въ болѣе неблагоприятныя условія сравнительно съ остальнымъ педагогическимъ персоналомъ, напр., съ персоналомъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Если преподаватель средняго учебнаго заведенія, получающій сравнительно съ помощникомъ бібліотечнаго вдвое большее содержаніе, такъ задавленъ пуждою, что принужденъ набирать массу уроковъ и все свое время употребляетъ на бѣготню изъ одного учебнаго заведенія въ другое и на исправленіе ученическихъ тетрадей, не имѣя возможности пополнить пробѣлы своей педагогической подготовки, налету только схватывая новыя мысли и вѣянія, если онѣ въ дѣлѣ преподаванія оказывается несостоятельнымъ и вызываетъ упреки, спра-

ведливые со стороны общества, желающего лучшей постановки дѣла, несправедливые именно потому, что они направлены только противъ преподавателя, то что же можно сказать о человѣкѣ съ высшимъ образованіемъ, занявшимъ должность помощника бібліотекаря и даже бібліотекаря университета?

Службой въ бібліотекѣ онъ можетъ интересоваться только какъ штатной службой; если онъ человѣкъ семейный, то служба эта не дастъ ему и половины того, что ему нужно для жизни въ университетскомъ городѣ, а между тѣмъ она отнимаетъ у него самое дорогое время—утренніе часы, когда онъ могъ бы давать уроки. Ему не остается ничего болѣе, какъ искать заработка въ послѣобѣденное время. И каждый изъ помощниковъ бібліотекаря, кромѣ службы въ бібліотекѣ, непремѣнно имѣетъ еще и другія занятія, которыя отнимаютъ у него весь досугъ, выматываютъ у него всѣ силы.

Можно ли долго протянуть такую лямку? Разумѣется, нѣтъ. И оттого персоналъ бібліотечный постоянно мѣняется.

У меня былъ помощникомъ молодой семейный человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, дававшій вечеромъ уроки; онъ сравнивалъ свою жизнь съ жизнью домовой лошади, и у него хватило охоты только два года прожить такую жизнь.

Человѣку со сколько-нибудь слабымъ здоровьемъ не вынести ея. Могу привести примѣръ, бывшій у меня на глазахъ: одинъ изъ моихъ лучшихъ помощниковъ умеръ отъ истощенія, отъ преждевременно наступившей старости въ 55 лѣтъ.

Можетъ ли, съ другой стороны, непрерывно работающій человѣкъ исполнять бібліотечное дѣло съ полною внимательностью, энергіей, интересомъ? Можетъ ли онъ интересоваться бібліографіей, такъ необходимой ему въ его дѣлѣ, думать и заботиться о пополненіи тѣхъ знаній, которыя нужны ему для выполненія бібліотечной службы и которыхъ ему не достаетъ?

Если матеріальная необезпеченность преподавателя и отсутствіе у него досуга вредятъ у насъ правильной постановкѣ педагогическаго дѣла, то тѣ же причины еще болѣе вредятъ постановкѣ бібліотечнаго дѣла; но если совершенно несправедливъ у насъ упрекъ за состояніе преподаванія, направленный по адресу преподавателя, то еще болѣе былъ бы несправедливымъ какой бы то ни было упрекъ по адресу бібліотечнаго персонала, время пребыванія котораго въ бібліотекѣ является для него временемъ тяжелаго испытанія.

Школа, особенно высшая, уже обратила на себя вниманіе общества, и вопросъ о положеніи труженниковъ на поприщѣ преподаванія

озабочиваетъ общество и правительство; но положеніе такихъ же тружениковъ, получившихъ высшее образованіе и работающихъ для того же дѣла въ академическихъ библіотекахъ, все еще игнорируется, не смотря на то, что роль академическихъ библіотекъ становится въ дѣлѣ преподаванія все важнѣе. Если высшая школа не можетъ уже вмѣстить въ своихъ стѣнахъ всѣхъ идущихъ знанія, то гдѣ же они будутъ черпать эти знанія, какъ не въ библіотекахъ? Вотъ гдѣ нужны теперь знающіе работники, которые могли бы быть полезны юношеству своими библиографическими знаніями, знаніемъ, по крайней мѣрѣ, своей библіотеки, ея богатства, которые могли бы быстро найти или хотъ указать въ ней то, что нужно молодому человѣку.

Неподготовленность библіотечнаго персонала, задавленнаго пуждою и работою, мѣшаетъ библіотекамъ стоять на высотѣ своего настоящаго призванія. Университеты располагаютъ теперь большими средствами. Но развѣ идутъ библіотеки, пользуясь этими средствами, навстрѣчу запросамъ молодежи? Развѣ, напр., пополненіе библіотекъ въ университетахъ не является случайнымъ, не дѣлается въ интересахъ отдѣльных кафедръ, отдѣльных лицъ профессорскаго персонала, подчасъ сосредоточивающихъ вниманіе на вопросахъ слишкомъ специальныхъ, слишкомъ узкихъ, слишкомъ далекихъ отъ того, что существенно важно и необходимо знать молодежи. Выписываются поэтому нерѣдко одновременно десятки сочиненій по какому-нибудь мелкому вопросу, и безъ того имѣющему богатую литературу въ библіотекѣ, и въ ней пѣтъ и не пріобрѣтается капитальныхъ сочиненій по многимъ отраслямъ знаній.

Кому, какъ не библіотечному персоналу, должна принадлежать руководящая роль въ правильномъ, разумномъ пополненіи библіотекъ? У насъ, пожалуй, могутъ спорить объ этомъ, а въ Западной Европѣ кое-гдѣ это уже вопросъ рѣшенный.

Въ Вѣнѣ, въ университетской библіотекѣ весь библіотечный персоналъ собирается по пятницамъ для обсужденія вопроса о пополненіи библіотеки. Помощники библіотекаря (Bibliothekare) должны пересмотрѣть къ этому времени объявленія о новыхъ книгахъ, рецензіи о нихъ и приготовить рефераты. Рефераты эти читаются и на основаніи сообщеній дѣлается выборъ новыхъ книгъ и знакомятся съ достоинствомъ книгъ, пріобрѣтенныхъ уже.

Но для того, чтобы библіотечный персоналъ стоялъ на высотѣ своего призванія, служба въ академической библіотекѣ должна сама по себѣ обеспечивать его матеріально, давать ему возможность посвятить всѣ свои силы своему высокому дѣлу, идущему рука объ руку съ дѣломъ устнаго школьнаго преподаванія, конкурирующему съ нимъ и могущему

впослѣдствіи занять первенствующую роль, какъ болѣе широкій способъ передачи образованія.

Книга давно уже для тысячъ молодыхъ людей, не имѣющихъ возможности посѣщать лекцій, замѣняетъ живое профессорское слово; но теперь недостаточно уже, чтобы этой книгой былъ только литографированный курсъ лекцій, который надо вы зубрить къ экзамену.

Для того, чтобы библіотеки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ выполняли свою теперешнюю роль, онѣ должны располагать такимъ персоналомъ, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ времени, и такимъ можетъ быть только составъ служащихъ, избравшихъ не случайно, а сознательно библіотечную службу, какъ способъ служенія дѣлу просвѣщенія, не желающихъ и не имѣющихъ надобности мѣнять ее ни на какія другія занятія.

Принадлежа несомнѣнно къ педагогическому персоналу учебнаго заведенія, служащіе въ академическихъ библіотекахъ должны быть матеріально обеспечены такъ же, какъ и другія лица педагогическаго персонала того же учебнаго заведенія; многолѣтняя служба ихъ должна быть вознаграждаема такою пенсіей, чтобы, потративъ силы и здоровье на служеніе дѣлу образованія, они могли безболѣзненно смотрѣть въ лицо будущему, когда имъ придется, съ ослабленнымъ зрѣніемъ, съ разстроеными нервами, съ другими болѣзнями, приобретенными на службѣ, и притомъ съ большою семьей, оставить службу въ библіотекѣ.

Служба для лицъ съ высшимъ образованіемъ должна представлять въ библіотекахъ такое же матеріальное обезпеченіе, какъ и другіе виды труда; она должна представлять такую же градацию должностей для лицъ съ большею и меньшею опытностью, какую мы встрѣчаемъ въ библіотекахъ на Западѣ.

Градация должностей существуетъ во всѣхъ русскихъ и иностранныхъ учрежденіяхъ; она не забыта и въ вѣдомствѣ министерства пароднаго просвѣщенія; для преподавателя средняго учебнаго заведенія, кромѣ перспективы занять впослѣдствіи должности инспектора и директора, существуютъ, напр., прибавки по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ; но для служащихъ въ академическихъ библіотекахъ градация должностей считается излишнею: по уставу 1884 г. всѣмъ штатнымъ помощникамъ библіотекаря полагается одинаковое содержаніе, остающееся неизмѣннымъ, сколько бы они лѣтъ ни служили. И только тамъ, гдѣ существуетъ дополнительная прибавка къ содержанію, ассигнуемая изъ специальныхъ средствъ, какъ это установлено, напр., въ Харьковскомъ университетѣ, случайно явилась нѣкоторая градация между служащими,—случайно, такъ какъ

самое существованіе прибавки дѣло условное, находящееся въ зависимости отъ состоянія спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія.

Библіотекари Франціи хлопочутъ о введеніи у нихъ градаціи должностей, соотвѣтствующей времени службы въ бібліотекѣ. Какъ сказано выше, они проектируютъ раздѣленіе должностей на классы и обязательное повышеніе въ классѣ должности чрезъ каждые 4 года.

Увеличеніе содержанія лицамъ, прослужившимъ опредѣленное число лѣтъ, и справедливо по отношенію къ нимъ, и полезно для дѣла: нѣсколько лѣтъ занятія опредѣленнымъ дѣломъ даютъ служащему извѣстную опытность и дѣлаютъ работу его болѣе продуктивной, болѣе тщательною въ сравненіи съ его же работою въ предшествующіе годы службы; увеличеніе платы за болѣе продуктивный трудъ вполне справедливо. Въ русскихъ академическихъ бібліотекахъ оно было бы полезно для самихъ бібліотекъ, такъ какъ оно освобождало бы служащихъ отъ необходимости искать заработка на сторонѣ и служило бы стимуломъ къ пріобрѣтенію навыковъ, необходимыхъ для успѣшнаго хода дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что только при условіи достаточнаго матеріальнаго обезпеченія служащихъ могутъ явиться желающіе навсегда посвятить себя бібліотечному дѣлу, и только при такомъ условіи изученіе его сдѣлается необходимымъ, особенно, если и у насъ, какъ въ Западной Европѣ, будетъ требоваться отъ поступающихъ въ бібліотеки предварительная профессиональная подготовка.

Нельзя принимать на службу въ академическія бібліотеки лицъ, не имѣющихъ высшаго образованія; нельзя принимать лицъ съ высшимъ образованіемъ, но не знающихъ иностранныхъ языковъ и не изучившихъ предварительно бібліотечнаго дѣла. Практическую подготовку могли бы они получать въ университетскихъ бібліотекахъ до поступленія на службу.

Но, принимая въ бібліотеки лицъ съ высшихъ образованіемъ, имѣющихъ намѣреніе заняться изученіемъ дѣла съ тѣмъ, чтобы впоследствии посвятить себя бібліотечной службѣ и занять штатную должность въ одной изъ академическихъ бібліотекъ, надо дать, имъ возможность просуществовать бездѣдно то время, которое понадобится имъ для подготовки. Знакомыя практически съ дѣломъ, переходя отъ одного занятія къ другому, какъ практиканты въ германскихъ бібліотекахъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносили бы пользу своимъ трудомъ. И этотъ трудъ ихъ долженъ оплачиваться. Въ настоящее время въ академическихъ бібліотекахъ, кромѣ штатныхъ служащихъ, есть еще и нештатные. Всего разумнѣе было бы, если бы персоналъ нештатныхъ

служащих состоялъ именно изъ такихъ практикантовъ, имѣющихъ высшее образованіе. Но, разумѣется, привлечь ихъ въ библіотеки можно было бы только тогда, когда и трудъ нештатныхъ служащихъ въ нихъ пересталъ бы оплачиваться грошами: На 25—30 р. мѣсячнаго жалованія, безъ всякой надежды на его увеличеніе, не пойдетъ никто изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, имѣющихъ возможность найти частную службу, гораздо лучше оплачивающуюся; а если и пойдетъ, то на самое короткое время. Примѣръ Западной Европы показалъ намъ, что университетскія библіотеки могутъ сдѣлаться техническими школами для лицъ, интересующихся библіотечнымъ дѣломъ, и что могутъ найтись между ними такіе, которые полюбятъ его и будутъ основательно готовиться къ библіотечной службѣ, постараются приобрести необходимыя знанія.

Разумѣется, необходимо дать и средства для приобретенія ихъ. Я не вижу причины, почему бы лицамъ, готовящимся къ службѣ въ библіотекахъ, не дать возможности слушать въ университетѣ, напр., курсы новыхъ языковъ, не открыть для нихъ курсовъ библіографіи, библіотековѣдѣнія, палеографіи. На Западѣ не ограничиваются этимъ, тамъ введены экзамены въ спеціальныхъ комиссіяхъ. Почему бы имъ не быть и у насъ? Ожиданіе экзамена по истеченіи опредѣленнаго срока подготовки заставило бы лицъ, готовящихся къ библіотечной службѣ, серьезно отнестись къ изученію дѣла.

Дайте русскимъ академическимъ библіотекамъ все это, и у насъ тогда, какъ на Западѣ, появятся и знатоки библіотечнаго дѣла, и интересъ къ нему, и капиталыше труды по библіотековѣдѣнію, измѣнится состояніе академическихъ библіотекъ, расширится ихъ дѣятельность. Когда весь персоналъ нашихъ библіотекъ будетъ состоять изъ людей опытныхъ, интересующихся своимъ дѣломъ и любящихъ его, тогда сами собою исчезнутъ всѣ тѣ недостатки и недочеты, которые до сихъ поръ были необходимыми атрибутами русскихъ библіотекъ, возникшихъ, развившихся и функционировавшихъ при самыхъ неблагоприятныхъ для нихъ условіяхъ.

Мнѣ кажется, что русскія академическія библіотеки получатъ персоналъ опытныхъ и знающихъ работниковъ только тогда, когда на зачиту интересовъ русскаго библіотечнаго дѣла явятся люди сильныя словомъ, когда имъ удастся поколебать вѣковой предрасудокъ общества, его взглядъ на библіотечное дѣло; когда они откроютъ глаза обществу и покажутъ ему, какой вредъ приписать библіотечному дѣлу персоналъ неопытныхъ работниковъ, какой вредъ приписать неудовлетворительное состояніе библіотекъ дѣлу высшаго образованія; когда они раскро-

ють предъ глазами общества со всею яркостью и очевидностью ту высокую роль, которую призваны играть академическія бібліотеки въ дѣлѣ высшаго образованія. И общество увидитъ тогда, что нельзя держать за семью замками сокровища знанія, которыя, при лучшихъ условіяхъ, могутъ стать такимъ же источникомъ свѣта для всѣхъ ищущихъ высшаго образованія, какимъ служатъ они у нашихъ западныхъ сосѣдей; оно пойметъ, что затраты, какія надо сдѣлать для того, чтобы бібліотеки получили персоналъ опытныхъ работниковъ, быстро окупятся, и оно само пойдетъ на встрѣчу нашимъ стремленіямъ.

Когда я читалъ свой докладъ въ Харьковѣ, ничто не давало мнѣ надежды, что поднятый мною вопросъ можетъ разрѣшиться въ близкомъ будущемъ. Но теперь обстоятельства измѣнились. Учрежденіе Общества бібліотековѣдѣнія и его желаніе заняться прежде всего вопросомъ о бібліотечномъ персоналѣ, самымъ большимъ мѣстомъ русскаго бібліотечнаго дѣла, даютъ мнѣ увѣренность, что наступилъ поворотный пунктъ въ исторіи русскихъ академическихъ бібліотекъ. И, быть можетъ, это засѣданіе Общества, посвященное важнѣйшему бібліотечному вопросу, будетъ началомъ новой эпохи въ исторіи русскаго бібліотечнаго дѣла, если Общество бібліотековѣдѣнія возьметъ на себя инициативу въ вопросѣ о бібліотечномъ персоналѣ.

Считаю необходимымъ обратить вниманіе Общества на то, что настоящий моментъ является чрезвычайно важнымъ для интересующаго насъ вопроса: измѣнится университетскій уставъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надолго рѣшится судьба русскихъ университетскихъ бібліотекъ. Слѣдовало бы воспользоваться этимъ моментомъ и поднять вопросъ о положеніи бібліотечнаго персонала. И всего умѣстнѣе было бы сдѣлать это, разумѣется, Обществу бібліотековѣдѣнія.

Разсмотрѣніе важнѣйшаго вопроса въ бібліотечномъ дѣлѣ, быть можетъ, займетъ нѣсколько засѣданій Общества, и мнѣ не прійдется познакомиться съ его взглядами; поэтому я просилъ бы на сегодняшнемъ засѣданіи, посвященномъ этому вопросу, устранивъ все второстепенное, всѣ детали, которыя могутъ быть разработаны впослѣдствіи, заняться обсужденіемъ самыхъ существенныхъ сторонъ въ дѣлѣ улучшенія бібліотечнаго персонала и положенія академическихъ бібліотекъ.

Я считалъ бы и просилъ бы признать такими существенными вопросами слѣдующіе:

1. Какими способами, кромѣ указаннаго мною воздѣйствія на общество путемъ печати, могутъ быть достигнуты постановка и благоприятное разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи положенія библиотечнаго персонала и о признаніи его принадлежности къ педагогическому персоналу?

2. Какое матеріальное положеніе, въ связи съ градаціей должностей, для штатныхъ служащихъ въ академическихъ библиотекахъ и для служащихъ въ библиотекахъ по найму, можетъ быть признано достаточнымъ для того, чтобы первымъ дать возможность посвятить себя всецѣло библиотечному дѣлу и свой досугъ изученію его, а вторымъ дать возможность основательно подготовиться къ службѣ въ библиотекѣ, такъ какъ именно изъ нихъ должны пополняться кадры штатныхъ служащихъ въ библиотекахъ?

3. Какія средства для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній могутъ быть предоставлены въ распоряженіе лицъ, которые чувствовали бы призваніе и желали бы посвятить себя всецѣло библиотечной дѣятельности?

4. Какія требованія могутъ быть поставлены при замѣщеніи библиотечныхъ должностей въ томъ случаѣ, когда улучшеніе матеріальнаго положенія служащихъ будетъ достигнуто, и имъ дана будетъ возможность пріобрѣтать необходимыя знанія?

5. Не слѣдуетъ ли ходатайствовать о томъ, чтобы при обсужденіи вопросовъ, касающихся академическихъ библиотекъ, въ засѣданіяхъ совѣтовъ присутствовали библиотекари съ правомъ голоса?

Для объясненія необходимости такого ходатайства я позволю себѣ разсказать одинъ эпизодъ изъ исторіи библиотеки Харьковскаго университета, которою я специально занимался. Дѣло, о которомъ я хочу разсказать, относится къ срединѣ пятидесятихъ годовъ. Библиотекаремъ въ то время былъ Филимоновъ, только что окончившій Московскую духовную академію и совершенно неопытный въ библиотечномъ дѣлѣ. Къ этому времени университетская библиотека пришла въ такое запущенное состояніе, безпорядокъ въ ней слѣдался такимъ вопіющимъ, что это обратило на себя вниманіе не только мѣстнаго попечителя округа, но и министра народнаго просвѣщенія. Отъ университета потребовали приведенія ея въ порядокъ; университетъ потребовалъ того-же отъ библиотекаря, настаивая на печатаніи каталога. Началось составленіе карточекъ каталога, но, такъ какъ персоналъ библиотеки былъ незначительный, работа подвигалась не такъ быстро, какъ

это было желательно. Университетъ получилъ новое напоминаніе; совѣтъ потребовалъ отъ библіотечнаго персонала „усугубить работу“. Служащимъ пришлось работать и въ послѣобѣденное время; но работа всетаки подвигалась туго. Тогда рѣшили учредить надзоръ за дѣятельностью библіотеки и отъ библіотекаря потребовали представленія отчетовъ о ходѣ работы сначала за мѣсяцъ, потомъ за двѣ недѣли и, наконецъ, за недѣлю. Библіотекарь не вынесъ такого положенія и ушелъ въ отставку. Назначили новаго библіотекаря, моего предшественника.

На его счастье, одновременно съ этимъ назначили помощникомъ попечителя округа К. К. Фойгта, бывшаго раньше библіотекаремъ Казанскаго университета и знатока библіотечнаго дѣла. Познакомившись немедленно съ положеніемъ дѣла, онъ представилъ попечителю округа обстоятельную записку, очень любопытную и важную для исторіи библіотечнаго дѣла въ Россіи. Въ этой запискѣ онъ объяснилъ, что работа, выполненія которой требовалъ совѣтъ университета отъ библіотечнаго персонала, была непосильна; что нужно было дѣлать не то, что предполагалъ совѣтъ; что нельзя печатать каталогъ, не приведя въ порядокъ библіотеку, а для этого требовалось составить описи, размѣстить правильно и помѣтить всѣ книги; до печатанія каталога необходимо выработать систему, и это могутъ сдѣлать только представители науки, а не библіотечный персоналъ. Совѣтъ смутился, получить отъ попечителя эту записку, и обратился за разъясненіемъ, что ему дѣлать, къ министру народнаго просвѣщенія, а министръ передалъ дѣло на разсмотрѣніе библіотекаря С.-Петербургскаго университета, который, согласившись съ мнѣніемъ К. К. Фойгта, рекомендовалъ въ которыхъ измѣненія въ системѣ размѣщенія книгъ, предложенной имъ. Когда дѣло возвратилось въ совѣтъ, Фойгту удалось побудить всѣхъ профессоровъ лично приняться за приведеніе библіотеки въ порядокъ и руководить печатаніемъ каталога, который наконецъ былъ составленъ.

Ясно видно изъ приведеннаго факта, что совѣты учебныхъ заведеній не могутъ безошибочно рѣшать вопросы, относящихся къ библіотекамъ, безъ участія въ обсужденіи этихъ вопросовъ лицъ, непосредственно знакомыхъ съ положеніемъ дѣла, т. е. библіотекарей.

Они были первоначально въ солѣтахъ, когда управленіе библіотекъ поручалось профессорамъ; но въ началѣ сороковыхъ годовъ обычай этотъ прекратился, библіотекарей перестали приглашать въ засѣданія совѣтовъ, и академическая библіотека пошла, говоря фигурально, въ положеніе нелюбимой падчерицы, живущей на задворкахъ. Отъ нея требовали большой и важной для всего учебнаго дѣла работы; но какъ

„Записки Императ. Харьковск. универ.“

только она заикалась о необходимости, для успешнаго хода этой работы, нѣкоторыхъ затратъ, неизмѣнно рождалось подоразумѣніе.

Къ концу восьмидесятихъ годовъ работа этой „падчерицы“ вездѣ пришла въ такое состояніе, что явилась необходимость принять какія-нибудь мѣры. Казалось, вся бѣда въ томъ, что „падчерицѣ“ недостаетъ пониманія дѣла, и этотъ недостатокъ рѣшили исправить палліативною мѣрою, учрежденіемъ при бібліотекахъ комиссій.

Комиссіи принесли пользу бібліотекамъ въ томъ отношеніи, что матеріальныя нужды ихъ, благодаря представленіямъ комиссій, охотнѣе удовлетворялись совѣтами; но, какъ руководительницы въ веденіи дѣла, даже самыя лучшія комиссіи были безсильны. Чтобы понять это, надо обратить вниманіе только на составъ комиссій. Онѣ состоятъ отчасти изъ лицъ, начинающихъ профессорскую дѣятельность, отчасти изъ профессоровъ, добившихся прочнаго положенія. Первые имѣютъ на своихъ плечахъ и составленіе лекцій, которымъ имъ приходится читать въ первый разъ, и усиленные занятія наукой, и подготовку къ диссертациі, и частный заработокъ, безъ котораго имъ нельзя прожить; вторымъ—не надо готовиться къ собственной диссертациі, но они часто бываютъ оппонентами; у нихъ постоянная забота о печатаемыхъ ученыхъ трудахъ, они руководятъ практическими занятіями, имъ поручаютъ кабинеты, клиники, лабораторіи; они должны участвовать чуть не ежедневно въ засѣданіяхъ всевозможныхъ комиссій, въ засѣданіяхъ совѣтовъ. Могутъ ли, при такой массѣ занятій, члены бібліотечныхъ комиссій близко познакомиться съ бібліотечнымъ дѣломъ, изучить его? А вѣдь имъ нужно полное знаніе дѣла, чтобы руководить имъ и чтобы давать точныя свѣдѣнія о его положеніи совѣту. Разумѣется, нѣтъ. Самое большое, что они могутъ сдѣлать, это посвятить нѣсколько засѣданій въ годъ обсужденію бібліотечныхъ пущдъ; къ этимъ засѣданіямъ накопятся обыкновенно столько вопросовъ, что едва можно разсмотрѣть ихъ.

Учрежденіемъ комиссій только нѣсколько ослабляется тотъ вредъ, который является вслѣдствіе неосвѣдомленности совѣтовъ о положеніи дѣла въ бібліотекахъ; совершенно устранился этотъ вредъ только допущеніемъ въ засѣданія совѣтовъ бібліотекарей съ правомъ голоса.

Французское общество бібліотекарей добивается большаго: оно ходатайствуетъ объ учрежденіи при министерствахъ бібліотечныхъ совѣтовъ. Кто можетъ оспаривать пользу ихъ учрежденія?

Но намъ нужно стремиться къ достиженію ближайшихъ задачъ, прежде всего къ улучшенію бібліотечнаго персонала. Я позволю себѣ выразить надежду и даже увѣренность, что Общество бібліоте-

ковѣдѣнія не откажется изъять на себя, по примѣру западно-европейскихъ обществъ, инициативу въ этомъ вопросѣ; что оно возьметъ на себя трудъ выработать проектъ реформы библиотекъ въ этомъ отношеніи, сумѣетъ сдѣлать этотъ проектъ извѣстнымъ широкимъ кругамъ общества, въ которомъ замѣтно уже пробужденіе интереса къ постановкѣ библиотечнаго дѣла; что оно, путемъ ли петиціи, или инымъ путемъ, доведетъ до свѣдѣнія министерства свои пожеланія и въ концѣ концовъ достигнетъ успѣха.

Я позволяю себѣ выразить увѣренность, что въ средѣ Общества много лицъ, горячо преданныхъ дѣлу; что имъ удастся поборотъ весьма понятныя для начинающаго общества перѣшительность и колебаніе, и что они возьмутъ на себя большую часть труда въ работахъ Общества, въ сознаніи важности начатаго дѣла не только для тѣхъ никому неизвѣстныхъ тружениковъ, которые безропотно и безкорыстно несутъ свою муравьиную работу на пользу просвѣщенія, но и важности его для будущаго русскихъ библиотекъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для будущаго высшаго образованія въ Россіи,—въ сознаніи высокаго общественнаго значенія этого дѣла.

Культурная роль бібліотеки и задачи бібліотековѣдѣнія

Публичная лекція, читанная въ актовомъ залѣ Харьковскаго университета 22-го ноября 1909 года.

Не безъ нѣкотораго колебанія позволилъ я себѣ выступить съ публичной лекціей на тему о необходимости научной разработки бібліотековѣдѣнія.

Кто можетъ прийти слушать лекцію о задачахъ бібліотековѣдѣнія?— вотъ то соображеніе, которое долгое время поддерживало мою нерѣшительность; но другія соображенія побѣдили эту нерѣшительность.

Вопросъ о возможно широкомъ развитіи просвѣщенія давно уже интересуетъ русское общество. Оно доказало это учрежденіемъ многочисленныхъ обществъ грамотности, развивающихъ свою дѣятельность, несмотря ни на какія препятствія; увеличеніе интереса къ этому вопросу показываетъ учрежденіе Лиги образованія.

Пробудился интересъ къ книгѣ и бібліотекѣ. Это видно не только изъ заботъ о развитіи бібліотекъ общественныхъ и пародныхъ, но и изъ такихъ симптомовъ, какъ учрежденіе Библиологическаго Общества и Общества бібліотековѣдѣнія, считающихъ въ своихъ рядахъ не однихъ специалистовъ, но и представителей науки и общественныхъ дѣятелей.

Показать, что научная разработка бібліотечнаго дѣла представляетъ дѣло общественной важности—вотъ та задача, которая побудила меня выступить въ непривычной роли лектора, привлечь общее вниманіе къ этому вопросу—вотъ скромная цѣль моей лекціи.

И я твердо убѣжденъ, что въ настоящее время, когда стремленіе къ знанію охватило все современное общество, оно не можетъ остаться безучастнымъ къ важному общественному дѣлу, какъ не остается безучастнымъ ко всему, что имѣетъ отношеніе къ развитію культуры, просвѣщенія.

Главнымъ условіемъ успѣшнаго развитія матеріальной и духовной культуры человѣка и постепеннаго приближенія человѣчества къ своему идеалу является возможно широкое распространеніе идей и знаній какъ

„Записки Императ. Харьковск. Универ.“ 1910 г.

во всемъ человѣчествѣ, такъ и во всѣхъ слояхъ каждаго отдѣльнаго народа. Все, что способствуетъ такому распространѣнiю, является чрезвычайно важнымъ и заслуживаетъ всесторонняго изученiя.

Самую большую пользу человѣку въ этомъ отношенiи принесла и будетъ приносить книга и вообще письмо. Культурный человѣкъ въ настоящее время знакомится съ книгою съ самаго ранняго дѣтства. Книга подносится ему сначала въ видѣ забавы; онъ пріучается видѣть въ ней прiятнаго товарища, пріучается любить ее. Въ школьные годы взглядъ его на книгу нѣсколько измѣняется; она начинаетъ доставлять ему иногда небольшiя огорченiя; но это особаго рода книга—учебникъ. Рядомъ съ учебникомъ есть другая книга, которую онъ продолжаетъ любить, а на порогъ изъ учебнаго заведенiя ему попадаютъ уже книги, которыя онъ начинаетъ уважать. Это уваженiе къ хорошей книгѣ онъ уноситъ съ собою въ жизнь, предавъ ауто-дафе учебники, такъ сильно падошвіе ему. Взрослый человѣкъ не разлучается съ книгой; она нужна ему, какою бы профессiей онъ ни занимался; онъ ищетъ ее не для однихъ занятiй: она продолжаетъ доставлять ему высокое удовольствiе. Все, что есть въ его дунѣ возвышеннаго, прекраснаго, благороднаго,—всѣмъ этимъ обязанъ онъ ей, всего больше своимъ умственнымъ развитiемъ. Но свыкшись съ книгою, не разлучаясь съ нею, онъ рѣдко думаетъ о томъ, какое значенiе имѣла она и вообще письменное произведенiе въ прошломъ человѣчества. Значенiе письма было такъ важно для культурнаго развитiя человѣка, что переходъ отъ одного способа письма къ другому, отъ одного матеріала, употребляемаго для письма къ другому, знаменовалъ наступленiе новой эпохи въ культурной жизни человѣка, обуславливая болѣе широкое распространенiе идей и знанiй. Самое важное значенiе имѣлъ переходъ отъ пергамента къ бумагѣ, отъ писанiя рукою къ книгопечатанiю. Съ изобрѣтенiемъ книгопечатанiя книга сдѣлалась общедоступной, открылся безграничный просторъ ея распространенiю: она стала могущественнымъ проводникомъ культуры.

Это значенiе книги оцѣнено было уже въ самомъ началѣ новой исторiи, но лишь въ XIX вѣкѣ вызвало оно заботы о ея распространѣнiи. Въ XIX столѣтiи стали стремиться къ удешевленiю книги и достигли дѣйствительно блестящихъ результатовъ. Специально для народа стали издаваться цѣлыя коллекцiи полезныхъ книгъ по необыкновенно дешевымъ цѣнамъ. За десятки рублей можно прiобрѣсти теперь цѣлыя библиотеки классиковъ всѣхъ временъ и народовъ, что прежде стоило тысячъ. Въ Германiи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ стали выходить красныя и роскошно иллюстрированныя изданiя, стоящiя необыкновенно дешево.

Книжная торговля взяла на себя такимъ образомъ важную культурную миссію, и соперничество издателей въ этомъ отношеніи все больше облегчаетъ проникновеніе знаній въ темныя массы народа.

Но нужную книгу можетъ купить не всякій и не вездѣ можно достать ее. Поэтому необходимо имѣть для цѣлей науки и просвѣщенія такія собранія книгъ, которыя были бы доступны всякому, и предоставить возможность узнать, гдѣ находится нужная книга. Это достигается при помощи библиотекъ.

Библиотека является факторомъ человѣческой культуры.

Значеніе этого фактора было двоякое: библиотека необходима и для развитія науки, и для популяризаціи тѣхъ знаній, которыя добыты, для популяризаціи идей.

Первоначальное назначеніе библиотеки состояло лишь въ собраніи и храненіи тѣхъ продуктовъ человѣческой мысли, которыя являлись въ видѣ письменныхъ памятниковъ. Какъ важна была эта функція ея,—понятно всякому, кто сколько-нибудь останавливалъ свое вниманіе на вопросѣ о значеніи книги въ духовной жизни человѣка, надѣ тѣми преимуществами, которыя имѣетъ книга и вообще письменное произведеніе передъ живымъ словомъ.—Прозвучала живая рѣчь, и у слушателя остается только воспоминаваніе о сказанномъ. Пачнетъ оно передаваться изъ устъ въ уста, и тотчасъ начинаетъ уменьшаться его ясность, его выразительность. Едва закрылись уста, которыми произнесена рѣчь, и уже искаженіе и забвеніе являются ея удѣломъ. Но записанное слово остается неизмѣннымъ. Столѣтія и тысячелѣтія проносятся надъ нимъ, и оно звучитъ для васъ всякій разъ, какъ мы его читаемъ, съ тою же свѣжестью, какъ будто оно только что произнесено.

Сохраненіе книги необходимо было для развитія знанія, науки. Наука не дѣлала скачковъ въ своемъ развитіи, и потому знакомство съ тѣмъ, что добыто предшественниками, необходимо было всякому ученому изслѣдователю, необходимо было для ея прогресса.—Но библиотеки оказали неисчислимую пользу и въ другомъ отношеніи. Много разъ человѣческая культура подвергалась опасности полнаго уничтоженія и своимъ спасеніемъ, своимъ возрожденіемъ она обязана была ничему иному, какъ сохраненію письменныхъ памятниковъ и книгъ въ библиотекахъ. Мало того, собраніе письменныхъ памятниковъ въ различныхъ мѣстахъ культурнаго міра являлось какъ бы магнитомъ, притягивавшимъ къ себѣ всѣхъ стремившихся къ знанію, и чѣмъ больше было это собраніе, тѣмъ больше было притяженіе.

Первые Птоломеи собираютъ громадную библиотеку въ Александрію, и она становится средоточіемъ образованности. Въ Александрію сте-

каются со всѣхъ сторонъ ученые и въ стѣнахъ библіотеки занимаются наукой. Собирають Козимо богатую библіотеку во Флоренціи, и она становится свѣточемъ не только Италіи, но и всей тогдашней Европы. Въ тѣхъ городахъ Европы, гдѣ составились большія библіотеки, образуются университеты.

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія и развитіемъ книжной торговли книга становится доступной для всякаго, и все-таки развитіе науки главнымъ образомъ возможно лишь тамъ, гдѣ есть большая библіотека; ученый не можетъ обойтись безъ нея. Основываются университеты или другія ученыя учрежденія, и первою заботою ученыхъ является учрежденіе научной библіотеки. Такимъ образомъ, библіотека является неизмѣнной спутницей науки, залогомъ ея прогресса.

До тѣхъ поръ пока знаніе было достояніемъ лишь небольшого культурнаго слоя общества, роль библіотеки, какъ фактора культуры, ограничивалась собираніемъ и сохраненіемъ книгъ для цѣлей науки; но, по мѣрѣ того, какъ знаніе распространялось все шире и шире, захватывало все новые слои общества, выяснилась новая функція этого фактора: библіотека сдѣлалась средствомъ къ развитію просвѣщенія; она стала въ этомъ отношеніи и помощницей школы, и ея соперницей.

Высокое значеніе библіотекъ, какъ фактора культуры, впервые оцѣнено было въ древнемъ Римѣ, гдѣ съ легкой руки Азинія Полліона, основавшаго общественную библіотеку въ современномъ значеніи этого слова, въ храмѣ Свободы, стали появляться библіотеки и въ другихъ мѣстахъ Рима и въ другихъ римскихъ городахъ. Въ императорскій періодъ въ Римѣ было уже 28 общественныхъ библіотекъ, и въ рѣдкомъ городѣ Римской имперіи не было ихъ.

Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о древне-римскихъ библіотекахъ, надо имѣть въ виду, что книга въ это время представляла не ту форму, какую она имѣетъ теперь: она была сверткомъ. Такой свертокъ наворачивался на палку и хранился въ кожаномъ футлярѣ; къ одному концу палки прикрѣплялся билетикъ съ названіемъ книги. Свертки лежали въ библіотекахъ на полкахъ такъ, что названіе книги можно было прочесть на билетикѣ. Были библіотеки, даже частныя, которыя заключали въ себѣ по нѣскольку десятковъ тысячъ такихъ свертковъ. Но въ Римѣ были не только общественныя библіотеки, были читальни при магазинахъ, въ которыхъ можно было за небольшую плату просмотрѣть новинки.

Великое переселеніе народовъ, вмѣстѣ съ другими очагами культуры, смело и библіотеки, которыя надолго нашли себѣ убѣжище за монастырскими стѣнами вмѣстѣ съ неразлучной спутницей своей наукой и вмѣстѣ съ нею принимаютъ духовно-религіозный характеръ.

Въ это время на смѣну европейской культуры выступаетъ арабская; книга и библіотека завоевываютъ въ ней быстро очень высокое положеніе; въ далекой Кордовѣ неожиданно появляется громадная библіотека, въ которой насчитывалось до 400000 книгъ.

Но европейская культура какъ будто замерла, о библіотекахъ забыли. Мысль о великомъ общественномъ значеніи библіотекъ впервые высказывается Петраркою, горько жалующимся на недоступность монастырскихъ библіотекъ; но мысль эта долго еще не можетъ привиться въ новыхъ культурныхъ слояхъ обществъ. Библіотека долго еще остается складомъ книгъ, тщательно оберегаемымъ, доступъ къ которому открытъ лишь немногимъ счастливцамъ. Дорогія книги прикрѣплены къ своему мѣсту цѣпами. Въ эпоху Возрожденія, вмѣстѣ съ пробужденіемъ интереса къ древнему міру, книга и библіотека снова приобрѣтаютъ значеніе въ глазахъ общества; но лишь реформаціи вмѣстѣ съ гуманизмомъ удастся окончательно вывести библіотеку изъ монастырскихъ стѣнъ. Лютеръ, на собственномъ дѣлѣ испытавшій значеніе книги, убѣждается не падить стараній и издержекъ для устройства хорошихъ библіотекъ, особенно въ большихъ городахъ. Когда закрыты были монастыри, въ нихъ оказались никому неизвѣстныя громадныя книжныя богатства, которыя легли въ основаніе новыхъ городскихъ, придворныхъ и университетскихъ библіотекъ, принимающихъ, вмѣстѣ съ наукой, свѣтскій характеръ.

Но онѣ все еще мало доступны; книги все еще прикрѣплены цѣпами. „*Libri sint alligati catenis*“ читаемъ мы въ уставѣ Марбургскаго университета 1559 г. Пользоваться книгами разрѣшается только нѣкоторымъ избраннымъ лицамъ, которымъ специально для этого дается ключъ отъ библіотеки. Изъ Оксфордской университетской библіотеки запрещается выдавать книги на домъ, допускаются къ пользованію ими только имѣющіе ученую степень, и всякій допускаемый въ библіотеку даетъ клятву, что онъ не сдѣлаетъ вреда книгамъ. Только послѣ 30-лѣтней войны появляется первая библіотека въ Берлинѣ, предназначенная для общаго пользованія. Студенты начинаютъ впервые получать книги на домъ въ Базельскомъ университетѣ; но, по уставу этого университета 1681 г., они платятъ за пользованіе библіотекой и ежегодно, къ Новому году, подносятъ опредѣленный подарокъ библіотекарю за его труды. Библіотеки начинаютъ получать небольшія опредѣленные средства; но, несмотря на жалобы библіотекарей, средства эти часто употребляются на другія цѣли. Мысль о великомъ культурномъ значеніи библіотекъ выдвигается съ новою силою Лейбницемъ.—Библіотека, говорилъ Лейбницъ, такъ же необходима, какъ церковь и школа, для государства и

общества; ея польза зависитъ отъ ея доступности. Мысль Лейбница не осталась безъ вліянія на современниковъ. Парижская королевская библиотека (*Bibliothèque du roi*) открываетъ свои двери *pour tous les savants de toutes les nations*; парламентскимъ актомъ кладется основаніе колоссальной библиотекѣ Британскаго музея въ 1753 г.; основываются университетскія библиотеки въ Германіи: въ Геттингенѣ, Галле, Лейпцигѣ, Іенѣ. Но значеніе библиотекъ въ 18-мъ вѣкѣ еще не могло обнаружиться; сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ должны быть онѣ, осуществить идеалъ Петрарки, Лютера, Лейбница, мѣшало многое, главнымъ образомъ, отсутствіе выработанной техники и недосугъ лицъ, которымъ онѣ поручены. Дѣятельность германскихъ библиотекъ ничтожная; онѣ открыты всего одинъ или два раза въ недѣлю на нѣсколько часовъ, и только въ это время бываетъ въ нихъ библиотекарь, который является въ строгомъ смыслѣ слова *custos* ономъ. Гиртингъ, составившій исторію библиотекъ Германіи въ 18-мъ вѣкѣ, называетъ ихъ мавзолеями, въ которыхъ „упокояется“ безсмертное наслѣдіе великихъ мыслителей. Но за то къ концу 18-го вѣка стала общимъ достояніемъ та идея, въ которой заключалась сила, способная двинуть впередъ библиотечное дѣло, идея, что библиотека есть общественное учрежденіе, что она существуетъ для общей пользы, должна поддерживаться общими средствами.

Окончательно восторжествовать этой идеѣ мѣшало лишь то, что библиотека, какъ и наука, была достояніемъ небольшого культурнаго слоя, верхняго слоя общества. Великая французская революція положила конецъ этому порядку вещей. Французская библиотека первая стала народнымъ достояніемъ, что выразилось въ самомъ названіи наибольшей французской библиотеки—*Bibliothèque Nationale*. Такими же національными библиотеками стали и всѣ библиотеки Франціи.

Революція, относившаяся съ ненавистью ко всему, что напоминало до—революціонный строй и феодальные порядки, пощадила книги, отобранныя у монастырей и эмигрантовъ. Книги эти свезены были частью въ Парижъ, частью оставались въ провинціи. Въ Парижѣ, гдѣ ихъ собрано было до 1800000, онѣ хранились въ восьми складахъ; въ провинціи собрано было до шести милліоновъ книгъ. Изъ этихъ книгъ Совѣтъ Пятисотъ рѣшилъ образовать библиотеки въ каждомъ главномъ городѣ департамента. Прежде всего декретомъ 1791 года образована была Национальная библиотека, которая получила въ этомъ году ассигнованіе въ 100 тысячъ ливровъ на приобрѣтеніе книгъ. Уставъ ея былъ изданъ въ 1795 году. Въ 1797 году объявлена была публичною библиотека арсенала, и ей переданъ былъ архивъ Бастиліи. Въ 1803 г. образованы были коммунальныя библиотеки. Каждая община получила особую библиотеку и взяла на себя заботы о ея содержаніи.

Несмотря на перемены режима, государство заботилось о библиотеках. В 1833 году предполагено было централизовать все библиотечное дело в руках министерства народного просвещения. Библиотеки должны были присылать министерству свои каталоги, из которых предполагалось составить *le grand livre des bibliothèques de France*. Проект не был осуществлен; но министерство взяло на себя заботу о развитии библиотек, и с этою целью при немъ была основана инспекция библиотекъ.

В томъ новомъ взглядѣ на библиотеку, который принесла революція, сказались признаніе ея важнымъ факторомъ народной жизни, стремленіе отнять это могучее средство къ образованію у небольшого слоя общества и сдѣлать его общимъ достояніемъ.

Въ 19-мъ вѣкѣ правительства всѣхъ странъ усваиваютъ этотъ новый взглядъ на библиотеку. Двумя путями стремятся они расчислить широкій просторъ для работы этого фактора: 1) централизаціей книжныхъ богатствъ въ главныхъ культурныхъ центрахъ страны, гдѣ больше всего паходится учащейся молодежи, и 2) распространеніемъ полезныхъ книгъ въ народѣ путемъ открытія народныхъ и общественныхъ библиотекъ.

Взглядъ на библиотеку, какъ на факторъ культуры, установился и у насъ лишь въ 19 в.

Исторія русской библиотеки, можно сказать, еще не существуетъ; отдѣльные опыты исторіи нѣкоторыхъ библиотекъ представляютъ лишь вышнюю исторію ихъ; той исторіи, которая раскрыла бы намъ внутреннюю жизнь библиотеки, которая показала бы, какое вліяніе оказывало на нее развитіе науки и какъ вліяла она сама на успѣхи науки и на другія библиотеки страны, такой исторіи еще не появлялось.

Въ своемъ развитіи русская библиотека переживала, разумѣется, тѣ же стадіи, какъ и библиотека Западной Европы; но на ней должны были отразиться какъ наслѣдство, полученное ею отъ византийска-славянской культуры, такъ и тѣ тяжелыя вышнія условія, которыя сковывали культурное развитіе Россіи.

Библиотека вмѣстѣ съ книгою носила и у насъ, какъ на Западѣ, первоначально преимущественно духовно-религіозный характеръ. Книга была предметомъ назидательнаго чтенія; списываніе книгъ считалось душевнспасительнымъ подвигомъ; посвящали себя этому дѣлу преимущественно духовныя лица и особенно монахи; собирали книги церкви и особенно монастыри. Но такъ какъ благочестіе русскихъ свѣтскихъ людей не уступало благочестію духовенства, то и многіе свѣтскіе люди, особенно князья, впоследствии цари, собирали у себя большія коллекціи книгъ. Были замѣчательныя библиотеки у царя Василія Іоанновича и

Иоанна IV, у царя Феодора, у русских іерарховъ: патріарховъ Филарета, Никона, у Димитрія Ростовскаго, Симеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева.

Книги не были у насъ прикрѣплены цѣпями; монастыри и церкви обмѣнивались книгами, причемъ тотъ легкій взглядъ на книгу, который отличаетъ русскаго человѣка теперь, существовать и въ древней Руси: книгу часто „зачитывали“, и она не возвращалась въ свою библіотеку.

Въ то время, когда реформація выдвинула значеніе библіотекъ, у насъ была борьба латинства съ православіемъ въ Юго-Западной Руси, и въ это время впервые возникаетъ мысль о значеніи книги, какъ проводника идеѣ. Библіотеки при церквяхъ православныхъ братствъ пріобрѣтаютъ значеніе средства для противодѣйствія вліянію католичества.

XVII вѣкъ былъ у насъ временемъ наибольшаго развитія церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ, пополнившихся до появленія книгопечатанія преимущественно книгами, списанными въ келіяхъ монастырей. До насъ дошли пивентари такихъ библіотекъ въ такъ называемыхъ „писцовыхъ книгахъ“.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ западнаго вліянія тѣ большія собранія книгъ, которыя были у многихъ частныхъ лицъ, постепенно теряютъ исключительно духовно-религіозный характеръ. Начинаетъ проникать въ эти коллекціи свѣтская книга, которая при Петрѣ завоевываетъ себѣ права гражданства. Но для этого новой книгѣ пришлось выдержать упорную борьбу со старой. Старая книга сдѣлалась символомъ стараго уклада русской жизни. За ея права вступился цѣлый классъ русскаго общества, въ которомъ происходитъ, вслѣдствіе этого, расколъ; старая книга находитъ себѣ послѣ этого пріютъ и особенное попеченіе въ раскольничьихъ библіотекахъ, составленныхъ спеціально для борьбы съ православіемъ.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Академіи Наукъ является при ней первая библіотека въ Россіи, посвященная исключительно свѣтской наукѣ и доступная уже для пользованія. Библіотека эта была подарена Академіи преемницей Петра, Екатериной I, и состояла первоначально изъ тѣхъ книгъ, которыя привезены были изъ завоеванной Курляндіи въ С.-Петербургъ и изъ книгъ, пріобрѣтенныхъ для Петра Великаго заграницей Шумахеромъ, вполнѣдствіи секретаремъ Академіи.

Наука нашла себѣ новую почву для своего развитія въ университетской библіотекѣ, явившейся вмѣстѣ съ основаніемъ Московскаго университета.

18-й вѣкъ былъ и у насъ, какъ на Западѣ, временемъ увлеченія книгою. Русскіе вельможи, особенно времени Екатерины, любившіе хо-

рошую книгу, слѣдуя примѣру императрицы, приобретаѣли книги заграничной и составляли у себя громадныя бібліотеки.

Но лишь со времени сознательнаго движенія къ распространенію просвѣщенія въ странѣ возникаетъ мысль о той пользѣ, которая можетъ быть принесена этому дѣлу бібліотекою, открытою для всѣхъ. Учрежденіе Императорской Публичной бібліотеки было, можно сказать, первымъ шагомъ въ такомъ движеніи.

Своимъ учрежденіемъ обязана она Екатеринѣ II, при которой составленъ былъ планъ громаднaго зданія для бібліотеки и для другихъ просвѣдительныхъ учрежденій. Въ 1801 году зданіе было готово, въ 1810 году издано было положеніе о пей и штаты.

Заботы о развитіи русской науки въ началѣ 19-го вѣка привели къ основанію университетскихъ бібліотекъ, а постепенно развивавшаяся въ русскомъ обществѣ потребность въ чтеніи въ Карамзинскую эпоху привела къ учрежденію частныхъ бібліотекъ.

19-й вѣкъ былъ преимущественно временемъ появленія и развитія академическихъ бібліотекъ.

Мысль о важномъ значеніи общественныхъ бібліотекъ продолжала развиваться, въ 30-хъ годахъ она встрѣтила большое сочувствіе; но явилось и препятствіе широкому развитію бібліотечнаго дѣла въ томъ страхѣ предъ новыми идеями, который незамѣтно прокрался въ душу правящихъ классовъ во время потрясеній и переворотовъ, пережитыхъ Европою, начиная съ Великой французской революціи.

Стараясь оградить страну отъ напора этихъ идей и въ то же время понимая необходимость развитія просвѣщенія въ странѣ, считали возможнымъ направить его по извѣстному руслу.

И потому свободной общественной бібліотеки мы не знаемъ еще въ Россіи.

Вся забота о бібліотекахъ ограничивалась увеличеніемъ книжныхъ богатствъ и централизаціей ихъ. Бібліотеки поэтому необыкновенно быстро выросли въ своемъ объемѣ, благодаря приливу книгъ изъ частныхъ книгохранилищъ и особенно изъ бібліотекъ польскихъ.

Вопросъ о расширеніи дѣятельности нашихъ богатыхъ книгохранилищъ и о необходимости возможно большаго числа народныхъ бібліотекъ впервые встаетъ передъ русскимъ обществомъ послѣ пробужденія его самосознанія во время социальна-политическаго движенія 1905 г.

Такимъ образомъ и у насъ, какъ на Западѣ, окончательно установился взглядъ на бібліотеку, какъ на самостоятельный факторъ культуры.

Значеніе этого фактора долгое время заслонялось значеніем школы, для которой библіотека всегда служила и будет служить неразлучной и вѣрной помощницей. Но значеніе школьной библіотеки напрасно игнорируется въ школѣ. Тѣ задачи, которыя ставитъ себѣ средняя школа: общее развитіе способностей и подготовка къ высшему образованію, едва ли были бы достижимы для нея безъ школьной библіотеки. Усвоеніе элементовъ науки само по себѣ не всегда ведетъ къ желательному развитію и часто самый усердный, самый прилежный и знающій воспитанникъ средней школы не можетъ считаться и самымъ развитымъ; наоборотъ, если онъ не видѣлъ другой книги, кромѣ учебника, онъ оказывается совершенно неподготовленнымъ ни къ жизни, ни къ продолженію образованія. Элементарныя знанія даются ему въ такомъ обработанномъ видѣ, что ему остается только усваивать ихъ механически, изрѣдка продѣлывая тѣ номера умственной гимнастики, которыя считаются необходимыми для его развитія. Только знакомство съ книгою въ школьной библіотекѣ будитъ его спящія силы. Книга школьной библіотеки играетъ важную роль въ школѣ. Чуткую душу питомца школы она захватываетъ всецѣло; она далеко уноситъ его фантазію, дѣйствуетъ на его сердце, будитъ въ немъ лучшія стремленія. Хорошимъ подборомъ книгъ въ ученической библіотекѣ средней школы можно дѣйствительно дать серьезное образованіе юношѣ, вложить въ его душу такіа благородныя стремленія, которыя будутъ руководить имъ въ теченіе всей его жизни, внушить ему здравыя понятія объ отношеніяхъ къ окружающему міру, разбудить его пытливость. Библіотека при народной и вообще низшей школѣ имѣетъ еще большее значеніе. Народная школа лишь на короткое время залучаетъ къ себѣ дитя, удаляя его изъ той невѣжественной среды, которая обычно его окружаетъ. Пемное можетъ школа дать ему за это короткое время: грамотность и скудныя знанія. Нужда рано заставляетъ его покинуть школу, и тѣ непрочныя знанія, которыя усвоилъ воспитанникъ, забываются, забывается даже грамота, если школа не сумѣла пробудить интереса къ книгѣ, если школьная библіотека не заинтересовала его.

Школа и библіотека преслѣдуютъ однородныя задачи. Вся разница между ними заключается въ томъ, что школа стремится къ развитію просвѣщенія главнымъ образомъ путемъ живого слова и непосредственного воздѣйствія на личность, библіотека стремится къ той же цѣли распространеніемъ полезныхъ книгъ, какъ лучшаго средства для самообразованія.

Какъ самостоятельный факторъ въ дѣлѣ распространенія знаній библіотека въ настоящее время соперничаетъ со школою. Это ясно го-

ворять статистическія данныя о дѣятельности большихъ библиотекъ. Библиотека Вашингтонскаго Конгресса выдаетъ 363000 книгъ, Берлинская Королевская библиотека выдаетъ на домъ 343000 книгъ, для чтенія въ библиотекъ 292000, посылаетъ въ другіе города 36000, Национальная библиотека въ Парижѣ выдаетъ 600000, Импер. Публичная библиотека имѣла въ 1907 году 257000 читателей и выдала 691000 книгъ, библиотека Британскаго музея выдаетъ 1590000 книгъ, Нью-Йоркская Публичная библиотека выдаетъ 941000 книгъ и въ филиальныхъ отдѣленіяхъ 3400000.

Какая школа можетъ поспорить съ такою колоссальною дѣятельностью библиотекъ, съ тѣми широкими истоками просвѣщенія, которые непрерывно исходятъ изъ большихъ библиотекъ культурнаго міра?

Мы упоминали только о самыхъ большихъ библиотекахъ міра; но если подсчитать ту работу, которую выполняютъ, вмѣстѣ съ этими библиотеками, библиотеки академическія, общественныя и народныя, то дѣло школы и ея вліяніе, безъ сомнѣнія, поблѣднѣютъ предъ громадными цифрами, которыя должны должны получиться.

Народныя библиотеки имѣютъ особенно важное значеніе въ такихъ государствахъ, какъ Россія, гдѣ народныя школы являются еще оазами, въ странѣ, гдѣ народное училище приходится на 500 кв. верстъ, 11 селеній, 2777 жителей, гдѣ остается безъ образованія 15.000.000 дѣтей школьнаго возраста, гдѣ знанія, насажденныя школою, являются непременными и рецидивъ безграмотности считается самымъ обычнымъ явленіемъ.

Народный учитель далъ силу Германіи, народныя библиотеки должны быть основаніемъ силы народной въ Россіи.

Сознавая великое значеніе этого фактора для просвѣщенія темнаго, невѣжественнаго крестьянства, не имѣющаго никакихъ другихъ средствъ для пріобрѣтенія знаній, кромѣ книги, и не имѣющаго возможности пріобрѣсти эту книгу, наши земства употребили всѣ старанія чтобы завести какъ можно больше библиотекъ. Ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ: Россія покрылась цѣлою сѣтью этихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Пальма первенства въ этомъ важномъ дѣлѣ насажденія культуры принадлежитъ Вятскому и Пермскому земствамъ.

Въ Вятской губерніи обращаютъ вниманіе на это дѣло съ 1895 года; земство рѣшило въ этомъ году и самостоятельно открывать библиотеки, и выдавать пособия частнымъ лицамъ на открытіе и содержаніе библиотекъ-читаленъ, и помогать въ этомъ дѣлѣ сельско-хозяйственнымъ обществамъ. Учрежденіемъ библиотекъ земство имѣло въ виду возможно больше приблизить къ народу хорошую и полезную книгу. Для достиженія этой цѣли признано было необходимымъ учредить такія библиотеки въ

каждомъ сельскомъ обществѣ. Уже въ слѣдующемъ году было открыто до 3000 библіотекъ, изъ которыхъ каждая получила по 90 экземпляровъ книгъ; отъ первоначальнаго ассигнованія на ихъ организацію въ размѣрѣ 5 рублей онѣ получили названіе пятирублевыхъ.

Сельскія общества и частныя лица получили пособія въ 100 руб. и ежегодно получаютъ по 25 руб. Это дало толчекъ для проявленія мѣстной инициативы. Къ концу 1906 года открыто и содержится съ пособіемъ отъ земства 474 библіотеки (Журн. 1906 г., стр. 267—271).

Всѣ земства сдѣлали бы, разумѣется, больше того, что сдѣлано ими, если бы они располагали большими средствами. Въ Россіи расходуется на содержаніе народныхъ библіотекъ уѣздными земствами 34715 р., губернскими 7018, городскими обществами—120044 р.

Но можетъ быть земства сдѣлали бы гораздо больше, быть можетъ, напѣли бы и средства для увеличенія числа народныхъ библіотекъ и числа книгъ въ библіотекахъ, если бы не явилось для этого въ самыхъ условіяхъ жизни серьезнаго препятствія: не было книгъ для пополненія народныхъ библіотекъ. Фактъ въ высшей степени странный: не было книгъ въ то время, когда заботы объ изданіи полезныхъ для народа книгъ взяли на себя общества грамотности, когда появились цѣлыя коллекціи дешевыхъ книгъ, издаваемыхъ специально для народа различными фирмами, когда вышелъ знаменитый трудъ много лѣтъ поработавшей для народнаго образованія Христіны Даниловны Алчевской, ея книга: „Что читать народу?“. И все-таки книгу для русской народной библіотеки трудно было найти. На это раздавались безпрерывныя жалобы; у дѣлателей, стоявшихъ близко къ народнымъ библіотекамъ, безпомощно опускались руки. Причина этого загадочнаго явленія заключалась въ § 4 Правилъ, изданныхъ для народныхъ библіотекъ. По этому § требовалось составлять народныя библіотеки исключительно изъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Все, что не было одобрено, слѣдовательно, исключалось изъ употребленія въ народныхъ библіотекахъ. Девель въ № 11 Русскаго Богатства 1896 года и Стаховичъ въ № 86 Русскихъ Вѣдомостей 1901 года подсчитали, сколько книгъ исключалось изъ употребленія, и нашли, что изъ всѣхъ русскихъ книгъ, изданныхъ въ 1896 г., исключалось 97% и въ 1901 г. 90%.

Но бѣда была еще и въ томъ, что не всѣ одобренныя книги можно было достать и не всѣ дѣйствительно годились для народа. Многія изъ одобренныхъ книгъ относились къ 70—80 годамъ и представляли сравнительно рѣдкіе экземпляры; между другими было много книгъ, недоступныхъ для пониманія, третьи стоили дорого. И такимъ образомъ остава-

лось немного сравнительно для выбора. Общество библиотекѣдѣнія разослало въ 1905 году записку: „О пущахъ русскаго библиотечнаго дѣла“, въ которой приводитъ какъ указанныя мною, такъ и слѣдующія данныя, касающіяся народной библиотеки. По сельскому хозяйству было дано въ каталогѣ 479 названій; изъ нихъ 13% издапныхъ до 1870 года, 27% издапныхъ въ періодъ 1870—1880 годовъ, и лишь 28% (187 кн.) издапныхъ послѣ 1890 года; по общественно-юридическимъ наукамъ дано было всего 30 книгъ, изъ которыхъ только 16 относились къ послѣдней категоріи. Впрочемъ, въ послѣдніе годы каталоги одобренныхъ книгъ значительно расширились.

Но это было не единственнымъ препятствіемъ, которое встрѣчали на своемъ пути къ развитію народныя библиотеки. Были и другія. Самое главное заключалось въ томъ, что при открытіи каждой новой библиотеки требовалось предварительно назначеніе лица, которому могло быть поручено наблюденіе за библиотекою. Лицо это должно было слѣдить, чтобы завѣдующіе библиотеками не допускали въ обращеніе книгъ, не указанныхъ въ завѣренпыхъ или спискахъ; имъ предписывалось наблюденіе за подборомъ книгъ въ библиотекахъ съ тѣмъ, чтобы онѣ были преимущественно религіозно-нравственнаго и вообще назидательнаго содержанія; они являлись отвѣтственными въ томъ случаѣ, если читальня служила мѣстомъ собраній, совѣщаній и проч. Не удивительно, что, при такихъ чисто полицейскихъ обязанностяхъ наблюдателей, трудно было найти желающихъ взять на себя эти обязанности, и эта трудность или тормозила открытіе библиотекъ, или заставляла поручать ихъ людямъ невѣжественнымъ, нисколько не интересующимся развитіемъ ихъ дѣятельности.

Если народная библиотека является соперницей школы, проникая съ факеломъ знанія туда, куда школа не въ силахъ добратъся, разливая свѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ, заброшенныхъ, глухихъ мѣстахъ Россіи и поддерживая дѣло культуры тамъ, гдѣ оно безнадежно погибло бы вслѣдствіе рецидива безграмотности, то еще больше можно сказать о пользѣ, приносимой общественной библиотекой при теперешнемъ состояніи русской средней школы.

Ни для кого не составляетъ тайны, что русская средняя школа признала свое банкротство, что она стоитъ на распутьи, и неизвѣстно, скоро ли выйдетъ на торную дорогу. При такомъ состояніи ея, общественная библиотека, какъ средство для развитія самообразованія, приобретаетъ громадное значеніе. И русское общество давно уже серьезно отнеслось къ этому дѣлу.

Мысль объ учрежденіи общественныхъ библиотекъ въ Россіи возникла еще въ 30 годахъ. Она подана была предсѣдателемъ Вольнаго Экономическаго Общества Мордвиновымъ. Министерство внутреннихъ

дѣлъ, къ которому поступило это предложеніе, встрѣтило его сочувственно. Образованы были комитеты для учрежденія библіотекъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, съ участіемъ предводителей дворянства, директоровъ гимназій и ревнителей просвѣщенія. Скоро явились и библіотеки въ большихъ губернскихъ городахъ; вмѣстѣ съ цензурнымъ вѣдомствомъ въ 1834 году онѣ перешли къ министерству народнаго просвѣщенія. Въ это время онѣ существовали уже въ 18 городахъ, и самыя большія изъ нихъ были въ Тамбовѣ и Симбирскѣ. Но общественная инициатива еще не участвовала въ этомъ дѣлѣ: это были еще учрежденія, созданныя въ чиновничьемъ кабинетѣ, и ихъ дѣятельность существовала только на бумагѣ; въ дѣйствительности книги, правда, были, но онѣ были свалены въ самыхъ неподходящихъ мѣстахъ. Завѣдываніе библіотеками поручалось чиновникамъ; средства составлялись изъ взносовъ за чтеніе и изъ процентнаго вычета изъ жалованія чиновниковъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ отчетахъ чиновниковъ значилось, что книги не употреблялись для чтенія, „ибо не представлялось желающихъ того“. Съ 1867 года библіотека снова перешли вмѣстѣ съ цензурнымъ вѣдомствомъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ этого же времени онѣ начинаютъ получать средства отъ земствъ и городскихъ управленій. Открылось широкое поле для общественной инициативы, и живое неотложное дѣло встрѣтило сочувствіе всего культурнаго общества.

Но неразлучное пребываніе общественной библіотеки съ цензурою въ одномъ вѣдомствѣ и совмѣстный переходъ ихъ изъ одного министерства въ другое не остались безъ послѣдствій для библіотеки. Всѣмъ хорошо извѣстны списокъ тѣхъ книгъ, которыя изъяты были изъ обращенія въ библіотекахъ, списокъ, изданный въ видѣ временной мѣры на основаніи пункта 3-го примѣч. къ ст. 175. Капитальныя научныя сочиненія исключены были изъ каталога библіотекъ, также какъ и популярныя авторы изъ области беллетристики.

Въ умственномъ развитіи русскаго общества такой фактъ долженъ былъ бы оставить самыя тяжелыя послѣдствія, если бы мѣра эта не представляла коренной психологической ошибки. Упущено было изъ виду, что все запрещенное пріобрѣтается въ глазахъ читателя особенный интересъ, возбуждаетъ особенное желаніе познакомиться съ нимъ и узнать, почему оно запрещено. Списокъ изъятыхъ изъ обращенія книгъ не остался тайною для русскаго читателя; ему какъ будто нарочно дали указаніе всего того, съ чѣмъ интересно познакомиться. Изгнанныя изъ общественной библіотеки книги можно было достать въ продажѣ и у частныхъ лицъ, и русская учащаяся молодежь руководилась этимъ спи-

скомъ, находила книги и интудировала. Только въ общественныхъ библиотекахъ нельзя было кайти этихъ произведеній, которыя въ то время казались опасными. Этихъ умалялся интересъ общественныхъ библиотекъ въ глазахъ читателя; но все-таки онѣ продолжали расти и развиваться. Въ настоящее время мы имѣемъ много общественныхъ библиотекъ, среди которыхъ самыя большія Виленская (200.000 томъ), Харьковская (120.000 т.), Одесская (150000), Тифлисская, Нижегородская, Казанская, Саратовская и другія.

Но результаты, достигнутые усиліями представителей культурнаго общества въ Россіи, ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано въ другихъ странахъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и Германіи, для устройства общественныхъ библиотекъ.

Съ 1880 года началась, можно сказать, новая эра библиотечнаго дѣла въ З. Европѣ и Америкѣ. Къ этому времени въ европейскомъ обществѣ окончательно привился взглядъ на библиотеку, какъ на потребность общества, удовлетвореніе которой такъ-же необходимо, какъ и удовлетвореніе другихъ насущныхъ потребностей. Какъ результатъ этого убѣжденія, явились въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и Германіи свободныя общественныя библиотеки. Въ Англіи и Америкѣ для нихъ построены роскошныя дворцы, общества обложили себя налогомъ въ пользу библиотекъ.

Будущее англійскихъ свободныхъ библиотекъ обезпечено закономъ 1850 года, состоящимъ въ томъ, что городскіе совѣты уполномочены предлагать населенію налогъ на содержаніе библиотекъ. Въ 1896 году въ Англіи было уже 334 большихъ общественныхъ библиотеки въ различныхъ городахъ ея и библиотеки въ 37 кварталахъ Лондона. Въ какія-нибудь 10 лѣтъ существованія многія изъ нихъ имѣли уже по 150000 томовъ; нѣкоторыя, какъ Бирмингемская, Ливерпульская, Манчестерская, располагаютъ $\frac{1}{2}$ миллионнымъ бюджетомъ и развиваютъ изумительную дѣятельность. Отчеты этихъ библиотекъ показываютъ 2-милліонное число книгъ, выданныхъ на домъ; въ Ливерпульской число это достигаетъ трехъ миллионныхъ.

Представленіе о дѣятельности этихъ свободныхъ общественныхъ библиотекъ было бы неполное, если бы я не привелъ описанія одной изъ нихъ. Можно взять для примѣра хотя бы Единбургскую.

Это цѣлый дворецъ въ три этажа. На фронтонѣ вы видите надпись: „Свободная общественная библиотека“. При входѣ никого. Портъ не всматривается въ ваше лицо. Только механическая вертушка отсчитываетъ при входѣ № для статистики. Внутри все удобно, но безъ большой роскоши. На всемъ чистота въ англійскомъ вкусѣ. Лѣстницы бетон-

ныя, стѣны покрыты фаянсомъ, на полу толстый линолеумъ, заглушающій шаги. Все сіяетъ, блеститъ.

Главная масса читателей направляется въ нижній этажъ—залъ періодическихъ изданій. Тамъ вы увидите всегда сотню посѣтителей, третья часть которыхъ читаетъ журналы; остальные читаютъ газеты. Механическій счетчикъ насчитываетъ въ день до 7000 человекъ. Здѣсь выставлены послѣдніе номера 400 журналовъ; одни лежатъ на столахъ, другіе на полкахъ, раздѣленныхъ на кѣточки. Тутъ же штукъ 15 путеводителей по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ; мѣстные журналы во многихъ экземплярахъ выставлены на цюпитрахъ; ихъ читаютъ стоя.

Въ слѣдующемъ этажѣ, наравнѣ съ верхнею улицею, залъ для выдачи. Десять печатныхъ каталоговъ открыты на столахъ; ихъ можно купить; каждый стоитъ пять копѣекъ. Каталогъ въ 500 страницъ и содержитъ 52000 названій. Книги выдаются для чтенія чистенькія; по мѣрѣ загрязненія онѣ замѣняются другими. Въ 1905 году было замѣнено такимъ образомъ 1395 томовъ. Ежедневно выдается въ февралѣ 1400 томовъ, въ іюлѣ 900, въ годъ 345.000 томовъ. Выдача производится съ 9 часовъ утра до 10 часовъ вечера, 309 дней въ году. Производится она юношами и дѣвушками не моложе 16 лѣтъ. Она облегчена тѣмъ, что спрашиваютъ только книги, находящіяся на лицѣ. Если вы желаете узнать, есть ли книга на лицѣ, то это возможно: для этого существуетъ особый механическій приборъ съ карточками двухъ цвѣтовъ, на каждой изъ которыхъ находится номеръ, соответствующій извѣстной книгѣ; одинъ цвѣтъ показываетъ, что книга находится въ библіотекѣ, другой, что она выдана. Выдача книгъ производится не въ одной только центральной библіотекѣ, но и въ пяти отдѣленіяхъ, находящихся въ различныхъ частяхъ города.

Самая роскошная зала въ библіотекѣ—верхняя зала, предназначенная для чтенія и справокъ.

Въ ней выдается для чтенія до 101000 томовъ, не считая справокъ посѣтителей въ словаряхъ, энциклопедіяхъ, сборникахъ законовъ и проч. Изобиліе всякаго рода справочныхъ изданій. Не изгоняютъ и рекламъ. Число томовъ въ этой залѣ въ 1905 году составляло 61 тысячу. Подборъ книгъ здѣсь не тотъ, что въ залѣ для выдачи. Тамъ преобладаетъ беллетристика, здѣсь романовъ совѣтъ нѣтъ; главный отдѣлъ „полезныя искусства“. Вы найдете здѣсь цѣлыя коллекціи дорогихъ изданій, посвященныхъ промышленности, техники. На покупку этихъ книгъ употребили большую сумму; такая же сумма оставлена про запасъ для новыхъ пріобрѣтеній. Въ распоряженіи публички карточный каталогъ вмѣстѣ и алфавитный, и предметный. Таблицы на стѣнахъ знакомятъ съ новыми

приобрѣтеніями. На другихъ записываются заявленія о нужныхъ приобрѣтеніяхъ, и эти заявленія висятъ на стѣнахъ въ ожиданіи, чтобы и другіе читатели прибавили свои пожеланія.

Возникновешіемъ своимъ эта бібліотека обязана Карнеджи. Богатый шотландецъ Карнеджи, нажившій громадное состояніе въ Америкѣ, одинъ изъ финансовыхъ королей этой страны, захотѣлъ сдѣлать хорошее дѣло на своей родинѣ, въ Единбургѣ. Долго онъ размышлялъ объ этомъ и рѣшилъ, что самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать для простаго трудящагося народа, у котораго нѣтъ другого утѣшенія, кромѣ виски,—это создать свободную бібліотеку, которая была бы открыта для него цѣлые дни, къ которой стоило бы только зайти и высказать свое желаніе почитать хорошую книгу, чтобы немедленно получить ее, гдѣ бы читатель изъ простаго народа чувствовалъ себя на одномъ уровнѣ съ богатымъ человѣкомъ, такъ же, какъ чувствуетъ подъ сводомъ храма, поклоняясь вмѣстѣ съ богатымъ Единому Богу.

И онъ осуществилъ свою мечту. Онъ облагодѣтельствовалъ не одинъ Единбургъ: Глазго получилъ отъ него ежегодную субсидію для свободной бібліотеки и имѣетъ, кромѣ центральной бібліотеки-дворца, 16 отдѣленій. Оригинальное въ дѣятельности этихъ бібліотекъ представляютъ кареты, которыя развозятъ книги изъ одной бібліотеки въ другую по требованіямъ. Всѣ отдѣленія покупаютъ книги на общій счетъ и распределяютъ ихъ между собою такъ, что книги одного отдѣла почти не встрѣчаются въ другомъ. Но вы можете потребовать любую книгу въ каждомъ отдѣлѣ: вамъ ее привезутъ.

Англіійскія общественныя бібліотеки стараются привлечь читателя къ книгѣ.

Центральная бібліотека устраиваетъ отдѣленія въ глухихъ частяхъ города; эти отдѣленія, въ свою очередь, открываютъ станціи, гдѣ только возможно: на почтѣ, въ сберегательной кассѣ, въ общественной школѣ, на желѣзнодорожной станціи, въ вагонѣ поѣзда; книга сама спѣшитъ на встрѣчу читателю.

Общественныя бібліотеки не ограничиваются этимъ; онѣ стараются заинтересовать читателя, воспитать его вкусъ.

Для этой цѣли въ бібліотекахъ устраиваются такъ называемыя „бібліотечныя чтенія“. Библіотекарь или приглашенный специально для этого лекторъ-специалистъ читаетъ лекцію или на литературную тему, или на тему объ искусствѣ; чтенія эти сопровождаются декламацией отрывковъ изъ сочиненій даннаго автора или пѣніемъ.

Въ сосѣдней комнатѣ на столахъ разложены книги, непосредственно относящіяся къ темѣ лекціи. Эти книги можно получить на льготныхъ

условіяхъ, безъ залога и даже безъ поручительства, не будучи даже подписчикомъ бібліотеки.

Бібліотечныя чтенія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что около нѣкоторыхъ бібліотекъ читатели группируются въ кружки для чтенія.

Въ С. Американскихъ С. Штатахъ свободныя общественныя бібліотеки напѣли наибольшее развитіе. Американцы не жалѣютъ для нихъ средствъ. 561.000 жителей Бостона для своихъ общественныхъ бібліотекъ обложили себя налогомъ по 1 р. 20 к. Милліонеры такіе, какъ Асторъ, Крераръ, Карнеджи, жертвуютъ для нихъ милліоны.

Паружный видъ американскихъ бібліотекъ роскошенъ и богатъ; внутреннее устройство вполне отвѣчаетъ вѣщности. Взять хотя бы Бостонскую публичную бібліотеку. Это громадный, богато украшенный дворецъ; внутреннее устройство отличается изяществомъ, комфортомъ, даже роскошью. Въ центрѣ зданія дворъ съ аркадами, и посрединѣ фонтанъ. Вы можете подумать, что находитесь въ знаменитомъ мавританскомъ дворцѣ. Надоѣло вамъ читать въ бібліотекѣ, вы можете выйти во дворъ и читать на свѣжемъ воздухѣ. Заботятся не только о внѣшнихъ удобствахъ, но и о томъ, чтобы книга доставлялась по требованію быстро. Для этого изъ книгохранилищъ, представляющихъ большія семейныя зданія, расположенныя во всѣ стороны отъ громаднаго читальнаго зала, книги подвозятся въ залъ при пощощи особыхъ вагонетокъ, скользящихъ по проложеннымъ рельсамъ.

Какъ заботится американское общество объ увеличеніи числа своихъ бібліотекъ, это видно изъ роста ихъ въ С.-А. С. Штатахъ.

Въ 1859 г. было 1297 бібліотекъ съ 4 милліонами книгъ.

"	1875	"	"	5686	"	"	12	"	"
"	1885	"	"	8326	"	"	20	"	"
"	1896	"	"	11450	"	"	34	"	"
"	1900	"	"	14644	"	"	46	"	"

Цифры многое говорятъ; онѣ говорятъ о томъ значеніи, какое имѣетъ бібліотека для С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; но онѣ не скажутъ намъ того, что, покрывъ свою страну бібліотеками, янки выстроили для нихъ самыя красивыя зданія; что большія бібліотечныя зданія могутъ поспорить съ дворцами, меньшія съ храмами; онѣ не скажутъ вамъ того, что гдѣ бы ни находилась бібліотека, въ большомъ ли городѣ, въ маленькой ли деревушкѣ, дворецъ ли это, или простой коттеджъ, это лучшее зданіе во всей мѣстности. Но если хотите узнать о дѣятельности американскихъ бібліотекъ, вамъ снова придется прибѣгнуть къ цифрамъ, и онѣ скажутъ вамъ, что американская бібліотека не мертвый складъ для

книгъ, не кладбище, что она живетъ, живетъ полною жизнью; что цифра, показывающая выдачу каждой библиотеки, вдвое превышаетъ цифру ея инвентаря; что книги не лежатъ на мѣстѣ, а переходятъ изъ одной библиотеки въ другую, что ихъ посылаютъ даже въ окрестности, и что каждая книга для того только поступаетъ въ библиотеку, чтобы немедленно перейти къ читателю.

Чтобы представить себѣ дѣятельность этихъ библиотекъ, достаточно сказать, что Нью-Йоркская Публичная библиотека, заключая въ себѣ 858.000 книгъ, выдаетъ 5.400.000 книгъ. Но вѣдь это одна изъ 288 библиотекъ Нью-Йорка.

И можно позавидовать американцамъ. Все, что выходитъ новаго въ области науки, техники, хозяйства, промышленности, торговли,—все немедленно становится извѣстнымъ всѣмъ и каждому во всей странѣ. А какъ это важно для прогресса ея.

Въ Америкѣ библиотеки явились новою соціальною силою, тѣмъ же для взрослого человѣка, чѣмъ школа для дѣтяти и юноши.

Узнаешь про такія просвѣтительныя учрежденія, изумишься ихъ дѣятельности, подумаешь о той массѣ свѣта, которую они разливаютъ кругомъ себя, и невольно сравненіе напрашивается къ тебѣ. И приходится на память тѣ несчастныхъ 90 книжекъ, стоящихъ всего пять рублей, которыя съ такимъ трудомъ удастся послать въ русскую темную деревню, и вспоминаются тѣ препятствія, которыя приходится преодолевать при этомъ....

Бѣдная, бѣдная родина....

Гдѣ же та тройка, о которой мечтали твой великій поэтъ, тройка, подъ которой дымомъ дымится дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади? гдѣ та тройка, на которой ты несешься къ прогрессу, къ свѣту знанія? Вѣсто нся, плетешься ты на жалкой, измученной деревенской клячѣ, пугающей каждаго факела свѣта, который кажется ей состоящимъ изъ губительныхъ, вредныхъ идей. Въ сторону несешься ты отъ него, туда, гдѣ гостепріимно ждетъ тебя знакомая вьюща, веселая компанія... Грустная дорога....

Когда же ты перестанешь бояться этого свѣта? Когда же ты будешь стремиться къ нему и свободно, не изъ этихъ жалкихъ 90 книжекъ, выброшенныхъ тебѣ, а изъ полнаго колодца знанія выбирать все, что тебѣ нужно?...

Какъ народныя и общественныя библиотеки соперничаютъ съ низшею и среднею школою, такъ же точно академическія библиотеки соперничаютъ съ высшею школою въ дѣлѣ распространенія высшаго образованія.

Высшая школа не может помѣстить у себя всѣхъ ищущихъ знанія. Мало того. Современныя условія жизни, требующія отъ молодыхъ людей тяжелаго труда для присканія средствъ къ жизни въ такіе годы, которые должны быть посвящены исключительно изученію науки, лишаютъ весьма многихъ изъ нихъ возможности присутствовать на лекціяхъ профессоровъ. Книга давно уже для многихъ изъ нихъ замѣняетъ живое слово, бібліотека замѣняетъ аудиторію. Центр тяжести и здѣсь постепенно переходитъ отъ школы къ бібліотекѣ.

Бібліотека, какъ мы сказали, выполняетъ колоссальную работу въ дѣлѣ развитія знаній, распространенія просвѣщенія. Эта работа ея тѣмъ важнѣе, что знанія пріобрѣтаются при посредствѣ бібліотеки не тѣмъ механическимъ путемъ усвоенія, какой преимущественно имѣетъ въ своемъ распоряженіи школа, не путемъ принужденія, а путемъ свободнаго сознательнаго выбора, съ участіемъ самодѣятельности; они усваиваются въ часы досуга, съ интересомъ, который съ такимъ трудомъ удастся вызвать въ школѣ. Такія знанія прочнѣе тѣхъ, которыя даетъ школа.

Но культурная роль бібліотеки должна быть еще болѣе важною въ нашихъ глазахъ, если принять во вниманіе, что книга является лучшимъ средствомъ для распространенія идей, что бібліотеки дѣйствительно являются громадною соціальною силою. Идея, одушевляющая общество, неминуемо проникаютъ въ бібліотеку вмѣстѣ съ новыми книгами. Никакими циркулярами вы не закроете имъ доступа въ нее уже потому, что идея, высказанная въ новой книгѣ, находится въ твореніяхъ великихъ мыслителей, гениевъ человѣчества, которые давно уже предвосхищали ихъ. Имъ, этимъ гениямъ человѣчества, нельзя запретить доступа въ бібліотеку, ихъ нельзя удалить изъ нея. Впрочемъ, бібліотеки нечего и бояться, какъ учрежденія, чрезъ которое вредныя идеи проникаютъ въ общество.. Рядомъ съ книгою, въ которой проводятся новыя идеи, стоитъ зачастую въ бібліотекѣ книга, подвергающая ихъ безпощадному разбору. Читатель можетъ разобраться въ идеяхъ, высказать для себя сравнительную цѣнность ихъ; бібліотека поможетъ ему усвоить тѣ, которыя непреложны, тѣ, которыя ведутъ человѣчество къ идеалу.

Будучи такимъ же факторомъ человѣческой культуры, какъ и школа, и постепенно завоевывая себѣ все большее и большее значеніе, бібліотека заслуживаетъ быть предметомъ серьезнаго изученія. Необходимость изученія ея вытекаетъ уже изъ простаго подсчета тѣхъ затратъ, которыя сдѣланы, и дѣлаются ежегодно для устройства бібліотекъ и на пріобрѣтеніе книжныхъ запасовъ.

Бюджет Императорской Публичной библиотеки составлял в 1907 г. 164.000 рублей, Берлинской королевской библиотеки—около 378.000, Британского Музея—220.000, Парижской Национальной—326.000, причем на составление каталога расходовалось около 40.000 рублей, Вашингтонской библиотеки Конгресса—1.640.000. Книжные богатства, собранные Берлинскою королевскою библиотекою составляют 1.230.000 книг, Вашингтонскою библиотекою—1.483.000 книг, Нью-Йоркскою общественною библиотекою—1.619.000, Императорскою Публичною—1.666.000, библиотекою Британского Музея—2½ миллиона, Национальною библиотекою в Париж—3½ миллиона книг.

В 1901 году все книжное богатство Франции составляло 16½ миллионов книг, Англии—18 миллионов, Германии—19, С.-Американских Соединенных Штатов—90.000.000.

Библиотеки представляют таким образом капитал и притом самый ценный капитал каждой страны, капитал, в который вложено все знание человечества. И если капитал в общепринятом смысле слова, его обороты, прибыль, рост и употребление являются предметом изучения особой науки, то обращение того научного капитала, который заключается в библиотеках страны, заслуживает самого серьезного изучения. Ведь при плохом состоянии библиотек этот в высшей степени ценный капитал может оставаться мертвым и задерживать не только развитие образования, но и развитие науки; и если он даже доступен для пользования, но доступен лишь для незначительной части образованного общества, то этим самым он приносит лишь очень небольшой процент. Библиотеки же существуют для общего пользования.

Поэтому необходимо существование науки, которая занималась бы изучением причин, способствующих развитию оборотов капитала, представляющего чрезвычайно высокую ценность для культуры человека. Такая наука существует. Она носит название библиотековедения.

Возникла она в 19 век; но ей до сих пор приходится бороться за свое существование, что приходилось переживать и другим новым наукам, возникшим в том же веке и подвергнувшим своему анализу такие явления в природе и жизни человека, которые раньше не обращали на себя внимание и не были доступны исследованию.

Важное значение библиотек было отмечено в 19 век заботами об увеличении числа их, и тем не менее, библиотековедение, имеющее предметом всестороннее изучение библиотечного дела, не везде еще признается наукой.

У насъ, напримѣръ, оно считается совокупностью правилъ отчасти теоретическихъ, отчасти добытыхъ изъ опыта, касающихся устройства и управленія библіотеками. Я взялъ это опредѣленіе изъ Энциклопедическаго словаря Брокгауза. Но подъ этимъ опредѣленіемъ, вѣроятно, подписался бы любой образованный человѣкъ въ Россіи, такъ какъ наука библіотековѣднія совершенно неизвѣстна у насъ, и то предложеніе, съ которымъ обратилось недавно С.-Петербургское Общество библіотековѣднія къ университетамъ, Академіи Наукъ и министерству народнаго просвѣщенія,—о введеніи кафедры библіотековѣднія въ университетахъ, является для русскаго ученаго міра полною неожиданностью и можетъ быть встрѣчено даже недоумѣніемъ.

Повидимому, техническому знанію, опредѣленіе котораго приведено мною, не должно быть мѣста среди университетскихъ наукъ.

Но библіотековѣдніе признаю уже наукою въ Западной Европѣ, напримѣръ, въ Германіи, которая можетъ считаться его родиною. Здѣсь она впервые получила свое названіе въ трудѣ Штреттингера *Versuch eines vollständigen Lehrbuches der Bibliothekswissenschaft*. Нѣмецкимъ ученымъ Эберту, Мольбаху, Шмидту, Цоллеру, Петцольду, Форстеманну, Эйхлеру и Грезелю обязана эта наука постепеннымъ раскрытіемъ своего содержанія и введеніемъ въ курсъ университетскаго преподаванія въ Геттингенѣ. Особенно широко ставилъ ея задачи Эйхлеръ, по мысли котораго библіотековѣдніе должно обнимать не только все то, что относится непосредственно къ библіотечному дѣлу, но и все то, что относится къ книгѣ и письму: оно должно обнимать, между прочимъ, исторію возникновенія и развитія письма и письменныхъ памятникѣвъ, исторію книгопечатанія и книжной торговли. Это мнѣніе Эйхлера оспаривалось въ Германіи. Его противники,—Цоллеръ, Форстеманнъ и Грезель, думали, что библіотековѣдніе должно имѣть своимъ объектомъ только библіотеку и должно распадаться на два крупныхъ отдѣла: 1) Исторію библіотекъ вмѣстѣ со статистикою библіотечнаго дѣла и 2) ученіе о библіотекѣ.—Исторія библіотековѣднія должна заключать въ себѣ классификацію библіотекъ, статистику библіотечнаго дѣла и исторію библіотекъ по періодамъ и національностямъ. Ученіе о библіотекѣ раздѣляется на три части:—ученіе объ организаціи, исполненіи и пользованіи библіотекою, и должно давать свѣдѣнія объ устройствѣ библіотечныхъ зданій, о библіотечномъ персоналѣ, о средствахъ, необходимыхъ для функціонирования библіотекъ, о системахъ распредѣленія книжныхъ богатствъ, описанія ихъ, храненія, о пополненіи новыми приобрѣтеніями, о правилахъ пользованія книгами въ самой библіотекѣ и внѣ ея. Несмотря на то, что мнѣніе Эйхлера о задачахъ науки библіотековѣднія оспаривалось, все-

таким преподавание в Геттингенском университете поставлено именно так, как он советовал. Профессор Гитцманн, занимающий кафедру библиотковедения в Геттингенском университете, любезно сообщил мне недавно, что на этот предмет отводится в университете по 2 часа в каждом семестре. Одну часть посвящается систематическому изложению учения о библиотеке, причем обращается внимание на историю развития каждого вопроса; другой часть отводится истории библиотеки, книжного дела и письма. Практические занятия студентов состоят в разборе рефератов, написанных ими на темы из всей области книжного и библиотечного дела.

Содержание науки библиотковедения может казаться слишком специальным для того, чтобы она могла стать университетской наукой; но, ведь, всякая наука специальна, и специальный характер педагогики не мешает ей занимать место среди предметов университетского преподавания.

С таким же правом может занять место между ними и та наука, задачей которой является не только выработать наилучшие способы распространения знаний путем предоставления в пользование собираемых с этой целью книг, не только изучение механизма библиотек, но и исследование значения библиотек, как фактора культуры, изучение работы этого фактора в его взаимодействии со школой и самостоятельной его работы, исследование причин, как задерживавших функционирование его, так и способствовавших его деятельности в связи с общими условиями жизни в различные времена и у различных народов, исследование значения, какое имела библиотека не только для распространения знаний, но и для развития науки, составляя как бы базис науки, фундамент того здания, которое росло и будет расти в течение веков.

В ряду этих задач изучение деятельности народных библиотек, условий, при которых они наилучшим образом достигают своей цели, представляет большой интерес. Их устройство, организация, состав, доступность, влияние на народные массы—все это вопросы первостепенной важности, так же, как вопросы об организации общественных библиотек, приобретающих все больший интерес в глазах общества по мере того, как созданный веками престиж школы все меньше оправдывает возлагавшиеся на него надежды, по мере того, как обнаруживается, что, после стольких веков существования науки преподавания она все еще не нашла верных путей, ведущих к поставленной ею цели; по мере того, как вопрос о самообразовании все больше выдвигается вперед. В библиотковедении народным и общественным библиотекам должно отводиться важное место.

Но еще большую важность въ этой наукѣ представляетъ вопросъ о бібліотекахъ академическихъ, служащихъ не только цѣлямъ преподаванія, но и цѣлямъ науки. Историческое изученіе вопроса о взаимодействіи между бібліотекою и наукою, между бібліотекою и высшею школою прольетъ несомнѣнно свѣтъ и на исторію бібліотечовѣдѣнія, и на исторію преподаванія, и на исторію самой науки.

Исторія бібліотечнаго дѣла покажетъ постепенно развивающуюся дѣятельность бібліотеки, какъ фактора культуры; но изученіе исторіи бібліотекъ важно и въ другомъ отношеніи.

Въ бібліотекахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается культурная жизнь общества въ извѣстную эпоху. Инвентарь большой бібліотеки покажетъ вамъ до мельчайшихъ подробностей все, чѣмъ интересовалось современное ему общество: и степень развитія науки, и состояніе искусства, и религіозно-нравственные, и педагогическіе, и правовые взгляды общества и пр. Ученый міръ на нашихъ глазахъ высоко оцѣнилъ значеніе открытой въ развалинахъ Пиневин и хранящейся въ Британскомъ музеѣ бібліотеки, составленной изъ черепицъ съ клинообразными надписями. Не смотря на много вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, къ которой относится эта бібліотека, мы имѣемъ возможность, благодаря ей, составить себѣ вполнѣ отчетливое представленіе о степени культурности націи, которой она принадлежала.

Но почему же мы цѣнимъ только бібліотеки, принадлежащія глубокой древности? Всякая бібліотека представляетъ въ себѣ отраженіе своей эпохи, и изученіе ея есть выстѣ съ тѣмъ всестороннее знакомство съ извѣстной эпохой.

Возьмите, напримѣръ, инвентарь любой общественной или академической бібліотеки въ Россіи конца 1905 года и начала 1906 года.— Не покажетъ ли онъ вамъ, что русское общество занималось въ эту пору преимущественно экономическими и соціально-политическими вопросами? Не покажетъ ли онъ вамъ, что въ Россіи произошелъ переворотъ? И если бы этотъ инвентарь попался историку сто-двѣсти лѣтъ спустя, не помогъ ли бы онъ ему съ точностью опредѣлить даже начало соціально-экономическаго движенія и время переворота. Чрезвычайно цѣнный матеріалъ представляетъ для исторіи культуры не только инвентарь бібліотеки, дающій возможность судить о степени развитія культурныхъ слоевъ общества, о его духовныхъ и матеріальныхъ потребностяхъ, но и тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о дѣятельности бібліотекъ.

Статистика дѣятельности бібліотекъ даетъ возможность измѣрить степень развитія просвѣщенія въ странѣ, степень развитія потребности въ книгѣ и стремленія общества къ образованію; она можетъ показать,

какими вопросами преимущественно интересовалось оно; однимъ словомъ, она можетъ раскрыть и освѣтить такія стороны въ духовной жизни общества, которыя останутся недостаточно освѣщенными, при оставленіи въ неизвѣстности матеріала, хранящагося въ архивахъ бібліотекъ.

Изучая этотъ матеріалъ, исторія бібліотековѣдѣнія восполняетъ пробѣлъ, существующій въ наукѣ, и потому является необходимою ея частью.

При помощи изученія въ исторіи бібліотековѣдѣнія тѣхъ условий, при которыхъ совершалась работа бібліотекъ, должны быть открыты законы, обуславливающіе правильное и прогрессивное дѣйствіе важнаго фактора культуры.

Такъ какъ не только популяризація знаній, но и движеніе науки затрудняется недостатками въ дѣятельности бібліотекъ, то изученіе законовъ этой дѣятельности составляетъ предметъ ученія о бібліотекѣ, которое признаетъ бібліотеку организмомъ, подчиняющимся общимъ законамъ жизни. Бібліотека живетъ, и ея жизнь можетъ быть и долголѣтнею, и короткою, въ зависимости прежде всего отъ вѣдущихъ условий. Поэтому вопросъ о бібліотечныхъ зданіяхъ, отъ устройства которыхъ зависить вся дальнѣйшая жизнь бібліотеки, занимаетъ въ бібліотековѣдѣніи первое мѣсто; при изученіи этого вопроса, конечно, отводится должное мѣсто и гигиенѣ книги. Отъ несоблюденія требованій гигиены книга можетъ болѣть, могутъ зародиться враги книги, подобно бактеріямъ, подтачивающіе ея организмъ. Изученіе средствъ для борьбы съ ними имѣетъ важное значеніе для будущаго бібліотекъ.

Жизнь книги зависить отъ химическаго состава ея бумаги. Вопросъ о непрочности и недолговѣчности теперешней бумаги, о борьбѣ съ фальсификаціей занимаетъ въ настоящее время не послѣднее мѣсто въ бібліотековѣдѣніи.

Такъ какъ функционированіе всякаго сложнаго механизма совершается правильно только тогда, когда всѣ части его работаютъ правильно и составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, то изученіе составныхъ частей механизма бібліотеки: функцій приобрѣтенія, распредѣленія книгъ внутри ея, регистрированія, описанія ихъ, системъ каталогизаціи, способовъ храненія каталоговъ, переплета книгъ—составляетъ главный предметъ бібліотековѣдѣнія. Ростъ бібліотеки зависить главнымъ образомъ отъ средствъ, которыми она располагаетъ; поэтому бібліотековѣдѣніе занимается и этимъ вопросомъ такъ же, какъ и не менѣе важнымъ вопросомъ объ охраненіи книги при пользованіи ею. Но это пользованіе составляетъ цѣль существованія и назначеніе каждой бібліотеки и зависить не только отъ состоянія различныхъ частей механизма, но и отъ силы, приводящей его въ движеніе. Силою этою является персоналъ бібліо-

теки; поэтому вопрос о персональ библиотеки составляет предмет самого серьезнаго изученія въ наукѣ библиотечовѣднїя.

Вопросъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія въ настоящее время, когда библиотека становится социальною силою, когда самообразование начинаетъ играть болѣе важную роль въ сравненіи съ образованіемъ и центръ тяжести переносится изъ школы въ библиотеку.

Вмѣсто прежняго исполнителя требованій незначительнаго круга читателей, обращающихся къ библиотекѣ, теперь нуженъ въ ней руководитель для той массы читателей, которые идутъ въ библиотеку за самообразованіемъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ опредѣленнаго плана, безъ опредѣленной системы. Если библиотека хочетъ въ настоящее время стоять на высотѣ своего призванія, она должна встрѣчать всѣхъ обращающихся къ ней такъ же, какъ школа, во всеоружіи знанія, съ полною готовностью служить имъ всѣмъ своимъ богатствомъ. Держать въ настоящее время въ ней персональ неподготовленныхъ къ дѣлу, мало-образованныхъ людей, смотрящихъ на свое дѣло только какъ на ремесло, дающее кусокъ хлѣба, это значитъ задерживать то движеніе къ самообразованію, которое охватило общество, искусственно тормазить его; это значитъ сдѣлать и изъ другого рычага прогресса то же, что мы сдѣлали изъ школы. Какъ совершенно понятно то, что среднія школы потому не достигаютъ успѣха, что преподаваніе находится до сихъ поръ, болѣею частью, въ рукахъ недостаточно опытныхъ, недостаточно подготовленныхъ людей, идущихъ ошунью тамъ, гдѣ требуется знакомство съ психологіей, дѣлающихъ непоправимыя ошибки тамъ, гдѣ знающій чело-вѣкъ могъ бы добиться громаднаго успѣха, такъ несомнѣнно и то, что въ рукахъ знающихъ людей библиотека, какъ орудіе самообразованія, могла бы дѣлать чудеса въ сравненіи со школою. Дайте правильное направленіе чтенію тѣхъ лицъ, которыя приходятъ къ вамъ съ жаждою знанія, дайте имъ въ извѣстной послѣдовательности именно то, что нужно для прочнаго приобрѣтенія знанія, и вы дадите обществу культурнаго чело-вѣка, въ которомъ жажда знанія никогда не угаснетъ. Библиотека можетъ направить пытливость читателя въ ту именно область знанія, которая наиболѣе соответствуетъ его наклонностямъ. Помогите ученому разобраться въ томъ книжномъ богатствѣ, которое можетъ предоставить ему ваша библиотека, и вы дадите, можетъ быть, толчекъ его творческой мысли. Но для этого библиотечный персональ долженъ обладать большими знаніями, большою опытностью, не меньшею, чѣмъ персональ педагогическій; онъ долженъ обладать не только общимъ образованіемъ, не только педагогическою подготовкою, не только знаніемъ того, что нужно читать, что полезно читателю и что будетъ для читателя

потраченнымъ трудомъ, но полнымъ знаніемъ библиотечнаго дѣла, знаніемъ той науки, которая занимается его изученіемъ.

Университетъ долженъ прійти на помощь этой наукѣ и гостеприимно открыть для нея свои двери и въ виду того еще, что изученіе науки библиотекѣднія восполнить пробѣлъ въ исторіи культуры. Находящаяся въ постоянной зависимости отъ библиотеки и книги, университетская наука должна отвести подобающее мѣсто изученію прошлаго библиотеки и книги, изслѣдованію значенія библиотеки, какъ фактора культуры, фактора человѣческаго прогресса.

Поставленная на широкихъ основаніяхъ, наука библиотекѣднія, выстъ съ вспомогательной наукой библиографіей, должна представлять не узко-спеціальный характеръ, должна имѣть своей задачей не одну только подготовку библиотечнаго персонала,—хотя и эта задача, тѣсно связанная съ другими задачами библиотекѣднія, сама по себѣ оправдывала бы существованіе каведры библиотекѣднія въ университетѣ;—разработка этой науки въ университетѣ должна имѣть цѣлью детальное изученіе всѣхъ вопросовъ библиотечнаго дѣла при помощи разсмотрѣнія историческаго развитія каждаго отдѣльнаго вопроса, а также общее изслѣдованіе историческаго прошлаго библиотечнаго дѣла съ изученіемъ того, какъ вліяло на него развитіе науки и какъ отражалось его состояніе на состояніи науки, въ частности на преподаваніи и на дѣлѣ распространенія просвѣщенія; библиотекѣдніе должно постепенно выработать лучшія системы постановки библиотечнаго дѣла для каждаго отдѣльнаго вида библиотекъ посредствомъ историческаго изученія тѣхъ попытокъ, которыя были сдѣланы въ каждой отдѣльной области; при этомъ библиотекѣдніе должно имѣть въ виду, что механизмъ библиотеки, какъ важнаго фактора прогресса, долженъ быть доведенъ до такого совершенства, чтобы она могла развивать самую широкую дѣятельность.

Разумѣется, мѣсто этой науки на томъ факультетѣ, который посвящаетъ свои силы изученію духовной культуры и имѣетъ своєю цѣлью подготовку дѣятелей для распространенія просвѣщенія.

Педагогу необходимо познакомиться и съ прошлымъ книги и библиотеки, и съ ихъ значеніемъ; ему необходимо познакомиться и съ подробностями библиотечнаго дѣла, такъ какъ его именно мѣсто въ библиотекѣ.

И въ библиотекѣ нуженъ не заурядный педагогъ, обладающій знаніемъ какой-нибудь отрасли науки и посвящающій свои силы ея популяризаціи; въ ней нуженъ педагогъ—энциклопедистъ, проникнутый вѣрою въ великое будущее науки, одушевленный стремленіемъ служить дѣлу просвѣщенія. Воспитать такого работника можетъ только университетъ;

внушить ему убѣжденіе въ высокомъ значеніи библіотеки, стремленіе къ непрерывному приобрѣтенію знаній въ своей спеціальности можетъ дать только изученіе науки библіотековѣдѣнія въ университетѣ, можетъ дать только пониманіе важнаго значенія библіотеки, какъ въ прошломъ чело-
вѣка, такъ и для будущаго его прогресса.

Наука библіотековѣдѣнія должна быть въ университетѣ уже потому, что библіотекѣ предстоитъ еще громадная работа, быть можетъ большая, чѣмъ школъ. Если и теперь уже библіотека можетъ поспорить со шко-
лою въ количествѣ и качествѣ знанія, распространяемаго ею, то въ будущемъ, кто знаетъ? не останется ли пальма первенства за нею, если принять во вниманіе сравнительную цѣнность, глубину и прочность того знанія, которое выносятся при активномъ усвоеніи того, что дается книгою и при пассивномъ воспріятіи матеріала, даваемого живымъ словомъ преподавателя; если сравнить утомленіе вниманія при непрерывномъ слушаніи, ослабленіе способности воспріятія, невозможность остановить живую рѣчь и подумать о томъ, что показалось не выполнимо понятнымъ и что можетъ затруднять пониманіе дальнѣйшаго съ одной стороны и полную свободу активного воспріятія—съ другой.

Что дѣло школы только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда оно находится въ опытныхъ рукахъ, это—аксіома, никѣмъ не оспаривае-
мая, принадлежащая къ числу азбучныхъ истинъ; но что дѣло другого фактора прогресса обуславливается тѣмъ же требованіемъ, это у насъ до сихъ поръ игнорируется.

Устраиваютъ библіотеку; бросаютъ щедрою рукою деньги на по-
стройку зданія, на оборудованіе его, на книжный инвентарь, и только. Машина, думаютъ, пуцпа въ ходъ, и, кажется, все уже сдѣлано для того, чтобы она работала. Такъ ли это? Взгляните попристальнѣе на эту машину: вѣдь она никуда не годится.

Въ Западной Европѣ смотрятъ на это дѣло иначе: тамъ видятъ въ библіотекѣ тотъ именно рычагъ, который долженъ быстро двинуть про-
грессъ, и на улучшеніе работы этого рычага такъ обращено самое серь-
езное вниманіе.

Такъ какъ успѣшность работы библіотекъ прежде всего зависитъ
отъ степени подготовки и знаній библіотечнаго персонала, то къ жела-
ющимъ служить въ библіотекахъ предъявляются самыя серьезныя тре-
бованія; отъ нихъ требуется и высшее образованіе, и знаніе языковъ, и
полное знакомство съ библіотечнымъ дѣломъ. Къ ихъ услугамъ въ За-
падной Европѣ и спеціальныя курсы по библіотековѣдѣнію и библіо-
графіи въ университетахъ, и практическое руководство въ лучшихъ библі-
отекахъ. Въ Америкѣ существуютъ даже спеціальныя колледжи для при-

готовления библиотечарей. Послѣ такой тщательной подготовки экзамены открываютъ доступъ въ библиотску желающимъ работать въ ней; даже для службы въ народной библиотекѣ въ Германіи требуется экзаменъ.

Не меньше заботятся и объ улучшеніи механизма библиотекъ. И такъ какъ въ этомъ механизмѣ каталогъ занимаетъ первое мѣсто, то на составленіе каталоговъ не жалѣютъ средствъ. Поднять былъ, напримѣръ, германскими библиотечарами вопросъ о необходимости имѣть такой каталогъ, по которому можно было бы опредѣлить, въ какихъ изъ германскихъ библиотекъ находится нужная ученому книга. Германское министерство народнаго просвѣщенія не замедлило обратить на это вниманіе. Коммиссія, которая учреждена была для рассмотрѣнія этого вопроса, выработала планъ каталога германскихъ библиотекъ, стоимость составленія котораго была вычислена въ 300 тысячъ марокъ; осуществить предпріятіе предполагено было въ 20 лѣтъ, внося ежегодно въ сѣту государства по 15.000 тысячъ марокъ. Предпріятіе осуществляется уже болѣе 20 лѣтъ. Въ настоящее время въ королевской библиотекѣ въ Берлинѣ имѣется уже одинъ рукописный экземпляръ общаго германскаго каталога и существуетъ справочное бюро, которое сообщаетъ желающимъ свѣдѣнія, гдѣ именно находятся необходимыя книги. Благодаря этому бюро, находясь въ любой библиотекѣ Германіи, можно получить нужную книгу, гдѣ бы она ни находилась въ странѣ. Между библиотеками Германіи происходитъ самый оживленный обмѣнъ книгами. Наука вслѣдствіе этого поставлена въ самыя благопріятныя условія.

Не оставлено безъ вниманія и то, отъ чего зависитъ успѣхъ всего дѣла: идетъ научная разработка библиотечовѣдѣнія и его исторіи.

Мы, конечно, не отстаемъ отъ Европы; и у насъ много библиотекъ; но какъ онѣ поставлены у насъ,—это какъ будто никого не интересуетъ. Трудно работать при такихъ библиотекахъ, это извѣстно не только каждому ученому, но и любому студенту; но мы какъ-то свыклись съ этимъ. Ученый ѣдетъ за границу писать свою диссертацию; студентъ... зубрить лекціи и въ большинствѣ случаевъ ограничивается этимъ. Нерѣдко случается, что во все время пребыванія въ университетѣ онъ, приходитъ въ библиотеку только за полученіемъ удостовѣреній, что за нимъ книгъ не числится. Это фактъ, серьезный фактъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься. И объясненіе этого факта въ томъ, что во всеуслышаніе заявило молодое Общество библиотечовѣдѣнія, обратившееся съ запискою о необходимости изученія науки библиотечовѣдѣнія въ академіи и университеты. Объясненіе этого факта въ томъ, что лучшія русскія библиотеки, богатѣйшія собранія книгъ, которыми мы можемъ пустить нить въ глаза даже Европѣ,—кладбища для книгъ: книги заживо хоронятся въ нихъ и такъ

основательно хоропятся, что нужную книгу лицу, занимающемуся наукой удастся отыскать иногда съ большимъ трудомъ. Общество говоритъ вамъ, что лучшія библіотеки страны, сто лѣтъ находившіяся въ рукахъ неопытныхъ людей, безъ всякой подготовки, безъ всякаго знанія дѣла приходившихъ устраивать ихъ, приведены въ такое состояніе, что многое въ нихъ совершенно недоступно для пользованія.

Все, кажется, сдѣлали вы для того, чтобы имѣть хорошія библіотеки: построили большія зданія, собрали громадныя запасы книгъ, во многихъ библіотекахъ ввели послѣднія усовершенствованія въ библіотечномъ дѣлѣ, и все-таки стоятъ у васъ библіотеки, какъ заколдованныя замки, и все-таки чего-то недостаетъ имъ. И недостаетъ имъ очень важнаго: недостаетъ имъ духа живого, жизни; недостаетъ имъ того, чего вы не привезете имъ изъ заграницы: недостаетъ этимъ заколдованнымъ замкамъ живой воды знанія. Общество библіотековѣднія говоритъ университетамъ, что для того, чтобы поставить библіотеки на прочныхъ основаніяхъ, намъ нужна научная разработка библіотековѣднія и библіографіи. Намъ недостаетъ знанія. Намъ недостаетъ его и въ области библіотековѣднія, какъ недостаетъ и въ другихъ областяхъ дѣятельности.

Въ столкновеніи съ небольшою культурною страной Россія получила недавно серьезный урокъ. Ей дали понять, что значить знаніе, что силы, даваемой знаніемъ, не сломить никакое матеріальное превосходство. Такой же урокъ дала въ семидесятыхъ годахъ Германія Франціи. И Франція поняла его. Надо понять его и Россіи; надо понять тѣмъ болѣе, что борьба съ сосѣдями идетъ не только во время военныхъ дѣйствій; она идетъ непрерывно, идетъ на всѣхъ границахъ съ сосѣдями, которые оказываются болѣе культурными, чѣмъ мы, борьба промышленная, торговая. И самымъ серьезнымъ противникомъ Россіи является Германія, та страна, которая уже доказала свое культурное могущество, страна, которая обратила серьезное вниманіе на средства для распространенія просвѣщенія и особенно на библіотеки, на народныя библіотеки, которыми она начинаетъ соперничать съ Америкой, и на библіотечное дѣло вообще, страна, которой наука библіотековѣднія больше всего обязана своимъ развитіемъ и гдѣ полезная книга находитъ самое широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ общества.

Если книга, вмѣсто такого распространенія, будетъ находить въ библіотекѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія, если невѣжество будетъ не только удѣломъ низшихъ слоевъ народа, но и тѣхъ дѣятелей, которые выходятъ изъ стѣнъ высшей школы на широкую дорогу жизни со скуднымъ запасомъ знаній по своей специальности, почерпнутымъ изъ наскоро зазубренныхъ лекцій, не попытавшись даже воспользоваться въ

теченіе всего своего долгаго пребыванія въ стѣнахъ учебнаго заведенія тѣмъ сокровищами науки, которыя собраны въ немъ спеціально для нихъ, наше положеніе среди культурныхъ сосѣдей будетъ навсегда определено.

Впрочемъ, настоящее положеніе вещей не даетъ намъ права такъ пессимистически смотрѣть на будущее. Съ увѣренностью можно сказать, что пробудившееся самосознаніе народа не остановятъ теперь никакія препятствія. Ища разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые стоятъ передъ нимъ, онъ устремился къ знанію, ему нужно оно; ему нужно оно не для борьбы съ сосѣдями, а для того, чтобы устроить свою собственную жизнь, чтобы облегчить себѣ достиженіе своихъ національныхъ идеаловъ.

Книга нужна ему для этого, книга, какъ ключъ къ знанію. Эта книга должна сдѣлаться доступной для него во всѣхъ книгохранилищахъ. Трудовая конейка народа создала эти книжныя богатства; пользованіе ими составляетъ его право.

Поэтому усовершенствованіе механизма библиотекъ составляетъ нашу общественную обязанность, скажу больше, обязанность, которую возлагаетъ на насъ наше участіе въ общемъ процессѣ развитія культуры.

Представители науки въ Россіи не могутъ отклонить отъ себя своей доли участія въ рѣшеніи общей культурной задачи—посредствомъ разработки науки библиотековѣднія сдѣлать книжныя богатства, собранныя въ различныхъ странахъ, достояніемъ ученыхъ, къ какой-бы національности они ни принадлежали.

Наука космополитична: ея благами безраздѣльно пользуются всѣ; поэтому и книжныя богатства, какъ средства къ развитію науки, должны быть доступны всѣмъ ученымъ.

Наши культурные сосѣди стремятся къ этому: международныя библиографическіе институты, международныя каталоги, международный обмѣнъ изданіями уже служатъ къ достиженію этой цѣли.

Изученіе науки библиотековѣднія составляетъ одно изъ необходимыхъ условій къ достиженію ея. Представители науки въ Россіи должны принять участіе въ разработкѣ библиотековѣднія.

Университеты, къ которымъ общество библиотековѣднія обратилось съ предложеніемъ объ учрежденіи кафедръ для развитія этой науки, не могутъ отнестись безъ сочувствія къ вопросу, представляющему высокую общественную важность, имѣющему высокое культурное значеніе.

Для всего культурнаго міра имѣетъ важное значеніе рѣшеніе этого вопроса, этой культурной задачи. Но ни для кого, быть можетъ, не имѣетъ оно такого значенія, какъ для народа, стоящаго наканунѣ переустройства всей своей жизни, какъ для народа, переживающаго самый критическій моментъ своего существованія.

Придите же на помощь ему и дайте ему возможность широко пользоваться благами знания.

Среди васъ, безъ сомнѣнія, найдутся лица, способныя подвинуть рѣшеніе этой культурной задачи. Пусть же они, эти лица, отъ которыхъ зависитъ прогрессъ человѣчества, не жалѣютъ силъ для того, чтобы дать широкое распространеніе проводнику знанія—книгѣ, облегчить ей возможность широкимъ потокомъ проникать въ самыя отдаленныя, самыя глухія мѣста нашей родины.

Причины неустройства наших академических библиотекъ.

(Окончаніе *).

Не удивительно, что при отмѣченныхъ выше несовершенствахъ какъ въ составѣ, такъ и въ организаціи академическихъ библиотекъ онѣ не могли развивать большой дѣятельности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно заглянуть въ отчеты любой библиотеки.

Въ тридцатыхъ годахъ изъ библиотеки харьковскаго университета выдавалось въ годъ 700 книгъ, въ сороковыхъ — 2.000, въ пятидесятыхъ — 3.500, въ 1864 г.—6.500, въ восьмидесятыхъ годахъ снова — 3.500, въ девяностыхъ — 6.000; въ 1904 году, т. е. на сотомъ году существованія библиотеки, изъ нея было выдано профессорамъ и преподавателямъ 6.965 книгъ, студентамъ 6.434 кн., въ читальнѣ при библиотекѣ — профессорамъ 1.553 кн., студентамъ — 1.063 кн. Считая 250 служебныхъ дней въ году, выдача въ день составляла въ тридцатыхъ годахъ около 3 книгъ въ день, въ сороковыхъ менѣе 10, въ пятидесятыхъ—14, въ 1864 г.—26, въ 1904 г. около 54 и въ читальнѣ менѣе 10.

Таковы обороты громадной университетской библиотеки, стоящей въ настоящее время около $\frac{1}{2}$ милліона руб. и находящейся въ университетскомъ городѣ, библиотеки, принадлежащей университету, число учащихся въ которомъ достигаетъ 5.000. Если сопо-

---

*) См. „Библиотекарь“, 1910, вып. II.

ставить число учащихся со скромною цифрою выдачь, то окажется, что въ среднемъ на студента рѣдко приходилось болѣе одной книги въ годъ, что три четверти студентовъ не пользовались университетскою библіотекою, и на каждаго изъ остальныхъ приходилось въ среднемъ въ теченіе года не болѣе 5 книгъ.

Такимъ образомъ до самаго послѣдняго времени дѣятельность библіотеки оказывалась болѣе чѣмъ скромною и ея культурное значеніе незначительнымъ. Между тѣмъ, надо имѣть въ виду, что въ послѣднее десятилѣтіе на бѣдность книжнаго состава библіотеки жаловаться не приходилось; она включаетъ въ себѣ массу книжныхъ богатствъ; этими книгами, однако, мало пользуются,—однѣми потому, что онѣ рѣдко кому нужны, другими потому, что ихъ нельзя найти въ библіотекѣ, такъ какъ онѣ или вовсе еще не внесены въ каталоги, или такъ внесены, что ихъ нельзя отыскать. Не значить ли это, что большая часть книгъ покоятся въ библіотекѣ сномъ праведнымъ, какъ въ роскошномъ мавзолеѣ? не похожи ли, дѣйствительно, при такихъ условіяхъ наши академическія библіотеки на книжныя кладбища?

Чаще всего въ такомъ состояніи библіотекъ обвиняютъ библіотекарей. Но у кого поднимется рука бросить камень осужденія по адресу бывшаго библіотекаря харьковскаго университета Я. О. Баляснаго, послѣ 42 лѣтъ службы оставившаго по себѣ память честнаго и благороднаго труженика? Кто осудитъ А. Р. Крейсберга, 32 года посвятившаго на служеніе библіотечному дѣлу въ С.-Петербургскомъ университетѣ? Эти благородные труженики дѣлали все, что могли. Мнѣ разсказывали сослуживцы покойнаго Александра Романовича, что ему приходилось въ неслаженное время вести инвентарь библіотеки: такъ много было работы въ ней. Покойный Я. О. Балясный работалъ не меньше. Нѣтъ, ни этимъ труженикамъ, ни большинству другихъ библіотекарей не можетъ быть брошенъ упрекъ въ нерадивомъ отношеніи къ вѣрен-

нымъ имъ библіотекамъ. Не легка была ихъ задача, и тѣ библіотекари, которые рѣшались всю свою жизнь посвятить библіотечному дѣлу, принимали на себя какъ бы нѣкоторый подвигъ; ихъ смѣло можно назвать „рыцарями безъ страха и упрека“, какъ опредѣлилъ А. Р. Крейсберга близко знавшій его М. И. Кудряшовъ, въ посвященномъ покойному некрологѣ. Библіотекари знали, чему они служатъ, и свято несли свое служеніе, но они встрѣчали полное непониманіе и равнодушіе къ своей дѣятельности. Тяжелѣе всего было то, что они мало находили охотниковъ раздѣлить съ ними ихъ подвигъ. Они видѣли вокругъ себя, по большей части, все новыхъ лицъ въ библіотечномъ персоналѣ, временныхъ гостей въ библіотекахъ, и должны были нерѣдко на своихъ плечахъ выносить чуть ли не всю тяжесть работы. Еще тяжелѣе было имъ видѣть и въ профессорскомъ персоналѣ непониманіе высокаго значенія академической библіотеки, непониманіе того вреда, который создается царящимъ въ ней безпорядкомъ, полное равнодушіе къ этому безпорядку, полное равнодушіе къ тому, что библіотека не играетъ той высоко-культурной роли, которая ей предназначена; тяжело было имъ чувствовать свое безсиліе сдѣлать что-нибудь существенное для своей библіотеки, понимать невозможность провести коренныя реформы въ постановкѣ библіотечнаго дѣла до тѣхъ поръ, пока не измѣнится установившійся взглядъ на нее.

Въ то время, когда у насъ возникали академическія библіотеки, на нихъ смотрѣли какъ на склады книгъ, которыя необходимо имѣть подъ рукою для преподаванія. Библіотека, это—мѣсто храненія книгъ въ буквальномъ смыслѣ слова, библіотекарь, это—лицо, которому довѣрено храненіе и—только храненіе книгъ. „Хранить книги“ не такъ-то трудно; поэтому поручить ключи отъ библіотеки можно и профессору, который могъ бы лишь заглядывать въ библіотеку въ часы выдачи книгъ. Но оказалось, что такое управленіе

библіотекою ведетъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, и первые бібліотекари заплатились за свое отношеніе къ дѣлу; первый бібліотекаръ Харьковскаго университета Белень де Баллю обязался уплатить за недостающія книги, на имущество второго бібліотекаря того же университета, проф. Дегурова, наложенъ былъ штрафъ ¹⁾, о задержаніи имущества бібліотекаря Казанскаго университета, проф. Сергѣева, который хотѣлъ перевестись въ Москву, велись переговоры между университетомъ и губернаторомъ въ 1825 г. ²⁾. Состояніе бібліотекъ было плачевное, и стало очевиднымъ, что необходимо поручить ихъ лицамъ, не принадлежащимъ къ профессорскому персоналу. По уставу 1835 года учреждается особая должность бібліотекаря; но взглядъ на бібліотеку и на обязанность бібліотекаря не измѣняется. Библіотекари поставлены въ положеніе чиновниковъ; имъ нѣтъ мѣста въ совѣтѣ учебныхъ заведеній.

Желали какъ-будто поставить бібліотеки въ лучшія условія, а между тѣмъ оказали имъ плохую услугу. Какъ ни мало имѣлъ прежде бібліотекаръ-профессоръ досуга для занятій въ бібліотекѣ, онъ, все таки, присутствуя въ совѣтѣ, могъ говорить о нуждахъ ея. Совѣтъ имѣлъ возможность знать о нихъ; теперь онъ лишился этой возможности. Это опредѣляло дальнѣйшія условія жизни бібліотеки, опредѣляло ея роль въ педагогическомъ дѣлѣ, должно было отозваться на пополненіи ея книгами. Библіотекаръ, считающійся членомъ педагогической семьи, принимающій участіе въ совѣтѣ и слѣдящій за ходомъ преподаванія, считалъ бы своею обязанностью содѣйствовать успѣхамъ его, стать ближе къ студентамъ, помогать имъ при выборѣ книгъ своими совѣтами; онъ могъ бы непосредственно сообщать совѣту о томъ, что мѣшаетъ бібліотекѣ выполнять свою роль учебно-вспомогательнаго учрежденія, и прежде

¹⁾ Рубинскій. Библ. Харьковск. ун-в., стр. 9.

²⁾ Загоскинъ. Исторія И. Каз. ун-в., т. 4, стр. 133.

всего о тѣхъ дефектахъ въ книжномъ инвентарѣ, пополненіе которыхъ составляетъ настоящую необходимость. Библіотекари-чиновники, которымъ вмѣнялось въ обязанность только хранить книги и выдавать ихъ для пользованія, не имѣли никакой возможности содѣйствовать развитію культурнаго и педагогическаго значенія бібліотекъ, и онѣ постепенно потеряли это значеніе. Библіотекаръ не имѣлъ даже вліянія на пополненіе бібліотеки, такъ какъ забота объ этомъ, лежавшая прежде на бібліотекарѣ, предоставлена была всецѣло профессорскому персоналу. Поэтому-то о равномерномъ пополненіи бібліотекъ нѣтъ и рѣчи послѣ злополучнаго устава 1835 г.; поэтому бібліотеки пополняются не тѣмъ, что нужно для нихъ, а тѣмъ, что нужно для даннаго состава профессоровъ, тѣмъ, что нужно въ данный моментъ профессору, для котораго академическая бібліотека представляетъ дополненіе его собственной. Выписывается то, что, можетъ быть, никогда и никому впослѣдствіи не понадобится, а капитальныхъ сочиненій въ бібліотекѣ нѣтъ.

Совѣты учебныхъ заведеній были наказаны за ненормальное положеніе, въ которомъ находились главныя учебно-вспомогательныя учрежденія, академическія бібліотеки, за неправильный взглядъ на нихъ, недостаточно внимательное отношеніе къ нимъ: много пришлось говорить совѣтамъ о бібліотечныхъ каталогахъ, когда дѣло начало принимать скандальный характеръ, пришлось не разъ говорить о состояніи бібліотекъ, пришлось и всѣмъ составомъ приходиться на помощь бібліотекарю; но тѣ мѣры, которыя принимались совѣтами, не помогали горю; не помогли ему ни назначеніе специальныхъ комиссій, ни учрежденіе постоянныхъ бібліотечныхъ комиссій, для членовъ которыхъ участіе въ засѣданіяхъ, посвященныхъ обсужденію бібліотечныхъ вопросовъ, представляетъ лишь обременительную прибавку къ тѣмъ обязанностямъ, которыхъ и безъ того много лежитъ на профессорѣ; несмотря на учрежденіе этихъ комиссій, нельзя не под-

черкнуть факта отсутствія постоянной заботливости совѣтовъ о своей библіотекѣ, факта равнодушія профессорскаго персонала къ ея состоянію, и, кажется, было бы совершенно справедливо сказать, что въ ряду заботъ объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, забота о библіотекѣ, какъ это ни странно, занимаетъ послѣднее мѣсто.

Что удивительнаго, если вмѣсто того, чтобы быть жизненнымъ нервомъ, главною помощницею школы въ дѣлѣ насажденія знаній и развитія науки, академическая библіотека продолжала оставаться простымъ складомъ книгъ, мало доступнымъ для пользованія, приближаясь къ типу книжнаго кладбища?

Лишите заботливости совѣта какую-нибудь клинику, кабинетъ, лабораторію, начните урѣзывать ассигнованія на нихъ, и онѣ неминуемо придутъ въ состояніе запустѣнія, и въ нихъ лаборанты и ординаторы опустятъ руки въ виду невозможности поставить дѣло надлежащимъ образомъ. Но о клиникахъ, лабораторіяхъ, кабинетахъ есть кому заботиться, о библіотекѣ—нѣтъ.

Чѣмъ же объяснить равнодушіе къ состоянію библіотеки со стороны совѣтовъ учебныхъ заведеній, не замѣчающихъ ея неустройства, ея неспособности развивать свою дѣятельность, вслѣдствіе недостатка средствъ и рабочихъ силъ, неподготовленности библиотечнаго персонала?

Разумѣется тѣмъ, что преподавательскій персоналъ стоитъ очень далеко отъ академической библіотеки, незнакомъ съ ея недостатками и нуждами, не имѣетъ никакого представленія о библиотечной работѣ. Его занимаютъ научные и педагогическіе вопросы, и его отношеніе къ библіотекѣ ограничивается только требованіемъ и выпискою книгъ, необходимыхъ для научной или педагогической работы.

Библіотека нужна ему; это онъ хорошо знаетъ. Но въ данный моментъ профессору нужны извѣстныя книги. Эти книги отчасти выписаны вновь, ожидается ихъ получение, отчасти находятся въ библіотекѣ. Почему-то

долго возились въ ней, когда онѣ были потребованы; но это обыкновенная исторія; все-таки въ концѣ концовъ ихъ выдали. Профессоръ, получивъ книги, забылъ и думать о библіотекѣ.

Засѣданіе совѣта. Поставленъ на повѣстку вопросъ о библіотекѣ; но на той же повѣсткѣ много другихъ вопросовъ, непосредственно относящихся къ преподаванію. Эти послѣдніе вопросы разсматриваются, а библіотечное дѣло все откладывается отъ одного засѣданія до другого и наконецъ передается на разсмотрѣніе специальной комиссіи. Туго идетъ работа комиссіи; иногда нѣсколько лѣтъ тянется она; готовъ наконецъ и докладъ. Онъ, конечно, обязательно будетъ заслушанъ совѣтомъ; но долго придется и ему ожидать своей очереди. Другія университетскія нужды назрѣютъ за это время, совѣтъ далеко не въ состояніи будетъ полностью удовлетворить пожеланія комиссіи. Не пригласятъ на засѣданіе, на которомъ будетъ слушаться докладъ, библіотекаря; не будетъ, можетъ быть, на немъ и членовъ комиссіи, выработавшихъ докладъ; некому поддержать интересы библіотеки; некому представить нужды ея въ надлежащемъ свѣтѣ, и потому удовлетворяются онѣ въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Довольно и того, что у совѣта хватило терпѣнія прослушать длинный докладъ. И нарастаютъ съ каждымъ годомъ нужды библіотеки, и остаются безъ удовлетворенія.

Кабинеты, лабораторіи изъ года въ годъ улучшаются, такъ какъ значеніе этихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений ясно каждому; роль библіотеки въ педагогическомъ дѣлѣ игнорируется, и объ улучшеніи ея заботятся очень немного.

И въ этомъ вся бѣда академическихъ библіотекъ; этимъ объясняется и положеніе ихъ персонала, и ихъ недостатки, и скромные размѣры ихъ дѣятельности.

Но, относясь такъ къ библіотекѣ, педагогическій персоналъ забываетъ о студентахъ. И если въ 30-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія педагога могъ печалить фактъ,

что студенты, по выучении лекцій, проводятъ время въ праздности, „не имѣя позволенія и даже возможности пользоваться книгами изъ фундаментальной библіотеки“, ¹⁾ то въ первой четверти 20-го столѣтія въ десять разъ больше долженъ печалить педагога фактъ, что студенты, не имѣющіе часто возможности посѣщать лекціи, не пользуются и библіотекою.

Безъ книги всетаки нельзя обойтись при преподаваніи и въ высшемъ учебномъ заведеніи. Детальное знакомство съ избранною спеціальностью можетъ дать только изученіе трудовъ представителей науки, работавшихъ въ томъ же направленіи. Нужно, значить, дать студенту возможность познакомиться съ ними. Рѣшили поэтому учредить семинаріи и стали затрачивать средства на библіотеки при семинаріяхъ. Но вѣдь это палліативы: семинаріи не могутъ дать студенту всего, что онъ могъ бы найти въ академической библіотекѣ.

Не только въ интересахъ преподаванія, но и въ интересахъ науки нельзя оставлять библіотеки въ ихъ теперешнемъ состояніи. Кто подсчитаетъ тѣ бесполезно потраченные часы, которые приходилось начинающему ученому провести въ библіотекѣ въ поискахъ нужной книги, которая несомнѣнно находится въ ней, но предательски скрывается, или выдана изъ нея безъ указанія, кому именно? Библіотекарямъ часто приходится видѣть, какъ дорога извѣстная книга ученому, защищающему диссертацию. Чего бы, кажется, ни далъ за книгу ученый изслѣдователь, стоящій на порогѣ открытія и задерживаемый только недостаткомъ свѣдѣній о томъ, что сдѣлано въ той же области науки, которая интересуетъ его, современными учеными!..

Библіотека не должна быть книжнымъ кладбищемъ, и до тѣхъ поръ, пока на ней будетъ такой ярлыкъ, грѣхъ за это будетъ лежать на совѣсти педагогическаго персонала учебныхъ заведеній, грѣхъ тѣмъ болѣе тя-

¹⁾ Багалъй. Опытъ исторіи Харьк. унив. Т. II стр. 421.

желый, что, съ учрежденіемъ постоянныхъ библиотечныхъ комиссій, часть педагогическаго персонала постоянно ознакомлена съ состояніемъ библиотеки.

Профессорскій персоналъ не можетъ помочь библиотекамъ. Фактовъ, доказывающихъ это, сколько угодно. Можно указать, напр., такіе: не помогли библиотекъ факультеты Московскаго университета въ составленіи каталога справочныхъ изданій, а эта работа предложена была имъ совѣтомъ еще до перенесенія библиотеки въ новое зданіе; не имѣли возможности профессора Казанскаго университета помочь библиотечарю въ составленіи систематическаго каталога, а онъ обращался къ нимъ за этою помощью, и систематическій каталогъ библиотеки составляетъ, по словамъ проф. Н. Заголкина, „неотложную потребность“ университета.

Если же педагогическому персоналу некогда заниматься библиотечными работами, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, дать опытныхъ работниковъ библиотечарю, дать ему возможность пополнить дефекты въ библиотекахъ и открыть ихъ для широкаго пользованія, признать важное значеніе состоянія академическихъ библиотекъ для успѣха научной и педагогической работы и необходимость присутствія библиотечаря въ совѣтахъ учебныхъ заведеній.

К. Рубинскій.

Доклады, прочитанные на публичныхъ общихъ собраніяхъ.

Положеніе библіотечнаго дѣла въ Россіи и другихъ государствахъ.

Докладъ бібліотекаря Имп. Харьковскаго Университета К. И. Рубинскаго. (Прочитанъ въ 1-мъ публичномъ собраніи 1-го іюня 1911 г.).

Богатство и силу народа составляетъ сумма тѣхъ знаній, которыми располагаетъ онъ—эта истина, давно уже провозглашенная, вызвала заботы о распространеніи просвѣщенія и знаній въ каждой странѣ. Библіотеки являются самымъ удобнымъ средствомъ для этого. Собрать полезныя книги и сдѣлать пользованіе ими доступнымъ для всего грамотнаго населенія—что можетъ быть проще этого? А между тѣмъ до середины прошлаго столѣтія мысль эта не находила для себя широкаго примѣненія. Библіотека служила лишь для храненія книгъ; къ ней обращались преимущественно ученые педагоги, и школа была единственнымъ средствомъ для предоставленія знаній тѣмъ лицамъ, которыя имѣли доступъ къ ней.

Но школа можетъ вмѣстить ограниченное число избранныхъ въ своихъ стѣнахъ и можетъ дать ограниченныя знанія; большею частью она даетъ лишь дисциплину уму, стремленіе и способность къ приобрѣтенію знаній, которыя ея питомецъ можетъ приобрѣтать въ послѣдствіи самостоятельно и которыя скорѣе всего можетъ дать ему книга.

Чтобы усилія школы не пропадали безслѣдно, необходимо, чтобы та жажда знанія, которую старается развить она, находила себѣ пищу. Этого можно достигнуть при помощи библіотекъ. Библіотека дополняетъ и завершаетъ работу школы.

Вотъ почему забота о библіотекахъ съ середины прошлаго столѣтія становится одною изъ самыхъ серьезныхъ во всѣхъ государствахъ, и служеніе библіотечному дѣлу является одною изъ важныхъ общественныхъ обязанностей. Библіотека сдѣлалась поэтому предметомъ серьезнаго изученія въ З. Европѣ, какъ важный факторъ прогресса. Благопріятныя условія общественной жизни на Западѣ способствовали возникновенію коллективной работы библіотекарей, направленной на усовершенствованіе библіотечнаго дѣла. Создались общества ихъ въ С.-Штатахъ, Англіи, Швейцаріи, Австріи, Германіи, Франціи. Периодическія засѣданія этихъ обществъ, съ одной сто-

ропы, помогали разрешенію сложныхъ библиотечныхъ вопросовъ, съ другой—укрѣпляли энергію библиотекарей, выясняли предѣлы ихъ дѣли, къ которымъ они должны стремиться. Еще болѣе содѣйствовали этому періодическіе съѣзды библиотекъ, особенно международные съѣзды, и разработка библиотечныхъ вопросовъ какъ въ специальныхъ органахъ, посвященныхъ библиотечному дѣлу, такъ и въ общей періодической печати. Все это способствовало развитію науки библиотекостроенія и совершенному измѣненію взгляда какъ самихъ библиотекъ, такъ и общества, на библиотеку.

Библиотека не должна быть складомъ книгъ; она должна служить не только для развитія науки, но и для популяризаціи ея. Библиотекарь не только содѣйствуетъ ученому, облегчая ему знакомство съ тѣмъ, что сдѣлано уже въ наукѣ его предшественниками, но и продолжаетъ работу педагога, помогая людямъ, стремящимся къ образованію, приобретать всевозможныя знанія. Въ рукахъ опытнаго библиотекаря библиотека является неисчерпаемымъ источникомъ знанія. Постепенно выработался у библиотекъ высокій идеалъ служенія обществу и сложилось убѣжденіе, что осуществленіе этого идеала возможно только тогда, когда библиотека будетъ представлять стройный механизмъ. Надо стремиться поставить библиотеку на должную высоту, и этого можно достигнуть, когда въ библиотекѣ не будутъ неопытныхъ работниковъ, которые такъ же вредятъ дѣлу самообразованія, какъ неопытные педагоги вредятъ дѣлу школы. Къ библиотечному дѣлу надо готовиться такъ же, какъ и къ преподавательской дѣятельности. Таковъ взглядъ европейскаго библиотекаря.

Условия русской жизни не давали простора коллективной дѣятельности русскихъ библиотекъ. Предоставленный самому себѣ, незнакомый съ постановкою дѣла въ другихъ библиотекъ, лишенный совѣта и указанія своихъ коллегъ, русскій библиотекарь долженъ былъ самостоятельно разрѣшать всякія затрудненія, вступавшія въ его практикѣ. Опытъ, приобретаемый имъ, не приносилъ пользы другимъ библиотекарямъ и не содѣйствовалъ развитію библиотечнаго дѣла въ Россіи. Незнакомый съ современными успѣхами его въ З. Европѣ, знающій только по наслышкѣ о существованіи науки библиотекостроенія, русскій библиотекарь поневолѣ былъ консерваторомъ, и вѣрность традиціи была отличительною чертою его дѣятельности. Никакихъ идеаловъ не рисовалъ онъ себѣ. Долголѣтняя опытность открывала ему глаза на недостатки въ постановкѣ всего дѣла, но онъ мирился съ ними, признавая ихъ неустранимымъ и неизбежнымъ зломъ.

Всего замѣтнѣе такое положеніе дѣла отражалось на академическихъ библиотекъ. Библиотекарь русской академической библиотеки въ официальныхъ бумагахъ значился чиновникомъ, и русское общество не допускало и мысли, что этому чиновнику пужно больше знаній, чѣмъ другимъ, которымъ поручено храненіе казеннаго имущества. Какъ сто лѣтъ назадъ для занятія библиотечной должности не требовалось въ Россіи никакихъ знаній кромѣ высшаго образованія, такъ не требуется и теперь. И, нисколько не задумываясь, люди, совершенно несвѣдущіе въ вопросахъ библиотечной техники, принимались за управленіе академическими библиотекъ, въ которыхъ собраны книги по всѣмъ отраслямъ знанія, на всевозможныхъ языкахъ. Это, разумѣется, клало свою печать на всю даль-

нѣйшую судьбу этихъ библіотекъ, получившихъ неправильную организацію, и въполѣдствіи, вмѣсто того, чтобы быть живымъ разсадникомъ знанія, идущимъ на встрѣчу всякому запросу его, русскія академическія библіотеки пріобрѣли характеръ мертвой неподвижности. Онѣ собрали большія книжныя богатства, но эти богатства были не впрокъ, такъ какъ подчасъ нельзя было узнать, что заключается въ нихъ, и есть ли въ нихъ то, что вамъ нужно.

Отчеты учебныхъ заведеній показываютъ, что академическими библіотеками мало пользовались даже профессора, которые, очевидно, предпочитали имѣть собственныя библіотеки; но еще меньше пользовались ими студенты, а исторія библіотекъ говоритъ намъ, что онѣ не могли удовлетворять и тѣмъ скромнымъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявлялись. На протяженіи почти всего времени существованія университетскихъ библіотекъ слышались жалобы на неудовлетворительное состояніе ихъ каталоговъ и вообще на безпорядокъ въ нихъ, и все онѣ приводились въ порядокъ.

Причина такого грустнаго состоянія главнаго книжнаго богатства страны заключалась именно въ томъ, что у насъ смотрѣли на академическую библіотеку, какъ на складъ книгъ, существующій для небольшого числа лицъ, занимающихся наукой, главнымъ образомъ для профессоровъ и для тѣхъ немногихъ студентовъ, которые готовятся къ научной дѣятельности.

Назначеніе академической библіотеки у насъ—хранить книги; о какой-нибудь другой роли ея, о ея самостоятельномъ значеніи не только для распріенія научнаго кругозора тѣхъ тысячъ молодыхъ людей, которые приходятъ въ стѣны учебныхъ заведеній, но и для просвѣщенія того края, среди котораго находится библіотека, не заботились, назначеніе библіотеки продолжать и дополнять работу школы совершенно игнорировалось. При существовавшемъ взглядѣ на библіотеку можно было мириться съ ея недостатками, можно было не заботиться о такомъ ея устройствѣ, чтобы она могла широко развивать свою дѣятельность. И дѣйствительно она была совершенно забыта. Вся забота государства объ академическихъ библіотекахъ состояла лишь въ томъ, чтобы было помѣщеніе для библіотеки, были опредѣлены средства на ея пополненіе и на содержаніе небольшого персонала. На составъ этого персонала, на его подготовку не обращалось у насъ никакого вниманія. Хотя для поступленія въ академическія библіотеки и требуется высшее образованіе, но содержаніе какъ штатнымъ служащимъ въ нихъ, такъ и наемнымъ полагается такое незначительное, что человѣкъ съ высшимъ образованіемъ не можетъ долго продержаться въ библіотекѣ. Составъ персонала постоянно мѣняется, и каждая перемѣна лишаетъ библіотеку одного изъ работниковъ, уже нѣсколько привыкшихъ къ дѣлу, и вводитъ, вмѣсто него, человѣка несвѣдущаго, котораго надо учить. А скоро ли его научишь? И сколько ошибокъ внесетъ онъ прежде, чѣмъ научится. Эти ошибки мѣшаютъ пользованію библіотекъ, портятъ ея каталоги.

Состояніе академическихъ библіотекъ не могло оставаться незамѣченнымъ, но, при существовавшемъ неизмѣнно взглядѣ на библіотеку, какъ на складъ книгъ, этому не придавали большого значенія и принимались палліативныя мѣры. Сдѣлана была, напримѣръ, попытка улучшить состояніе библіотекъ, поручивъ ихъ библіотечнымъ комиссіямъ, составленнымъ изъ профессоровъ, но попытка

эта не принесла ожидаемых результатов, так как профессорам совсем не имѣютъ времени для занятій библиотечнымъ дѣломъ, и это дѣло продолжаетъ оставаться въ рукахъ неопытныхъ работниковъ.

Положеніе дѣла въ русскихъ академическихъ библиотекахъ оставляетъ желать очень многого. Нѣкоторые отдѣлы библиотекъ отличаются большою неполнотою; описи и каталоги содержатъ неточности, мѣшающія пользованію библиотеками; библиотеки нуждаются и въ средствахъ для пополненія, и въ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ, и въ пополненіи ихъ рядовъ людьми, знающими дѣло, и въ увеличеніи персонала, а нѣкоторыя и въ помѣщеніи. И даже лучшая изъ нихъ, библиотека Академіи Наукъ, въслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, должна запаковывать свои книги въ ящики и отправлять въ амбары на храненіе, до болѣе счастливаго времени и должна отказывать читателямъ, такъ какъ можетъ принимать у себя лишь ограниченное число; она должна откладывать описаніе книгъ, составленіе каталоговъ и регистрацію читателей за недостаткомъ служащихъ и заканчиваетъ свой отчетъ за 1910 годъ надеждою, что скромныя требованія ея проекта встрѣтятъ благопріятный пріемъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Такое положеніе академическихъ библиотекъ у насъ не можетъ быть названо нормальнымъ при развивающемся стремленіи общества къ образованію. Ихъ состояніе является препятствіемъ и этому развитію образованія, и развитію науки, и дѣлу преподаванія. Но въ академическія библиотеки—жизненный нервъ учебныхъ заведеній и заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе, чтобы насущныя нужды ихъ были удовлетворены, чтобы персоналъ ихъ стоялъ на высотѣ своего призванія и былъ способенъ довести ихъ механизмы до возможнаго совершенства. Это будетъ достигнуто тогда, когда положеніе его будетъ приравнено къ положенію преподавателей, съ которыми его соединяетъ одинаковое образованіе и служеніе одному и тому же дѣлу.

Академическія библиотеки въ В. Европѣ обратили на себя вниманіе съ середины прошлаго столѣтія, когда новое направленіе приняла наука и начался быстрый расцвѣтъ ея. Онѣ увидѣли въ своихъ стѣнахъ такое большое число работниковъ, какого прежде не бывало. Потребовалось измѣненіе механизма научныхъ библиотекъ, объ этомъ заговорили въ законодательныхъ учрежденіяхъ, напр., рейхстагъ (1874 г.), и европейское общество пришло къ мысли, что такое важное для науки, преподаванія и самообразованія дѣло, какъ библиотека, можетъ быть поставлено на прочныхъ основаніяхъ только тогда, когда лица, желающія служить въ библиотекахъ, будутъ предварительно изучать дѣло. Въ Германіи, Австріи, Франціи стали давать имъ специальную подготовку въ университетахъ, въ археологическихъ институтахъ, въ С. Штатахъ учреждены специальные библиотечныя школы, въ которыхъ они три года изучаютъ технику дѣла и библиографію. Въ Европѣ практическая подготовка дается имъ въ библиотекахъ. Свои знанія они могутъ расширять, посѣщая библиотечныя выставки, музеи, слушая лекціи по библиотечному дѣлу. Такія лекціи читались библиотекарямъ даже въ Японіи въ 1903 году. Лица, желающія служить въ библиотекахъ, подвергаются предварительному испытанію. Это требованіе соблюдается въ Пруссіи, Австріи, Франціи, Бельгіи, Италіи и С.-А. С. Штатахъ.

Благодаря этимъ реформамъ, персоналъ научныхъ библиотекъ постепенно замѣнился людьми знающими и опытными. Къ голосу ихъ правительство стало прислушиваться.

Въ Германіи при всякой реформѣ библиотекъ при министерствѣ нар. просвѣщенія составлялись коммисіи изъ библиотечарей; съ 1907 года существуетъ постоянная коммисія, состоящая изъ библиотечаря Королевской библиотеки и 4 лицъ, назначаемыхъ министромъ; во Франціи съ 1879 г. существуетъ la Commission centrale des bibliothèques universitaires, въ 1909 г. учреждена при министерствѣ Commission supérieure des bibliothèques; въ С.-А. Соедин. Штатахъ изъ библиотечарей образованы государственныя библиотечныя коммисіи, которымъ поручено наблюдать за развитіемъ библиотечнаго дѣла.

Развитіе дѣла въ научныхъ библиотекахъ составляетъ на Западѣ важный государственный вопросъ. Французское министерство народнаго просвѣщенія рассматривало вопросъ о матеріальномъ положеніи служащихъ въ библиотекахъ ¹⁾; рейхстагъ въ 1894 г. рассматривалъ вопросъ объ общемъ каталогѣ научныхъ библиотекъ Германіи, дать необходимое ассигнованіе въ 300.000 мар., и въ настоящее время въ научныхъ библиотекахъ этой страны находится такой каталогъ, что въ любой изъ нихъ вы можете узнать, въ какой изъ библиотекъ находится нужная вамъ книга, и эта книга доставляется въ ту библиотеку, гдѣ она затребована. Считаю очень важнымъ состояніе каталога въ научныхъ библиотекахъ, германское министерство нар. просвѣщенія выработало специальную инструкцію для составленія его; эта инструкція недавно вновь переработана. Во Франціи мин. народ. просв. обращено вниманіе на пополненіе научныхъ библиотекъ; въ Австріи цѣлая серія циркуляровъ регулируетъ обменъ дублетами между библиотеками. Въ Италіи съ 1886 г. мин. нар. просв. внимательно слѣдитъ за развитіемъ академическихъ библиотекъ.

Однимъ словомъ, цѣлый рядъ государственныхъ заботъ направлень на усовершенствованіе академическихъ библиотекъ, которое стало возможно, благодаря присутствію въ библиотекахъ персонала людей, специально подготовленныхъ къ дѣлу.

Академическія библиотеки на Западѣ перестали быть замкнутыми и недоступными, какими онѣ были въ первой половинѣ 19-го столѣтія; онѣ широко открыли свои двери не только для мѣстнаго населенія, но и для пріѣзжаго иностранца-ученаго.

Не даромъ русскій ученый ѣдетъ за границу, преимущественно въ Германію и Францію, писать свои диссертации—тамъ для него готовъ богатый матеріалъ, а на родинѣ ему трудно закончить свою работу, хотя и здѣсь собраны громадныя книжныя богатства. Спросите любого профессора, и онъ расскажетъ вамъ, сколько мучительнаго труда потратилъ онъ, разыскивая въ русской библиотекѣ литературу для своей первой диссертации. Не говорить ли о состояніи русской академической библиотеки и то, что студентъ не любитъ ходить въ нее, считая это напрасно потраченнымъ временемъ, и предпочитаетъ заниматься въ общественной библиотекѣ.

¹⁾ Въ Германіи съ 1908 г. ихъ содержаніе приравнено къ содержанію преподавателей.

Значеніе и необходимость общественных библиотекъ были признаны въ Европѣ еще со временъ великой французской революціи, которая всѣ книжныя богатства страны объявила народнымъ достояніемъ. Двери библиотекъ должны быть открыты для всего народа, и чѣмъ шире ихъ дѣятельность, тѣмъ больше удовлетворяютъ онъ своему назначенію—таковъ идеаль современнои библиотеки, и если провозглашеніе его въ концѣ 18 столѣтія было выраженіемъ охватившаго народъ чувства братства, то въ концѣ 19 столѣтія онъ подсказывался уже соображеніями государственной мудрости и экономическаго разсчета.

Но онъ осуществлялся въ различныхъ государствахъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ развивалось общественное сознание и представленіе о прогрессѣ страны сливалось съ мыслію о зависимости его отъ развитія въ ней просвѣщенія.

Франція, первая поставившая на своихъ библиотекахъ новый девизъ, первая должна была пойти по новому пути. И, дѣйствительно, кромѣ учрежденія большой государственной библиотеки, которая получила названіе Національной, одновременно появились библиотеки, открытыя для общаго пользованія и въ самомъ Парижѣ, и въ провинціальныхъ городахъ. Государство взяло на себя заботу о нихъ, сосредоточивъ наблюденіе за общественными библиотеками въ 3-мъ департаментѣ министерства нар. просвѣщенія; ближайшая работа о провинціальныхъ библиотекахъ поручена была мѣстнымъ библиотечнымъ совѣтамъ, съ мѣромъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Учрежденная при министерствѣ *Commission des bibliothèques communales* даетъ имъ свои указанія и слѣдитъ за ихъ развитіемъ.

Государства Европы одно за другимъ стали основывать въ столицахъ и открывать для общаго пользованія большія государственныя книгохранилища; въ большихъ городахъ появились городскія общественныя библиотеки; открытъ былъ доступъ для всѣхъ занимающихся наукой и въ академическія библиотеки. Европа покрылась цѣлою сѣтью общедоступныхъ библиотекъ, располагающихъ опредѣленнымъ бюджетомъ, персоналомъ хорошо подготовленныхъ служащихъ и устройствомъ, отвѣчающимъ современнымъ успѣхамъ библиотечнаго дѣла. Но увеличеніе числа такихъ библиотекъ и развитіе ихъ дѣятельности, разумѣется, находится въ зависимости отъ ограниченности бюджета.

Вопросъ о расширеніи бюджета пропорціонально развитію потребности въ книгѣ среди населенія удачно разрѣшенъ въ Англіи и С.-А. С. Штатахъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія положеніе общественныхъ библиотекъ въ Англіи было хуже, чѣмъ на континентѣ Европы. Въ 1851 г. вниманіе парламента было обращено на это, и въ результатъ явился законъ, по которому жители каждаго опредѣленнаго района получили право облагать себя налогомъ для устройства и содержанія библиотекъ; налогъ этотъ не долженъ превышать одного пенни (4 коп.) съ каждаго фунта стерлинговъ, уплачиваемаго съ подвижимаго имущества.

Одновременно съ этимъ и въ Соед. Штатахъ, сначала въ Бостонѣ, Массачусетсѣ, а потомъ и въ другихъ, принятъ былъ однородный законъ.

Установленіемъ этихъ законовъ все населеніе страны призывается къ устройству и поддержкѣ общественныхъ библиотекъ, существованіе которыхъ было признано необходимымъ и который были свободны отъ всякихъ стѣсненій и доступны для всего населенія.

Благодаря этимъ законамъ, число общественныхъ библиотекъ въ обѣихъ странахъ выросло изумительно быстро. Въ С. Штатахъ въ 1859 г. было уже 1.297 библиотекъ съ 4 милліонами книгъ, въ 1885 г.—2.988 библиотекъ съ 20 мил., въ 1900—5.383 библиотекъ съ 46 мил. книгъ, въ 1907—5.640 библиотекъ съ 62 мил. кн. Библиотекарямъ и библиотечнымъ обществамъ удалось привлечь къ этому дѣлу вниманіе милліонеровъ. Въ той и другой странѣ посыпались милліоны на учрежденіе библиотекъ съ тѣмъ, чтобы населеніе въ послѣдствіи поддерживало ихъ. Больше всего для Англіи и С. Штатовъ сдѣлалъ шотландецъ Карнеги, основавшій около 1800 библиотекъ и употребившій на это болѣе ста милліоновъ своего состоянія. Американцы и англичане отлично поняли, что библиотеки представляютъ новую социальную силу, которая должна вести страну все къ большему и большему прогрессу. Въ обѣихъ странахъ для общественныхъ библиотекъ выстроены роскошныя зданія, напоминающія собою дворцы. Библиотеки построены по планамъ, выработаннымъ библиотекарями, и при томъ такъ, чтобы читатель находилъ въ нихъ возможный комфортъ. И стоитъ посмотрѣть, сколько заботливости, сколько предусмотрительности потрачено на то, чтобы читатель не напрасно приходилъ въ библиотеку; всевозможные библиографическіе указатели, множество справочныхъ изданій, словарей къ его услугамъ въ каждой библиотекѣ. Библиотечная техника разработана такъ, какъ этого только можно желать. Въ Чикаго черезъ 3—4 минуты послѣ заявленія требованія вы получаете книгу изъ общественной библиотеки, которая выдаетъ въ день 10.000 книгъ. Изъ библиотеки конгресса книги доставляются для справокъ въ различныя вѣдомства по электрическому туннелю въ 2—3 минуты на разстояніи 40 метровъ. Вамъ нужна книга, которой нѣтъ въ библиотекѣ; вамъ достанутъ ее и привезутъ. Каждая библиотека имѣетъ множество отдѣленій, напр. Бостонская—10 отдѣленій и 191 пунктъ для выдачи, Нью-Йоркская—40 отдѣленій и 400 пунктовъ.

Въ Америкѣ книга ищетъ читателя. Не только въ садахъ для гулянія, въ паркахъ, кіоскахъ, на вокзалахъ найдете вы книги, посылаемые туда и выдаваемые для чтенія бесплатно, но и на плоскихъ крышахъ домовъ, куда поднимаются квартиранты подышать свѣжимъ воздухомъ.

Насъ удивляетъ культурный ростъ С. Штатовъ, экономическій прогрессъ этой страны. Намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ея библиотеки. Благодаря имъ, все, что выходитъ новаго въ области науки, техники, торговли, промышленности, хозяйства—все немедленно становится извѣстнымъ всемъ и каждому. Могутъ ли школы сѣять столько знанія, разливать столько свѣта?

И какъ широка дѣятельность американскихъ библиотекъ—вамъ скажутъ изумительныя цифры. Въ 1.261 библиотекѣ, приславшихъ свои отчеты, было 5 милліоновъ читателей и выдано 75 мил. книгъ, дѣтямъ выдано 17 мил. Книги не лежатъ на мѣстѣ годами, не покрываются толстымъ слоемъ пыли, а для того только и поступаютъ.

въ библиотеку, чтобы немедленно перейти къ читателю, и число выдаваемыхъ книгъ въ нѣсколько разъ превышаетъ инвентарь библиотекъ. Нью-Йоркская публичная библиотека, заключающая въ себѣ 858.000 книгъ, выдаетъ ихъ 5.400.000. Въ Бостонской выдается на домъ 1,5 мил. и для чтенія въ библиотекѣ 3 милліона книгъ.

Такая широкая просвѣтительная дѣятельность этихъ учреждений можетъ увлекать библиотекарей и дѣйствительно увлекаетъ. Они стали стремиться къ большему: они превратили свои библиотеки въ школы: въ библиотекахъ обыкновенно есть аудиторіи, и въ нихъ читаются лекціи, чтобы заинтересовать публику тѣмъ или инымъ вопросомъ, а затѣмъ къ ея услугамъ и книги въ сосѣдней комнатѣ.

Для развитія общественныхъ библиотекъ нужны средства и знанія. Американцы и англичане дали своимъ библиотекамъ и то и другое: ихъ библиотеки не нуждаются ни въ средствахъ, ни въ опытныхъ, полныхъ энергіи работниковъ, которые являются въ библиотеки, изучивши дѣло въ специальныхъ школахъ, вынеши изъ этихъ школъ горячее желаніе служить дѣлу просвѣщенія, идти навстрѣчу читателю. У нихъ есть для этого всѣ данныя: они умѣютъ и разумно подобрать книги, и классифицировать книги, и обставить справочный отдѣлъ, дать читателю прекрасные каталоги, и образцово поставить административную часть. Ихъ энергія не ослабѣваетъ съ годами: ее поддерживаютъ и сѣзды библиотекарей, и постоянная работа въ ассоціаціяхъ.

Далеко до этого нашего общественнымъ библиотекамъ.

Еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія явилась у насъ мысль учредить ихъ. Поддержанная въ правительственныхъ кругахъ эта мысль тогда же начала осуществляться: онѣ были открыты при участіи губернаторовъ въ нѣсколькихъ городскихъ, но не встрѣтили сочувствія со стороны общества, не видѣли и поддержки правительства: не было для этихъ библиотекъ ни помѣщеній, ни каталоговъ, ни библиотекарей, не было даже и читателей, судя по отчетамъ чиновниковъ губернскаго правленія, которые писали, что не представлялось желающихъ того. Библиотеки эти не могли существовать и прекратили существованіе или слились съ другими библиотеками.

Реформы шестидесятыхъ годовъ, давшія толчокъ общественной мысли, вызвали интересъ къ общественнымъ библиотекамъ. Возникли сначала платныя общественныя библиотеки, основанныя частными лицами, а потомъ и общественныя библиотеки, которымъ города и земства давали субсидіи.

Лучшія общественныя силы принимаютъ участіе въ ихъ основаніи, они горячо отдаются этому дѣлу, которое, можно сказать, было пробнымъ камнемъ общественныхъ силъ, пробудившихся и нашедшихъ первое живое дѣло. Самое трудное въ этомъ дѣлѣ было собрать необходимыя средства. И какія тяжелыя времена пережили наши общественныя библиотеки прежде, чѣмъ ихъ удалось поставить на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ, показываетъ исторія Любой общественной библиотеки, напр., Харьковской. Цѣлыхъ 15 лѣтъ со времени своего учрежденія она ютилась въ наемныхъ помѣщеніяхъ, представлявшихъ всевозможныя неудобства; она познакомилась и съ сыростью и съ темнотою; ея посѣтителемъ приходилось

взбираться на 3-й этаж по крутой лестницѣ и съ трудомъ находить себѣ мѣсто въ читальномъ залѣ, гдѣ на одномъ стулѣ сидѣло по два человѣка. И только усиленный сборъ пожертвованій и исходятайствованная субсидія отъ правительства дали ей возможность обзавестись собственнымъ помѣщеніемъ. Наши общественныя бібліотеки выросли быстро. Но этимъ ростомъ онѣ обязаны случайнымъ пожертвованіямъ, а не систематическому пополненію, на которое у нихъ далеко не хватаетъ средствъ.

Нѣтъ у нихъ средствъ и для содержанія достаточнаго числа постоянныхъ работниковъ, и значительная часть работъ исполняется въ нихъ даровымъ трудомъ. Ни о какой предварительной подготовкѣ служащихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

На выполненіи работъ отражаются слѣды тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ составѣ служащихъ.

Каждая бібліотека живетъ своею жизнью, и между бібліотеками нѣтъ никакой связи.

Статья пожертвованій играетъ существенную роль въ бюджетѣ каждой бібліотеки, и недоборъ по этой статьѣ грозитъ дефицитомъ.

Нѣтъ органа, который заботился бы объ этихъ бібліотекахъ, помогалъ имъ своими указаніями и средствами. И единственный надзоръ за ними заключается не въ томъ, чтобы содѣйствовать ихъ развитію, а въ томъ, чтобы не допускать обращенія въ бібліотекахъ книгъ, не дозволенныхъ цензурою. Бібліотеки хорошо знакомы съ этимъ надзоромъ. Когда существовала цензура, онѣ всегда поручались вмѣстѣ съ нею одному министерству. Въ 1890 г. имъ сообщенъ былъ списокъ книгъ, которыя не разрѣшалось выдавать, но которыя продавались въ магазинахъ.

Теперь онѣ зорко должны слѣдить за тѣмъ, чтобы книга, навлекшая судебную кару, не проникла въ ихъ каталоги, подъ опасеніемъ административной кары. Однимъ словомъ, можно сказать, что въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ бібліотека въ Америкѣ и Англіи, наши общественныя бібліотеки являются лишь жалкимъ подражаніемъ, и ихъ существованіе свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ запасѣ энергіи и силъ представителей нашего интеллигентнаго общества, во что бы то ни стало поддерживающихъ свое дѣло.

Даже такія солидныя учрежденія, какъ бібліотека Румянцевскаго Музея, страдають отъ отсутствія средствъ и, вмѣсто того, чтобы расширять свою дѣятельность, должны отказывать читателямъ за недостаткомъ мѣста, и они часами ждутъ очереди, чтобы проникнуть въ бібліотеку.

Чтобы поддержать свое существованіе, наши общественныя бібліотеки должны брать плату съ подписчиковъ. Прочтите отчеты бібліотекъ, и вы узнаете, что подписчики часто прекращають абонементъ, потому что у нихъ не хватаетъ средствъ продолжать его, а многіе и совсѣмъ не абонируются по той же причинѣ.

Такимъ образомъ, наши общественныя бібліотеки существуютъ только для состоятельныхъ классовъ. Найти средства для развитія дѣятельности этихъ бібліотекъ, дать имъ персоналъ знающихъ работниковъ, возможность ввести у себя самую совершенную организацию и какъ можно больше расширить сферу своего вліянія—вотъ задачи, которыя ждутъ рѣшенія.

Еще болѣе неблагоприятныя условія сложились у насъ для народной библиотеки.

Въ городахъ народныя библиотеки-читальни имѣютъ по крайней мѣрѣ то преимущество передъ сельскими, что дѣятельность ихъ стоитъ на виду. Интеллигентные слои населенія заинтересованы въ ихъ развитіи. Много такихъ библиотекъ, основанныхъ обществами трезвости, существуетъ при чайныхъ; другія учреждены обществами грамотности, получаютъ субсидію отъ городовъ. Но даже Петербургскія народныя библиотеки не могутъ похвалиться своими порядками, и это отражается на ихъ дѣятельности: всѣ онѣ вмѣстѣ выдаютъ въ теченіе года 224.000 книгъ, тогда какъ въ столицахъ Европы число выданныхъ книгъ достигаетъ отъ 2 до 5 миллионѣвъ.

Статистика, съ прекрасной разработкой которой въ нѣкоторыхъ изъ этихъ библиотекъ вы могли бы, напримѣръ, познакомиться на выставкѣ общества грамотности въ Харьковѣ, и ежегодные отчеты этого общества покажутъ вамъ, въ чемъ тутъ дѣло. Многія изъ этихъ библиотекъ съ трудомъ могутъ развивать свою дѣятельность, вслѣдствіе ограниченности средствъ. Средства эти надо добыть публичными лекціями, вечерами, туманнымъ картинамъ; исполнѣ опредѣленную статью представляетъ только небольшая субсидія отъ города. Все дѣло зависитъ отъ энергій тѣхъ лицъ, которыя трудятся въ библиотекахъ, и эта энергія, главнымъ образомъ, направлена на добываніе средствъ. Народныхъ библиотекъ-читальнѣ въ городахъ немного, и онѣ охватываютъ большіе районы, что также отзывается на дѣятельности библиотекъ: жители частей города, удаленныхъ отъ нея, рѣдко могутъ придти за книгой. Библиотечная техника, подборъ книгъ и составленіе каталоговъ для читателя—все это дѣло совершенно незнакомое лицамъ, завѣдующимъ библиотеками, и они въ каждой библиотекѣ самостоятельно приходятъ къ болѣе или менѣе удачному рѣшенію вопросовъ, что отражается на дѣятельности библиотекъ.

Но еще болѣе жалкія условія сложились у насъ для народной библиотеки въ деревнѣ.

Русскій крестьянинъ и библиотека, русская деревня и книга—какія это трудно соединимыя понятія до сихъ поръ! Русскій крестьянинъ и винная лавка, русская деревня и пьянство—вотъ понятія, къ сочетанію которыхъ мы привыкли, которыя воскрешаютъ въ нашей памяти хорошо знакомыя картины. Водка—неотъемлемый атрибутъ русской деревни, книга и чтеніе до сихъ поръ представляютъ необычное явленіе въ ней. Винную лавку вы легко найдете въ деревнѣ: около нея всегда толпится народъ, а попробуйте-ка поискать библиотеку; едва ли найдете, даже если она есть. Рѣдко она имѣетъ самостоятельное помѣщеніе. Небольшая комнатка при школѣ и даже корридоръ, раздѣвальня, разумѣется, самое приличное помѣщеніе для нея; но только для храненія библиотекъ, а не для пользованія ею: вѣдь въ школѣ во время занятій нельзя получить книги; но бываютъ и еще менѣе удобныя помѣщенія, напримѣръ, въ чайной, гдѣ постоянная толчея. Можно, впрочемъ, сказать, что и это еще ничего. А не угодно ли вамъ пожаловать за книгой въ волостное правленіе, гдѣ вы найдете библиотеку въ корридорѣ или даже въ комнатѣ, которая обыкновенно служитъ арестантской, или не угодно ли вамъ отправиться за нею въ комнату на колокольнѣ.

Судя по убогому помѣщенію, какое занимает народная библиотека, можно напередъ сказать, что не великъ долженъ быть и ея инвентарь. Изъ библиотекъ, отвѣтившихъ на анкету Общества библиотеконѣднія, только 23%, оказалось, имѣютъ больше 1.000 книжекъ, 40% имѣютъ менѣе 400. Это совершенно понятно. Русскія народныя библиотеки возникли недавно. До девяностыхъ годовъ народная школа была единственнымъ средствомъ для просвѣщенія деревни, но школа немного могла сдѣлать на необъятныхъ пространствахъ Россіи; поневолѣ пришлось подумать земствамъ о другихъ средствахъ; учредить библиотеки и послать въ нихъ хоть небольшое число книгъ оказалось самымъ подходящимъ. Начинали земства съ небольшихъ комплектовъ, наприм., Вятское земство посылало комплекты въ 90 книжекъ, стоимость которыхъ составляла всего 5 р. Нѣкоторые земства, напримѣръ, Костромское и Новгородское, не находили возможнымъ заводить постоянныя библиотеки въ деревняхъ и посылали въ нѣсколько пунктовъ комплекты книгъ различнаго содержанія, и эти комплекты переходили поочередно съ одного пункта на другой.

Работа земствъ шла успѣшнѣе тамъ, гдѣ на помощь имъ приходили комитеты и общества грамотности. Большую пользу земствамъ оказали С.-Петербургскій и Московскій комитеты грамотности.

Но всего усерднѣе работало Харьковское общество грамотности, учрежденный которымъ комитетъ по устройству сельскихъ библиотекъ получалъ отъ земства отъ 11 до 15 тысячъ рублей субсидіи.

Комитетъ этотъ своимъ назначеніемъ имѣлъ—устройство библиотекъ, составленіе каталоговъ, наблюденіе за дѣятельностью библиотекъ; онъ долженъ былъ оказывать имъ помощь, давать практическія указанія, ходатайствовать о допущеніи въ библиотеки полезныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, онъ прекратилъ свое существованіе.

Самое важное для развитія дѣятельности библиотекъ и увеличенія числа ихъ, разумѣется, средства. И потому неоцѣненную услугу земствамъ оказалъ Павленковъ, пожертвовавшій народнымъ библиотекамъ свои изданія подъ условіемъ, чтобы каждому сельскому обществу выдавалось книжекъ на 50 р., если оно съ своей стороны будетъ давать столько же. Но эти пожертвованія, какъ и пожертвованія сибирскаго дѣятеля Макушина, ежегодно вносящаго большія суммы для составленія капитала въ миллионъ рублей, %/% съ котораго назначаются на устройство библиотекъ въ Сибири, представляютъ единичные случаи у насъ. А между тѣмъ, какъ же развиваться народной библиотекѣ безъ средствъ? Они нужны не только для устройства библиотекъ, но и для ихъ пополненія. Бюджеты 63% нашихъ библиотекъ по анкетѣ Общества библиотеконѣднія составляютъ отъ 10 до 100 р., 23% ихъ получаютъ отъ 10 до 50 р. Тутъ все: маленькой суммы должно хватить и на покупку книгъ, и на надзоръ за библиотекой, и на ея оборудованіе, и на жалованье завѣдывающему библиотекой. Не удивительно, что 25% библиотекъ съ 1902 г. не могутъ купить ни одной книги.

Надо принять во вниманіе еще и то, что закономъ 1890 года предписано было выбирать для народныхъ библиотекъ только книги, вошедшія въ списокъ одобренныхъ книгъ, и многія хорошія книги, стоившія дешево, не входили въ этотъ списокъ, указанныя же въ спискѣ хорошія книги стоили дорого.

И надо же кому-нибудь и завѣдывать библиотекой, хотя бы она помѣщалась гдѣ-нибудь въ корридорѣ волостного правленія, въ церковной сторожкѣ, полуразвалившейся школѣ. Но бѣда была именно въ томъ, что трудно было найти охотника взять на себя дѣло завѣдыванія. Очень ответственно оно. Завѣдующій библиотеккою долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ составѣ библиотеки не было книгъ, не разрѣшенныхъ для народныхъ библиотекъ, и нести ответственность за нарушение этого правила.

При такихъ условіяхъ приходилось хвататься за всякаго работника, хотя бы онъ и не отличался интеллигентностью, и народныя библиотеки поручаются не только учителямъ, но и волостнымъ писарямъ и мѣстнымъ крестьянамъ.

Ни о какомъ не только правильномъ, но и сносомъ устройствѣ библиотекъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Самое большее, что можетъ сдѣлать здѣсь библиотекарь—это записать книги въ инвентарь и выдавать ихъ. Гдѣ ужъ тутъ вести какія бы то ни было каталоги и заниматься статистикой.

А между тѣхъ народъ интересуется библиотеками. Павленковское завѣщаніе нашло много охотниковъ между сельскими обществами воспользоваться имъ для устройства библиотекъ.

И посмотрите, какъ читаются книги въ народѣ, гдѣ есть библиотечка. Изъ какой-нибудь маленькой коллекціи, содержащей всего 300 книжекъ, каждая побывала въ теченіе года у восьми читателей, которыхъ около библиотечки группируется отъ 100 до 500 человѣкъ.

Народныя библиотеки пошли бы у насъ хорошо. Нужны только средства, нужна правильная организація, нужны знающіе и опытные работники, постоянная забота о библиотекахъ.

Московское уѣздное земство пришло къ мысли о необходимости коллективнаго управленія библиотеками, о необходимости: 1) учрежденія библиотечныхъ обществъ, съ участіемъ въ нихъ мѣстнаго населенія; 2) тамъ, гдѣ это невозможно, учредить библиотечные совѣты изъ гласныхъ, земскихъ служащихъ и мѣстныхъ жителей по приглашенію; гдѣ и этого нельзя сдѣлать, тамъ 3) поручить библиотеки педагогическому персоналу школы или даже всеѣмъ учащимъ извѣстнаго района.

Благодаря совмѣстнымъ усиліямъ земствъ и обществъ грамотности, число народныхъ библиотекъ у насъ росло: въ 1892 г. ихъ было только 138, въ 1893 г. число ихъ достигло уже 3.000, въ 1904 г.—4.500, не считая библиотекъ при школахъ.

Но что могутъ сдѣлать эти 4½ тысячи маленькихъ библиотечекъ? И развѣ столько нужно ихъ странѣ, гдѣ школы являются оазисами, гдѣ въ среднемъ одна школа приходится на 400 квадратныхъ верстъ, гдѣ остается безъ образованія 15 милліоновъ дѣтей школьнаго возраста?

Можно сказать, что эти 4½ тысячи маленькихъ библиотечекъ являются жалкимъ результатомъ, достигнутымъ у насъ съ 1890 г. И ясно, что земства безсильны двинуть быстрее это дѣло, въ высшей степени важное для прогресса страны; ясно, что это дѣло ждетъ поддержки государства.

Въ Западной Европѣ давно уже заботятся о народныхъ библиотекахъ. Во Франціи, при министерствѣ народнаго просвѣщенія, существуетъ специальная комиссія для наблюденія за ними.

Въ Германіи обращено вниманіе на подготовку лицъ для завѣдыванія ими. Но въ Европѣ пришлось поучиться тому, что сдѣлано для народной библіотеки въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Правительство С. Штатовъ распространило и на сельскія общества законъ о библіотечномъ налогѣ. Но сельскія общества платятъ меншей налогъ, и потому изъ процентовъ этого налога составляются небольшія суммы, которыми они могутъ располагать. Поэтому Штаты взяли дѣло учрежденія библіотекъ въ свои руки. Дѣло это поручено библіотекарю государственной библіотеки каждаго штата и государственной библіотечной комиссіи. Комиссія руководитъ учрежденіемъ библіотекъ, слѣдитъ за ихъ состояніемъ; для этого учреждены должности инспекторовъ. Они посѣщаютъ библіотеки извѣстнаго района, подають совѣты и указанія; въ тѣхъ общинахъ, гдѣ нѣтъ библіотекъ, убеждаютъ населеніе открыть ихъ. Бѣдныя общины получаютъ отъ государственныхъ библіотекъ помощь и деньгами, и книгами.

Штатъ Калифорнія ввелъ у себя кооперативную систему библіотекъ.

Все населеніе графствъ содержитъ здѣсь центральную библіотеку и имѣетъ въ различныхъ мѣстахъ библіотечныя станціи для выдачи книгъ. Къ этимъ станціямъ затребованныя книги подвозятся на автомобиляхъ, которые могутъ привезти вамъ книгу къ дверямъ самаго дома. Это избавляетъ отъ необходимости держать въ каждой библіотекѣ большое число такихъ же книгъ, какія уже имѣются въ другой. Разумѣется, во всѣхъ библіотекахъ имѣются каталоги; они составлены лигой библіотечныхъ комиссій, имѣющей цѣлью выработать однообразные приемы въ дѣлѣ устройства библіотекъ. Ея собранія обсуждаютъ вопросы о выборѣ лучшихъ книгъ, о системѣ выдачи, о подготовкѣ библіотекарей, о помѣщеніи, обстановкѣ и содержаніи библіотекъ; не довольствуясь существующими школами, она учреждаетъ курсы по библіотечному дѣлу. Выстъ съ библіотечными обществами, она составляетъ списки лучшихъ книгъ, особенно для дѣтскаго чтенія.

Многіе штаты не ограничиваются учрежденіемъ постоянныхъ и передвижныхъ библіотекъ, но прибѣгли еще къ системѣ странствующихъ библіотекъ.

Тщательно подобранные въ государственной библіотекѣ комплекты книгъ посылаются въ мѣста, не имѣющія постоянныхъ библіотекъ, и поручаются тамъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, даже отдѣльнымъ лицамъ. Разсылка часто даровая. При составленіи коллекцій библіотечныя комиссіи руководятся каталогами рекомендованныхъ книгъ и запросами мѣстнаго населенія. Странствующие библіотеки проникаютъ всюду: на фермы, дачныя мѣстности, въ лагеря и особенно на станціи желѣзныхъ дорогъ. Ихъ прибытіе и составъ оповѣщаются въ газетахъ. Въ отдѣльныя мѣстности командировуются библіотекари, которые указываютъ населенію на удобства имѣть у себя такую библіотеку и знакомятъ населеніе съ условіями ея высылки.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ книга становится доступною для населенія самыхъ глухихъ мѣстностей въ штатахъ, и вліяніе, библіотекъ ширится, растетъ.

Для такого государства, какъ Россія, съ ея разбросаннымъ мало-культурнымъ населеніемъ, живущимъ въ невѣжествѣ, бѣдности, грязи, не умѣющимъ использовать естественныхъ богатствъ страны, которыя въ значительной степени перешли уже въ руки иностранныхъ капиталистовъ, не умѣющимъ пользоваться даже землею, на которой ему кажется все тѣснѣе даже тамъ, гдѣ американскій, германскій, французскій крестьянинъ жилъ бы привольно, распространеніе знаній въ народѣ должно быть первою обязанностью нашихъ молодыхъ государственныхъ учрежденій. Объ этомъ сказали имъ всѣ предшествовавшіе нашему съѣзду съѣзды общественныхъ дѣятелей до холернаго съѣзда включительно. Не только измѣнившіеся матеріальныя условія, сдѣлавшіеся тяжелыми для каждого изъ насъ, но и самая безопасность этой жизни, въ случаѣ посѣщенія какой-нибудь непрошенной гостини, вродѣ холеры или чумы, которыя не прочь подолгу гостить у насъ, настоятельно говорить о необходимости самыхъ серьезныхъ, самыхъ спѣшныхъ заботъ о развитіи просвѣщенія въ странѣ. Надо приблизить книгу къ народу. Если въ Америкѣ книга ищетъ читателя, то у насъ это еще нужнѣе. У насъ нуженъ такой же стройный механизмъ библиотечнаго дѣла, какъ завели у себя американцы, у насъ нужна такая же армія знающихъ и опытныхъ людей, которые взяли бы это дѣло въ свои руки, нужна ихъ энергія, ихъ подготовка. И первыя заботы государства должны быть направлены на это дѣло.

По положенію библиотечнаго дѣла Россія далеко отстала не только отъ С. Штатовъ и своихъ европейскихъ сосѣдей, но даже и отъ молодой Японіи, которая за десятилѣтіе, предшествовавшее русско-японской войнѣ, удвоила число своихъ библиотекъ и всю страну покрыла ими, въ которой Импер. публичная библиотека въ Токио, существующая всего 25 лѣтъ, равняется уже третьей части нашей Императорской Публичной Библиотеки, но въ 1½ раза превосходитъ ее по числу своихъ читателей и въ 2 раза числомъ выдаваемыхъ книгъ, а университетская библиотека, существующая съ 1872 г., по числу томовъ, равняется каждой изъ нашихъ самыхъ большихъ университетскихъ библиотекъ, въ 1910 г. имѣла 32.000 чит. и выдавала 127.000 книгъ. Библиотека эта открыта съ 7 час. утра до 10 часовъ вечера ежедневно и по своей дѣятельности не уступаетъ общественнымъ и народнымъ библиотекамъ, устроеннымъ по образцу свободныхъ американскихъ библиотекъ.

58 лѣтъ тому назадъ въ С.-А. С. Штатахъ собрался первый съѣздъ мѣстныхъ библиотечарей. Въ то время библиотечное дѣло въ этой странѣ было далеко не въ блестящемъ состояніи. Оставляя этотъ съѣздъ, американскіе библиотечари вынесли рѣшеніе всѣми мѣрами содѣйствовать развитію его. Они честно служили этой идѣе.

Американскій библиотечарь можетъ гордиться тѣмъ, что его страна стала первой въ мірѣ по развитію библиотечнаго дѣла, которому предстоитъ широкое поле прогресса.

На этомъ съѣздѣ для русскаго библиотечара впервые открывается возможность коллективной работы. Высокая постановка библиотечной техники и серьезная разработка библиотечовѣдѣнія можетъ быть достигнута и нами, но мы не должны забывать, что поставить дѣло на должную высоту намъ удастся только тогда, когда развитіе его и въ глазахъ русскаго общества станетъ такимъ же важнымъ

государственнымъ вопросомъ, какимъ оно является въ другихъ государствахъ, и потому главною задачею этого съезда, безъ сомнѣнія, будетъ привлечь вниманіе государственныхъ учреждений къ вопросу о положеніи библиотечнаго дѣла у насъ, состояніе котораго у насъ тормазитъ развитіе высшаго образованія и науки, задерживаетъ стремленіе общества къ самообразованію, мѣшаетъ широкому распространенію просвѣщенія въ народѣ.

Библиотека имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ школа, и развитіе дѣятельности библиотекъ требуетъ такихъ же заботъ государства, какъ и развитіе школъ.

Библиотечныя комиссіи въ академическихъ библиотекахъ.

Докладъ бібліотекаря Имп. Харьковскаго Университета К. И. Рубинскаго. (Почитанъ на засѣданіи 3-го юня 1911 г.).

Русскія академическія бібліотеки до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія не имѣли постоянныхъ библиотечныхъ комиссій. До этого времени въ нихъ часто работали временныя комиссіи, которыя назначались всякій разъ, когда состояніе бібліотеки заботчивало совѣтъ учебнаго заведенія. Познакомивши совѣтъ съ положеніемъ дѣла, выработавъ и предложивъ ему мѣры, необходимыя для улучшенія бібліотеки, комиссіи прекращали свою дѣятельность. Раньше всего біблиотечная комиссія появилась въ Варшавскомъ университетѣ; она была учреждена тамъ въ 1881 г. Учредить комиссіи въ другихъ университетскихъ бібліотекахъ предписало министерство народнаго просвѣщенія циркуляромъ 1891 г. Въ З. Европѣ такія комиссіи существуютъ давно, но во Франціи онѣ появились только съ 1879 г.

Въ настоящее время біблиотечныя комиссіи во многихъ русскихъ бібліотекахъ имѣютъ очень широкую компетенцію; онѣ приняли на себя самыя разнообразныя функціи съ цѣлью дать надлежащее устройство бібліотекамъ, которыя находятся подъ ихъ наблюденіемъ. Поэтому вопросъ о томъ, могутъ ли онѣ выполнить лежащую на нихъ задачу, имѣетъ важное значеніе для будущаго русскихъ бібліотекъ.

Возникли постоянныя біблиотечныя комиссіи, очевидно, потому, что состояніе академическихъ бібліотекъ, обратило на себя вниманіе. Въѣсть съ быстрымъ ростомъ ихъ инвентаря и увеличеніемъ спроса на книги, оказалось, что то устройство, которое имѣли онѣ, неудовлетворительно: правила бібліотекъ требуютъ переработки, бюджетъ оказывается недостаточнымъ; требуется отъ времени до времени и переработка каталога, и новое размѣщеніе книгъ; вмѣстѣ съ ростомъ бібліотеки и расширеніемъ ея дѣятельности требуется увеличеніе ея персонала и расширеніе ея помѣщенія; однимъ словомъ, нужна постоянная забота о ней, такъ какъ неудовлетворе-

ние этих нужд может повести за собою нарушение правильного хода библиотечного дела, что может отразиться на ходъ научной и преподавательской дѣятельности профессорскаго персонала. Надо своевременно принимать необходимыя мѣры, а между тѣмъ библиотека занимаетъ исключительное положеніе въ ряду другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений: всѣ они имѣютъ своего представителя въ совѣтѣ; библиотекарь въ совѣтѣ не присутствуетъ.

Вотъ почему явилась необходимость учрежденія такого органа, который былъ бы осведомленъ о состояніи академической библиотеки, зналъ о томъ, насколько она удовлетворяетъ цѣлямъ учебнаго заведенія, и доводитъ своевременно до свѣдѣнія совѣта ея нужды.

Такое именно значеніе и получила библиотечная коммиссія въ Германіи въ теченіе долгаго своего существованія.

Въ благоустроенныхъ библиотекахъ Германіи не было никакой надобности коммиссіи вмѣшиваться во внутреннюю жизнь библиотеки; единственною ея задачею было наблюденіе за состояніемъ библиотеки, ознакомленіе съ ея нуждами и забота о цѣлесообразномъ ея пополненіи.

Обязанности, напр., коммиссіи Берлинской университетской библиотеки, состоятъ лишь въ томъ, что она разсматриваетъ отчетъ директора библиотеки и со своими замѣчаніями представляетъ его совѣту; на двухъ очередныхъ засѣданіяхъ, которыя бываютъ въ маѣ и ноябрѣ и на которыхъ директоръ библиотеки присутствуетъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, она разсматриваетъ списки книгъ, предназначенныхъ для приобрѣтенія въ библиотеку и отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которыя, по мнѣнію, этого заслуживаютъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ списки дорогихъ изданій, приобрѣтеніе которыхъ превышаетъ средства библиотеки, и представляетъ эти списки совѣту.

Въ нѣкоторыхъ германскихъ университетскихъ библиотекахъ, напр., Лейпцигской, библиотечная коммиссія докладываетъ непосредственно министерству какъ о состояніи, такъ и о расходахъ и нуждахъ библиотеки; годовой отчетъ библиотекаря, разсмотрѣнный коммиссіей, представляется ею также непосредственно въ министерство на утвержденіе. Къ февралю и августу мѣсяцамъ, по приглашенію библиотекаря, преподаватели должны представить ему списки дезинтератъ. Эти списки, а также доклады библиотекаря, разсматриваются на 4 очередныхъ засѣданіяхъ коммиссіи.

Лучшіе библиотекари Германіи относились отрицательно къ предоставленію коммиссіямъ исключительнаго права выбора книгъ; самымъ лучшимъ качествомъ коммиссій они признавали то, что члены коммиссій быстро охладѣвали къ своему дѣлу; даже въ лучшемъ случаѣ, когда постановленія коммиссіи дѣйствительно правильны, ея дѣятельность является, по мнѣнію германскихъ библиотекарей, не только излишнею, но и вредною, такъ какъ приучаетъ библиотекаря спустя рукава относиться къ дѣлу. Коммиссіи умѣстны только тамъ, гдѣ библиотека располагаетъ своимъ собственнымъ капиталомъ: въ остальныхъ библиотекахъ онѣ лишь замедляютъ дѣятельность библиотекаря, если при всякой попыткѣ увеличенія библиотеки, при всякомъ выборѣ книгъ онъ долженъ подчиняться рѣшенію коммиссіи.

Важно то, что не одни библиотекари Германии держатся отрицательного взгляда на значение комиссии, но иногда и сами члены комиссии раздѣляютъ его. Въ доказательство этого можно привести интересный случай прекращенія дѣятельности библиотечной комиссии, послѣ столѣтняго ея существованія, по постановленію самихъ членовъ комиссіи. Случай этотъ имѣлъ мѣсто во Фрейбургскомъ университетѣ въ 1836 г. Правила библиотеки, вслѣдствіе такого постановленія, были отмѣнены, и въ 1888 г. изданы новыя, въ которыхъ всѣ права, составлявшія компетенцію комиссіи, были переданы библиотекарю. Ему поручено было заботиться о пополненіи библиотеки, принимая во вниманіе указанія преподавателей, внесенныя въ книгу деизератъ, сообщенныя библиотекарю на отдѣльныхъ запискахъ или при помощи отмѣтокъ въ каталогахъ книгопродавцевъ (§ 9 правилъ). Библиотекарь не рѣшаетъ лично вопроса о приобрѣтеніи книгъ только тогда, когда дѣло касается изданій, стоящихъ дороже 150 марокъ, покупки цѣлыхъ библиотекъ или дорогихъ рукописей (§ 8).

Почти такой же характеръ, какъ и въ Германиі, имѣютъ библиотечныя комиссіи въ Англіи, называемыя тамъ library syndicates. Напр., библиотечная комиссія въ Кембриджскомъ университетѣ, свѣдѣнія о которой любезно сообщилъ мнѣ библиотекарь этого университета, Франсисъ Дженкинсонъ, и которая состоитъ изъ 6 членовъ съ вице-канцлеромъ совѣта во главѣ, разсматриваетъ вопросы о приобрѣтеніи только дорогихъ книгъ, стоящихъ болѣе 5 фунт. ст.; ея рѣшенію подлежатъ вопросы, касающіеся оборудованія библиотеки ея ремонта, расходъ анія суммъ; она разсматриваетъ отчетъ библиотеки и представляетъ его совѣту со своими соображеніями о тѣхъ мѣрахъ, какія необходимо принять для улучшенія состоянія библиотеки.

Кромѣ того, комиссія уполномочена:

- 1) продавать дублиеты и производить ими обмѣнъ,
- 2) давать разрѣшеніе на временную передачу дублиетовъ въ библиотеки музеевъ,
- 3) разрѣшать печатаніе каталоговъ и распространять ихъ путемъ продажи или другимъ способомъ,
- 4) давать разрѣшеніе на пользованіе библиотеккою лицамъ, не принадлежащимъ къ составу университета.

Выписка книгъ, не имѣющихъ слишкомъ дорогой цѣны, производится по указанію подкомиссіи (Subsyndicate), разсматривающей черезъ каждыя двѣ недѣли книгу деизератъ, въ которую вносятся пожеланія читателей и особенно профессоровъ-спеціалистовъ, отмѣчающихъ въ каталогахъ книгопродавцевъ книги, которыя слѣдовало бы приобрѣсти для библиотеки.

Библиотечныя комиссіи во Франціи первоначально имѣли совершенно опредѣленное назначеніе, которое ясно видно изъ ихъ названія: „commissions de surveillance“. Онѣ учреждены были министерствомъ народнаго просвѣщенія въ виду того, что ректоръ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго находилась университетская библиотека, не имѣлъ никакой возможности слѣдить за ходомъ дѣла въ различныхъ ея отдѣленіяхъ, составившихъ самостоятельныя библиотеки факультетовъ. Комиссія должна была, по мысли, положенной въ ея основаніе, составлять ближайшій совѣтъ

ректора по дѣламъ, касающимся библіотеки, и ей поручалось ознакомиться съ нуждами ея.

Ея постоянную обязанность составляло наблюденіе за исполненіемъ правилъ; черезъ каждые шесть мѣсяцевъ она должна была осматривать библіотеку и представлять ректору рапортъ о ея состояніи. Двое изъ ея членовъ должны были принимать участіе въ ежегодной повѣркѣ наличности библіотеки, которая производилась въ присутствіи библіотекаря съ наступленіемъ каникулярнаго времени. Она давала указаніе библіотекарю, какое употребленіе должна получить ассигнованная сумма, просматривала списки книгъ, составленные профессорами для пополненія библіотеки.

Комиссія просуществовала съ такими полномочіями до 1886 г., когда новымъ циркуляромъ министра главною обязанностью ея было сдѣлано наблюденіе за пополненіемъ библіотеки.

„Книги, не имѣющія научной цѣнности, — гласилъ циркуляръ министра, — книги, которымъ предстоитъ быть забытыми нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ихъ появленія, большая часть книгъ, издаваемыхъ съ цѣлью популяризаціи, не должны имѣть мѣста въ научной библіотекѣ“.

Комиссія предоставлены были большія права: въ ея распоряженіе отдается вся ассигнованная сумма, которая не распределяется между факультетами и не дѣлится между профессорами.

Профессорскій персоналъ не устраненъ отъ указанія нужныхъ книгъ; но требованія профессоровъ, которыя вносятся въ особую книгу (*le registre des demandes*), такъ же не обязательны для комиссіи, какъ и пожеланія другихъ лицъ, вносимыя въ ту же книгу.

Права комиссіи вообще были увеличены: ни одного измѣненія въ порядкахъ библіотеки ректоръ не можетъ сдѣлать, на основаніи новаго циркуляра, безъ согласія комиссіи. Положенію библіотекаря по отношенію къ комиссіи нѣсколько измѣнилось. До 1886 г. комиссія состояла только изъ профессоровъ; но циркуляру этого года, въ составъ комиссіи входитъ уже и библіотекарь.

Французскіе библіотекари находили ненормальнымъ то, что они совершенно устранены отъ заботъ о пополненіи библіотеки. Они считали вреднымъ, что библіотекарь не имѣетъ возможности пріобрѣтать ни одной книги для библіотеки безъ согласія комиссіи. Пока получалось это согласіе, библіотекарь часто упускалъ случай купить на выгодныхъ условіяхъ книги, предлагаемыя антикварными торговцами. Буквально исполняя всѣ постановленія комиссіи, онъ иногда выходилъ изъ рамокъ бюджета ¹⁾.

Но во внутреннюю жизнь библіотеки комиссія не вмѣшивалась, и на это была особенная причина: во Франціи съ 1879 г. существуетъ *Commission centrale des bibliothèques universitaires*, состоящая при министерствѣ народнаго просвѣщенія и имѣющая специальное назначеніе содѣйствовать развитію дѣла въ библіотекахъ: она разсматриваетъ проекты правилъ библіотекъ, ходатайства объ ассигнованіи суммъ, прошенія о приѣмѣ на библіотечныя должности, производитъ конкурсные испытанія, разсматриваетъ отчеты библіотекарей и протоколы ежегодной повѣрки библіотекъ; члены этой комиссіи занимаются организаціей новыхъ библіотекъ и знакомятся съ поло-

¹⁾ Graessl, Handbuch, стр. 336. Правъч.

женіемъ дѣла въ существующихъ библіотекахъ, по порученію министерства.

Въ Австріи библіотечная коммисія несетъ еще меньше обязанностей, чѣмъ во Франціи. Ея функціи ограничиваются тѣмъ, что она разсматриваетъ отчетъ библіотекаря и представляетъ его совѣту со своими замѣчаніями и пожеланіями.

Иной характеръ принимаетъ назначеніе коммисіи въ русскихъ академическихъ библіотекахъ. Не только пополненіе этихъ библіотекъ, но и необходимость приведенія ихъ въ порядокъ отъ времени до времени озабочивали совѣты, и постояннымъ библіотечнымъ коммисіямъ, подобно временнымъ, назначавшимся раньше, до ихъ учрежденія, пришлось сталкиваться съ вопросами о неустройствѣ библіотеки, недостаточности ея каталоговъ, неудобствѣ существующаго способа выдачи книгъ и проч. Постоянной коммисіи поручалось совѣтомъ обратить вниманіе то на ту, то на другую сторону библіотечной жизни, и это постепенно расширяло компетенцію коммисіи. Въслѣдствіе чисто мѣстныхъ условій, эта компетенція отличалась большею или меньшею широтою въ различныхъ библіотекахъ. Разсматривая правила университетскихъ библіотекъ, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, не понадобилось переходить тѣ границы, которыя указаны были въ инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, разосланной совѣтамъ въ 1891 г. Инструкція эта вмѣняла въ обязанность коммисіямъ слѣдить за выходомъ въ свѣтъ новыхъ книгъ и заявлять о пополненіи недостающихъ сочиненій и изданій. Такой именно задачей и ограничивается библіотечная коммисія Новороссійскаго университета, которой вмѣнено въ обязанность только наблюдать за правильнымъ приобрѣтеніемъ книгъ (стр. 4-я Правилъ. Глава III. 32).

Нѣсколько шире задача библіотечной коммисіи Томскаго университета, которая, кромѣ того, наблюдаетъ за правильною записью книгъ (§ 4-ый Правилъ).

Въ Петербургскомъ университетѣ, кромѣ обсужденія представленій о выпискѣ книгъ, коммисіи поручается ревизія библіотеки и предварительное разсмотрѣніе, по порученію Совѣта, другихъ библіотечныхъ дѣлъ (§ 2 Правилъ).

Сравнительно съ этимъ широко поставлены задачи коммисіи въ библіотекахъ Кіевского и Варшавскаго университетовъ. Въ Кіевскомъ университетѣ правила библіотеки содержатъ такое опредѣленіе компетенціи коммисіи, которое даетъ ей право входить во всѣ подробности библіотечнаго дѣла съ цѣлью ученаго надзора за библіотекою. Коммисія наблюдаетъ и за выпискою книгъ, ей поручено отыскиваніе дешевѣйшаго и удобнѣйшаго способа выписки книгъ, наблюденіе за своевременной доставкой книгъ и пополненіемъ дефектовъ; она должна наблюдать и за правильнымъ веденіемъ инвентарей и каталоговъ. Мало того, она можетъ опредѣлять и правила постановки книгъ въ шкафахъ и отыскивать лучшіе способы для выдачи и приѣма книгъ.

Такъ же широко понимала свои права и библіотечная коммисія Варшавскаго университета, какъ видно изъ отчетовъ. Правилами она уполномочена наблюдать, чтобы расходованіе суммъ производилось сообразно съ постановленіями совѣта и факультетовъ, и она свидѣтельствуетъ на счетахъ книгопродавцевъ, что книги приобрь-

тепы сообразно съ этими постановленіями (§ 14); подъ наблюдениемъ ея производится приобрѣтеніе книгъ и обмѣнъ дублетами (§ 17); она производитъ ежегодно ревизію какъ библиотечнаго имущества, такъ и веденія дѣлъ, должна наблюдать за порядкомъ выдачи книгъ, представляеть совѣту отчетъ о состояніи библиотеки со своими замѣчаніями (§ 19). Если прибавить къ этому, что въ проектѣ правилъ библиотеки Харьковскаго университета мы видимъ, что коммиссія опредѣляетъ правила постановки книгъ, формы и способы веденія каталоговъ, а въ библиотекахъ Харьковскаго и Московскаго университетовъ отъ коммиссіи зависитъ и указаніе кандидата для замѣщенія вакантной должности въ библиотекѣ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что совѣты учебныхъ заведеній широко понимали полномочія, предоставляемыя коммиссіямъ, и онѣ сосредоточивали въ ихъ которыхъ русскихъ библиотекахъ такіа права, которыя составляютъ то, что можно назвать вѣдѣніемъ библиотекою. И дѣйствительно, въ правилахъ библиотеки Нѣжинскаго института и въ проектѣ правилъ библиотеки Харьковскаго университета прямо говорится о томъ, что библиотека находится въ вѣдѣніи библиотечной коммиссіи.

Въ рукахъ русскихъ библиотечныхъ коммиссій сосредоточено наблюденіе за приобрѣтеніемъ книгъ и обмѣномъ ихъ, за употребленіемъ суммъ, за размѣщеніемъ книгъ въ книгохранилищѣ, за веденіемъ каталоговъ, формы и способы веденія которыхъ онѣ могутъ измѣнить; имъ принадлежитъ и выборъ служащихъ, и опредѣленіе ихъ занятій въ библиотекѣ по особой инструкціи, и наблюденіе за веденіемъ документальныхъ книгъ въ библиотекѣ и за выдачею книгъ. Всѣ отрасли библиотечнаго дѣла находятся подъ наблюдениемъ коммиссій.

Разумѣется, такая широкая компетенція коммиссій сложилась вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находились наши академическія библиотеки въ теченіе своего существованія, исторія котораго можетъ быть названа сплошнымъ скорбнымъ листомъ. Правила библиотеки, предоставляющія коммиссіямъ право наблюдать за извѣстною отраслью библиотечнаго дѣла, подчеркиваютъ только тѣ недостатки, которые иногда достигали большихъ размѣровъ и мѣшали функционированію библиотекъ. Познакомившись, напр., съ правилами библиотеки университета св. Владиміра и не зная совершенно ея исторіи, можно сказать, что размѣщеніе книгъ въ шкафахъ этой библиотеки представляло раньше большое неудобство. И, дѣйствительно, вы можете убѣдиться въ томъ, что въ концѣ девяностыхъ годовъ библиотечарю пришлось вновь размѣстить всѣ книги.

Правила библиотеки Варшавскаго университета наводятъ на мысль, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ библиотекѣ существовалъ большой беспорядокъ. И достаточно познакомиться съ отчетами коммиссіи за первые годы ея существованія, чтобы убѣдиться въ этомъ. Зданіе библиотеки, узнаемъ мы изъ отчетовъ, было непригодно для нея, полы были со щелями, крыши протекали, на книгахъ былъ слой пыли, служащихъ было недостаточно; они получали такое ограниченное содержаніе, что не хотѣли служить. Благодаря этому, значительная часть книгъ не была записана въ инвентари, размѣщеніе ихъ дѣлалось поспѣшно и не всегда правильно; каталоги были неполные, общаго алфавитнаго каталога совсѣмъ не было, систематическій былъ расположенъ удовлетво-

рительно; выдача книг тоже отличалась дефектами: некоторые книги не были записаны за взявшими их, контрольный каталог был неполным.

Познакомившись с прошлым библиотеки Харьковского или Казанского университетов, вы увидите то же самое.

Что тут оставалось делать университетам? Одно из двух: или немедленно позаботиться о привлечении в библиотеки знающих людей, которые могли бы поставить дело надлежащим образом, или прибегнуть к помощи своего собственного персонала, надлив его всевозможными полномочиями.

Последнее решение дилеммы, единственно доступное для университетов, было едва ли правильным. Оно скорее являлось паллиативом, а не действенным лекарством против той болести, тревожные симптомы которой приводили в смущение университеты, так как состоянием библиотеки тормозились и развитие науки, и преподавание. В глазах советов библиотечной комиссии обладали всеми данными для того, чтобы улучшить состояние библиотек, в полноте и доступности которых члены комиссии были лично заинтересованы; указания их должны были, по мнению советов, повести к улучшению библиотек; но при этом забывалось положение библиотечного персонала, его материальная необеспеченность, частая смена лиц, его составляющих, отсутствие подготовки и достаточных знаний у лиц, которым поручалось непосредственное ведение сложного и требующего больших знаний библиотечного дела, забывалось, что это дело все-таки должны вести именно эти работники, а не члены библиотечной комиссии.

Самым важным делом комиссий и у нас было пополнение библиотеки. Правда, в правилах кое-где говорится, что и библиотекарь должен следить за новою литературою и за пополнением дефектов. Но эта обязанность его существует только на бумаге. Фактически она невыполнима уже потому, что все библиотечные суммы делятся между преподавателями, и библиотекарю дают лишь небольшую сумму на канцелярские расходы.

Как же пополнялись наши библиотеки? Принимались ли действительно во внимание интересы библиотеки, интересы науки, преподавания?

Разумеется, нет. Самое большее, на что обращали внимание наши комиссии, было справедливое распределение всех ассигнованных сумм между преподавателями. В рассмотрении того, что выписывалось каждым преподавателем для библиотеки, комиссия не входила уже потому, что это право ей не предоставлено. Ученый часто интересуется каким-нибудь частным вопросом в науке; ему нужна такая громадная литература по этому вопросу, что ее следовало бы искать во многих библиотеках; но ее, разумеется, удобнее иметь под руками. И вот, вся эта литература, составляющая роскошь для скромного бюджета библиотеки, приобретается. На нее расходуется вся сумма, ассигнуемая на известную специальность, расходуется иногда ежегодно, а соответствующий отдел библиотеки бюджет; в нем все больше и больше накапливается дефектов, которые обращают на себя внимание каждого посетителя библиотеки, интересующегося этим отделом; но вопрос

о пополнении его выступает на очередь только тогда, когда кассе-дра переходит въ новыя руки.

Французскія библиотечныя комиссіи, устранявшія библиотекаря отъ заботы о пополненіи библиотеки, по крайней мѣрѣ, руководились министерскою инструкціею, въ которой онѣ читали, что библиотека дѣйствительно обогащается только тогда, когда она приобрѣтаетъ капитальныя произведенія, а не тогда, когда ея полки загромождаются такими книгами, которыя удовлетворяютъ временной любознательности извѣстнаго кружка лицъ и которыхъ никто не спроситъ уже въ слѣдующемъ году. Наши библиотечныя комиссіи, не имѣвшія такихъ указаній, очень мало сдѣлали для выполненія своей главной задачи, для обогащенія библиотекъ, къ которымъ какъ нельзя болѣе подходитъ высказанная въ той же французской инструкціи сентенція:

„La bibliothèque, très belle en apparence, est en réalité pauvre et incomplète, si le choix des livres n'a point été judicieusement fait“.

Библиотеки, можетъ быть, не отличались бы бѣдностью своего инвентаря, если бы библиотекарь, на которомъ лежитъ отвѣтственность за состояніе библиотеки, не былъ лишь постороннимъ наблюдателемъ того, какъ пополняется она преподавателями, которые не несутъ никакой отвѣтственности за ея состояніе.

Комиссіи должны наблюдать за обмѣномъ дублетами между библиотеками.

Достаточно сказать, что обмѣнъ дублетами совсѣмъ не производился за все время существованія комиссій, и до сихъ поръ ничего не сдѣлано для того, чтобы поставить его на правильныхъ началахъ. Очевидно, комиссіи безсильны будутъ сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи и дальше до тѣхъ поръ, пока силы библиотечнаго персонала не будутъ соответствовать нуждамъ и развитію библиотекъ. А между тѣмъ, какая масса дублетовъ накопилась въ различныхъ библиотекахъ, и съ какою радостью многія изъ нихъ были бы приняты другими библиотеками.

Важную обязанность, относящуюся непосредственно къ ученому надзору за библиотекою, составляетъ также наблюдение за ея каталогами.

Каталоги представляютъ слабое мѣсто русской академической библиотеки. Познакомитесь ли вы съ дѣльнымъ отчетомъ второго состава библиотечной комиссіи Варшавскаго ун-ва (1881 г.), или съ историческимъ очеркомъ библиотеки Харьковскаго университета, или, хотя, съ заключительными словами профессора Загоскина, въ его разсказѣ о каталогѣ библиотеки Казанскаго университета, вы поймете, что совѣты имѣли полное основаніе быть недовольными состояніемъ каталоговъ и возлагать свои надежды на библиотечныя комиссіи.

Но могутъ ли комиссіи принести пользу библиотекамъ въ этомъ дѣлѣ?

Разумѣется, при составленіи систематическаго каталога указанія профессоровъ-специалистовъ могли бы быть очень полезны; но, опредѣляя, къ какому отдѣлу каталога относится книга, по одному ея заглавію, можетъ ошибиться и специалистъ и, чтобы такой ошибки не было, ему необходимо видѣть книгу, просмотрѣть ее, т. е. необходимо удѣлить нѣкоторое время для занятій каталогомъ въ самой библиотекѣ. И вотъ это-то и невозможно для преподавателей,

особенно, если составляется каталогъ большой коллекціи. Въ лучшемъ случаѣ они могутъ только взять на домъ для просмотра карточки каталога. Но библіотекаръ рискуетъ тогда и не получить обратно всѣхъ карточекъ, какъ это было однажды въ библіотекѣ Казанскаго университета.

При составленіи алфавитнаго каталога членъ библіотечной комиссіи можетъ принести еще меньше пользы. Недостатки алфавитнаго каталога составляютъ не ошибки въ орфографіи, а нарушеніе тѣхъ основныхъ требованій каталогизаціи, неисполненіе которыхъ влечетъ за собою затрудненія при отысканіи книги. Какъ важны эти требованія, видно изъ того, что въ Германіи существуетъ специальная инструкция для составленія алфавитнаго каталога, разработанная въ министерствѣ народнаго просвѣщенія при участіи опытныхъ библіотекарей. У насъ такой инструкции нѣтъ; но въ библіотекахъ выработались и исполняются извѣстные правила, которыя сохраняются въ нихъ по традиціи. Если бы эти правила строго соблюдались, то не было бы и недостатковъ въ алфавитномъ каталогѣ, мѣшающихъ пользованію имъ. Но въ томъ-то и дѣло, что новички-служащіе, не имѣющіе достаточной опытности, не придають никакого значенія соблюденію какой-то традиціи и вносятъ свой индивидуальный взглядъ въ такое дѣло, которое требуетъ строгого единообразія. Недосмотры и промахи такихъ новичковъ, при большомъ числѣ поступленій, могутъ незамѣтно проникать въ каталогъ, и только опытный взглядъ служащихъ, хорошо знакомыхъ съ требованіями, существующими въ библіотекѣ, можетъ открыть и устранить эти недосмотры и промахи.

Можно ли ожидать, чтобы каждый новый членъ комиссіи обязательно ознакомился съ существующими въ библіотекѣ требованіями? Разумѣется, нѣтъ; во все время своего пребыванія въ составѣ комиссіи онъ совершенно не знаетъ ихъ и остается по отношенію къ служащимъ въ библіотекѣ въ положеніи новичка. Поэтому никакого руководства въ дѣлѣ каталогизаціи члены комиссіи дать имъ не могутъ, и порученіе дѣла наблюденія за каталогами библіотечнымъ комиссіямъ составляетъ ошибку совѣтовъ, которымъ слѣдуетъ разсчитывать въ этомъ случаѣ только на библіотечный персоналъ, отъ эрудиціи, подготовки и опытности котораго исключительно зависитъ состояніе каталоговъ.

Комиссіи могутъ только свидѣтельствовать о недостаткахъ каталоговъ; но эти свидѣтельства принесутъ не больше пользы, чѣмъ указанія любого лица, пользующагося имъ.

Порученіе комиссіямъ измѣнять форму и способъ веденія каталоговъ представляетъ еще большее недоразумѣніе, такъ какъ слѣдуетъ удачный выборъ того и другого можно только, зная на практикѣ достоинства и недостатки каждой существующей системы. При отсутствіи такого знанія, возможны серьезныя ошибки. Самое измѣненіе каталога представляетъ громадное дѣло, которое можетъ быть исполнено съ умѣніемъ опытными работниками, а въ библіотекахъ именно въ нихъ-то и чувствуется недостатокъ. Поэтому попытка комиссіи измѣнить систему каталоговъ и способъ веденія ихъ можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія для библіотекъ, если комиссія въ этомъ дѣлѣ не будетъ принимать во вниманіе пожеланій болѣе опытныхъ служащихъ въ составѣ библіотечнаго персонала.

Такъ же мало пользы библиотекамъ приноситъ предоставленіе комиссіямъ права наблюдать за размѣщеніемъ книгъ въ книгохранилищъ и избирать способы размѣщенія.

Тамъ, гдѣ принято систематическое размѣщеніе книгъ, совѣтъ специалиста могъ бы быть полезенъ, но только въ томъ случаѣ, если бы члены комиссіи обязательно бывали въ библиотекѣ ежедневно. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ откладывать цѣлыя партіи полученныхъ книгъ въ ожиданіи прихода того или другого члена комиссіи, который можетъ прійти и не прійти въ библиотеку. Такое откладываніе книгъ принесло бы только вредъ, такъ какъ каждая книга проходитъ черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ она займетъ свое постоянное мѣсто въ библиотекѣ.

Въ библиотекахъ, не имѣющихъ систематическаго размѣщенія книгъ, совершенно не нужно никакихъ указаній членовъ комиссіи для того, чтобы размѣстить книги. Такимъ образомъ, комиссіямъ совсѣмъ не приходится выполнять и этого порученія, возложеннаго на нихъ, по недоразумѣнію, совѣтомъ, такъ же, какъ не приходится пользоваться и правомъ измѣнять способъ размѣщенія книгъ. Предоставленіе такого права комиссіямъ является чистымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ измѣненіе способа размѣщенія книгъ въ большой библиотекѣ представляетъ дѣло очень трудное, сопряженное и съ расходами и съ потерю времени; измѣненіе способа размѣщенія книгъ только для позднѣйшихъ поступленій влечетъ за собою перемѣну въ шифрованіи ихъ, разнообразіе же шифровъ затрудняетъ посѣтителя библиотеки, который не знаетъ, что надо ему указать на требовательномъ бланкѣ.

Недоразумѣніемъ является и порученіе библиотечнымъ комиссіямъ, такихъ вопросовъ, какъ выборъ комиссіонеровъ по поставкѣ книгъ, избраніе переплетчика и проч. Безъ сомнѣнія, на всѣ эти вопросы съ большею точностью, съ большимъ знаніемъ дѣла отвѣтятъ лица, имѣющія непосредственное отношеніе къ покупкѣ книгъ, переплету ихъ и проч., уже потому болѣе всякой комиссіи заинтересованныя въ правильномъ выборѣ и книгопродавца, и переплетчика, что ошибка, допущенная здѣсь, влечетъ за собою и хлопоты, и несправедливости, и отвѣтственность. Для членовъ комиссіи тотъ и другой вопросъ представляютъ полную terra incognita, и произносятъ они свое рѣшеніе, конечно, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ взглядовъ библиотекаря, такъ что это рѣшеніе является чистою формальностью.

Но если въ этихъ вопросахъ ошибка, допущенная комиссією, можетъ имѣть весьма несправедливыя послѣдствія для библиотeki, то еще больше вреда можетъ принести ей ошибка въ выборѣ служащихъ. Въ послѣднее время сдѣланы попытки улучшить составъ библиотечнаго персонала, не прибѣгая къ улучшенію его матеріальныхъ условій, а лишь предоставивъ право выбора служащихъ комиссіямъ. Мы находимъ это право въ числѣ полномочій, предоставленныхъ комиссіи въ проектахъ правилъ библиотекъ Московскаго и Харьковскаго университетовъ. Фактически это право осуществлялось уже въ Харьковскомъ университетѣ, и сдѣланный опытъ выбора служащихъ по конкурсу показалъ: 1) Что къ лицамъ, желающимъ занять вакантную должность въ библиотекѣ, нечего и думать предъявлять какія-нибудь требованія, касающіяся знанія библио-

течнаго дѣла. Отсутствие въ Россіи средствъ для пріобрѣтенія такихъ знаній дѣлаетъ это требованіе совершенно невыполнимымъ.

2) Недостаточность матеріальнаго обезпеченія служащихъ въ библиотекъ является причиною того, что лица съ высшимъ образованіемъ не интересуются службою въ ней. Степень пригодности для библиотечной службы лицъ, изъ которыхъ приходится и придется выбирать, очевидно, будетъ все понижаться, и придется соотвѣственно этому понижать и требованія при замѣщеніи вакансій, если не измѣнятся условія службы.

3) Конкурсъ вовсе не обезпечиваетъ того, что библиотека въ лицъ выдержавшихъ его пріобрѣтаетъ хорошихъ и способныхъ работниковъ. Необходимо, чтобы конкурсу предшествовалъ болѣе или менѣе продолжительный стажъ, въ теченіе котораго библиотечарь имѣлъ бы возможность присмотрѣться къ силамъ и способностямъ своего будущаго помощника, а если такого стажа не бываетъ, то, прежде утвержденія въ должности, абитуріентъ долженъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое время послужить въ библиотекѣ, подъ наблюденіемъ библиотечаря, которому слѣдуетъ предоставить рѣшающій голосъ въ выборѣ помощника.

4) Испытаніе должно производиться въ присутствіи такихъ компетентныхъ лицъ, которыя сами могли бы выдержать такое же испытаніе въ знаніи библиотечнаго дѣла. Комиссія, производящая это испытаніе, само собою понятно, должна состоять не изъ профессоровъ, а изъ библиотечарей.

Разобравъ тѣ полномочія, которыя предоставлены русскимъ комиссіямъ, мы не находимъ, такимъ образомъ, между ними ни одного такого, которое комиссія дѣйствительно могла бы выполнить. Управление академическими библиотеками при помощи постоянныхъ библиотечныхъ комиссій оказывается, какъ мы видимъ, только *plus desiderium* совѣтовъ, неосуществимымъ въ дѣйствительности, какъ показалъ тридцатилѣтній опытъ въ Россіи. Совѣты учебныхъ заведеній надѣялись, что комиссіи улучшатъ состояніе библиотекъ, но расчеты эти не оправдались: недостатки, мѣшающіе пользоваться библиотеками, остаются тѣ же, несмотря на то, что комиссіямъ предоставлена была полнота власти, и библиотеки находятся въ ихъ вѣдѣніи, несмотря на то, что и сами комиссіи раздѣляли надежды совѣтовъ и серьезно смотрѣли на свою задачу. Не ихъ вина въ томъ, что для выполненія этой задачи встрѣтили онѣ непреодолимое препятствіе въ положеніи библиотечнаго персонала.

Эта ошибка, которую дѣлали совѣты, возлагая неисполнимыя надежды на комиссіи, не могла пройти безъ вреда для библиотекъ уже потому, что совѣты упускали изъ виду необходимость серьезно позаботиться о привлеченіи въ составъ библиотечнаго персонала опытныхъ работниковъ, не обращали серьезнаго вниманія на необходимость специальной подготовки такихъ работниковъ.

Съ другой стороны, какъ это замѣтили уже выдающіеся библиотечари З. Европы, существованіе библиотечныхъ комиссій, имѣющихъ широкія полномочія, вредно отражается на дѣятельности библиотечнаго персонала.

Библиотечное дѣло, особенно при теперешнемъ состояніи русскихъ академическихъ библиотекъ, требуетъ большой энергіи. Источникомъ энергіи во всякой дѣятельности является инициатива. Но

инициатива въдъ отсутствуетъ въ академическихъ библиотекахъ при существованіи комиссій. Всякое мѣропріятіе, которое хотѣли бы провести библиотекарь и его помощники, предварительно разсматривается комиссіей; она можетъ принять и не принять его; она можетъ измѣнить его до неузнаваемости, дать ему такое направление, что отпадетъ всякая охота исполнять его. Рядъ такихъ неудачъ, и библиотечный персоналъ опуститъ руки, потеряетъ энергію.

Большое неудобство для библиотечнаго персонала представляло именно то, что иниціатива дѣла находится въ рукахъ комиссій, дающей свои директивы. Каждый членъ библиотечной комиссій видитъ недостатки библиотеки, каждый изъ нихъ желалъ бы многое измѣнить въ ней, и каждый новый членъ комиссій выступаетъ съ какою-нибудь реформою. Библиотекарю надо быть на сторожѣ, такъ какъ легко сломать старые порядки, но не легко завести новые при отсутствіи опытныхъ работниковъ. Но онъ въдъ одинъ въ составѣ комиссій и, притомъ, въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ ему принадлежить лишь совѣщательный голосъ. Предлагаемая мѣра можетъ быть принята, несмотря на возраженія библиотекаря о ея несвоевременности. И вотъ вамъ на рукахъ такое дѣло, котораго, по вашему мнѣнію, совсѣмъ не надо бы дѣлать. Но дѣлать его вы все-таки должны, хотя бы для этого пришлось отвлечь одного или нѣсколькихъ опытныхъ работниковъ отъ другого дѣла, за дефекты въ которомъ библиотечный персоналъ несетъ отвѣтственность.

Еще важнѣе для хода библиотечнаго дѣла то, что безъ санкцій библиотечной комиссій самое нужное дѣло иногда не можетъ двигаться. Заинтересовались, положимъ, члены библиотечной комиссій составленіемъ систематическаго каталога, которое давно уже идетъ въ библиотекѣ. Карточки каталога уже написаны; онѣ могли бы быть размѣщены въ каталогъ самимъ библиотечнымъ персоналомъ; но ихъ надо предварительно показать комиссій. Проходить, къ досадѣ библиотечнаго персонала, иногда долгое время до этого просмотра. Во время просмотра будутъ даны, конечно, очень цѣнные указанія; но бѣда въ томъ, что порядокъ карточекъ безнадежно нарушенъ; можетъ быть и хуже того: ихъ разберутъ по домамъ. И сколько хлопотъ предстоить несчастному библиотекарю собрать ихъ.

Какъ мало времени могутъ удѣлить библиотекѣ члены комиссій, показываютъ факты, засвидѣтельствованные исторією. Былъ, напр., случай въ исторіи библиотеки Казанскаго университета, когда библиотекарь-профессоръ обратился къ совѣту съ просьбою отмѣнить комиссію и позволить ему одному сдѣлать дѣло, такъ какъ только при такомъ условіи оно можетъ двинуться впередъ.

И такое замедленіе вносить профессорская коллегія во всѣ отрасли библиотечнаго дѣла, такъ какъ она совершенно не имѣетъ досуга заниматься имъ съ такою энергіей, какъ это нужно. Въ общей экономіи дѣла такіа замедленія приносятъ большой вредъ.

Вредъ этотъ, какъ указываютъ французскіе библиотекари, можетъ быть очень существеннымъ, когда дѣло касается пріобрѣтенія имущества, когда требуется быстрый отвѣтъ на запросъ книгопродавца, и этого отвѣта никакъ нельзя дать, не заручившись согласіемъ комиссій.

Комиссій не принесли реорганизациі библиотекамъ; но хорошо то, что онѣ стоятъ близко къ дѣлу, знаютъ положеніе его. Слѣдую

примѣру библиотечной комиссіи Харьковскаго университета, онѣ могутъ указать совѣтамъ на необходимость ходатайства предъ министерствомъ объ улучшеніи матеріальныхъ условій службы въ библиотекѣ для привлеченія въ библиотеку хорошихъ работниковъ. Когда онѣ сдѣлаютъ это и обратятъ ихъ вниманіе на то, что необходима специальная подготовка для служащихъ въ библиотекахъ, такъ какъ отсутствіе такой подготовки мѣшаетъ развитію дѣла, онѣ лучше всего выполнять свою задачу. Ихъ задачей, какъ органа совѣта, должно быть не управленіе библиотеками, а забота о нихъ, обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые вызываются нуждами библиотеки, предварительное разсмотрѣніе тѣхъ затратъ, которыя необходимо сдѣлать для пополненія библиотекъ и для упорядоченія ихъ состоянія, тѣхъ мѣропріятій, которыя могутъ способствовать развитію дѣятельности библиотекъ.

Но для того, чтобы мѣропріятія, выработанныя комиссіями и признанныя за необходимые совѣтами, не оставались одними только пожеланіями, необходимо, чтобы на библиотечное дѣло вообще обращено было больше вниманія.

Быстрое развитіе его возможно тогда, когда для наблюденія за библиотеками при министерствѣ народнаго просвѣщенія будетъ существовать специальное отдѣленіе. Много такого, что до сихъ поръ остается неудовлетвореннымъ, обратило бы тогда на себя вниманіе министерства, которое не замедлило бы принять рядъ систематическихъ мѣръ для упорядоченія дѣла.

Необходимость существованія специального управленія библиотеками не подлежитъ сомнѣнію. Дѣятельность библиотекъ не менѣе важна, чѣмъ дѣятельность школъ. Государство должно быть заинтересовано въ ихъ развитіи.

Опытъ, сдѣланный въ академическихъ библиотекахъ, показалъ, что для улучшенія состоянія библиотекъ недостаточно такихъ паллятивовъ, какъ библиотечныя комиссіи.

Нужны серьезныя мѣры, которыя не должны носить мѣстнаго характера, не должны исходить отъ отдѣльныхъ учрежденій, но должны быть мѣрами, принимаемыми государствомъ для всѣхъ библиотекъ, подобно тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаются у насъ по отношенію по всѣмъ школамъ.

Франція—первая показала примѣръ такой заботы государства о развитіи библиотечнаго дѣла. Кромѣ Commission centrale des bibliothèques universitaires, о которой мы упоминали, при министерствѣ народнаго просвѣщенія существуютъ Commission des bibliothèques communales et libres, Commission des bibliothèques scolaires et pédagogiques. Въ 3-мъ и 5-мъ департаментахъ министерства сосредоточено управленіе библиотеками.

Но далеко и Франціи до того, что дѣлается для развитія библиотечнаго дѣла государствомъ въ Соед. Штатахъ С. Америки. Въ 34 штатахъ существуютъ уже государственныя библиотечныя комиссіи, имѣющія цѣлью содѣйствовать открытію новыхъ библиотекъ и усовершенствованію существующихъ. Специальные инспекторы наблюдаютъ за ходомъ библиотечнаго дѣла, даютъ совѣты и указанія, представляютъ свои отчеты въ государственныя комиссіи, которыя непрерывно заботятся о библиотекахъ.

Библиотечное дѣло двинется впередъ и у насъ тогда, когда забота о немъ государства будетъ сосредоточена въ специальномъ учрежденіи, состоящемъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія и составленномъ изъ библиотечарей.

VI.

Значеніе Д. И. Багалѣя въ исторіи библиотечнаго дѣла.

К. И. Рубинскаго.

Велика заслуга ученаго, который, весь отдавшись наукѣ, проливалъ свѣтъ на ту область ея, которая оставалась неразработанною; но еще выше становится эта заслуга, когда, почерпая въ своихъ трудахъ все большую и большую любовь къ идеямъ, воодушевляющимъ его, и уступая влеченію, зовущему его на служеніе этимъ идеямъ, онъ выступаетъ на общественную дѣятельность и, не оставляя своей любимой работы, весь свой досугъ отдаетъ живому дѣлу. Велико обаяніе такого общественнаго дѣятеля. Его опытность становится общимъ достояніемъ; идеи, воодушевляющія его, передаются другимъ общественнымъ дѣятелямъ; ясные становятся для нихъ культурныя задачи; дружбе кипитъ ихъ работа, и высокія общественныя начинанія, повидимому, не имѣвшія подъ собою почвы, быстро крѣпнутъ и развиваются.

Изученіе прошлаго Украины привело Д. И. къ общественной дѣятельности. Не могъ оставаться онъ однимъ только наблюдателемъ культурныхъ стремленій харьковскаго общества; онъ сталъ въ рядахъ его дѣятелей. Развитію библиотекъ больше всего отдалъ онъ труда и заботы, и здѣсь не лишнее вспомнить, какое значеніе имѣли эти труды и заботы въ исторіи библиотечнаго дѣла.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія во всѣхъ культурныхъ странахъ было обращено серьезное вниманіе на развитіе дѣятельности библиотекъ и увеличеніе числа ихъ, такъ какъ признано было, что библиотeki являются могущественнымъ средствомъ для развитія просвѣщенія въ странѣ. Частныя лица въ С. А. Соедин. Штатахъ и Англіи стали жертвовать милліоны на учрежденіе библиотекъ; жители этихъ странъ стали облагать себя налогомъ для той же цѣли. И библиотечное дѣло быстро двинулось впередъ и сдѣлало громадныя успѣхи, принося неисчислимую пользу населенію, увеличивая его силы въ борьбѣ за существованіе.

И только русское общество долго какъ бы не замѣчало этого движенія. Правда, еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, по причину государственнаго дѣятеля Мордвінова, сдѣлана была правительствомъ попытка учрежденія публичныхъ библіотекъ; но, при слабомъ развитіи въ Россіи общественнаго сознанія въ то время, попытка эта не принесла никакихъ результатовъ. Библіотеки существовали только на бумагѣ, значились только во всеподданѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться въ трудѣ Данилевскаго: „Украинская Старина“ съ судьбою первой Харьковской публичной библіотеки.

Открытая въ 1833 г., она, за отсутствіемъ читателей, сдана была въ 1837 г. въ справочную контору безъ всякой описи и вмѣстѣ съ нею переходила изъ рукъ въ руки; третій содержатель конторы, Быковский, видя, что библіотека не приноситъ ему никакой пользы, такъ какъ никто въ нее не заглядываетъ, потребовалъ отъ чиновниковъ депутатскаго собранія принять ее обратно. Тѣ отказались принять библіотеку безъ описи. — Не примете, спросилъ Быковский. — Не примемъ. Но прошло недѣли, какъ во дворъ дворянскаго собранія, рано утромъ, въ осенній свѣтлый денекъ, въѣхало паръ 12 возовъ, нагруженныхъ книгамъ. — Сваливай братцы среди двора! крикнулъ Быковский.

Мужики стали брать каждый возъ за колеса, приподнимать и сваливать съ него книги въ общую кучу. Не успѣли сойтись чиновники, какъ возы и Быковский исчезли. Пошелъ дождь сначала небольшой, потомъ проливной. Сжалившіеся надъ несчастною библіотекою чиновники въ полахъ сюртуковъ и съ помощью служителей перенесли книги для просушки въ конюшню.

Только въ 1859 г. для несчастной библіотеки была отведена комната и появился каталогъ; но за три слѣдующихъ года, по словамъ Данилевскаго, въ ней едва ли побывало 5 человѣкъ.

Не лучше была и судьба другихъ публичныхъ библіотекъ того времени.

Ясно, что книга еще не была необходимою потребностью русскаго общества середины 19 столѣтія; она не была еще тогда неразлучнымъ другомъ городского обывателя.

Надо было поколебать апатію общества къ дѣлу просвѣщенія, разбудить общественное сознаніе и показать ему высокую важность такого просвѣтительнаго учрежденія, какъ библіотека. И въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія передовые люди харьковскаго общества взяли на себя эту задачу. Благодаря ихъ энергичной работѣ, въ Харьковѣ не только явилась общественная библіотека, но и сдѣлалась въ

короткое время однимъ изъ наиболѣе богатыхъ книгохранилищъ, развивающимъ широкую дѣятельность.

Крупная доля заслуги въ этомъ дѣлѣ, по признанію ближайшихъ участниковъ въ работѣ, принадлежитъ виновнику настоящаго торжества. 9-го декабря 1901 г. общее собраніе членовъ Харьковской общественной библіотеки чествовало председателя правленія ея, Д. И. Багалѣя, за его труды, заботы, вниманіе и любовь къ интересамъ дорогого для всѣхъ ихъ дѣла, въ которомъ Д. И. являлся, по ихъ словамъ, живой душой, руководителемъ, своимъ примѣромъ и трудомъ, воодушевлявшимъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Во всѣ детали, мелкія и незамѣтныя по виду дѣла по веденію обширнаго хозяйства библіотеки, входилъ, по словамъ сотрудниковъ, чествовавшихъ его, нашъ почтенный юбиляръ; вездѣ и во всемъ сказывались основныя черты его характера: сильно развитое чувство общественности, вниманіе къ общественному мнѣнію, умѣнье ладить съ людьми, не поступааясь своимъ убѣжденіями.

Дмитрій Ивановичъ принималъ участіе въ дѣлахъ общественной библіотеки то какъ членъ ея, то въ качествѣ члена правленія ея, то какъ его председатель. Съ 1893 года до 1905 года онъ былъ несмѣняемымъ председателемъ правленія, и въ теченіе именно этого времени библіотека, по отзывамъ сотрудниковъ Д. И., приобрѣла наибольшее сочувствіе общества и сдѣлала тѣ громадныя успѣхи, которые приводили въ изумленіе самихъ участниковъ въ работѣ; она обзавелась даже своимъ домомъ, прекрасно устроеннымъ и обставленнымъ всѣмъ необходимымъ для правильнаго развитія библіотечной работы, съ книгохранилищемъ, построеннымъ по образцу Страсбургской библіотеки.

Трудамъ Д. И. была обязана библіотека этимъ. И путемъ печати, и устно будилъ онъ сознаніе общества, указывая на необходимость постройки дома для правильнаго функционированія, развитія библіотеки и сохраненія ея дорогого имущества; онъ предпринялъ ходатайство предъ министерствомъ финансовъ объ отпускѣ субсидіи, лично просилъ объ этомъ министра С. Ю. Витте, и это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, превзошедшимъ всѣ ожиданія: на постройку библіотеки отпущена была субсидія въ 45000 руб.; городская дума дала, съ своей стороны, пособіе; стали стекаться обильныя пожертвованія. И, благодаря всему этому, явилась возможность купить участокъ земли и строить домъ. Во время постройки его Д. И. ежедневно посѣщалъ работы и слѣдилъ за исполненіемъ мельчайшихъ деталей ихъ.

Но общественная библіотека обязана ему не только этимъ. Съ высокою энергіей общественнаго дѣятеля онъ соединялъ глубоко-вѣрное

пониманіе истинныхъ задачъ бібліотеки; онъ былъ руководителемъ своихъ сотрудниковъ.

„Бібліотека, если она хочетъ быть общественною не только управленію, но и по духу“, говорилъ онъ, „должна стремиться къ возможному широкому удовлетворенію книжныхъ потребностей всего харьковскаго общества; она должна расширить какъ свое общеобразовательное, такъ и научное значеніе; должна считаться со вкусами и потребностями своихъ читателей; не должна брать на себя роли ментора, не должна придерживаться одного какого-либо общественного направленія, такъ какъ, при выработкѣ опредѣленнаго міросозерцанія, важно имѣть понятіе обо всѣхъ остальныхъ. Свободы мнѣній и духа терпимости должна держаться она при расширеніи своихъ научныхъ отдѣловъ“.

Эти глубоко вѣрные взгляды были высказаны Д. И. въ спеціальному докладу о задачахъ бібліотеки, сдѣланному имъ въ общемъ собраніи членовъ бібліотеки по поводу предложенія подчинить выборъ книгъ при ихъ приобрѣтеніи партійной цензурѣ.

Кто присутствовалъ на торжествѣ открытія зданія бібліотеки и слышалъ прочувствованную рѣчь Д. И., тому хорошо извѣстны пожеланія, надежды и мечтанія, высказанныя имъ.

Книги должны выдаваться изъ бібліотеки бесплатно, и для этого она должна быть обезпечена особымъ налогомъ на ея содержаніе и получать бесплатно по одному экземпляру книгъ, выходящихъ въ Россіи. Мѣстный отдѣлъ ея долженъ заключать все, что относится къ югу Россіи и въ особенности къ Харькову; она должна стать областнымъ книгохранилищемъ и превратиться въ цѣлый просвѣтительный городокъ со своимъ собственнымъ общественнымъ книжнымъ магазиномъ и со своимъ журналомъ.

Д. И. называлъ эти перспективы мечтами. Но къ мечтамъ относятся и тѣ идеалы, которые мы ставимъ себѣ въ своей общественной дѣятельности и которые могутъ придавать этой дѣятельности больше силы и энергіи.

Идеалы, которые имѣлъ предъ собою Д. И., работая надъ устройствомъ общественной бібліотеки, и придавали его дѣятельности ту энергію, которая вмѣстѣ и удивляла, и увлекала его сотрудниковъ. Стремленіе хотя до нѣкоторой степени провести въ жизнь эти идеалы красною нитью проходить чрезъ весь періодъ его участія въ управленіи бібліотекою.

Бібліотека учреждаетъ удешевленный абонементъ для бѣднѣйшей части населенія, и этотъ 3-й разрядъ бібліотеки Д. И. называетъ гордостью ея и отговариваетъ его существованіе, когда дѣлается попытка

поднять плату за чтение въ этомъ разрядѣ. Библиотека стремится ити навстрѣчу бѣднѣйшему классу населенія, рабочему люду, не имѣющему возможности ходить въ центръ города за книгами, и для этого она открываетъ филиальныя отдѣленія на окраинахъ.

Она стремится сдѣлаться областнымъ книгохранилищемъ и возбуждаетъ ходатайство о безплатной присылкѣ ей всѣхъ выходящихъ въ Россіи изданій. При ней учреждается мѣстный отдѣлъ. Она идетъ навстрѣчу научной разработкѣ библиотечнаго дѣла и учреждаетъ у себя специальный отдѣлъ библиотековѣднія.

Однимъ словомъ, во всемъ, къ чему стремится библиотека, замѣтно присутствіе въ средѣ ея представителей общественнаго дѣятеля, носителя широкихъ общественныхъ задачъ и идеаловъ.

Взявъ на себя обязанности ректора, Д. И. пересталъ принимать активное участіе въ дѣлахъ общ. библиотеки, но о немъ напоминаетъ въ ней не одинъ только портретъ его, украшающій залу засѣданій; въ ней остался тотъ живой духъ, который онъ сумѣлъ вдохнуть въ это дѣло служенія высшимъ интересамъ общества. Имя Д. И. записано на страницахъ исторіи Харьковской общественной библиотеки. Съ этимъ именемъ связано и начало новой эпохи въ жизни университетской библиотеки.

Громадныя книжныя богатства, собранныя университетомъ и достигающія 230000 томовъ, далеко не играли въ жизни Харькова и даже университета той роли, которую могла бы имѣть большая университетская библиотека, стоящая полъ-милліона. Студенты мало пользовались ею и часто вовсе не заглядывали въ нее, профессора нерѣдко жаловались совѣту, что трудно пользоваться ею.

Много причинъ было такого состоянія библиотеки; но едва-ли не главною было то, что совѣтъ лишь изрѣдка узнавалъ о ея нуждахъ, тогда, когда онѣ достигали уже крайней степени; онѣ росли, оставаясь неизвѣстными совѣту и все болѣе затрудняя ея дѣятельность.

Чтобы поставить библиотеку въ нормальныя условія, совѣту необходимо было хорошо ознакомиться съ ея жизнью. Это было достигнуто лишь въ началѣ новаго столѣтія ея существованія учрежденіемъ постоянной библ. комиссіи.

Въ запискѣ, представленной въ историко-филол. факультетъ по поводу необходимости учрежденія комиссіи и вызвавшей ходатайство факультета, стоитъ первымъ имя Д. И. Багалія.

Съ учрежденіемъ комиссіи, въ составѣ которой находятся профессоръ, любящіе библиотечное дѣло, перекипутъ былъ какъ бы мостъ между совѣтомъ и библиотекою и сразу увеличились заботы о ней.

Д. И. Багалъю вмѣстѣ съ несмѣняемымъ председателемъ комисіи, представившимъ записку, обязана бібліотека тѣмъ, что она перестала быть надчерницей университета, на которую сыпались только упреки, но о которой мало заботились.

О многихъ пущахъ ея узналъ совѣтъ и многія поспѣшили оныя удовлетворить: увеличилось ассигнованіе на выпускъ книгъ, такъ какъ многіе отдѣлы бібліотеки не пополнялись, начался болѣе дѣятельный обменъ диссертациями съ другими учеными учрежденіями, увеличилось число книгъ, выдаваемыхъ студентамъ и стипендіатамъ и проч.

Съ пазначеніемъ Д. И. на постъ ректора, ни одно дѣло, касающееся бібліотеки, не рѣшалось имъ безъ предварительнаго заключенія комисіи, которой предоставлена была широкая инициатива.

Благодаря этому, открылся и главный недостатокъ ея, недостатокъ, которымъ въ равной мѣрѣ страдаютъ всѣ академическія бібліотеки и который тормазитъ ихъ развитіе. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что въ нихъ работаютъ лица, не получившія никакой подготовки къ своему дѣлу. Ошибки, которыя неминуемо вносятъ они въ свою работу, привели къ тому, что наши академическія бібліотеки сдѣлались складами книгъ, мало доступными для пользованія, напоминающими книжныя кладбища.

Бібліотечная комиссія Харьк. университета первая обратила вниманіе на это обстоятельство, и съ какимъ сочувствіемъ отнесся къ поднятому ею вопросу Д. И., видно изъ того, что бібліотекарь университета былъ командированъ въ Петербургъ для доклада обществу бібліотекѣ о положеніи персонала академ. бібліотекъ.

Вопросъ, поднятый бібл. комиссіею Харьковскаго ун-та, внесенъ былъ обществомъ бібліотекѣвъдѣнія на разсмотрѣніе акад. наукъ, разсмотрѣвъ уже ею и направленъ въ другіе университеты и въ комиссію, вырабатывающую университетскій уставъ.

Улучшеніе матеріальныхъ условій службы въ бібліотекахъ для привлеченія въ нихъ знающихъ и опытныхъ людей, предоставленія имъ возможности технической подготовки и съ этою цѣлью учрежденіе каеодръ бібліотекѣвъдѣнія въ двухъ русскаx университетахъ—вотъ мѣры, рекомендуемыя для улучшенія постановки дѣла въ нихъ.

Одну изъ такихъ каеодръ намѣтило Общество бібліотекѣвъдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ, разсчитывая на поддержку своей идеи именно въ томъ университетѣ, представители котораго, съ Д. И. Багалъемъ во главѣ, доказали свое желаніе содѣйствовать развитію бібліотечнаго дѣла, принесли свой трудъ для его развитія, признали не-

нѣобходимость его изученія учрежденіемъ особаго отдѣла библиотекѣдѣніи въ общественной библиотекѣ.

Сто лѣтъ собирали русскіе университеты свои книжныя богатства, какъ бы ожидая прихода читателей; сто лѣтъ стояли эти богатства, оставшись почти неизвѣстными для общества. Далеко шагнули за это время наши культурные сосѣди. Печальныя событія русско-японской войны убѣдили насъ въ этомъ. Пробудилось сознание общества и явилось стремленіе къ высшему знанію. Хлынула за этимъ знаніемъ молодежь въ высшія учебныя заведенія и стала она стучаться въ двери книгохранилищъ. Пришла пора широко открыть эти двери, дать академическимъ библиотекамъ такіе порядки, чтобы онѣ могли удовлетворить самому широкому кругу читателей; но это можетъ быть достигнуто только тогда, когда вмѣсто случайныхъ гостей, временно ищущихъ въ нихъ заработка, въ библиотеки придутъ знающіе и опытные работники, которые будутъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на дѣло служенія тому мношеству, которое ищетъ знанія, какъ на дѣло служенія наукѣ, родни.

Но если для остальныхъ русскихъ академ. библиотекъ подборъ такихъ работниковъ является *pium desiderium*, далекою мечтою, то для Харьковскаго университета эта мечта уже близка къ осуществленію: благодаря почину комиссіи и просвѣщенному взгляду Д. И. Багалѣя, въ нашей библиотекѣ вакантныя должности уже захѣщаются по конкурсу; въ совѣтъ внесено уже предложеніе комиссіи о технической подготовкѣ служащихъ въ библиотеки. Остается другимъ академическимъ библиотекамъ послѣдовать примѣру нашей.

Идея заботы о библиотекѣ Харьковскаго университета, положенная въ основаніе при учрежденіи постоянной библиотечной комиссіи, привела въ результатъ къ заботамъ объ улучшеніи положенія всѣхъ академич. библиотекъ.

Такимъ образомъ, если библиотечное дѣло будетъ поставлено въ Россіи на надлежащую высоту, если библиотекѣдѣніе станетъ предметомъ изученія въ университетахъ, то мы будемъ обязаны этимъ въ значительной мѣрѣ глубоко-вѣрному пониманію высокаго значенія библиотекъ въ жизни общества Д. И. Багалѣемъ и профессорами—его сотрудниками.

Посвятивъ свои научныя труды изученію прошлой жизни нашей родины и главнымъ образомъ ея культурнаго развитія, не могъ не замѣтить Д. И. еще задолго до пробужденія общественнаго сознания, что приближается пора этого пробужденія, что надо приготовить сокровища знанія къ моменту его. И вотъ почему вмѣстѣ съ другими передовыми людьми общества трудился онъ надъ созиданіемъ обществ. библиотеки, и вотъ почему, предвидя важную роль, которую предстоитъ играть академиче-

скимъ б-камъ въ дѣлѣ развитія высшаго знанія въ Россіи, онъ относится съ полнымъ сочувствіемъ къ серьезной постановкѣ библиотечнаго дѣла въ нихъ, ко всѣмъ пожеланіямъ въ этой области.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

УСЛОВИЯ ТРУДА В НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ.

К. И. Рубинский.

Для правильной постановки дела в каждом учреждении, в каждом предприятии нужны соответствующей квалификации работники, и чем выше их знания, подготовка, стаж, чем выше их квалификация, тем выше оплата их труда. Эти требования признавались и признаются во всех отраслях приложения труда, но никогда не соблюдались по отношению к работе библиотечного персонала в научных библиотеках.

Нужно ли говорить о том, как много знаний и опыта нужно иметь библиотекарю научной библиотеки для того, чтобы правильно классифицировать и каталогизировать книги, относящиеся ко всевозможным областям знаний на различных языках. Здесь нужны не одно знание техники библиотечного дела, опытность в нем, но и высокое научное образование и знание иностранных языков.

В З. Европе и Америке библиотечное дело давно уже признано особою специальностью. К нему готовятся, его изучают. Есть кафедры библиотековедения, библиотечные школы. Лица, желающие посвятить себя этому делу, проходят известный стаж, подвергаются испытанию. И благодаря этому библиотеки, особенно научные, находятся в опытных руках.

У нас в дореволюционное время совсем иначе смотрели на службу в библиотеках, и даже в 1911 году, при открытии библиотечного съезда, одному из библиотекарей, Войнич-Сяноженецкому, заведывавшему библиотекою Военно-медицинской академии, приходилось доказывать положение, что библиотечное дело представляет особую специальность, и людям неопытным нельзя поручать ни одной отрасли этого дела в библиотеках.

У нас для поступления на службу даже в научные библиотеки не требовалось ни подготовки, ни стажа, ни опытности, и одному только требованию должны были удовлетворять

библиотекари: от них требовался диплом о получении высшего образования.

Библиотечная работа в общем приравнялась к канцелярской службе.

В зависимости от такого взгляда стояла и невысоко оплата труда библиотекарей в научных библиотеках: заведующий библиотекой (библиотекарь) получал 1.800 р. в год, его помощник — 600 руб.

Служба людей с высшим образованием, обладавших, кроме того, знанием языков, ни в одном ведомстве не оплачивалась такими скромными окладами. Человеку семейному трудно было и в дореволюционное время жить на 50 руб. в месяц.

Поэтому низкая оплата труда служащих в научных библиотеках имела своим последствием, с одной стороны, то, что на службу в них поступали лишь временно, до прискания других занятий, и при первой возможности уходили из них; с другой стороны, кроме службы в библиотеке, служащие вынуждены были прискивать себе другие занятия, отвлекавшие их интересы от библиотечного дела, которому они посвящали лишь столько времени и столько внимания, сколько требовали этого их служебные обязанности. Состав служащих постоянно менялся. Заведующему библиотекой приходилось вести некоторые работы, требующие большой опытности, с новыми служащими, приучая их к делу. Приходилось впоследствии даже понижать требования при приеме служащих и принимать на службу лиц, не имевших высшего образования или достаточного знания языков.

Последствия такого положения дела сказались прежде всего на отношении библиотечного персонала к своему делу.

В научных библиотеках выработалось чисто-формальное отношение к нему. Библиотечный служащий был типичным чиновником 20-го числа.

Персонал служащих распадался на две группы. Одни имели дело только с книгами, выпиской их, регистрацией, классификацией, составлением карточек, подбором их в той или другой системе, другие — с читателем.

В первой группе книга проходила через несколько рук, получала шифр и ярлык и относилась на определенное место книгохранилища, где ее можно отыскивать только по карточкам в зависимости от правильного написания карточки, правильного помещения ее, и вследствие недостаточной опытности служащих частенько бывало, что книгу, которая поступала в библиотеку, не легко было найти читателю по каталогам. Она могла покониться сном праведным, покрываясь постепенно толстым слоем пыли.

Лица, чрез руки которых проходила книга, не старались да и не имели времени, при малочисленности персонала, хоть

бегло ознакомиться с нею. Это и не входило в задачи библиотечного персонала, имевшего дело только с книгой и далеко стоявшего от читателя. Работа его была чисто-механической и действительно напоминала канцелярскую работу, очень приближалась к ней.

Такою же механическою была и работа тех лиц персонала, которые имели дело непосредственно с читателем: она напоминала работу кассира. Выдававшие книги не старались познакомиться ближе с читателем и его запросами. Подав требовательный бланк, он или получал книгу, или слышал стереотипные слова: книги нет, и уходил, потратив лишь время на отыскивание книги по каталогам, стояние в очереди. Заботливого отношения к себе со стороны библиотечного персонала он не мог ожидать.

Такой характер получила работа библиотечного персонала, смотревшего на свое пребывание в библиотеке, как на временное, и имевшего интересы далеко от нее.

Вся тяжесть работы лежала главным образом на заведующем библиотекою и тех немногих его сотрудниках, которые не имели в виду другой карьеры, кроме службы в библиотеке; они были перегружены работой.

При таком положении дела в персонале не могло развиться любви к библиотеке, в которой он служил, к библиотечному делу вообще.

Об изучении техники дела, науки библиотековедения не было, разумеется, и речи.

Последствия такого положения дела персонала, его отношения к работе должны были отразиться на общем состоянии научных библиотек. И действительно, Библиотечное общество, представившее в 1911 году I библиотечному съезду „Записку о мерах, необходимых для улучшения положения научных библиотек“, откровенно заявило о том, что научные библиотеки стали приближаться к типу „книжных кладбищ“ по незначительности размеров своей культурной деятельности. Съезд не опровергал такого мнения общества, так как научных библиотек, которые заботились о том, чтобы наилучшим образом обслуживать читателя, было очень немного. Но зато библиотек, в которых заведующий из сил выбивался, чтобы вести дело хоть сколько-нибудь прилично, было много даже в столицах. Вспомним, кстати, доклад библиотекаря Свентицкого о положении дела в библиотеке Московского технического училища, насчитывавшей всего пятнадцать лет существования и совмещавшей в себе все дефекты, на которые указывали записки общества библиотековедения.

Студенты всюду жаловались на трудность пользования научными библиотеками и предпочитали пользоваться обще-

ственными библиотеками; молодые ученые с большим трудом находили в научных библиотеках литературу, необходимую им для магистерской диссертации. И научные библиотеки, собравшие громадные книжные богатства, не выполняли своего назначения. Их книжные богатства были мертвым капиталом в стране, нуждавшейся в развитии образования, науки.

Библиотечное общество считало необходимым обратить серьезное внимание на подготовку библиотечного персонала, указывало на необходимость учреждения кафедры библиотекосведения и библиографии по крайней мере в двух университетах; но главным условием для привлечения в научные библиотеки опытных работников оно признавало улучшение материальных условий службы, увеличение окладов содержания, пенсии. Оно предлагало такие размеры окладов: заведующему библиотекой — 3.000 руб., помощникам — 1.500 руб., низшим служащим — 600 руб. Жалованье это должно с годами службы увеличиваться: жалованье заведующего через 10 лет увеличивается на 10%, по истечении 15 лет — еще на 20%, жалованье остальных служащих увеличивается на 20% через каждые 5 лет. Жалованье заведующего библиотекою по истечении 15 лет достигает 4.000 руб., его помощников по истечении 20 лет — 2.700 руб.

Съезд согласился с обоими положениями, высказанными в „Записке общества библиотекосведения“: с необходимостью и научной подготовки библиотекарей и улучшения их материального положения. С своей стороны он высказал желание об учреждении постоянных библиотечных курсов для них и об установлении следующих окладов: жалованье заведующего библиотекою — 3.000 руб., помощников — 2.000 руб., младшего персонала — 600 руб.; весь библиотечный персонал получает четыре 10% прибавки через каждые 5 лет, так что через 15 лет жалованье заведующего библиотекою достигает 3.900 руб., его помощников — 2.600 руб. и низшего персонала — 780 руб.

Резолюции съезда отчасти оказали свое влияние при выработке новых штатов для высших учебных заведений. Заведующие библиотеками и их помощники были приравнены к преподавательскому персоналу, и содержание их было повышено. По новым штатам, утвержденным 3 июля 1914 г. (по закону об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных заведениях), полагалось заведующему университетской библиотекой 2.600 руб. и две пятилетние прибавки по 500 руб., старшим помощникам библиотекаря — 2.000 руб. и две пятилетние прибавки по 300 руб., младшим помощникам библиотекаря — 1.500 руб. и две пятилетние прибавки по 250 руб.; в библиотеке Академии Наук: директору библиотеки в дополнение к содержанию Академии

(т.е. к 6.600 руб.)—1.200 руб., библиотекарям—по 2.500 руб. и помощникам библиотекаря—по 2.000 руб. с соответствующими прибавками за пятилетия. Штаты вошли в силу, и три года персонал научных библиотек находился в таких условиях, которые могли бы способствовать улучшению состояния научных библиотек, изменению их каталогов, достижению всех тех задач, которые выяснены были уже на I библиотечном съезде и со всею остротою стоят и теперь пред библиотекарями научных библиотек.

Обеднение государства, вызванное мировой войной, а затем тяжелою гражданской войною и борьбой с интервенцией, отодвинуло на задний план заботу о научных библиотеках. Пред советскою властью стояли более важные насущные вопросы.

Но настало время и научной библиотеке заявить о своих нуждах, тем более, что ей предстоит играть важную роль в подготовке научных работников, граждан, призванных принимать участие в созидании экономического благосостояния страны, ее нового пролетарского строя.

В дореволюционное время пред научной библиотекой стояла сравнительно скромная задача: она должна была главным образом обслуживать людей науки и тех немногих студентов, которые тоже желали посвятить себя научной деятельности. Об остальной массе студенчества ей не приходилось заботиться и она ограничивалась тем, что снабжала их учебниками, по которым они готовились к экзаменам, наскоро вызубривая их; очень немногие студенты являлись в библиотеку и за другими книгами, преимущественно беллетристического содержания. Большинство же студентов узнавало о существовании библиотеки только тогда, когда от них требовалось при выдаче диплома об окончании курса или при отпуске представление удостоверения о том, что книг за ними в библиотеке не числится.

Революция принесла полное изменение задач библиотеки.

Пролетарская молодежь хлынула в научные библиотеки, которые таким образом должны сделаться лабораторией для развития научного образования, своего рода высшею школою.

В ней стремящаяся к знанию молодежь, готовящаяся к трудовой жизни и участию в создании экономического благосостояния страны, ищет не только определенных книг, как было раньше; она ищет в библиотеке руководства, указаний, каким путем идти ей к достижению знания, к разрешению данного ей школою вопроса.

Новое назначение научной библиотеки возлагает на библиотекаря большие задачи. Он не может уже попрежнему ограничиваться механическим исполнением дела. Книгу, которая проходит через его руки, он должен изучить с библио-

течной точки зрения, т.е. прощупать ее, определить ее научную ценность; он должен хорошо ознакомиться со своей библиотекой и знать, что научно ценного имеет уже она. Он должен следить за появлением новых научных трудов, чтобы планомерно пополнять библиотеку и своевременно приобретать все, что понадобится учащимся. Ему необходимо, наконец, находиться в постоянном контакте с высшей школой, с вузами, институтами, техникумами, рабфаками, чтобы знать, какие задания будут давать они учащимся и какие книги потребуются для них в библиотеке.

Он не может уже ограничиться механическим составлением карточек каталога, ему необходимо критически относиться к существующему в библиотеке каталогу, особенно к систематическому, и ввести в нем такие подразделения, которые дали бы возможность читателю не затрачивать много времени на подыскивание литературы по интересующему его вопросу. Новое назначение библиотеки настоятельно требует от библиотекаря составления предметного каталога, так как систематический каталог не может теперь удовлетворять современным требованиям читателя. Составление предметного каталога во всякой научной библиотеке потребует большого труда и знаний от библиотечного персонала.

Идя навстречу современным требованиям читателей, библиотеки каждого культурного центра должны составить общий сводный каталог всех библиотек этого центра и иметь такой каталог в каждой научной библиотеке, чтобы давать указание читателю, где он может найти те книги, которых нет в данной библиотеке.

Читатель может обратиться к библиотекарю с просьбой указать, что следует ему прочитать, кроме тех книг, какие имеются в библиотеке. Это обязывает библиотекаря основательно изучать библиографию и образцово поставить справочный отдел библиотеки.

Механическая выдача книг должна, наконец, уступить место содействию читателю, руководству им. Библиотекарь должен изучать массового читателя, его запросы и нужды.

Ясно, что для того, чтобы библиотека могла руководить чтением в любой области науки, необходимо, чтобы в библиотечном персонале были представители различных отраслей знания, к которым читатель мог бы обратиться за советом и руководством, которые могли бы дать ему в любой момент не только сведения о литературе интересующего его вопроса, но и указание, какую научную ценность имеет каждая отдельная книга.

Совершенно понятно, что, возлагая такие задачи и обязанности на библиотечный персонал, требуя от него и общей библиотечной подготовки, и знания библиографии, и высокого

научного образования, и умения руководить читателем, и интенсивной работы, научная библиотека должна соответственно этим повышенным требованиям обставить и службу персонала такими материальными условиями, чтобы библиотечный служащий, избрав по призванию службу в библиотеке, не был вынужден менять ее на другую службу, не искал занятий на стороне и имел возможность весь свой досуг, все свои силы посвящать своему любимому делу, пополнению своих знаний.

Ему нужен досуг не меньше, чем педагогу, и потому от него нельзя требовать более служебного времени, чем от педагога.

Оплата труда в научных библиотеках должна привлекать в круг библиотечных работников людей знающих и опытных, должна побудить специально готовиться к библиотечному делу, чтобы получить доступ к службе в научной библиотеке.

Что же дает библиотечному персоналу современная оплата труда?

По штатам до 1925 года они получали:

Директор	1.080 р.
Помощник директора	876 „
Старший библиотекарь	660 „
Заведующие отделами	780 „
Библиотекари	600 „
Старшие помощники библиотекаря	528 „
Младшие помощники библиотекаря	480 „
Технический персонал	402 „
Служители	210 „

По новым штатам они будут получать:

Директор	1.344 р.
Помощник директора	1.080 „
Старший библиотекарь	695 „
Библиотекари	660 „
Старшие помощники библиотекаря	516 „
Младшие помощники библиотекаря	468 „
Технический персонал	от 324 „ до 348 р.
Служители	288 „

Ведь это—нищенское содержание, едва достаточное для того, чтобы одинокий человек не умер от голода. Но ведь нельзя же набербовать в научные библиотеки исключительно одиноких людей. Ясно, что и после революции научные библиотеки находятся в таких условиях, при которых служба в них будет лишь временным этапом для приискания другой более выгодной службы или другого дела. Нищенское содержание ставит персонал в необходимость иметь, кроме службы в библиотеке, другие посторонние занятия. Состав служащих будет попрежнему постоянно меняться. Найти другую службу

образованному, да еще и знающему языки, не трудно. Ведь представители других отраслей труда не поставлены в такие тяжелые материальные условия, от них не требуется, чтобы они были обязательно одиночками. Я не говорю уже о синдикатах и трестах, дающих вполне обеспеченное существование высококвалифицированному служащему. Что стоит библиотечному служащему подзаниматься бухгалтерией, чтобы найти себе приличную службу в них. Не только служба бухгалтера, счетовода, требующая не так много знаний, как служба библиотекаря, но даже служба любой машинистки оплачивается лучше библиотечной службы.

Я не позволяю себе определять, какая оплата труда была бы достаточной для привлечения в научные библиотеки людей даровитых, знающих, опытных, которые пожелали бы навсегда посвятить свои силы высокому делу служения на пользу развития науки и научного образования, что так нужно теперь для поднятия производительности труда во всех областях экономической жизни государства.

Моя задача была лишь обратить внимание на этот злободневный вопрос, от быстрого решения которого зависит в настоящее время, как зависело и до революции, будущее русских научных библиотек, правильная постановка в них дела и вместе с тем будущее русского научного образования, русской науки, развития экономической жизни страны.

Будут улучшены материальные условия службы в научных библиотеках—найдутся даровитые люди, которые возьмут в свои руки это важное, до сих пор совершенно заброшенное дело.

Позволяю себе указать, что при выработке тех повышенных ставок, которые были бы возможны при современных экономических условиях Советского Союза, необходимо иметь в виду, чтобы градация в оплате труда соответствовала градации в квалификации служащих, в их стаже, их опытности, тяжести труда, лежащего на них.

Неодинаково продуктивны работы нового служащего и служащего, посвятившего библиотечному делу много лет жизни.

Современная оплата труда не учитывает этого; она не учитывает и тяжести труда низшего технического персонала.

Низший технический персонал—это тоже квалифицированные работники, а между тем их труд оплачивается всего несколькими рублями больше труда служителей.

В Германии они получают специальную подготовку и при поступлении на службу подвергаются испытанию. Лицам низшего технического персонала необходимо иметь общее образование и некоторое знание языков; они должны быть знакомы с системой расстановки книг, принятой в библиотеке. От них требуется большое внимание, большая точность работы,

так как их ошибка может повлечь за собою исчезновение книги на долгое время, пока она не попадет случайно при отыскивании других книг. Наконец, их работа всегда очень интенсивна и утомительна и в этом отношении далеко не похожа на труд служителя. И этот труд оплачивается по ставке от 27 до 32 р. в месяц.

Существующее разделение служащих на категории не соответствует также интересам дела. Более целесообразно было бы разделить их следующим образом:

1. Заведующий библиотекой (директор), его помощник, бухгалтер, секретарь.
2. Заведующий отделом каталогизации, старшие и младшие его помощники.
3. Заведующий журнальным отделом, его помощники.
4. Заведующий залом для чтения, его помощники.
5. Заведующий консультационным отделом, его помощники.
6. Заведующий выдачею книг и его помощники.
7. Технический персонал.
8. Служители.

В Германии, Франции и Англии вопрос о содержании служащих в научных библиотеках и вообще о бюджете этих библиотек был предметом обсуждения высших государственных учреждений. Нет сомнения, что он обратит на себя должное внимание и советской власти.

Чи варто об'єднувати?

З приводу статті т. Годкевича: „Якої бібліотеки потребує столиця“

Київська якось дорікала нам за те, що ми в своєму соціалістичному будівництві зробили щось, а потім переробили, а це гальмує нашу діяльність.

Що сверблячку переробляти та переробляти те, що вже обудовано, помічалося ми по всіх галузях будівництва, а це завжди безупинному посуванню його в напрямку розвитку діяльності, досягнення простої мети в тій чи іншій галузі будівництва. Та чи не час уже нам звернути увагу на нашу безпосереднє завдання?

Розвиток української науки та освіти—одне з головних завдань Радянської влади, бо від цього розвитку залежить розвиток всіх останніх боків соціалістичного будівництва; і в досягненні цього завдання найважливішу роль відіграє діяльність бібліотек, з одного боку, наукових, з другого—політосвітніх. І ті й другі мають цілком визначені мети, методи роботи, потреби. І здавалось би, кожна з таких бібліотек має за свій обов'язок намагатися тільки якомога більше розвивати свою діяльність під захистом держави що розуміє і має важливе значіння й сприяє розвитку. Не треба тільки нам самим, б-рям, відхилятися від простого шляху, що лежить перед нами, не гальмувати своєї роботи, переробляючи те, що вже обудовано.

Таким саме гальмуванням нашої роботи в столиці зв'язується на нашу думку новий проект єднання двох бібліотек—Центральної Наукової та Королівської, з яким доміру виступає т. Годкевич у «Комуністі» 9 вересня.

Що я казати. Коли злити ці дві бібліотеки, ми одержимо в столиці величезну бібліотеку біля 1 міль. томів.

Але чи потрібно-ж це? Чи корисно для держави? Чи викликається це потребами читачів? Чи здійснюється дійсно воно в єдиний організм.

Кожна з цих бібліотек має своїх читачів.

Центральна Наукова має свою категорію їх, наукових робітників. Її книжкове майно пристосоване до цього. Складалося воно поступово на протязі 117 років зусиллями багатьох поко-

лінь вчених колишнього Університету, що стежили за всіма цінними явищами в науковій літературі, особливо закордонній, а набували їх для бібліотеки. І особливо пеклися вони придбати нові капітальні наукові твори, енциклопедію, коштовні атласи, повні комплекти наукових часописів. Центральна Наукова Б-ка на ¼ свого книжкового майна складається з закордонних книжок. За останніх часів її поповнено багатьма новими книжками, потрібними сучасному науковому робітникові.

Очевидно, вона корисна, головним чином, сучасному науковому робітникові й може мати переважно читачів з цієї категорії.

Т. Годкевич ширма каже, що вона не досить доступна трудящим і служить тільки якомусь певним вченню.

Вона доступна кожному читачеві, в тому числі й трудящим. Скільки рофаківців бачить вона серед своїх читачів.

Наукова бібліотека має своїм завданням допомагати розвитку науки.

Вона але знаходить вченому, розшукуючи для нього потрібну літературу, особливо закордонну, з того питання, що цікавить його. Вона має своїм завданням особливо допомагати молодому науковому робітникові, допомагати йому ознайомитися з досягненнями науки, вивчає його потреби й намагається задовольнити їх придбанням потрібної йому наукової літератури, поширюючи діяльність свого довідкового б-ра, вона має за мету дати йому вказівки, яка література потрібна йому з того чи іншого наукового питання.

Вона не намагається бути всеобсяжною,—та таких бібліотек і немає на світі,—вона витрачає свої кошти доцільно, набуваючи по змозі всі книжки, потрібні сучасному науковому робітникові, щоб стояти на потрібній їй височині. Але вона може допомогти читачеві інакше, вказівками, де, в якій саме науковій б-ці Харкова знайде він потрібну йому літературу. І аргументом таким об'єднаним осередком—ось головніше її завдання. За допомогою своєї Рад, що складається з представників усіх нау-

ковні закладів, усіх дослідних катедр, вона може досягти цієї мети.

Чи корисно-ж такі наукові бібліотеки приєднання до Королівської бібліотеки. Бібліотека ім. Короленки теж дуже гарна й в ній багато цінних російських книжок наукового змісту. Але, набувачи їх, вона завжди мали на увазі не вченого, а масового читача. Запорядники наукових книжок, як і часописів наукового змісту в ній обмаль. Придбавши таке книжкове майно, ХІІІБ одержить не багато тих книжок, що їй бракує, а дуже багато дублетів російських книжок.

Майже в такій мірі корисно й Королівський 6-ці книжкове майно Наукової. Правда, серед її читачів багато й студентів, але від цього предявляння кіліястість їх не збільшиться.

Таким чином і після об'єднання бібліотек, можна з них мати свої читачів, до яких вони мають ставитися по різному. Коли ХІІІБ має на меті допомогти науковому робітнику, Королівського, головним чином, має політосвітні завдання з однінними од наукової бібліотеки методами вичення читача, стеження за його розумовим розвитком, вивчення книги, потрібної йому.

З'єднані до купи, вказані дві бібліотеки існуватимуть і працюватимуть окремо, бо повного злиття їх не може й бути. Їх об'єднуватиме тільки спільне призначення.

Книжкове майно одної з другої бібліотеки стоятиме окремо, бо розташовано воно в різних системах; каталоги те-ж, бо з'єднати їх ніяк не можна: через їхні не однакові розміри. Їм потрібні окремі зали для читачів, бо науковий робітник не зможе працювати в тих умовах, в яких працює політосвітний, а саме, коли на естраді стоїть цілий натовп читачів, що чекають на книги в підчас голосно висувають од нетерпелички; потрібні їм і окремі зали для абонементів, бо одній 6-ці треба провадити політосвітну роботу, а в другій читачеві обмаль того, що йому розшували книжку; він сам переглядає, чи знайде в ній те, що йому треба. Нарешті ті й другі 6-ці потрібні робітники, підготовані по різному.

А хіба-ж нема іншого засобу об'єднати їхню діяльність, створивши зводні каталоги,

тісний щоденний зв'язок поміж двома бібліотеками тим чи іншим засобом їхнього сполучення: телефоном, пересуванням книжок, із запитань читачів, із однієї бібліотеки в другу? Аджеж так роблять по інших огнищах освіти. Закон диференціації це вчальний закон розвитку життя, в тому числі й життя суспільства.

Вплив цього закону ми помічаємо, наприклад, в кооперації. Сільсько-господарська кооперация об'єднувалася спочатку в «Сільському Господарстві», але потім довелося ж від нього одділити в окремі самостійні одиниці, що мають свої окремі завдання, методи роботи,—добробут, плідосілку, укркожспосецію, кооптах. Диференціяція, для того, щоб окремі галузі не вважали одна однієї, йде в кооперації й далі.

Для того щоб поширити діяльність 6-к, не об'єднують дві чи три бібліотеки в одну, а навпаки, щоб найбільше обслуговувати читачів, одокремлюють від даної бібліотеки—філії в різних частинах міста або цілі відділи в особисте призначення. Так робила раніш таперішня Королівська бібліотека; в ній були філії. Так зробила вона, щоб поширити діяльність свого дитячого відділу. Одержуючи книжки разом із дорослими, діти своїм галасом, метушню вважали службовцям 6-ки звертати, як слід, увагу на політосвітну роботу в дорослих; з другого боку,—дорослі відтягали увагу персоналу від політосвітної роботи з дітьми. Чи не буде того ж, якщо об'єднати наукову бібліотеку з політосвітною, з роботою об'єднаної 6-ки відносно обох категорій читачів?

Таке з'єднання було би кроком назад, а не кроком уперед у розвитку бібліотечної справи на Україні.

Політосвітна робота дуже важлива річ, але й потреби вченого суспільства, трудящих, що працюють на користь української науки, не менш важлива для Держави. І не дарма вона на першому ж кроці свого пеклування про розвиток бібліотечної справи звернула увагу на це і, підтримуючи Королівську 6-ку, що стала Державною, створивши районні бібліотеки, створила одночасно й Центральну Наукову для всіх, що працюють над розвитком науки на Україні, визнаючи, що їм потрібна окрема бібліотека, що пектувалася би тільки про

Що до змоги вистіти в колишні університетські будівлі в Центральну Наукову б-ку в Королівську, то в тут т. Годкевич дуже поспішається. Книгосховища ХЦНБ переповнені; їм потрібне таке ж збільшені нове книгосховище, яке вона має, щоб розташувати своє нагромаджене книжкове майно. Королівська теж має потребу в новому книгосховищі, ось, коли її перемістити в одну з тих будівель, що їх вказує т. Годкевич, то через їхнє швидке зростання за якийсь десяток років чи не виникне для держави питання: а що ж робити далі? як поширити приміщення обох бібліотек? Нам здається, що думка т. Годкевича зби в Харкові, столиці України, де стільки вчених сил, отільки молоді, що прагнуть присвятити себе вивченню науки, не треба окремої центральної бібліотеки, думка парадоксальна, що не має під собою ніякого ґрунту. Ми переконані в тому що жоден з читачів ХЦНБ познайомившись з її скарбами не поділяв би цієї думки.

Досить заглянути в звіт цієї б-ки щоб переконатись, що вона потрібна, дуже потрібна професорам і студентам Харкова, замість того, щоб і на бібліотечній справі виправдати те, за що нарікає нам Крупська, бо колись може з'явиться думка й про роз'єднання цих бібліотек, замість того, щоб витратити кошти на з'єднання двох бібліотек, — а це вимагатиме багато витрат. Чи не доцільніше-б було повернути ці кошти на придбання книжкового майна для цієї й другої б-ки, на задоволення тих потреб, що їх багато мають вони, наприклад, створення зводного каталогу їх.

Т. Годкевич доводить свою думку про можливість з'єднання в одному приміщенні Наукової та політосвітньої б-к тим, що такі з'єднання існують по деяких містах закордоном, і перелічує ці міста.

Розмір статті не дозволяє нам зупинитися на цьому питанні. Ми поговоримо з ним із приводу цього на сторінках газети окремо.

Коли-б держава ухвалила т. Годкевичів проєкт, вона побавила б і Королівську, і Наукову б-ку тих якостей, що являють їхню головнішу цінність, тих вигод, що надають вони своїм читачам, існуючи окремо.

Чи не краще-ж їм залишатися так, як вони існують, окремо й виконувати своє просте призначення?

Ні, товаришу, Ваш проєкт шкідливий, шкідливий тому, що Ви хочете дати такий напрям бібліотечному будівництву, що вимагатиме від неї багато витрат на перевозку книжкового майна Королівської б-ки, устаткування в новому приміщенні нерухомих залів, шафів, що їх вона має. А користі від цього для держави не буде ніякої.

Ви хочете заклопотати голову бібліотекарів двома великими бібліотек зайвою справою, відтягаючи їх од тих завдань, що їх багато вони мають

Ось коли б Ви, замість цього і державі й бібліотекам, та не тільки їм дром, а всім науковим б-кам столиці, порадили не відкладати думки про зводний каталог, у цьому ви спазнали б повне співчуття з боку всіх бібліотекарів Харкова, бо це було б об'єднанням діяльності харківських бібліотек.

К. Рубинський.

Жизнь К. И. Рубинского в фотографиях

Константин Иванович Рубинский

[1905 г.]

Здесь начиналась история университетской библиотеки
и Харьковского университета. Университетская горка (1805 г.)

Здание библиотеки (1902 г.). Архитектор В. В. Величко

Сотрудники К. И. Рубинского (1894–1922)
(библиотекари, помощники библиотекаря)

Яков Осипович Бялясный
библиотекарь (1856–1895)

Константин Иванович Рубинский
библиотекарь (1900–1922)

Александра Николаевна Альховская
директор ЦНУБ (1923–1933)

Макарий Лукич Семенчинов
помощник библиотекаря (1873–1886)

Василий Иванович Федосеев
помощник библиотекаря (1885–1906)

Анриан Матвеевич Кириллов
помощник библиотекаря (1883–1910)

Дмитрий Петрович Миллер
помощник библиотекаря (1895–1914)

Виктор Александрович Барвинский
помощник библиотекаря (1915–1918)

К. И. Рубинский (в центре) с группой сотрудников университета [1909 г.]
(из семейного архива А. К. Рубинской)

Читальный зал университетской библиотеки. В зале работают: профессор Д. И. Багалей,
библиотекарь К. И. Рубинский, профессора М. Г. Халанский, Н. Ф. Сумцов (1905 г.)

**Учредители и члены Общества библиотековедения
(Санкт-Петербург). Участники Первого Всероссийского съезда
по библиотечному делу (1911 г.)**

Владимир Эммануилович Банк
библиотекарь Имп. Публичной библиотеки

Федор Густавович Беренштам
библиотекарь Имп. Академии художеств

Богдан Степанович Боднарский
библиограф, библиографовед

Александр Исаевич Браудо
историк, библиограф, библиотекарь
Имп. Публичной библиотеки

Михаил Яковлевич Вил'ние
академик, член-основатель
Общества библиотековедения

Эдуард Александрович Вольтер
библиотекарь Имп. Академии наук

Борис Петрович Гушин
библиотекарь Института
инженеров путей сообщения

Константин Николаевич Дерунов
библиотечный деятель, библиограф,
историк

Евгений Наркисович Добржинский
библиотекарь Политехнического
института

Карл Германович Залеман
академик, директор II отд.
библиотеки Имп. Академии наук

Антон Иеронимович Калищевский
библиотекарь Имп. Московского
университета

Андрриан Матвеевич Кириллов
библиотекарь Имп. Томского
технологического института

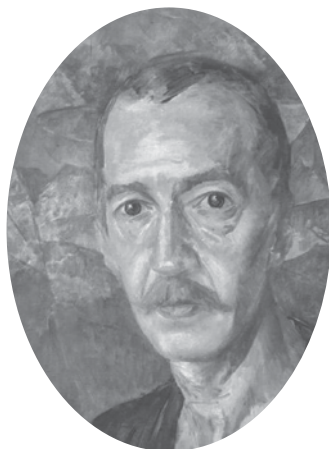
Дмитрий Фомич Кобеко
директор Имп. Публичной библиотеки

Николай Михайлович Лисовский
библиограф, книговед

Николай Петрович Лихачев
помощник директора
Имп. Публичной библиотеки

Сергей Дмитриевич Масловский
библиотековед, библиограф,
библиотекарь Николаевской
военной академии

Дмитрий Петрович Миллер
помощник библиотекаря
Имп. Харьковского университета

Александр Алексеевич Покровский
библиотеквед, библиограф

Екатерина Федоровна Проскурякова
библиотекарь Имп. Вольного
экономического общества

Константин Иванович Рубинский
библиотекарь Харьковского
университета

Макарий Лукич Семенчинов
библиотекарь Харьковского
Имп. технологического института

Иван Иванович Толстой
граф, председатель Общества библиоте-
коведения (1907–1917), археолог

Торопов Андрей Дмитриевич –
книговед, библиограф, основатель Русского
библиографического общества при Москов-
ском университете (1889 г.)

Алексей Александрович Шахматов
академик, директор I отделения
Библиотеки Имп. Академии наук

Общий вид главного здания Технологического института,
где проходил Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу (1911 г.)

Интерьер зала библиотеки
Технологического института
(1911 г.)

Памятник В. Н. Каразину – основателю
Харьковского университета
и университетской библиотеки –
у здания ЦНБ (1952 г.)

Сотрудники ЦНУБ. В центре – **К. И. Рубинский** и **А. Н. Альховская** (1923 г.)
(из семейного архива А. К. Рубинской)

К. И. Рубинский с женой
Евдокией Сергеевной [1916 г.] (из семейного
архива Т. П. Тарариной г. Москва)

К. И. Рубинский
старший помощник библиотекаря
(1924 г.)

Новое здание университета. Здесь размещена
Центральная научная библиотека (1956 г.)

Компьютерный зал (2006 г.)

Читальный зал университетской библиотеки (2006 г.)

Первые чтения памяти К. И. Рубинского (1996 г.). Справа налево: директор ЦНБ Э. В. Балла, зам. директора И. А. Гуменюк, дочь К. И. Рубинского – А. К. Рубинская, внучка К. И. Рубинского – Л. А. Игошина, гл. библиограф Н. М. Березюк

Первые чтения памяти К. И. Рубинского (1996 г.). Выступает дочь К. И. Рубинского – Антонина Константиновна

Презентація книги «Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет»

Международная конференция, посвященная 200-летию ЦНБ. Театрализованное заседание первого Совета университета, на котором был избран первый библиотекарь Я. Я. Белен де Баллю. В роли В. Н. Каразина – нар. арт. Украины А. Ю. Рубинский; Я. Я. Белен де Баллю – проф. С. М. Куделко; члены Совета – преподаватели исторического факультета

Алексей Юрьевич Рубинский

Лауреаты премии имени К. И. Рубинского (1995–2007)

Михаил Григорьевич Швалб
зав. сектором (1995 г.)

Вера Карапетовна Мазманьянц
почетный лауреат (1995 г.), ветеран ЦНБ

Борис Петрович Зайцев
доцент (1995 г.)

Рахиль Абрамовна Ставинская
почетный лауреат (1997 г.), ветеран ЦНБ

Сергей Михайлович Куделко
доцент (1997 г.)

Валентина Денисовна Прокопова
зав. отделом (1997 г.)

Нина Михайловна Березук
главный библиограф
(1999 г.)

Сергей Иванович Посохов
доцент (1999 г.)

Владимир Иванович Кадеев
профессор (2001 г.)

Лариса Георгиевна Богатырева
зав. отделом (2001 г.)

Илья Иванович Залюбовский
член-корр. НАН Украины, председатель
Библиотечного совета (2006 г.)

Наталья Владимировна Аксенова
доцент (2007 г.)

Ирина Казимировна Журавлева
заместитель директора
(2006 г.)

Светлана Борисовна Глибицкая
главный библиограф (2007 г.)

Содержание

От автора.....	3
Основные даты жизни и деятельности К. И. Рубинского.....	7
К. И. Рубинский: библиотекарь, библиотековед, библиограф (1860–1930)	10
Начало	12
Годы учебы. Харьковский университет	13
Первый педагогический опыт	14
Возвращение в Харьков. Трудное начало: К. И. Рубинский – помощник библиотекаря	17
Библиотекарь Императорского Харьковского университета	21
К. И. Рубинский – первый историограф университетской библиотеки	26
Знакомство с опытом европейских библиотек.....	29
К. И. Рубинский и Общество библиотекосведения.....	35
«Культурная роль библиотеки и задачи библиотекосведения»: публичная лекция К. И. Рубинского	37
Первый профессиональный журнал «Библиотекарь». К. И. Рубинский о проблемах академических библиотек	42
Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу: доклады К. И. Рубинского	50
К. И. Рубинский – первый советский директор университетской библиотеки	74
Библиотека без alma mater	77
Неприятие новых требований: отстранение от руководства библиотекой.....	80

В борьбе за целостность библиотеки.....	85
И снова о положении библиотекаря: последняя публикация.....	91
Социальная и личная драма библиотекаря.....	98
Послесловие.....	103
Воспоминания дочери К. И. Рубинского Антонины Константиновны Ляш-Рубинской (1912 – 2003).....	103
Библиографический указатель.	
Труды К. И. Рубинского и литература и нем	109
Именной указатель к библиографии.....	163
Псевдонимы К. И. Рубинского	169
Принятые сокращения.....	169
К. И. Рубинский о библиотеке и профессии библиотекаря	170
Приложения (репринтные издания)	
«Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас»	176
«Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения» ..	211
«Причины неустройства наших академических библиотек»....	243
<i>Доклады, прочитанные на публичных общих собраниях</i> «Положение библиотечного дела в России и других государствах».....	252
«Библиотечная комиссия в академических библиотеках»	266
«Значение Д. И. Багалая в истории библиотечного дела».....	279
«Условия труда в научных библиотеках».....	287
«Чи варто об'єднувати?»	296
Жизнь К. И. Рубинского в фотографиях.....	299

Науково-публіцистичне видання

Березюк Ніна Михайлівна

**К. І. Рубинський:
бібліотекар, бібліотекознавець,
бібліограф (1860–1930)**

(Рос. мовою)

Комп'ютерний набір, сканування: С. С. Богданова, О. І. Тимченко
Комп'ютерна верстка: Резніков С. О., Проскурова Д. С.

Підписано до друку 2010 р. Формат 60х84 ¹/₁₆. Папір офсетний.
Гарнітура Baltica. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 20.
Обл.-вид. арк. 21.82. Наклад 200 прим. Замовлення № 2

Приватний підприємець Тимченко Андрій Миколайович
61124, Україна, м. Харків-124, а/с 2249
Тел.: (057) 755-38-10
www.tpg.in.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 1850 від 21.06.04 р.

Віддруковано відповідно до якості наданих діапозитивів у друкарні
ФОП Тимченко А. М. т. (057) 755-38-10